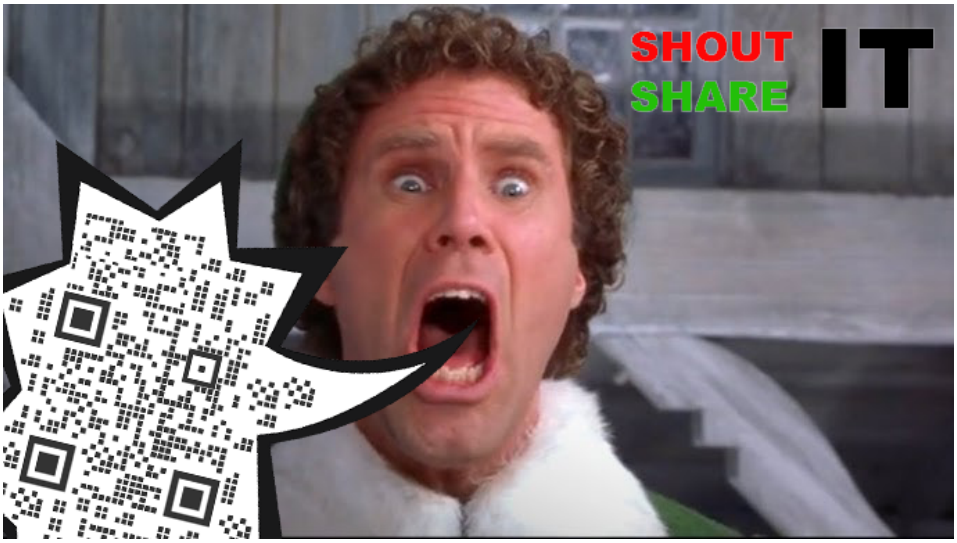
Романовы: семейная сага русских царей

Михаил Пазин

Романы Романовых

Две великие страсти — власть и любовь

ПИТЕР


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Личная жизнь представителей династии Романовых по драматизму сюжетных коллизий и сочности деталей мало в чем уступает излюбленной историками жизни французских Людовиков того же времени. Романовы были живыми людьми – они влюблялись, женились, плели любовные интриги, заводили любовниц и фаворитов, рождали незаконнорожденных детей, ненавидели и страдали. В общем, предавались простым земным страстям. По понятным причинам все это было скрыто под покровом тайны. Об этих малоизвестных фактах из истории дома Романовых и пойдет речь в книге. Это будет непрерывная цепь любовных историй, приключений и интриг!

Книга также издавалась под названием «Неофициальная жизнь Романовых. Царский декамерон».

- Михаил Пазин
  -
  - Введение
  - Глава I. Эпоха царей
    - Царь Михаил Федорович. Роковые сладости
    - Царь Алексей Михайлович. Тугие косы и подметные письма
    - Царь Федор Алексеевич. Влюбленный реформатор
    - Царевна Софья Алексеевна. Софья Премудрая
    - Царь Петр I Алексеевич. Дракон Московский
  - Глава II. Эпоха фаворитов
    - Императрица Екатерина I. Марта Жаворонкова
    - Императрица Анна Иоанновна. Кондиции и амбиции
    - Правительница Анна Леопольдовна. Нетрадиционные отношения
    - Императрица Елизавета. Веселая царица
    - Императрица Екатерина II. Русская Мессалина
  - Заключение

Михаил Пазин
Романы Романовых

© ООО «Питер Пресс», 2007

Введение

Династия Романовых правила Россией более трехсот лет. И если об общественной деятельности членов Дома Романовых мы знаем достаточно, то об их личной жизни – практически ничего, разве лишь то, что у Екатерины II было много любовников. Как правило, Романовы предстают перед нами в образе безгрешных политиков, великих военачальников и умных государственных деятелей. Помните фильм С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли», в котором прямо-таки обожествляется персона Николая II?

Между тем Романовы были обыкновенными людьми – они влюблялись, женились, прелюбодействовали, заводили себе любовниц, имели связи на стороне (от этих связей нередко рождались дети-бастарды), плели любовные интриги, венчались вопреки законам Империи и вели предосудительный образ существования. Однако интимная сторона их бытия была скрыта от постороннего взгляда, а папарацци и «желтой» прессы тогда не существовало. Скандальные подробности личной жизни членов клана Романовых не разглашались, а уж тем более не афишировались.

Первые русские цари из династии Романовых были благочестивыми и тихими людьми, они стремились жениться по любви, но зачастую их привязанности разбивались о боярские интриги. Например, известно, что невест Михаила Федоровича и Алексея Михайловича бояре всячески оговаривали, даже пытались отравить: бедные девушки становились заложницами борьбы боярских кланов за влияние на царя. Михаил Федорович еще хоть как-то пытался отстаивать свое право на счастье, а Алексей Михайлович покорно шел на поводу у бояр и верил во все, что они говорили о его избраннице. Эту боярскую традицию нарушил царь Федор Алексеевич – он женился по собственному выбору, по любви, но его супруга вскоре умерла при родах. Федор женился вновь, однако и сам прожил недолго.

Потом к власти пришла царевна Софья, чье правление – уникальное явление в русской истории XVII века. Женщина на русском престоле – к этому страна еще не была готова. Однако она успешно процарствовала целых семь лет вместе со своим любовником князем Голицыным – первым фаворитом на Руси. Однако смена фаворита сгубила Софью.

Петр I тоже в этом плане был уникальным человеком. У него было множество любовниц (одна из них стала императрицей Екатериной I) и еще больше внебрачных детей, количество

которых доходило до ста. Со своими женщинами Петр обращался грубо, даже известен случай, когда он казнил свою бывшую пассию. Страшный был человек…

Екатерина I тоже не отличалась добродетелью; помимо любовников, которые у нее были до Петра, она наставляла ему рога со случайными мужчинами во время частых отлучек царя. Была у нее и одна неслучайная интрижка с Виллимом Монсом – за нее любовник царицы поплатился головой.

Время царствования Анны Ивановны – жуткое для России время. Она правила при помощи своего фаворита-любовника Бирона, выжимавшего из страны все соки. Однако эти двое по-настоящему любили друг друга, ведь Бирон стал любовником безвестной курляндской герцогини еще до того, как она воцарилась.

Мало кто знает, что мать императора-младенца Ивана VI, Анна Леопольдовна, ставшая регентом при малолетнем сыне, была лесбиянкой и эксгибиционисткой. Вместо фаворита у нее была фаворитка, и она любила загорать голая у всех на виду. За что, в числе прочего, ее и скинули с престола.

«Веселая царица» Елизавета, дочь Петра I, так же, как и отец, страдала эпилептическими припадками. А как известно, эпилепсии нередко сопутствует гиперсексуальность. Елизавета Петровна начала свою интимную жизнь в 14 лет. Став императрицей, она завела себе любовника – певчего из украинской сельской церкви Разумовского, которого потом променяла на аристократа Шувалова. В конце жизни Елизавета меняла любовников, как перчатки.

Количество любовников Екатерины II вообще не поддается никакому учету, считается, что их было не менее 80. На Западе ее называли русской Мессалиной, по примеру жены римского императора Клавдия, у которой было множество половых партнеров. Мессалина была больной женщиной и страдала нимфоманией – невозможностью полного сексуального удовлетворения. Этой же болезни была подвержена и Екатерина II; порой, чтобы достичь оргазма, ей приходилось по шесть раз в день ложиться в постель с мужчинами. Отсюда и частая смена партнеров – редко кто ее удовлетворял полностью. Зато ее фавориты были выдающимися личностями, внесшими свой вклад в историю, – один Григорий Потемкин чего стоит.

В общем, амурные похождения многочисленных представителей семейства Романовых – история захватывающая и интересная. Однако эта книга не столько о плотских наслаждениях, сколько о Любви – любви яркой, необычной, порой драматичной, но вместе с тем и кристально чистой, светлой и,

как всякая любовь, непростой. О ней-то в первую очередь мы и постараемся рассказать.

Глава I. Эпоха царей

Царь Михаил Федорович. Роковые сладости

Михаил Федорович снял очки, отложил в сторону Библию, задул свечу и, улегшись поудобнее на постели, погрузился в сладкую дрему, вспоминая прошлое. Время от времени он ощущал сильные рези в животе, но целебный отвар, выпитый на ночь, действовал успокаивающе. Наконец боль совсем прошла, а вместе с болью отлетела и душа первого царя России из династии Романовых. Ему было всего 49 лет. О чем же вспоминал перед смертью Михаил Федорович?

А вспоминал он вовсе не о том, как в юные годы по приказу Бориса Годунова очутился в заточении в Белоозере, будучи разлучен с родителями; и не о том, как оказался в заложниках у поляков, захвативших Москву во время Смуты: там-то он и подорвал свое здоровье; не о том, как его, шестнадцатилетнего юношу, Земский Собор избрал на Царство, как поляки, узнав об избрании, вознамерились убить его; как, укрывшись за толстыми стенами Ипатьевского монастыря, он ждал неминуемой гибели, но его спас староста Иван Сусанин. Вспоминал Михаил

Федорович о той единственной и ненаглядной, о своей первой любви – Марии Хлоповой.

Находясь в ссылке, Михаил познакомился с племянницей их охранника Марией Хлоповой. Ее дядя хорошо относился к ссыльным Романовым, помогал, чем мог. Их дети всегда играли вместе – зимой катались на санках, лепили снеговиков, кидались снежками; летом ходили за грибами и ягодами, купались в реке, играли в лапту и салки. Михаил с восхищением наблюдал за бойкой хохотушкой Машенькой, у которой был румянец во всю щеку и задорно блестели глаза, а весь облик выражал неподдельное веселье.

В 1616 году, когда Михаилу исполнилось 20 лет, ближние бояре вознамерились его женить. По правде сказать, в его годы он был уже переростком для женитьбы – на Руси венчались рано, рано и умирали, но государственные обязанности не позволяли сделать этого раньше. Страна лежала в разрухе после великой Смуты и польско-шведской интервенции. И только когда дела в России мало-помалу пошли на лад, настал черед женить царя.

Сердце Михаила уже давно было отдано Марии, и потому за выбором невесты дело не стало – ею стала именно она, подружка мальчишеских лет Михаила, дочь московского дворянина из незнатной семьи Мария Ивановна Хлопова. От остальных претенденток на руку и сердце царя ее отличали необычная красота и стать, да и сам Михаил со всей горячностью юношеского сердца полюбил ее. Состоялось обручение. Как будущую супругу ее поселили в кремлевском теремном дворце и по обычаю того времени дали новое имя – Анастасия, в память об умной и добросердечной первой жене Ивана Грозного. Она и была такой – открытой и искренней, доброй и очень неглупой. Избранницу царя теперь стали упоминать в богослужениях. О предстоящем бракосочетании бирючи оповестили все государство. Во дворец вместе с царской невестой перебрались ее мать и бабушка, а отец и дядя стали ежедневно, на правах будущих родственников, ходить к ним.

До назначенного дня свадьбы было далеко. Михаил изнывал от любовного томления – ему хотелось постоянно быть рядом со своей избранницей, держать ее за руку, говорить о своих чувствах к ней, не говоря уже о большем. Однако обычаи того времени не позволяли этого: до свадьбы – ни-ни. Но, внезапно настала беда – ненаглядная Маша неожиданно заболела, у нее открылась частая рвота. Ее «рвало и ломало нутро, и опухоль была». Доложили царю, тот немедленно прислал к Марии придворных лекарей, которые осмотрели ее и назначили лечение, хотя точная причина болезни не была установлена. Надзирать за докторами поручили

двоюродным братьям Михаила Федоровича – Борису и Михаилу Салтыковым. Но состояние Марии не улучшалось, и Салтыковы рапортовали царю, что болезнь ее очень опасна, препятствует деторождению, и поэтому Хлопова не может стать его женой. Да еще что Хлоповы якобы нарочно скрыли «порчу» девушки, для того чтобы занять ведущее место при дворе.

Делать нечего. Погоревал Михаил Федорович, да и повелел созвать Земский Собор, чтобы решить судьбу его любимой Машеньки. Ведь деторождение – дело серьезное, царица должна обязательно родить наследника «мужеска полу». Благодаря усилиям братьев Салтыковых Земский Собор решил, что «царская невеста к государственной радости не прочна», и ее было решено отослать от царского двора подальше. Марию Хлопову выселили из теремного дворца, где она прожила всего шесть недель, и поместили в Москве у ее бабки Феодоры Желябужской. Дней через десять последовал новый указ: Марию вместе с бабкой, теткой и двумя дядьями сослать в Тобольск, разлучив с отцом и матерью. Правда, отцу Маши, Ивану Хлопову, царь, продолжая питать нежные чувства к несчастной девушке, пожаловал воеводство в Вологде.

Михаил не забывал свою нареченную: с определенного момента участь Хлоповых была облегчена. Сначала семью переселили в Верхотурье, где они прожили около года, а на Рождество 1620 года последовал царский указ о переводе их в Нижний Новгород. Прошло три года. Неожиданно, к радости Михаила и всей родни, из польского плена вернулся отец царя – патриарх Филарет (в миру – Федор Романов). Михаил все еще продолжал любить свою ненаглядную Машеньку, о чем откровенно признался отцу. Филарет знал о расстроенной свадьбе сына и странной болезни невесты, а потому повелел учинить официальное следствие по этому делу. Он искренне желал сыну семейного счастья. В результате перекрестных допросов лекарей, пользовавших Марию, и братьев Салтыковых вырисовалась следующая картина. Оказывается, еще тогда лекари выяснили причину открывшейся рвоты у Марии Хлоповой – чрезмерное употребление сладкого. Видимо, бедная девушка дорвалась до сластей в царском дворце, поскольку в доме своих родителей ее ими не потчевали. Относительно деторождения лекари заявили Салтыковым, что «плоду и чадородию» от этого «порухи не бывает». Но Салтыковы повернули дело таким образом, что царская невеста была признана неизлечимо больной. Братья Салтыковы сознались на допросе, что боялись усиления семейства Хлоповых при дворе, а потому и решили оклеветать несчастную Марию. Они опасались, что неизбежное влияние

клана Хлоповых на молодого Михаила скажется на их собственном положении. Особенно им не нравилось поведение ее дяди – Гавриила Хлопова, бойкого и умного боярина, который был сослан вместе с Марией. Позицию Салтыковых разделяли многие другие бояре – братья просто стали исполнителями их воли.

После того как вскрылась истина, в Нижний Новгород нагрянула целая докторская комиссия во главе с боярином Ф. И. Шереметевым, и Марию признали вполне здоровой! Братьев Салтыковых за их коварство и за то, что они «государской радости и живота учинили посмешку», удалили от двора и сослали в их вотчины.

Пока шло все это разбирательство, Михаила было решено женить на какой-нибудь иностранной принцессе. Выбор пал на Данию, но датский король отказался даже принять царских послов. Тогда снова решили выбрать кого-нибудь из своих, о чем и сообщили Михаилу Федоровичу. На это предложение последовал ответ уже возмужавшего, все еще влюбленного человека: «Обручена мне царица, кроме ея не хочу взять иную». Патриарх Филарет, видя непреклонность сына, уже готов был вернуть ни в чем не повинную Марию Хлопову в Москву и благословить этот брак, но неожиданно против этого выступила мать Михаила – инокиня Марфа. Она решительно заявила, что покинет Московское царство в случае женитьбы сына на Хлоповой! Марфа Ивановна тоже пребывала в плену амбиций и боялась усиления незнатных дворян при дворе. К тому же она была обижена опалой своих племянников, братьев Салтыковых.

Так судьба Марии Хлоповой была решена окончательно. Ей приказали оставаться жить в Нижнем Новгороде на дворе Козьмы Минина (того самого!), где она и оставалась до самой своей смерти в 1633 году. Так закончилась жизнь девушки, которая была виновата лишь в том, что проявляла неумеренную тягу к сладостям.

Вот о чем вспоминал в свои последние часы Михаил Федорович. Потом, в 1624 году, была женитьба на Марии Долгоруковой, которая на следующий день после свадьбы занемогла и, проболев три с лишним месяца, умерла. Ходили слухи, что ее отравили. Вероятно, яд подмешали в белила или румяна, которыми пользовалась царица. Такой способ расправы с царскими женами был известен давно. От такого же яда погибли Елена Глинская (мать Ивана Грозного) и Марфа Сабурова (вторая жена этого царя). Заметим, что никакого официального расследования по этому поводу не проводилось. Кому-то это было не выгодно.

Через год царю представили на выбор 60 красавиц. Ему не приглянулась ни одна из них, а свой выбор он остановил на служанке одной из претенденток – Евдокии Стрешневой. Она-то и стала русской царицей – скромная, доброжелательная и далекая от борьбы боярских кланов и семейных интриг. На этот раз семейная жизнь Михаила Федоровича оказалась счастливой. Супруги родили десятерых детей, один из которых, Алексей, стал следующим царем из династии Романовых. Они и умерли почти одновременно, в июле и августе 1645 года.

В молодости Михаил Федорович был здоровым и крепким – в одиночку ходил с рогатиной и ножом на медведя, но с 1637 года страдал болезнью ног (они опухали от цинги), стал близорук и носил очки. Весной 1645 он заболел какой-то желудочно-кишечной болезнью и умер в начале одиннадцатого часа ночи аккурат в день своего рождения. Его кончина была тихой: Михаил умер, «яко неким сладким сном усне». Опять роковые сладости…

Царь Алексей Михайлович. Тугие косы и подметные письма

Девушки спали. В горнице было темно, лишь возле образов тихо потрескивали лампады. Вдруг на пороге появились мужчины, стали ходить вдоль кроватей, занятых спящими красавицами, и рассматривать, как они спят, обмениваясь многозначительными жестами и взглядами. Одним из них был царь Алексей Михайлович, другим – его личный врач. Царь искал между ними свою будущую супругу – «жену, способную стать утехою своему господину». Наконец выбор был сделан…

Алексей Михайлович хоть и был прозван «Тишайшим», но тихим и робким никогда не был. Он был добрым, незлопамятным, временами мягким, а временами и строгим человеком, хотя мог вспылить и прогневаться. На его долю пришлись и жестокие русские бунты, «бессмысленные и беспощадные», как Соляной и Медный, и подавление восстания Стеньки Разина, и Раскол в Русской Православной Церкви, и долгая война с Польшей за обладание Украиной, и скоротечная война со Швецией, в которой он лично принимал участие.

На престол Алексей Михайлович вступил в возрасте 16 лет, сразу же после кончины своего отца, царя Михаила Федоровича. Когда Алексею Михайловичу исполнилось 18 лет, его решили женить. Выбор царя должен был пасть на одну из русских красавиц. Грамоты о царских смотринах разослали во все концы страны. Князья, бояре и купцы привезли в Москву полторы тысячи своих дочерей. Придворные боярыни и бояре получили приказ по прибытии в Москву молодых девушек производить строгий и самый подробный осмотр их, не исключая даже самых интимных мест. Особенно проверялась девственность претенденток. Сначала отобрали триста из них, потом двести, затем количество претенденток сократилось до ста, и уже в самом конце осталось только шесть девушек. Среди них была Евфимия Всеволожская – дочь касимовского боярина Рафа (Федора) Всеволожского. Ее-то и заприметил Алексей Михайлович во время своего тайного ночного обхода. В то время существовало поверье, что как девушка спит (спокойно или беспокойно), такой у нее будет и характер.

Девушки по несколько раз проходили перед Алексеем, но он свой выбор уже сделал – больше всех понравилась Евфимия, он все чаще поглядывал на нее, и, наконец, подозвав к себе, надел на палец золотое кольцо и вручил платок – знаки царского выбора. Нельзя сказать, что Алексей полюбил ее, – она выделялась среди других красотой и статью, этим и пришлась по вкусу царю. Надо же было на ком-то жениться, и он решил не перечить «старине».

Царскую избранницу поселили у сестер Алексея, взяли «наверх», как говорили тогда. «Верхом» назывались личные теремные покои цариц. До бракосочетания ей надлежало жить с царевнами, а перейти в особую половину дворца она могла, только став царицей. Через некоторое время царственную невесту должны были обрядить в торжественные одежды, с молитвой возложить на нее царский венец и, после принятия клятвы, подвести к государю. С этой минуты девушка становилась полноправной царицей, а по всем церквям рассылался указ об упоминании ее имени вместе с именем царя. Характерно, что родной отец с этого момента уже не смел называть ее родной дочерью. В предвкушении сего радостного момента боярин Всеволожский решил закатить пир и повсюду разослал приглашения на него. От приглашений, само собой, никто не отказался (как же, все-таки будущий родственник самого царя!), и праздник удался на славу. А наутро Раф Всеволожский узнал, что в дом пришла беда.

На венчании вместе с царем был ближний боярин Морозов, который имел большое влияние на 18-летнего Алексея. Морозов в

окружении царя набрал большую силу, и никто ему перечить не смел; он занимал особое положение при царе и поэтому своих недоброжелателей нисколько не боялся. Боялся Морозов лишь родни девушки, которая, как он считал, наберет большую силу и затмит его, Морозова, влияние на Алексея.

Необходимо было во что бы то ни стало опорочить невесту, Евфимию Всеволожскую. Чтобы не возбудить подозрений, надо было действовать решительно и быстро. Морозов, где уговорами, а где и угрозами заставляет боярыню, приставленную к Евфимии, пойти на преступление. Когда эта боярыня укладывала девушке косы под кокошник, она заплела их так туго, что бедная Евфимия чуть не потеряла сознание. Она едва сдерживала крик, но постеснялась кому-либо об этом сказать. От боли у нее раскалывалась голова, заколки в волосах сильно кололи ее в темя. В таком виде бедняжку и подвели к жениху. От волнения и боли она тут же упала в обморок! Немедленно вызванный врач (тоже подкупленный Морозовым) заявил, что девушка страдает «падучей» болезнью, то есть эпилепсией.

Разразился неслыханный скандал. Пошли слухи, что Евфимию «очаровали» завистники, что царскую невесту «испортили», и даже что она отродясь была «порченая» и «некрепкая». Говорили, что ее подсунули царю «воровским умыслом».

Началось специальное расследование, которое выявило (по подсказке, конечно же, боярина Морозова), что ее отец, Раф Всеволожский, скрыл от царя болезнь дочери. Бывшую царскую невесту мгновенно выгнали из дворца. В утешение Алексей, добрая душа, пожаловал ей подушку, ковер, сафьяновую скамейку и богатое одеяло на соболях с горностаевой опушкой. Наверняка оно ей очень пригодилось впоследствии, так как Евфимию вместе с отцом, матерью и братом отправили в ссылку в Тюмень. Уже отсюда, из Тюмени, отца бедняжки за причиненные неудобства назначили воеводой в Верхотурье. Впоследствии невезучую невесту вернули в родное поместье, но строго-настрого запретили выезжать из него.

Алексей Михайлович сильно тосковал по девушке, которая распалила его воображение, и несколько дней не притрагивался к еде. Боярину Морозову с трудом удалось отвлечь Алексея от горьких дум. Охота на медведя и волка – вот лучшее лекарство от сердечной привязанности. Охота была любимым занятием Алексея Михайловича, особенно соколиная, он даже написал книгу «Урядник сокольничья пути». Правда, с делами развлечения царь не путал – именно ему принадлежит поговорка «Делу – время, а потехе – час».

В очередной раз проклятые бояре ради призрачной выгоды для себя вмешивались в личную жизнь царей! Сначала они проделали такую штуку с Марией Хлоповой, невестой Федора Михайловича, а потом и с Евфимией Всеволожской. И если в первом случае производилось дознание и виновные были сосланы, то Алексей всецело поверил боярину Морозову, даже спас его во время Соляного бунта 1648 года и сквозь пальцы смотрел на все его злоупотребления.

Алексей Михайлович быстро забыл Евфимию, тем более что вездесущий Морозов предложил новую кандидатуру – Марию Милославскую. Дело было в том, что боярин Борис Морозов имел своего верного сподручного – Илью Милославского, так что конкуренции при дворе он составить не мог. У Милославского было две дочери-красавицы – Анна и Мария. Вот у Морозова и возник план: выдать за царя одну из дочек Милославского, а самому женится на другой. Он всячески расхваливал царю дочерей Милославского и предоставил ему возможность увидеть их во время молитвы в Успенском соборе Кремля. В результате такой пропаганды Алексей Михайлович велел позвать их в гости к своим сестрам, явился туда сам и, приглядевшись поближе, выбрал Марию.

Бракосочетание состоялось уже через полгода после падения, в прямом и переносном смысле этого слова, бедняжки Евфимиии, в январе 1648 года. Опять прошла церемония приглашения со всей страны потенциальных невест, опять был объявлен «конкурс красоты», но делалось все это лишь для вида, в угоду «старине». Сам Морозов немедленно женился на сестре Марии Милославской Анне и, таким образом, стал царю свояком. Уж с таким положением за свое будущее можно было не беспокоиться!

Брак с Марией Милославской, отличавшейся скромностью и добротой, оказался счастливым. Любил царь ее или нет, история умалчивает. У супругов родилось 13 детей: пять сыновей и восемь дочерей. Трое сыновей умерли, а оставшиеся в живых Федор и Иван были болезненными. Из дочерей Милославской статью, умом и красотой отличалась Софья (о ней мы расскажем особо). Вместе супруги прожили 21 год. Смерть царицы в 1669 году глубоко опечалила Алексея Михайловича. Ее похороны сопровождались щедрыми раздачами милостыни (в богадельни посылали даже осетрину), и сотни московских нищих провожали гроб с телом Марии Милославской в Вознесенский собор Кремля, где она и была похоронена.

Был ли Алексей Михайлович верен своей жене Марии? Вопрос не праздный – в этом и задача нашей книги, темой которой являются интриги и скандальные любовные связи.

Похоже, что нет. Ходили упорные слухи, что он имел связь с женой своего комнатного стольника Алексея Мусина-Пушкина. От этой связи у них родился сын Иван, которого записали, конечно же, тоже Мусиным-Пушкиным. Стольник Алексей не стал устраивать из-за этого скандала своему повелителю, и правильно сделал, а то не избежать бы ему опалы. Косвенно это подтвердил лично Петр I. Однажды под влиянием винных паров он решил разобраться, чей он на самом деле сын (подробнее об этом мы поговорим позже). «Вот этот, – вскричал он, указывая на одного из своих собутыльников, Ивана Мусина-Пушкина, – знает, по крайней мере, что он сын моего отца…»

Жизненный путь Ивана очень интересен. Он родился в 1661 году, был боярином, Астраханским воеводой, в 1701 году был назначен главой Монастырского приказа, в 1710-м Петром I был возведен в графское достоинство, а в 1711 году стал сенатором, причем его имя в списке стояло первым. С 1725 года заведовал Монетным двором. Умер Иван в 1729 году. Завидная судьба, тем более что Петр к нему благоволил, почитая за сводного брата.

После кончины Марии Милославской царь опять вздумал жениться. Ему в ту пору было всего 40 лет – почему бы и нет? Опять начался съезд красавиц со всей страны, выбранных из различных слоев общества: среди них были представительницы знати, народа, даже монастырские послушницы. Царю приглянулась послушница Вознесенского девичьего монастыря Авдотья Беляева, скромная девушка из бедной семьи, сирота. Однако окончательного выбора Алексей Михайлович пока не сделал.

Дело в том, что дома у своего нового ближнего боярина Артамона Матвеева (злокозненный боярин Морозов к этому времени уже умер) он заприметил красивую темноволосую девушку, которую принял сначала за его дочь. Но это была всего лишь его воспитанница Наталья Нарышкина, порученная отцом, бедным и безвестным дворянином из провинции, попечению богатого и могущественного боярина. В обычной московской семье такого быть не могло – женщинам строго воспрещалось заходить на мужскую половину, а уж тем более сидеть с ними за одним столом. Но у Артамона Матвеева все было по-другому. Вопреки обычаям, он был женат на иностранке, некой Гамильтон, носил немецкое платье, знал языки, много читал, имел неплохую библиотеку, завел физический кабинет и химическую лабораторию. В общем, приобщился к европейским ценностям. Да и положение Артамона было высоким – он заведовал Посольским приказом, Приказом Большой казны, управлял делами Двора, заведовал стрельцами и являлся наместником царя в Малороссии,

Казанском и Астраханском ханствах.

Наталья Нарышкина сидела за столом вместе со своими приемными родителями, была весела, не скупилась на добрую шутку и за словом в карман не лезла. Бойкая девушка запала в душу Алексею Михайловичу. Она пила вино и разительно отличалась от богобоязненной Авдотьи Беляевой. (Ох, знать бы Алексею Михайловичу, что из этого выйдет!) Таким образом, Алексей Михайлович стоял перед выбором: жениться ему на тихой и скромной Авдотье или же на европейски образованной Наталье Нарышкиной? И тут Артамон Матвеев не упустил своего шанса сделать царицей свою воспитанницу. Во дворце неожиданно стали находить подметные письма, в которых преследовалась цель отговорить царя от женитьбы на Нарышкиной и порочилось имя Матвеева. Автором писем мог быть только кто-то из родственников Беляевой, а Артамон Матвеев оставался вне подозрений. В составлении этих писем обвинили дядю Авдотьи Беляевой, некоего Ивана Шихарева. Его взяли в оборот и обыскали, но ничего, кроме травы зверобоя, которой он лечился, при нем не нашли. В травке, найденной у Шихарева, усмотрели попытку околдовать царя, чтобы он взял в жены сироту Авдотью, и потащили бедного дядю на дыбу. Началось следствие, а если уж начали искать колдунов, то они обязательно найдутся. Правда, Шихарев ни в чем не сознался (да и сознаваться ему было не в чем, ведь подметные письма стряпали под руководством Матвеева), разве уж в слишком вольных речах и в попытках поговорить с царским врачом. С голландским доктором, осматривавшим Авдотью, он пытался договориться – не заметить у нее некоего изъяна, «не так» торчащего пальца, если быть точным. И это все! Больше под пытками ничего у Ивана Шихарева не добились. А Алексей Михайлович сделал окончательный выбор в пользу Натальи Нарышкиной, и в январе 1671 года они обвенчались. Авдотья Беляева была вместе с ее незадачливым дядей отправлена в ссылку. Так протеже Артамона Матвеева стала русской царицей.

В связи с этим возникает вопрос – а любил ли хоть одну из своих женщин Алексей Михайлович? Сдается, что нет. Сначала он позволил оклеветать Евфимию Всеволожскую и даже не проверил, правда ли, что она страдала «падучей». Взамен Всеволожской ему подсунули Марию Милославскую, которой он был неверен. Затем он поверил в подметные письма, якобы составленные Шихаревым, из-за чего расстроилась его свадьба с Авдотьей Беляевой, и женился на развратной Наталье Нарышкиной, как советовал ему «верный» боярин Артамон Матвеев. Нам кажется, что Алексей Михайлович просто плыл по течению; никакой личной

привязанности у него к женщинам не было, а уж любви тем более. Он охотно верил всяким сплетням, распускавшимся к выгоде того или иного высокопоставленного боярина, и легко менял свое мнение о невестах. А ведь за свою любовь нужно бороться, драться до последнего, отстаивать свою возлюбленную, что бы там ни говорили о ней разные интриганы. Ладно бы в случае с Евфимией – ему было тогда только 18 лет, и он мог поверить в боярские сказки, но когда Алексею Михайловичу исполнилось 40 лет, он мог бы разобраться, где правда, а где вымысел!

Итак, в 1671 году он женился на двадцатилетней Наталье Нарышкиной. От этого брака у них родилось трое детей, и первым из них был Петр, будущий император Петр Первый. Он родился в мае 1672 года. До сих пор не установлено точно, где это произошло – в Московском Кремле, в селе Коломенском или в Измайлове. Также не совсем ясно, кем был его отец. Официально считается, что им был Алексей Михайлович, но это официально, а правда была в том, что развратная Наталья Нарышкина блудила с кем попало. И первого своего сына понесла неизвестно от кого.

Вопрос, а Романов ли он, возник сразу же после его появления на свет. Все Романовы, начиная с Михаила Федоровича, были маленькими и толстенькими, и дети Алексея Михайловича от Милославской были типичными Романовыми – маленькими, упитанными, со стабильной психикой и очень добродушными. Первого Романова – Михаила Федоровича – избрали на престол как раз за его добрый нрав, а прозвище Алексея Михайловича – «Тишайший» – говорит само за себя.

Клан Нарышкиных тоже не мог похвастаться ни ростом, ни силой. Петр же вымахал в 2 метра 9 сантиметров и отличался нездоровой психикой, был агрессивным, жестоким и сильным мужчиной. Он не был типичным Романовым. Поэтому и пошли слухи, что Петр – не родной сын царя Алексея Михайловича. И он, что характерно, ничем не был похож на своих сводных братьев от Милославской – Федора и Ивана. Те были болезненными юношами и умерли рано, а Петр был крепким мужчиной и, если бы не постоянное пьянство, мог бы не умереть в 53 года, а прожить значительно дольше.

Дыма без огня не бывает. Ведь не приписывали же Марии Милославской, что ее дети появились на свет от побочных отцов? А о Нарышкиной говорили, да еще такое! Да уж, репутация у двух жен Алексея Михайловича была разная. Отцовство приписывали и конюху Мишке Доброву, и патриарху Иоакиму, и постельничему Тихону Стрешневу, и грузинскому царевичу Арчилу, и лекарю Келлеру, и опекуну Натальи боярину Артамону Матвееву, и даже родственникам Нарышкиной – двоюродному брату царицы Петру

и родному брату Федору. Насчет конюха ничего определенного сказать нельзя, а вот относительно патриарха Иоакима существовало подозрение. Ведь именно он, когда разгорелся спор, кого ставить на царство – Ивана или Петра, высказался за Петра. У историков появились даже предложения сравнить антропологические данные патриарха Иоакима и Петра I – форму ушей, лицевой части черепа и так далее.

Насчет немца-лекаря Келлера тоже однозначно ничего сказать нельзя. Ходили слухи, что он подменил своим мальчиком девочку, истинный плод первых родов Натальи. Но зачем ему это было делать – непонятно. Царю нужен был сын – наследник престола? Но у него уже и так было два сына, Федор и Иван, так что Петру царствование никак не «грозило». Может, любовником царицы был сам Келлер и от него родилась дочь? Тогда зачем менять ребенка? В общем, непонятная и маловероятная история.

Займемся лучше другой версией – о том, что отцом Петра якобы был грузинский царевич Арчил. Внешне Петр I был подозрительно похож на Арчила. Грузинский, а точнее, имеретинский и кахетинский (тогда Грузия еще не была единым государством) царевич Арчил действительно приезжал в Москву по велению своего отца, Арчила I, слезно просить русского царя принять под свое покровительство его страну, страдавшую от набегов турок и татар. В подарок он привез в Москву гвоздь с креста Господня. (Крест и гвозди были обнаружены в Иерусалиме в начале III века; потом один из гвоздей византийский император Константин передал в дар первому христианскому царю Грузии Мириану. Ныне по одному такому гвоздю хранится в Париже, Вене, Риме и Москве.) Сразу же по приезде в Москву Арчил начал активную политическую деятельность. Наверняка он встречался и с Натальей Нарышкиной, но вот неувязка – царевич приехал в Москву в 1685 году, тогда как Петр родился в 1672 году. Так что версия с грузинскими корнями Петра I не проходит.

Артамон Матвеев? Действительно, такое могло быть. Известно, что, когда Алексей Михайлович впервые увидел в доме своего боярина Наталью, Матвеев не спешил ее отдавать царю в жены – вполне возможно оттого, что она была его любовницей. И только сообразив, какие выгоды принесет ему это замужество, согласился и даже сам рекомендовал ее царю.

Двоюродный брат Натальи Нарышкиной Петр и родной брат Федор? Такое тоже вполне могло быть. Ходили слухи, что клан Нарышкиных имел склонность к близкородственным связям. Православная церковь считала родственников до седьмого колена слишком близкими для браков, но Нарышкины не раз обходили эти строгости. Был слух, что на самом деле отцом Петра

Нарышкина был отец Натальи Кирилл. Если Наталья зачала Петра I от своего двоюродного брата, тогда получается, что Петр – сын сводных брата и сестры. Значит, в его жилах нет ни капли крови Романовых. Приписывали Наталье и связь с родным братом Федом, но это невероятно, так как Федору было всего 8 лет, когда родился Петр. Близкородственные связи часто ведут к вырождению, признаки которого – непропорциональное телосложение отпрыска и нарушения психики. Именно таким и был Петр I – у него была несоизмеримо маленькая голова на громадном туловище при 38-м размере ноги, он отличался чрезмерной моторикой (ни минуты не мог усидеть на одном месте) и невероятной жесткостью. К тому же страдал эпилептическими припадками…

А вот история с Тихоном Стрешневым объясняет все. До Петра, конечно, доходили слухи, что Алексей Михайлович ему не родной отец, да он и сам ощущал это. Мы ранее приводили отрывок из высказываний Петра I, когда он допытывался, чей он сын. Теперь мы приведем этот текст полностью. Как пример он приводил историю с Мусиным-Пушкиным: «Этот вот, – указывая на одного из своих собутыльников, Ивана Мусина-Пушкина, – знает, по крайней мере, что он сын моего отца. Но от кого же я сам? Уж не от тебя ли, Тихон Стрешнев? Ну! Говори, не бойся! Говори, не то задушу…» Побледнев, Тихон отговаривался незнанием. Тогда Петр избрал столь же радикальный, сколь и простой способ узнать правду – он приказал пытать Тихона Стрешнева и поднять на дыбу! Выплевывая зубы из разбитого рта и испытывая невыносимую боль в вывороченных суставах, Стрешнев прохрипел: «А пес его знает, чей ты сын! Много нас к твоей матушке ходило…» Таким образом, отцом Петра I мог быть кто угодно, хоть двоюродный брат Натальи Нарышкиной Петр, хоть патриарх Иоаким, хоть конюх Мишка Добров!

Знал ли об амурах своей жены сам Алексей Михайлович? История об этом умалчивает. Но еще древними отмечено – если в одних делах человек проявляет деловитость, целеустремленность или даже талант, то в других часто не смыслит ровным счетом ничего, и его легко обмануть. Таким и был царь Алексей Михайлович: незаурядный политик, заядлый театрал, покровитель художников и ученых, легко поддавался на разные боярские уловки, в том числе и обман своей второй жены. Клан Нарышкиных после женитьбы царя на Наталье занял главенствующее положение при дворе и изгнал всех своих недоброжелателей; и, конечно, они не могли допустить распространения слухов об амурах своей родственницы. Алексею Михайловичу просто не от кого узнать правду о похождениях

царицы. Так что царь, видимо, ничего не знал и ни о чем даже не догадывался. Кремлевские спальни умеют крепко хранить свои тайны.

Умер Алексей Михайлович в январе 1676 года от цинги, через пять лет после своей женитьбы на Наталье Нарышкиной.

Ему было 47 лет. За свою жизнь Алексей Михайлович так и не познал сладости и мук любви, когда страсть к единственной женщине заставляла бы, образно говоря, рушить горы и сокрушать врагов. Владимир Маяковский однажды написал такие строки: «Любить – это значит в глубь двора вбежать и до ночи грачьей, блестя топором, рубить дрова, силой своей играючи». Этим сказано очень многое – и стремление показать свою силу, даже если любимая не видит, и восторг от сознания того, что ты любишь, и сладострастное изнеможение от усталости, такое же, как после близости со своим божеством, многое, и многое другое. К сожалению, Алексей Михайлович дров не рубил. Да и мышей, похоже, в спальне своей второй жены не ловил тоже.

Царь Федор Алексеевич. Влюбленный реформатор

Чтобы проверить свои чувства, Федор прогарцевал на лошади мимо дома Заборовских три раза, внимательно поглядывая на окна. И только когда в чердачном окошке мелькнуло светлое личико Агафьи, он окончательно уверился в том, что влюблен в эту девушку и она обязательно станет его женой.

Когда умер царь Алексей Михайлович, завещавший трон сыну, Федору Алексеевичу, тому было всего 14 лет. В день смерти отца придворные под руки потащили его, больного, с опухшими ногами в Грановитую палату и усадили на трон. Началась присяга новому государю. Скорость, с которой прошла присяга у еще неостывшего трупа прежнего царя, имела свои причины. Как мы знаем, Алексей Михайлович был женат два раза: первый раз на Марии Милославской и второй раз на Наталье Нарышкиной. От Милославской у него было два сына – Иван и Федор, а от Нарышкиной один, Петр. Несмотря на то что Алексей Михайлович завещал престол Федору, клан Нарышкиных решил сделать ставку на Петра, поскольку Федор был больным, а Иван

слабоумным, в общем – не жильцы на этом свете. Из-за борьбы за престолонаследие Россия могла погрузиться в новую Смуту, так как Нарышкины и Милославские были смертельными врагами.

За Петра, в частности, ратовал его предполагаемый отец, боярин Артамон Матвеев. Но в этой схватке победил клан Милославских, чем и объясняется та поспешность, с которой возвели на трон Федора. Зловредного Артамона Матвеева за его гнусные происки Милославские лишили всех чинов и званий и сослали в далекий северный город Пустозерск. К тому же ему приписали колдовство, что было тогда серьезнейшим преступлением. Он, якобы будучи главой Аптекарского приказа, не допивал за царем лекарства (так тогда проверяли содержимое напитков на яд) и вызывал духов, которых было полным-полно в избе. Их вроде бы видел лежавший за печкой карла (карлик) Захар. Также ему вменялось в вину, что переводчик грек Спафарий читал отцу и сыну Матвеевым «черную книгу» и учил обоих колдовать на ней. В довершение Матвеева обвинили в казнокрадстве – а кто тогда не крал? И поделом ему. Он еще старому царю, Алексею Михайловичу, вредил, расстроив его женитьбу на Авдотье Беляевой. Главных недоброжелателей Милославских – Ивана и Афанасия Нарышкиных – за «попытку покушения» на Федора Алексеевича приговорили к смертной казни, но царь заменил ее недалекой ссылкой.

Итак, Федор Алексеевич стал царем. На похоронах отца его несли сидящего на носилках – так сильно болели ноги. Болезнь у Федора была та же, что и у отца, – цинга. Через неделю после отставки Матвеева с должности главы Аптекарского приказа новый начальник собрал консилиум из шести самых знающих врачей страны на предмет освидетельствования нового царя. Обследование Федора показало, что «ево государская болезнь не от внешнего случая и ни от какой порчи, но от его царского величества природы…, та де цинга была отца его государева … в персоне». То есть доктора признали, что болезнь была наследственной. Врачи заявили, что хроническая цинга дает сезонные обострения, которые лечатся с помощью внешних укрепляющих средств: «сухой ванны», мазей на царские «ношки» и прочего. Полное излечение «возможно исподволь, а не скорым времянем». Организму царя просто не хватало каких-то витаминов.

«Государская» болезнь усугублялась еще и тем, что Федор, когда ему шел тринадцатый год, будучи страстным лошадником, попал под сани. Как-то он с тетками и сестрами захотел прогуляться за город. Им подвели ретивую лошадь. Тетки с сестрами сели в сани, а Федор взобрался на лошадь – он захотел

сам быть кучером. Однако сани были так перегружены, что лошадь не могла их сдвинуть с места и встала на дыбы, при этом сбросив седока. Царевич попал под сани, лошадь рванула вперед, и «тут сани всею своею тяжестью проехали по спине лежащего на земле Федора и измяли ему грудь, отчего он и теперь (1676 г.) чувствует беспрерывную боль в груди и спине».

Тем не менее, по заключению докторов, болезнь была не смертельной, и при правильном уходе и лечении Федор мог править еще долгое время. Бояре вздохнули с облечением, и новый царь приступил к своим обязанностям. Он был прекрасно образован: знал латынь, польский и древнегреческий языки, писал стихи и песни (некоторые его произведения дожили до нашего времени), играл в шахматы, в его личной библиотеке насчитывалось двести томов книг – богатейшее собрание по тем временам. О его увлечении лошадьми мы уже говорили; кроме того, Федор был прекрасным лучником. Его наставником был Симеон Полоцкий – выдающийся церковный деятель, философ и поэт. Федора изначально готовили к управлению государством.

Насколько царь был немощен физически, настолько был силен его дух. Федор поддавался болезни только в дни тяжелых приступов, а в остальное время был подвижен и деятелен. Он начал реформировать Россию! Федор Алексеевич простил народу недоимки и облегчил налоги, отменил местничество, ввел «немецкое» платье, при нем стали брить бороды, он обновил Кремль, изменил управление приказами (так тогда назывались министерства), усовершенствовал судебную систему, организовал систему военных округов, реформировал армию, учредил то, что при Петре I стало называться «Табелью о рангах». При такой системе в люди выбивались умные, толковые и знающие специалисты, а не заносчивые и бестолковые невежды, кичащиеся своим высоким положением. В итоге правой рукой царя Федора стали незнатные И. Языков, братья А. и М. Лихачевы, князь Василий Голицын и священник Сильвестр Медведев.

Позже все нововведения Федора Алексеевича приписали Петру I, а его самого просто вычеркнули из истории. А сколько еще мог сделать полезного для страны царь Федор, не умри он так рано! При этом реформы Федора отличались продуманностью, постепенностью и ненасилием. Петр I же проводил их с запредельной жесткостью, непоследовательно, урывками и с чрезмерной регламентацией всего и вся. Но наш рассказ не об этом, а о любви, большой и пылкой любви Федора Алексеевича.

Однажды в 1679 году, с трудом передвигая распухшие ноги, во время крестного хода Федор заприметил в толпе богомольцев

чрезвычайно миловидную девушку. Они обменялись взглядами. Молитвенное настроение как ветром сдуло. Царь влюбился в нее с первого взгляда. Тотчас же он шепотом приказал верному Языкову узнать – кто такая? Языков проследил за ней до дома, все разузнал и доложил: девушка – дочь смоленского шляхтича Агафья Грушецкая, по происхождению полька, живет в доме своей тетки, жены окольничего Заборовского. Тогда Федор послал Языкова в дом Заборовских познакомиться с семьей поближе, а вскоре объявил Заборовскому, «чтоб он ту свою племянницу хранил и без указа замуж не выдавал».

Намерение Федора жениться вопреки устоявшейся традиции, да еще на польке, повергло родню царя в шок. Первый министр Иван Милославский попытался воспрепятствовать женитьбе Федора на Грушецкой и стал чернить ее: «Мать ее и она в некоторых непристойностях известны». Молодой человек от слов своего дяди впал в черную тоску и даже перестал есть. Верные Языков с Лихачевым уговорили царя проверить слова Милославского. Федор охотно согласился. Они поехали в дом Заборовских и, ужасно смущаясь, спросили о «состоянии» невесты, мол, девица ли еще она. Это было страшным оскорблением для Заборовских. Они, «уставив бороды», возмутились: «как стыд о таком деле девице говорить». Агафья слышала весь этот разговор и решила вмешаться. Она вышла к гостям из-за занавески и сказала, как отрезала, «чтоб оне о ее чести ни коего сомнения не имели, и она их в том под потерянием живота своего утверждает». Короче, под страхом смертной казни поклялась в своем целомудрии. Так Языков с Лихачевым вывели Ивана Милославского на чистую воду. Федор, а ему в ту пору было всего 19 лет, в отместку за ложь решительно запретил дяде появляться при дворе и снял с должности первого министра.

После этого Федор Алексеевич воспрянул духом, прогарцевал мимо ее дома на коне, направляясь со свитой в Воробьево, и, узрев милое сердцу лицо в чердачном окошке, твердо принял решение жениться. Агафья Грушецкая тоже была не против, и свадьбу сыграли 18 июля 1680 года. Венчание прошло очень скромно – на свадьбе присутствовали всего лишь несколько человек. Молодая жена, «разсудя слабость человеческую», уговорила царя вернуть Ивана Милославского ко двору. Добрая душа! Она простила клеветника. Чтобы отблагодарить Агафью, Иван как-то крался к царице в ее покои с ворохом соболиных шкур. На его беду ему на пути встретился сам царь. Федор взъярился на Милославского: «Ты прежде непотребною ее поносил, а ныне хочешь дарами свои блудни закрыть!» Он

вытолкал дядю взашей; насилу царя успокоили. С тех пор Иван Милославский потерял при дворе всякое влияние.

Каковы же были последствия женитьбы царя Федора? Во-первых, он чудовищно нарушил традиции, не обсудив с Боярской думой свое намерение жениться. Царь просто поставил бояр перед фактом, и все. Федор Алексеевич первым из Романовых поступил не как государь, а как частное лицо. Во-вторых, он, хотя бы для видимости, не пригласил в Москву других претенденток в царицы. Таким образом Федор навсегда отменил архаичный прадедовский обычай выбирать себе жену из тысяч девиц (неизвестно еще, какая попадется!). Он женился исключительно по любви, и только по любви. В-третьих, ладно бы Федор Алексеевич женился на девушке незнатной (правда, такие прецеденты уже были), но чтобы на польке! Ведь с Польшей Россия постоянно воевала. К тому же бояре были обижены на царя за скромную свадьбу: вместо того, чтобы, как в старые добрые времена, пировать за столом, уставленным жареными лебедями, водкой и винами из царских погребов (а «государские» свадьбы тогда порой длились неделями!), Федор ограничился только небольшим застольем. Ему это было не нужно. И в этом случае он повел себя как частное лицо.

Этим своим поступком Федор устанавливал особенное, непривычное для царского двора правило – частная жизнь венценосца выводилась из-под контроля боярского окружения. Выходило, что в таком важном деле, как женитьба царя, не были полномочны решать за него ни родственники, ни знатные бояре.

Для сравнения можно взять Ивана Грозного. Он тоже выбирал себе невесту сам, не соблюдая никаких обычаев. При этом последние браки он заключал абсолютно незаконно – церковь не считала позволительным венчаться более трех раз, а Иван IV был женат семь раз! Однако женитьбы Ивана Грозного были надругательством над традициями, над всем обществом. Он просто плевал на бояр! А Федор – нет. Так что сравнивать браки этих двух царей невозможно. Федор Алексеевич никогда не пренебрегал мнением окружающих. Этот брак у него был первым, заключен для продолжения династии и ничем, кроме отступления от традиций, не мог вызвать неприятия общества. Но до такой степени независимо, так откровенно, как частное лицо, мог вести себя далеко не всякий король Франции или Англии.

Брак Федора и Агафьи был счастливым. Если посмотреть на портрет Федора Алексеевича, можно отметить, что он был статным, красивым мужчиной: небольшая бородка, аккуратные усы, выразительные глаза и тонкие брови. Да и Агафья была хороша собой: высокий рост, тонкие черты лица, чувственные

губы, необычный миндалевидный разрез глаз, матовая кожа – все это необыкновенно привлекало Федора. Осознавать, что эта красавица является его женой, было наивысшим счастьем для него.

Федору Алексеевичу в ту пору было всего лишь 19 лет, а возраст его невесты история не сохранила, но никак не меньше семнадцати-восемнадцати. Практически они были ровесниками. Злые языки утверждали, что многое в нововведениях Федора, как то: брить бороды, носить «немецкое», а точнее, польское платье, ему подсказывала Агафья. Однако царь всегда был самостоятелен в своих решениях, а если что Агафья и подсказывала ему, значит, просто их взгляды совпадали. И в этом они были идеальной парой. Может быть, впервые на русском престоле оказалась пара влюбленных.

Счастье Федора Алексеевича длилось недолго. Вскоре его постиг страшный удар – при родах 14 июля 1681 года умерла его любимая, обожаемая жена царица Агафья. Со дня их свадьбы не прошло и года! А через шесть дней скончался и рожденный ею младенец Илья – наследник престола. От этого огромного горя Федор Алексеевич окончательно слег и не смог даже присутствовать на похоронах. Болезнь и несчастье окончательно подкосили его.

Однако заботы о наследнике не оставляли Федора – будучи смертельно больным человеком, он обязательно должен был жениться, чтобы обзавестись хотя бы одним сыном. В этом был его долг как государя. Ровно через семь месяцев после смерти Агафьи, в феврале 1682 года царь женился вновь. Его новой женой стала 16-летняя Марфа Апраксина, тоже происходившая из незнатного рода. Говорили, что ему ее подсунул все тот же Языков, так как она была его то ли крестницей, то ли дальней родственницей. Но, судя по всему, Федору было уже все равно. Безмерное горе заполняло все его существо. Свадьба прошла еще тише, чем в первый раз. Из-за болезни ног царь венчался, сидя в кресле. Кремль на время свадьбы был вообще заперт, чего никогда не бывало. После венчания Федору стало плохо настолько, что он слег, и только через неделю смог принять придворных с поздравлениями. Еще через несколько дней царь с царицей дали скромные «столы». Такая вот скорбная свадьба. Государь был уже одной ногой в могиле, и детей от этого брака не было.

Скончался Федор Алексеевич в 1682 году, через два месяца после новой женитьбы, «апреля в 27 день, грехов ради всего Московского государства». И шел ему всего лишь 21-й год! Остается только удивляться, как много он сделал за свои

короткие шесть лет правления, учитывая юный возраст царя. Не являлась ли при этом движущей силой, побудительным мотивом, его любовь к Агафье Грушецкой?

Но со смертью Федора Алексеевича не все было просто. Помните заключение врачей, осматривавших царя и сделавших вывод, что его болезнь не смертельна? А тут он умирает совсем молодым! Конечно, сразу пошли слухи, что его отравили. И сделали это Нарышкины, в частности, по приказу «медведихи», как называли Наталью Кирилловну. В подтверждение этой версии можно заметить, что во время бунта, вспыхнувшего сразу после кончины Федора Алексеевича, разъяренные стрельцы изрубили на части Ивана Нарышкина, подозревая его в отравлении царя, и личного врача государя Даниила фон Гадена. Кроме отравления Федора ему приписали еще и чернокнижие. Так это было на самом деле или нет, за давностью времени трудно разобраться.

Любопытна история кончины второй жены Федора – Марфы Апраксиной. Она на 33 года пережила своего мужа и умерла в 1715 году. При этом «любознательный» Петр I решил узнать: спал Федор с Марфой или нет? Он лично сделал вскрытие и убедился, что Марфа умерла девственницей. Любопытство негодяя было удовлетворено!

Царевна Софья Алексеевна. Софья Премудрая

«Свет мой Васенька! Здравствуй, батюшка мой, на многие лета! И паки здравствуй, Божиею и Пресвятой Богородицы милостию и своим разумом и счастьем победив агаряне! Подай тебе Господи и впредь врагов своих побеждать! А мне, свет мой, и не верится, что возвратишься; тогда только поверю, как увижу тебя в объятиях своих, света моего. Что же, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я верно грешна перед Богом и недостойна; однакож, хотя и грешная, дерзаю надеяться на его благоутробие. Ей! Всегда прошу, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, на веки несчетные», – писала Софья Алексеевна своему возлюбленному, Василию Голицыну, когда он воевал с татарами и турками в Крыму.

Это восторженное письмо написала женщина, которой уже исполнился тридцать один год. Сколько пыла в этом коротком послании! Кто же она, Софья Алексеевна Романова? И кем для нее был «свет мой», боярин и князь Василий Васильевич Голицын?

Ее образ мы можем видеть на знаменитом портрете Ильи

Репина «Царевна Софья Алексеевна в Новодевичьем монастыре в 1698 году». Мы не знаем, какая толстая и непривлекательная, мужеподобная, с выпученными глазами, бабища послужила моделью для знаменитого художника. О ней и сейчас пишут: «А тело ее было широко и коротко, как обрубок! А голова – как котел и покрыта волосатыми бородавками! А на ногах – шишки!» Этот образ правительницы Русского государства как будто списан с насквозь лживого романа Алексея Толстого «Петр I».

Все это неправда. Судя по воспоминаниям современников, в том числе иностранцев, обретавшихся при русском дворе и видевших ее воочию, Софья была весьма привлекательной молодой женщиной. Вольтер, знакомый с ее подлинными портретами, называл ее красавицей. Она не была, конечно, красавицей в истинном значении этого слова, но не была и безобразной, как о ней говорили в петровское время.

До своего головокружительного взлета на вершину власти Софья жила так же, как и прочие царские дочери и жены. Им предписывалось такое строгое исполнение всех обрядов и правил, что кремлевские терема оказывались самыми суровыми монастырскими стенами в России. Только священнослужители и родственники были единственными посетителями царского терема. Содержание девушек напоминало строгие порядки султанского гарема, но правила здесь были еще жестче. Даже врач к ним допускался только в случае очень серьезной болезни. Когда он приходил, то ставни закрывались, чтобы он не смог увидеть своей пациентки при ярком свете. Щупать пульс доктору позволялось только через какую-нибудь тонкую ткань. То же самое было и при посещении церкви. Потайные ходы вели из терема в храм, где царица и царевны скрывались за специальными красными занавесями от взглядов других прихожан. Порой дело доходило до смешного, если не страшного. Однажды в одном из внутренних дворов царского дворца два молодых дворянина, оболтусы Бутурлин и Дашков, случайно встретили карету, в которой царица вместе с дочерьми отправлялась на богомолье в дальний монастырь. Этот случай чуть не стоил им головы. Их поволоки в застенок и стали пытать – а не специально ли они поджидали экипаж, чтобы взглянуть на царицу? Царевны не могли присутствовать ни на одном торжестве, и ничто не нарушало тягостного однообразия теремной жизни. Они могли появляться только на похоронах, при этом шли за гробом в непроницаемых накидках, очень похожих на паранджу. Простой народ знал их только по именам, упоминаемым на богослужениях. Они же, в свою очередь, ничего не знали о том, как живет страна, и вынуждены были

существовать в том узком кругу, который им был определен по статусу. Мы уже писали о том, что они не могли выходить замуж, познать сладость любви и радость материнства. Простой смертный им в мужья не годился – это не соответствовало их высокому положению. В то же время какой-нибудь иностранный принц не мог стать мужем царской дочери, так как для этого ему пришлось бы сменить религию. Им была одна дорога – в монастырь.

И Софья Алексеевна эту замшелую женоненавистническую традицию сломала! После нее уже никто не осмеливался запирать женщин в теремах; они могли выходить замуж за иностранцев, и даже обязательно за них, участвовать в политике, вести светский образ жизни со всеми ее радостями и удовольствиями.

А случилось это так. Рано лишившись матери, Марии Милославской, смышленая и бойкая Софья возненавидела теремную затворническую жизнь. Ей претило находиться в скучных хоромах среди тупоумных нянек и мамок, под вечный шепот богомолок. Она остро ненавидела сплетни сенных девушек за монотонным рукоделием и мелкие интриги в женских палатах. Ее душа требовала широкой жизни, деятельности и борьбы. Софья быстро освоила грамоту, много читала, знала польский, латынь и греческий, писала стихи, разбиралась в таких мужских науках, как военное дело и фортификация. Ее учитель и учитель ее брата, царя Федора, Симеон Полоцкий, мог бы гордиться своей воспитанницей. Священник Сильвестр Медведев, ближайший сподвижник Софьи, без всякой лести называл ее Премудрой.

Когда царь Федор в очередной раз занемог и стал нуждаться в женском уходе, Василий Голицын, ближайший соратник Федора по реформированию страны, посоветовал ему нарушить мрачные многовековые правила и найти себе сиделку. При этом он указал на сестру Федора царевну Софью. Тот с радостью согласился, так как она была ему самым близким человеком. По мере ухудшения здоровья Федора она стала чем-то вроде его личного секретаря – с удовольствием вникала в государственные дела, а потом завела доселе невиданный на Руси порядок, – она, женщина, стала присутствовать на докладах чиновных бояр царю. Со временем Софья стала отдавать и свои собственные распоряжения. Многие начинали понимать, кому в действительности принадлежит власть в стране. Некоторым это не понравилось, и в первую очередь клану Нарышкиных. (Между Нарышкиными и Милославскими была вражда – каждый из кланов стремился захватить власть во дворце. Кроме того, Наталья Нарышкина, вторая жена Алексея Михайловича, была всего лишь на 4 года старше Софьи, и та презрительно называла свою мачеху

Наташкой.) Софья осознавала всю шаткость своего положения и выбрала себе в союзники Василия Голицына.

А потом был стрелецкий бунт. По закону нужно было созывать Земский собор, чтобы определить, кому править страной. Иван Милославский (будем называть его по фамилии матери, чтобы не запутаться), родной брат Софьи, был, по общему мнению, «дурачком». Обычно таких на Руси объявляли юродивыми. Как претендента на престол его никто всерьез не рассматривал. Петр Нарышкин (его тоже будем называть по матери), сводный брат Софьи, хотя и был здоровым, но при этом никогда и ничему не учился, тем более управлению державой (четыре действия арифметики он осилил лишь в 16 лет и до конца жизни писал с чудовищными грамматическими ошибками). Так, бегал по двору десятилетний мальчишка, и даже непонятно было, что из него вырастет.

По всем статьям русской царицей должна была стать старшая сестра двух братьев Софья. На ее стороне были клан Милославских и клан Голицыных, но ее кандидатура даже не рассматривалась – общественность еще не была готова к тому, чтобы Россией правила женщина. Хотя уже через 36 лет та же самая общественность с радостью вручит власть Екатерине I. Но в то время это было невозможно, и Софья сама решила взять власть.

Первый удар нанесли Нарышкины. Еще не успели похоронить царя Федора, как патриарх Иоаким (тот самый, кого подозревали в отцовстве Петра) вышел на Красное крыльцо и спросил у собравшейся толпы – кого бы они хотели видеть царем: Ивана или Петра? Растворившиеся в толпе сторонники клана Нарышкиных, под одеждой которых были надеты кольчуги и панцири, выкрикнули Петра. Тех, кто голосовал за Ивана, безжалостно резали ножами. В итоге выбрали царем Петра. Это абсолютно незаконное избрание царя, без созыва Земского собора, сразу же вызвало сопротивление. Никакой законной силы вопли толпы иметь не могли. Мало ли кто что кричит? Без решения Земского собора (а Земский собор был в России аналогом парламента в Англии) избрание царем Петра было абсолютно нелегитимным. И стрельцы взбунтовались. (Стрельцы были в то время нечто вроде русской гвардии в XVIII–XIX веках – сладко ели, мягко спали, активно участвовали во всех кремлевских интригах, то есть занимались политикой.) Часть из них считали, что «медведиха» Наталья Нарышкина отравила царя Федора, и высказывали мнение, что надо бы «уходить до смерти медведиху и медвежонка», то есть Петра. Другая часть, напротив, хотела на царство Петра, потому что «с Ивана толку нет». Но ни те ни

другие толком не знали, кому подчиняться после смерти законного царя Федора. Стрелецкие страсти подогревались враждующими кланами Милославских и Нарышкиных. Ситуация накалилась до предела.

Второй удар нанес клан Милославских. 15 мая 1682 года, то есть через три недели после кончины царя Федора, гонцы Милославских разнесли по стрелецким слободам ложную весть – якобы Нарышкины задушили царевича Ивана. Разъяренные служивые ворвались в Кремль и начали искать «изменников». Для разрядки напряженности на крыльцо вышла царица Наталья Нарышкина с двумя детьми – Иваном и Петром, чтобы показать, что оба они живы. Стрельцы растерялись, но тут вперед вышел боярин Михаил Долгорукий, накинулся на стрельцов с бранью и криками и потребовал от них под страхом смертной казни вернуться в свои слободы. Те, конечно, не стерпели и задали ему резонный вопрос: «А ты с колокольни не летал? А ты это видел?», – показывая ему бердыши. Долгорукого схватили и бросили на подставленные копья. В итоге стрельцы взбунтовались; началась кровавая неразбериха. Погибло много видных людей, в том числе Артамон Матвеев, боярин Ромодановский, Федор Салтыков, отец Михаила Долгорукого, врач фон Гаден и Иван Нарышкин (о них мы уже писали) и другие виновные и вовсе невинные лица.

Наконец, 23 мая 1682 года собрали Земский собор, на котором пришли к компромиссу – Ивана как старшего избрали «первым царем», а Петра – «вторым». Правительницей же государства была поставлена Софья. Заметим, что Софью поставили именно правительницей, а не регентшей до совершеннолетия Ивана и Петра. Никакими сроками ее полномочия не ограничивались, и юридическая формула, по которой дети Алексея Михайловича получили власть, была как бы вечной, но шаткой.

Итак, с 1682 по 1689 год Софья стала править одна. Фактически впервые в русской истории у кормила государства стала женщина! Управлять страной ей помогал верный Василий Голицын. По сути, он стал ее первым министром.

Петра вместе с его матерью Натальей Кирилловной Нарышкиной отправили с глаз долой в подмосковное сельцо Преображенское, а вход в сени Ивана заложили дровами. По другой версии, Иван сам, отправившись в нужник, нечаянно задел поленницу, которая, рухнув, завалила дверь в это заведение. «Первый» царь просидел там несколько часов, не подавая голоса, пока его не кинулись искать ближние бояре. Так или иначе, ни Петр, ни Иван государственных дел не касались.

Чтобы закрепить свое положение, по инициативе Софьи Ивана, «первого царя», женят на Прасковье Салтыковой. Надеясь на рождение наследника, Софья, осознавая шаткость своего положения, намеревалась продлить свое правление еще на неопределенное число лет.

Характеристику Софье мы уже дали – это была грамотная, образованная, властолюбивая и честолюбивая женщина. А кем же был ее избранник Василий Голицын? Он родился в 1643 году и был представителем влиятельного клана Голицыных из рода Гедиминовичей. Получил прекрасное домашнее образование, владел немецким, греческим, польским и латинскими языками. В 15 лет поступил чашником на придворную службу и вскоре достиг боярского звания. Выдвинулся при царе Федоре Алексеевиче, был пожалован многочисленными крестьянскими дворами. Был послан начальником войска на Украину для «бережения городов от прихода турского салтана». Участвовал в Чигиринских походах.

В его московском доме, по замечанию иноземцев, «убранном на иностранный лад, всегда ждала их гостеприимная встреча, тоже по-европейски». Василий Голицын собрал богатейшую библиотеку на русском и иностранных языках. Иностранцы в своих записках называли его «великим мужем», а польский посланник де ла Невилль назвал его даже «мужем великим, словно восставшим из хроник древних римлян». Французский посланник отзывался о нем так: «Этот князь Голицын, бесспорно, один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которую он хотел поднять до уровня европейских держав. Он хорошо говорит по латыни и весьма любит беседу с иностранцами, не заставляя их пить, да и сам не пьет водки, а находит удовольствие только в беседе».

Сам князь, начитанный в богословии, истории, философии, астрономии, медицине, был любезным и гостеприимным хозяином. Он умел поддерживать беседу и внимательно выслушивать собеседника. Переговоры с иностранными дипломатами велись в богато украшенных залах. Встречи послов, церемонии вручения верительных грамот поражали блеском и продуманно демонстрировали богатство и мощь России. Сам Василий Голицын ни в чем не хотел уступать первым лицам могущественнейших государств: ни во внешнем виде, ни в обращении. Его гардероб состоял из более чем ста костюмов, сшитых из дорогих тканей, украшенных алмазами, рубинами, изумрудами, расшитых жемчугом, затканных золотым и серебряным шитьем.

В общем, это был государственный муж, образованнейший и

смелый человек, красавец, одаренный немалыми способностями. Неудивительно, что Софья выбрала именно его своим фаворитом. Почти сразу же он был назначен главой Посольского приказа. Поставить Голицына во главе внешнеполитического ведомства было крайне разумным ходом. Независимо от того, действовала ли Софья по наитию, унаследовав от своего отца умение разбираться в людях, или чисто по-женски осыпала милостями своего любовника, выбор был совершенно правильный.

После долгого затворничества в душных кремлевских теремах 24-летняя царевна со всем пылом души отдалась красивому, умному, европейски образованному и обходительному мужчине, опытному не только в военных или приказных делах. Самому Василию в ту пору было 38 лет. Софья обладала пылким темпераментом, но еще не познала сладости любви. Теперь ее ум и сердце проснулись. С безумной смелостью она бросилась в водоворот жизни и отдалась подхватившей ее волне. Она любила! И жаждала власти. Она втянула в борьбу человека, без любви которого любой успех не дал бы ей удовлетворения.

Итак, Софье 25 лет, а Голицыну – 38. Их личные отношения сложились не ранее 1678 года. Кто был зачинателем их любовных отношений? В многочисленных источниках мы читаем – «любовник Софьи», «фаворит Софьи», «галант Софьи», «куртизан Софьи», но никогда не «любовница Голицына Софья». Как известно, мужчин выбирают женщины, хотя те и не осознают этого. Но может, инициатором их связи был все же Голицын? Ведь обратил же он внимание царя Федора на то, чтобы в сиделки взять именно Софью? Наверняка она ему понравилась. Василий в то время был уже женат, но жена, постылая богомолка, его явно не устраивала. С ней ему, образованному человеку, было неинтересно, даже поговорить не о чем. Их ничего, кроме церковного брака, не связывало, даже детей у них не было. А тут молодая, красивая, привлекательная женщина, да еще и царских кровей! Несомненно, Голицыну это обстоятельство льстило. А может, их симпатия была взаимной? Вероятнее всего.

О характере их взаимоотношений говорить трудно, так как о том, что любовником Софьи был Голицын, мы знаем лишь из записок современников. Сохранились лишь два интимных письма царевны к Голицыну необычайно пылких и исполненных любви: «Свет мой Васенька», «увижу тебя в объятиях своих» – это, несомненно, писала влюбленная женщина. Вот отрывок из второго письма: «Брела я из Воздвиженска, а от тебя отписка о боях, я не помню, как взошла, чла, идучи…» То есть она идет в Троицу на богомолье пешком, по дороге получила от Василия письмо, развернула его и на ходу читает. И даже не помнила, как

пришла в монастырь, думая о Голицыне. Вот она, настоящая любовь… Кажется, Софья даже писала Голицыну любовные стихи. Не он ей, а она ему! Вот так женщина!

Об их связи ходило много слухов: о том, что они тайно обвенчались, о том, как она тайно «вытравила плод» их совместной любви, и даже о том, что Софья якобы требовала от Голицына развестись с супругой и женится на ней. Мы об этом поговорим позже, а вот известный романист Иван Лажечников в своем романе «Последний Новик» (1831) даже вывел основного героя своего повествования – незаконнорожденного сына Софьи и Голицына, Владимира. Это, конечно же, вымышленное лицо, как вымышлена и его история – якобы Владимир, воспитанный в ненависти к Нарышкиным, противился всем преобразованиям Петра I и даже участвовал в антироссийском восстании в Лифляндии, но потом, «осознав историческое значение реформ Петра», принял его сторону. Этот опус был, несомненно, панегириком Петру I, да и вообще в литературе все, что связано с его именем, преподносится в превосходной степени, тогда как заслуги его предшественников на русском престоле незаслуженно принижаются. А уж тем более правление Софьи, прямой противницы Петра, и ее любовь к Голицыну. Однако о Петре мы поговорим отдельно, а пока поразмышляем вот о чем. Роман Софьи с Голицыным, конечно же, был ей в упрек. Ведь Россия – это вам не какая-нибудь Франция, а Кремль не Версаль и не двор какого-нибудь заштатного итальянского герцогства, где все сожительствуют со всеми и никого это не удивляет. Как ни странно, роман Софьи на ее положение русской правительницы никак не повлиял. Значит, допетровская Русь уже вполне созрела к тому, что на престоле будет сидеть женщина и распоряжаться собой по собственному усмотрению!

Василий Голицын был женат дважды. Первая его жена, княжна Федосья Долгорукая, умерла бездетной около 1685 года, то есть когда Софья и Василий уже были любовниками. Второй раз он женился на Евдокии Стрешневой и имел от нее четверых детей.

Разговоры о том, чтобы Голицын бросил свою супругу и женился на Софье, конечно, могли вестись, но это было невозможно по политическим мотивам. Дело было даже не в том, что Василий был женат и его жена пока не собиралась умирать. Ради достижения власти в таких случаях жен убивали или в дальний монастырь постригали. Да бывало, что жены и сами, поняв, к чему дело идет, уходили в монастырь, пока им отравы не подсыпали. Здесь была другая проблема. Выйти замуж за Голицына – значит самой стать Голицыной, войти в его семью,

хоть и княжескую, но не царскую, не имеющую прав на престол. Понятие морганатического (неравнородного) брака на Руси не было еще известно. Это в Англии середины XIX века королева Виктория, по замечанию А. Бушкова, вышла замуж за человека, стоящего ниже ее по происхождению, и, чтобы не делиться с ним властью, составила сложный брачный договор. Альберт, так его звали, получил забавное звание принца-консорта, был всем доволен и никогда не претендовал на власть. Брак оказался удачным; королева Виктория была в восторге от мужа – она ставила ему памятники и называла в его честь озера в Африке, но властью не делилась. Британия такое положение вещей приняла. Но Великобритания не Россия, да и времена не те; о женской эмансипации тут еще и слыхом не слыхивали. Так что если женщину на престоле общество того времени еще принимало, то ее брак попросту был невозможен.

Хорошо, а куда смотрел сам Василий Голицын? Не мог же он не осознавать двусмысленности своего положения? Почему он не действовал, раз уж был таким умным, опытным и талантливым? Что ему мешало отправить свою жену в монастырь, обвенчаться с Софьей и самому стать московским царем? Ведь шанс был! Род Гедиминовичей был ничем не хуже рода Романовых, и даже древнее него. Да и время-то было переломное… Что ему стоило устроить государственный переворот? Ведь у стрельцов он пользовался непререкаемым авторитетом! Сомнений в верности Софьи у него быть не могло, как не было сомнений и в том, что она выйдет за него замуж. Так почему он так не поступил? Ответ, как это ни парадоксально звучит, был один – Василий Голицын был непростительно честным и порядочным для государственного деятеля. Он органически не был способным ни жену в монастырь сослать, ни устроить переворот. Для примера – ни один царь, следовавший рыцарскому кодексу чести, не смог удержаться на троне. Вспомним хотя бы историю Павла I. А самых лучших результатов добивались монархи, которые для достижения своих целей могли и яду подсыпать, и тайных убийц подослать, и головы рубить. Образец перед нами – Петр I даже сына своего не пожалел.

История учит – чересчур щепетильные, слишком порядочные люди редко оказываются способны захватить власть, а тем более удержать ее. Василий Голицын попросту был не способен использовать представившийся ему шанс – для этого ему пришлось бы переступить через себя и совершить нечто такое, что он считал гадким, подлым и недостойным.

Отметим еще одно обстоятельство – а что мешало Софье с Голицыным устранить своего основного конкурента, Петра?

Например, напоить его ядом или подослать наемных убийц? Тогда проблема бы решилась сама собой! Что им стоило, умным и сильным людям, один из которых водил стотысячные армии, а другая одним своим видом останавливала взбунтовавшихся стрельцов, сделать подлость? Ответ тот же – на подлость они были не способны, ни Василий, ни Софья. Совершив такое, они перестали бы быть самими собой. Поистине, эта пара и через триста лет вызывает к себе уважение.

А пока что Софья укрепляла свою власть. В документах она стала называться «Великой Государыней», расправилась с главой Стрелецкого приказа князем Хованским по прозвищу Таратуй (болтун), который хотел, использовав бунт, сам стать царем (этот период в истории России получил название Хованщины, то есть беспредельной власти стрельцов), укротила раскольников. Ее имя с 1684 года начали чеканить на монетах, с января 1686 года титул самодержицы был закреплен официально.

Василий Голицын был пожалован званием воеводы и удостоен титула «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатель», что было равнозначно титулу канцлера. Его заслуги перед Россией неоспоримы: он руководил дюжиной приказов, добился от Швеции подтверждения Кардисского мирного договора, заключил в 1686 году «Вечный мир» с Польшей, который положил конец столетним раздорам двух славянских государств, прославился во время Крымских походов 1687 и 1689 годов. Будучи главой Посольского приказа (министерства иностранных дел), он поддерживал отношения со всеми государствами Европы, азиатскими империями и ханствами, интересовался африканскими и даже американскими делами.

А еще он задумал широкомасштабный план преобразования России: освобождение крестьян, создание регулярной армии, введение подушной подати, учреждение постоянных посольств за границей, предоставление свободы вероисповедания и прочего. Голицын был убежденным западником и выступал за сближение России с европейскими государствами. Заметим, что планами Василия Голицына, а также его начинаниями в полной мере воспользовался его противник Петр I. Жалкий плагиатор!

Если же говорить в общем о правлении Софьи с Голицыным, то дадим слово князю Б. И. Куракину, кстати сказать, апологету Петра I, тем оно и ценнее: «Правление царевны Софьи началось со всякой прилежностью и правосудием и к удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было. И все государство пришло во время ее правления в семь лет в цвет великого богатства, также

умножились коммерции и ремесла, и науки почали быть латинского и греческого языку… и торжествовала тогда вольность народная». О самой Софье Куракин писал: «Великого ума и самых нежных проницательств, больше мужеска ума исполненная дева». Вот так – не зря же Софью называли Премудрой.

Время Крымских походов для Василия Голицына с Софьей стало переломным. Василий был командующим русской армией во время этих операций. Потом ему вменяли в вину эти «неуспешные» походы. Да, Крым, из которого постоянно вырывались татарские грабительские полчища, тогда завоеван не был. Однако при этом Россия выполнила свою сторону обязательств, взятую на себя по международным договорам, – 150-тысячное войско крымских татар не смогло больше оказывать помощь туркам в войне с Польшей и Австрией. Международный авторитет России неимоверно вырос, ведь эта держава оказалась способной остановить такого опасного врага, как крымский хан. Кроме того, Московское государство с того времени перестало платить дань Крыму как наследнику Золотой Орды, что тоже сказалось на его международном авторитете. Крым тогда завоевать было невозможно, и это было сделано только через сто лет – в 1783 году. Петр I, кстати, тоже пытался завоевать Крым, но потерял всю свою армию во время первого Азовского похода и половину – во время второго. Голицын же привел назад из второго Крымского похода практически всю 122-тысячную армию!

Царевна Софья Романова с Василием Голицыным правили уже семь лет – с 1682 по 1689 год. Недоброжелателей у них хватало, да и клан Нарышкиных не дремал – «законный, второй» царь Петр подрастал. То в сани к Голицыну прыгал наемный убийца, и слугам Василия с трудом удавалось его скрутить. То у ворот его дома находили гроб, а том гробу записку, что если новый Крымский поход будет таким же безуспешным, то этот гроб ждет Голицына. То однажды поймали некоего Ивана Бунакова, который «вынимал след» у Голицына, то есть вырезал его след на земле ножом. Так делали колдуны, чтобы «испортить» обладателя следа. Под пытками Бунаков врал, что он-де сделал это по болезни: «и прежде бывало, что де ухватит меня болезнь, там землю и беру». Странная болезнь…

Как ни печально, больше всего их совместному правлению навредила сама Софья. Во время второго Крымского похода она нашла себе нового фаворита, Федора Шакловитого. Шакловитый был ближайшим сподвижником Голицына, даже его другом. Вместе с Голицыным они являлись ближайшими советниками Софьи по всем важнейшим вопросам управления государством.

После казни Хованского именно его Софья назначила главой Стрелецкого приказа. Высокий, стройный, с выразительными чертами лица, он отличался той броской красотой, которая так нравится женщинам. Он сумел завоевать сердце Софьи и залезть к ней в постель. В то же время Федор был полнейшим ничтожеством, по замечанию современников. Причем Софья сделала это неожиданно, внезапно – еще в мае 1689 года, во время второго Крымского похода она писала Голицыну выше цитированное письмо, в котором были слова «как увижу тебя в объятиях своих», а уже в июле ее любовником стал Шакловитый.

Сказать, что для Голицына эта новость была шоком – ничего не сказать. Он был унижен, потрясен и раздавлен. Василий страдал и терзался. Он все задавал и задавал себе вопрос: почему она так с ним жестоко и бессердечно поступила? Но ответа не находил. За эти годы Василий успел искренне полюбить Софью и привязаться к ней. Жена давно умерла. И если в первое время это было плотское желание обладать понравившейся ему женщиной, то потом это чувство переросло в дружбу: дружбу, освященную великим чувством. С Софьей Василий был счастлив. Счастлив от сознания того, что она была рядом, был счастлив ловить ее взгляды, счастлив от интимной близости с ней. А когда человек влюблен и любим, у него все получается: и государственные дела, и военные, и дипломатические.

Предательство, казалось бы, верной ему возлюбленной сломило его дух. Он пребывал в растерянности и искренне не понимал, что случилось. Как она могла так поступить? Его Софья в объятиях другого! Да и кого – ближайшего друга! А что же сама Софья? Чем она думала, предавая своего единственного друга? Явно не «мужеским умом», а женским. Ведь кругом были враги, завистники и недоброжелатели! Ох, как трудно понять поступки женщин! Променять старого друга, которого она хорошо знала (я не сомневаюсь, что Голицын был с ней предельно искренен), неизвестно на кого! На красивого хлыща, который и в подметки Василию не годился! Может, он понравился ей в сексуальном плане? Очень может быть, ведь Голицына она уже познала, а теперь ей захотелось чего-то новенького, неизведанного. Как он будет ухаживать за ней? Какие знаки внимания оказывать ей? Каким он будет в постели и на что способен – наверняка Софья с замиранием сердца задавала себе эти вопросы. То, что она действовала спонтанно, необдуманно, не вызывает никаких сомнений. Это с ее стороны была безнравственная авантюра. А может, она уверовала в свою всесильность, как в будущем Екатерина II, которая меняла своих любовников, как перчатки? Или она изначально использовала Василия для удовлетворения

своих политических амбиций? А после боярского возмущения «неудачными» Крымскими походами Голицына легко отвернулась от него и назначила своим новым фаворитом Шакловитого? Якобы потом, после Федора Шакловитого, она вступила в интимную связь с еще одним своим приближенным, монахом и священником Сильвестром Медведевым. Но это, скорее всего, уже выдумки петровского времени, чтобы опорочить Софью в глазах общества. Да и времени на это у нее уже не было. События развивались стремительно.

Последствия этого поступка Софьи были роковыми. Когда Голицын и Софья были вместе, они были непобедимы. Теперь же все изменилось. Раздавленный горем Василий отошел в сторону. В силу своей порядочности он не стал драться с Шакловитым на дуэли или пытаться вернуть Софью. Ведь это был ее выбор! А выбор женщины он в силу своего рыцарского поведения не мог не уважать, если даже он был трижды неправильный и абсурдный. Если бы он лишил соперника жизни, поколотил Софью за ее неверность, этим бы дело и кончилось. Погоревала бы царевна, конечно, но быстро бы и успокоилась. Однако Василий переступить через себя не мог – он был слишком деликатным, чтобы поднимать руку на женщину, и слишком честным для того, чтобы сыпануть яду Шакловитому. Честность и порядочность Василия Голицына и на этот раз сыграли с ним злую шутку, да и с Софьей тоже. Можно сказать, она пострадала из-за того, что Голицын не проявил твердости с ней, не совершил подлости в отношении Федора. В то же время и у Софьи путей отступления не было. Потом она, конечно, осознала, что совершила неверный поступок, но в силу своего гордого, самолюбивого характера признаться в этом не могла. Никому и никогда. За что и поплатилась.

А Федор Шакловитый, почувствовав себя на коне – как же, ведь он стал любовником самой правительницы России Софьи Романовой, развил бурную деятельность. И стал готовиться, ни больше, ни меньше, как к ее коронации!!! И это несмотря на то, что два законных царя, Иван и Петр, уже были. Не хватало только царицы, чтобы властная коллизия окончательно запуталась. Он заказал гравюру, на которой Софья была изображена в шапке Мономаха со скипетром и державой в руках, официально титуловал ее в дипломатических бумагах «благоверной царицей Софьей», в обход Посольского приказа, кстати. Заметим, что царевна замыслам своего нового любовника нисколько не противилась. Почему? Не могла же она не осознавать опасности такого положения? Или она всецело доверилась Шакловитому, попав под его влияние? Женскую логику вообще трудно понять…

Кроме этого недалекий Федор стал подстрекать стрельцов (напомним, что Шакловитый был главой Стрелецкого приказа) к бунту против клана Нарышкиных и убийству Петра. Рано или поздно, это неуравновешенное положение должно было качнуться в ту или иную сторону. Толчком к этому послужила женитьба Петра на Евдокии Лопухиной, а женатый человек в то время уже считался совершеннолетним. Как мы помним, Софью назначили правительницей не до совершеннолетия одного из царей – «первого», Ивана, или «второго», Петра, а, так сказать, пожизненно. Совершеннолетие одного из царей давало все же шанс на занятие престола. Однако еще в 1684 году «первый» царь, Иван, женился на Прасковье Салтыковой, что тоже доказывало его совершеннолетие, и ничего не произошло. Почему? Потому что, во-первых, Иван был из рода Милославских, как и сама Софья, а во-вторых, Ивана-то и за царя не почитали, так как он был «головой скорбный». Теперь главным претендентом на трон стал Петр. Как же это произошло?

В августе 1689 года в Кремле поймали трех человек с ножами. Под пытками они сознались, что их подослала «медведиха» (Наталья Нарышкина, мать Петра) с целью зарезать Софью. Шакловитый тут же обвинил Нарышкиных в намерении убить Софью – чем не повод для бунта? Нарышкины, конечно, все отрицали.

Потом дело замяли, а безвестные бродяги, разгуливавшие по Кремлю с ножами, странным образом бесследно исчезли. Не исключено, что их тайно подослал сам Шакловитый. Судя по всему, Шакловитый пытался таким образом «сварганить дело» против Нарышкиных, но, когда к ним не потянулась однозначная ниточка, отказался от этой затеи. Ничтожество Федора проявилось и в этом – он не смог даже использовать такой «очевидный» факт, как «намерение» убить Софью.

Затем последовала акция клана Нарышкиных. Через несколько дней после поимки «убийц» Софьи ночью в Преображенское, где тогда жил Петр, прибежал некий человек с криком, что, мол, где-то в кустах сидят вооруженные люди, которые хотят «извести» Петра. Эта история еще туманнее предыдущей. Во-первых, этих злоумышленников никто и в глаза не видел. Почему они делали засаду именно на царя? И кто сказал, что их подослала Софья? Может, это были обыкновенные разбойники, которым было все равно кого резать и грабить. А может, кто-то просто устроился на ночлег в тех злосчастных кустах? Испугавшись шума, они запросто могли уйти от греха подальше. Вполне вероятно, что это была провокация, подстроенная все той же хитроумной «медведихой». Чем не повод

для мятежа?

Как бы то ни было, но семнадцатилетний «второй» царь, Петр, страшно испугался. Вернувшись пьяным из Немецкой слободы, он завалился спать. А тут такое известие! Не разобравшись, в чем дело, с пьяных глаз, в одной ночной рубашке он вскочил на лошадь и помчался в Троице-Сергиеву лавру. Там он отдался на волю монахов – спасайте, мол, святые отцы, убивают! На следующий день Сашка Меншиков привез ему кое-какую одежду. Но Петр наотрез отказывается выйти из-за толстых монастырских стен, и к нему из Преображенского вынужден был перебраться весь его двор. Клан Нарышкиных объявляет мобилизацию – по всей стране звучит призыв собирать дворянское ополчение в лавре и двигаться против изменщиков, якобы пытавшихся убить Петра Алексеевича.

Разумеется, Софья от своего имени тоже созывает ополчение, но уже в Москве. Только с ней уже не было верного друга Василия Голицына. Человек, пользовавшийся непререкаемым авторитетом в армии и среди боярства, уж он-то сумел бы навести порядок! Но Голицын, оскорбленный своей бывшей возлюбленной, во время этих событий уехал к себе в имение и жил там безвылазно. Кстати, идею Шакловитого о коронации Софьи он, умный и трезвый политик, не поддержал, считая ее несусветной глупостью.

Вопрос – а почему он не ринулся ей на выручку? Ведь момент-то был роковым, переломным! Он что, не мог переступить через свою гордость незаслуженно обиженного человека и кинуться на выручку Софье, попавшей в беду? Мы не знаем, насколько велика была его обида и почему он так поступил… Может, он ждал от Софьи сигнала? А гордая женщина посчитала ниже собственного достоинства получать помощь от брошенного ею возлюбленного? Чувствовала свою вину перед ним?

Как бы то ни было, Софья осталась без опоры, а Шакловитый, это ничтожество, ничего не смог сделать для нее. В конце августа 1689 года Россия оказалась на грани гражданской войны. Но никаких решительных действий ни одна, ни другая сторона не предпринимала. Наоборот, Софью начали предавать. Постепенно из Кремля в Троице-Сергиеву лавру, к Петру, начали уходить стрельцы, бояре и, казалось бы, преданные ей, тысячу раз проверенные люди. Ушел в лавру и патриарх Иоаким, предположительный отец Петра. Наконец, Софья не выдержала и, решив запросить мира, отправила в лавру своих послов – те тоже будто растворились на монастырском подворье. Тогда она сама отправилась в лавру, но ее туда не пустили. Осознав, что ей больше ничего не добиться, она поселилась в Новодевичьем

монастыре.

Почему так случилось, что страна выбрала Нарышкиных? Ведь большинство из перебежавших к Петру дворян, солдат и стрельцов руководствовались не соображениями о судьбах России, а собственными эгоистическими стремлениями, страхами и расчетами. Иногда, правда, это делали по прямому приказу своих начальников и благодетелей. Однако выбор у них, несомненно, был. Расчет на милость Нарышкиных, если они победят? Но ведь и Милославские не поскупятся ради тех, кто посадит Софью на престол! Был ли это прямой подкуп со стороны Нарышкиных? Тоже сомнительно, ведь никаких особых богатств, ни возможностей раздавать придворные чины у них не было, а вот у Милославских они были! Да и претендент на трон у Нарышкиных был какой-то неказистый – «второй» царь, а вовсе даже не первый…

Так почему же страна все-таки выбирает Нарышкиных? Ответ один – это пол Софьи. Да, Россия была готова признать женщину правительницей, но не правящей царицей. Поэтому-то Россия и вручила власть клану Нарышкиных. Заметим, не Петру, а клану, у которого был «второй» царь, Петр. Петра, кстати сказать, в эти дни было не видно и не слышно. Кто сказал, что россияне выбрали Петра? А никто. Знали его мать «медведиху» Наталью Кирилловну, знали клан Нарышкиных, патриарха. Вот эти-то люди и шли к власти. А что же Петр? Он ни в каких переговорах не участвовал, не устраивал никаких альянсов, никого не уговаривал и не запугивал. Так было и в дальнейшем. Его, кстати сказать, Наталья Кирилловна до самой своей смерти в 1694 году, то есть еще 5 лет, к власти и близко не подпускала, а правила сама. По замечанию все того же Куракина, правление Натальи Кирилловны характеризовалось как «правление весьма непорядочное»: при ней процветали «мздоимство великое и кража государственная», на Россию обрушились «судейские неправды» и прочие беды. Это ни в какое сравнение не идет с характеристикой правления Софьи, данной тем же Куракиным!

И еще одно замечание. Голицын и Софья – это реформы, это перемены, это движение вперед, чего боярство страшно боялось. А Нарышкины – это кондовый застой, который всех устраивал. Все, кстати, так и случилось – изменения, которые вводились при прежних царях, Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, были отменены (они еще не знали замыслов Петра, от которых Россия содрогнется!). Это еще один ответ на вопрос, почему Россия выбрала Нарышкиных.

Вернемся к нашим героям. Федора Шакловитого Софья, как ни жаль ей было своего нового любовника, была вынуждена

отдать на расправу Петру. Это случилось в сентябре. После дыбы и пыток он сознался в злоумышлении против Петра, напоследок обвинив во всех смертных грехах Голицына. После собственноручного письменного «изъяснения» дела он 11 октября 1689 года был «казнен смертию».

А что же Голицын? Узнав о крахе Софьи, он решил сдаться на милость победителя, и вместе со своими немногочисленными приближенными сам явился к Петру в лавру. Его тоже туда не пустили и прямо у монастырских стен зачитали приговор. Он лишался боярского чина, всех званий, имущества и ссылался в город Каргополь, а затем в деревню Яренск. Его обвиняли в неудаче Крымских походов и взяточничестве: якобы при заключении «Вечного мира» получил от поляков 100 тысяч рублей, за взятку в 10 тысяч назначил Ивана Мазепу гетманом Украины, два бочонка золота получил от крымских татар за остановку своих войск перед Перекопом во время второго Крымского похода, и так далее. Якобы у него после ареста в тайниках нашли 100 тысяч червонцев, 400 пудов серебряной посуды и другого добра. Обвиняли Василия также в «изповышении» (незаконном титуловании) царевны Софьи, в том, что он приказал пытать того самого колдуна Ивана Бунакова, который «вынимал» его след, а также сжечь человека, который готовил для него приворотное зелье, чтобы добиться благосклонности Софьи.

Навет Шакловитого, будто Голицын принимал активное участие в заговоре против Петра, еще больше усугубил положение Василия. Его с семьей было приказано перевести в Пустозерский острог, на низовья Печоры, а последним пунктом его ссылки стало село Колмогоры Архангельской губернии. За время этого пожизненного изгнания (25 лет!) он, великий государственный деятель, ничем себя не проявил. Не оставил своего жизнеописания (а ему было что рассказать потомкам!), не организовал антипетровского заговора… Жил под надзором вместе с семьей и малочисленной дворней на казенные «кормленные» деньги, занимался небольшим хозяйством. Проживая в ссылке, Голицын любил посещать Красногорский монастырь, которому завещал перед смертью самое дорогое, что у него было, – подарки Софьи. Это был лично вышитый ею образ Богоматери, плащаница и воздух (покров для сосудов с причастием). Свое последнее пристанище он нашел в том же монастыре в апреле 1714 года.

Вспоминал ли он за эти годы Софью? Несомненно, вспоминал. Она часто снилась ему по ночам, с ней он вел мысленные беседы, в которых задавал ей один и тот же вопрос:

почему она так с ним несправедливо, жестоко поступила?… Но и спустя годы он на него ответа так и не находил. Во снах, как и жизни, она была не с ним… Он жил только памятью о той единственной, которая принесла ему так много счастья и так много горя. Он все еще любил ее….

Говорят, что время лечит душевные раны. Все это чепуха! Сначала, после внезапного разрыва отношений, испытываешь невыносимую боль от того, как поступили с тобой, затем стараешься забыть и сам объект вожделений, и ее поступок, но по прошествии времени боль от утраты дорогого тебе существа не только не утихает, но еще больше усиливается, тлеет, как угли под тонким слоем пепла.

Возникает вопрос: если бы у Софьи был выбор, уехала ли бы она с ним в ссылку? Ведь они оба потерпели поражение, оба перенесли трагедию, логично было бы и коротать оставшиеся годы вместе. В литературе воспевали жен декабристов, вслед за мужьями отправившихся в ссылку. Из-за этого даже появилось такое расхожее выражение, как «жена декабриста», подразумевающее принесение себя в жертву ради любви к мужу. Однако это неправда – в ссылку уехало 135 декабристов, и лишь за пятью последовали их жены!

Софья, конечно же, с Голицыным в ссылку не поехала. И виной тому была отнюдь не она сама. Во-первых, им строжайше было запрещено не то что общаться, а даже переписываться. Голицыну, кстати, как раз ставили в вину то, что он в первой ссылке имел сношения с Софьей. Во-вторых, Софья в Новодевичьем монастыре тоже пребывала под надзором. Она проживала в отдельной келье, имела женскую прислугу, могла общаться с приезжавшими к ней сестрами. Еда у нее была с царского стола, в общем, жизнь у нее была довольно комфортной. Все это претило характеру деятельной и энергичной женщины, но поделать с этим она ничего не могла.

Все изменилось через 9 лет, в 1698 году. В этом году опять взбунтовались стрельцы. Петр учинил сыск над ними и жестокую расправу. Софью обвинили в том, что она якобы писала стрельцам «призывные письма», а они составляли ей челобитные с просьбой прийти на царство. Петр лично допрашивал свою сводную сестру, она все отрицала. Софья уже смирилась со своей участью и ни на что не претендовала. Обвинение было ложным. Наконец, в декабре 1698 года над Софьей был устроен суд. Петр обошелся с ней довольно мягко, а мог и голову отрубить, но решил напоследок поиздеваться. Через десять дней ее постригли в монахини под новым именем Сусанна. Под окнами кельи Софьи были повешены 195 стрельцов, причем трое из них с

привязанными к их рукам теми самыми «челобитными» к Софье. Целых пять месяцев висели, раскачиваясь на ветру, разлагающиеся трупы. Пять месяцев бывшая царевна с ужасом смотрела на них и вдыхала трупный запах. Фактически, Софья находилась в монастыре под арестом и строгой охраной. Так провела остаток своей жизни, еще долгих 6 лет, бывшая правительница России. Она умерла в 1704 году, перед смертью приняв схиму под своим прежним именем – Софья. Ей было всего 47 лет.

Вспоминала ли она во время своего заточения о «свете моем» Василии Голицыне? Хочется верить, что вспоминала. Вспоминала его поцелуи, его ласки, его объятия…

Так трагически закончилась история любви этих двух великих людей – Софьи Романовой и Василия Голицына.

Царь Петр I Алексеевич. Дракон Московский

14 марта 1719 года в Петербурге при стечении большого количества народу Мария Гамильтон взошла на эшафот, где ее уже ждала плаха и стоял палач с топором. На церемонии казни своей бывшей любовницы присутствовал сам Петр I. Он участливо простился с осужденной на смерть, поцеловал ее, попросил молиться за всех грешных, остающихся на земле. Поднимаясь по ступенькам, Мария от страха пошатнулась и чуть не потеряла сознание, но царь заботливо поддержал ее под руку и помог сделать последний шаг к смерти. Палач грубо схватил ее за волосы, заставил опуститься на колени, положить голову на плаху и взмахнул топором. Раздался глухой удар, толпа ахнула, и голова Марии упала на сырые доски эшафота. Петр I широкими шагами подошел к ней, наклонился, схватил за испачканные кровью волосы, поднял и крепко поцеловал в мертвые губы! Потом он показал голову застывшим от ужаса собравшимся и прочел лекцию по анатомии, большим знатоком которой он был, называя по латыни все затронутые при отсечении позвонки. По свидетельствам очевидцев, после этого Государь небрежно бросил голову в грязь, размашисто перекрестился и ушел, бросив через плечо: «В

кунсткамеру!»

Прежде чем приступить к рассказу о следующем герое нашего повествования, Петре I, нужно определить, к какой главе нам отнести этот рассказ. Поскольку данная глава называется «Эпоха царей», то, значит, и включать в себя она должна этюды только о царях. Однако Петр I сначала, в 1682–1721 годах, был царем и только затем стал императором и был им до самой своей кончины в 1725 году. Арифметика тут простая: 39 лет царствования против четырех лет императорствования, если можно так сказать. Так что с полным основанием Петра I будем считать царем.

О реформах Петра мы тоже говорить не будем, так как данный сюжет не является темой нашего рассказа. Скажем лишь, что, согласно устоявшемуся мнению, а вернее, распространенной пропаганде, все преобразования Петра являются прогрессивными и передовыми, а до него Русь якобы была каким-то замшелым и отсталым средневековым царством. Факты, впрочем, говорят от обратном: Петр I не придумал решительно ничего нового, и все его реформы – лишь уродливо искаженные, гипертрофированные и весьма бездарные продолжения тех процессов, которые начались задолго до него.

А. С. Пушкин говорил о Петре, что все его указы «как будто писаны кнутом».

Лев Толстой, сначала почитавший Петра, задумав написать о нем роман и начав собирать материалы, позже выразился так: «Был осатанелый зверь… великий мерзавец, благочестивый разбойник, убийца… забыть про это, а не памятники ставить!»

«Дракон Московский» – именно так сказал о нем М. А. Булгаков.

Николай II отозвался о нем мягче (как-никак, родственник): «Я не могу не признать больших достоинств моего предка… но именно он привлекает меня менее всех… Он уничтожил русские привычки, добрые обычаи, взаимоотношения, завещанные предками».

Вот о взаимоотношениях-то мы и поговорим. И поскольку тема нашей книги – любовь, о взаимоотношениях с женщинами Петра I мы и расскажем.

Предваряя наше повествование, чтобы ни у кого не было иллюзий, сразу скажем – Петр I никогда и никого не любил. Ни своих женщин, которых у него было не счесть, ни детей, рожденных от них, вообще – никого! А что же женщины? Любили ли они Петра? На этот вопрос можно ответить однозначно – любила лишь одна, законная жена Евдокия Лопухина, да и то

только самое непродолжительное время – всего около года. А остальные пользовались Петром или ради удовлетворения своей похоти, или ради выгод, либо панически боялись его, причем последних было значительно больше.

Петр повзрослел рано. Времяпровождение у него было одно – занятия с потешным войском, постройка ботиков и лодок на Яузе-реке, а также веселые забавы в Немецкой слободе – Кокуе. Веселый образ жизни включал, разумеется, употребление спиртного и общение с женским полом; при этом особой целомудренностью юный царь не отличался. В Немецкой слободе он познакомился со швейцарским офицером Францем Лефортом. А тот, в свою очередь, познакомил его со своей любовницей, 17-летней Анной Монс, дочерью трактирщика. Петр и Анна были одногодками, оба 1672 года рождения. Анна Монс была по происхождению немкой, младшей дочерью то ли золотых дел мастера, то ли виноторговца и заядлого картежника из Вестфалии. Заметим, что в Россию иностранцы приезжали по трем причинам: желая стать офицером на русской службе, по купеческим делам или по причине неладов с законом в Европе. Так что если отец Анны был картежником, то вполне понятно его появление в России: небось, в карты кого-то обжулил, и бежать ему было просто некуда, кроме как в «дикую» Московию.

Анна, по словам одного из современников, была «девица изрядная и умная», а другой, напротив, находил, что она «посредственной красоты и разума». Как бы то ни было, но веселая, любвеобильная и находчивая хохотушка, всегда готовая пошутить, потанцевать или поддержать светский разговор, завладела сердцем Петра. Франц Лефорт, не будь дураком, подсунул ему свою бывшую любовницу, предчувствуя для себя немалые выгоды. С тех пор Петр все время проводил в обществе Анны Монс.

В 1688 году, когда Петру не исполнилось еще и 17 лет (приблизительно в то же время, когда он познакомился с Анной), его мать, Наталья Кирилловна Нарышкина, задумала женить сына. Вообще-то с женитьбой можно было бы и подождать, но политические обстоятельства заставляли царицу действовать. Страной правили Софья с Голицыным, все набирая силу, и им с сыном всю жизнь предстояло провести не у дел. Столь ранний брак Петруши должен был существенно изменить его положение, а заодно и самой Натальи Кирилловны. По обычаям того времени женатый юноша становился совершеннолетним и в данном случае уже мог претендовать на власть. Правление Софьи, как мы помним, по уговору формально должно было продолжаться лишь до совершеннолетия братьев, Ивана и Петра, хотя и никакими

сроками оно не ограничивалось. «Медведихе» хотелось поскорее выгнать из Кремля ненавистную падчерицу Софью и самой занять ее место.

Был и еще один расчет в планах хитроумной царицы Натальи – защитить потомство Петра от притязаний наследников его сводного брата, «первого» царя, Ивана, который к этому времени был уже женатым человеком и ждал прибавления семейства. Кроме того, «медведиха» этим актом пыталась оградить Петра от недостойных привычек, почерпнутых им в Немецкой слободе, привязать к семейному очагу.

В жены Петруше она выбрала Евдокию Лопухину, дочь незнатного боярина Иллариона Лопухина, обладавшего многочисленными родственниками. Разумеется, она выбрала себе в невестки девушку попроще, «дабы та из воли не выходила». Девчонкой она по «отцовской деревеньке убогой в лапотках бегала». В то время отец невесты был стрелецким головою. «Медведиха», таким образом, пыталась воспользоваться новой родней и стрельцами в борьбе за власть. К тому же Авдотья была воспитана в лучших традициях старомосковского домостроя, что очень нравилось Наталье Кирилловне. «Старина, она есть старина, это лучше всяких новомодных перемен», – примерно так рассуждала царица.

Вопрос о женитьбе Петра был решен без всякого согласования с женихом, да в то время этого и не требовалось. Невеста была старше жениха – ей уже было 20 лет, девица, так сказать, в самом соку. Ее истинное имя было Прасковья, но перед свадьбой его поменяли на Евдокию. По поверьям, это должно было отвести от нее порчу. Заодно изменили имя и ее отца – теперь вместо Иллариона он стал зваться Федором.

Евдокия Лопухина слыла красавицей, по отзывам современников, «принцесса лицом изрядная, токмо ума посреднего и нравом несходная своему супругу». Венчание царственной пары состоялось 27 января 1689 года, но с первых же месяцев у молодых начались нелады. Воспитанная по старине, набожная и благочестивая, Евдокия не могла привлечь к себе энергичного мужа и не разделяла его увлечений, а они сводились к бабам, пьянству, табаку и «марсовым делам». Надежды Натальи Кирилловны на привязанность Петра к семье не оправдались – Авдотья не имела ни малейшего влияния на мужа.

Она не разделяла взглядов Петра и не могла простить мужу частых отлучек из дома. Желая размеренной старозаветной жизни, она не хотела менять своего привычного уклада; все это привело к возрастающей неприязни между супругами. Ей бы хотелось целоваться-миловаться с «лапушкой Петрушей», да

вместе читать молитвы, да поговорить с блаженными и юродивыми, чего Петр решительно терпеть не мог. Это тот, к сожалению, нередкий случай, когда родители только навредили юноше и девушке, насильно объединив их в одну семью. Особенно Евдокию воротило от связи Петра с Анной Монс, о которой она вскоре узнала.

Один из очевидцев писал об Авдотье и Петре, что «любовь между ними была изрядная, но продолжалася токмо год». Возможно, что охлаждение отношений между молодыми супругами наступило значительно раньше, так как сразу же после медового месяца Петр оставил Евдокию и укатил на Переяславское озеро заниматься «нептуновыми потехами». Сохранилось несколько писем Евдокии к Петру и не сохранилось ни одного ответа от него. В 1689 году, когда он отправился на Переяславское озеро, Авдотья обращалась к нему с такими нежными словами: «Здравствуй, свет мой, на множество лет. Просим милости, пожалуй, государь, буди к нам, не замешкав. А я при милости матушки твоей жива. Женишка твоя Дунька челом бьет». В другом письме, адресованном «лапушке моему», она просила разрешения самой приехать к нему на свидание. Еще два письма Евдокии относятся к более позднему периоду времени, к 1694 году. Последнее из них полно грусти и печали одинокой женщины, которой хорошо известно, что она покинута ради другой. В этом письме уже не было обращения «к лапушке», Авдотья не скрывала своей горечи и не смогла удержаться от упреков, называла себя «бесчастной», сетовала на то, что не получает в ответ на свои письма «единой строчки». Не укрепило семейных уз и появление на свет в 1690 году сына Алексея. Еще два сына, Александр и Павел, умерли в младенчестве.

Евдокия Лопухина не смогла удержать мужа возле себя. Ей были противны его пьяные оргии, курение табака, панибратство с простолюдинами (ведь царь же!), а ему – набожность и благочестивость жены. Супруги все больше отдалялись друг от друга. При встречах она просила Петра порвать с Немецкой слободой и выгнать «мерского Алексашку Меншикова». На это царь сердился и уезжал к «подлой Монсихе». Не ладились у Евдокии и отношения со свекровью. Царица Наталья все время попрекала ее худородством и обвиняла в том, что она не может удержать Петрушу.

А потом случился августовский переворот 1689 года. Софья была вынуждена переселится в Новодевичий монастырь, Василия Голицына отправили в ссылку. Петр стал настоящим, а не «вторым» царем. Только после этого Евдокия перебралась в Кремль, но и там ей отвели самые дальние палаты. Но Петр и

здесь не посещал ее, даже не приехал на похороны своего сына Александра. Евдокия стала ненавидеть мужа, да и родственники Лопухины стали нашептывать ей: «Погоди, случись что, и ты будешь царицей…», – намекая на разгульный образ жизни Петра. Клан Лопухиных открыто выражал недовольство поступками Петра.

А что же Анна Монс? Она радовалась жизни, и ее нисколько не заботили переживания Евдокии Лопухиной. Положение, которое она заняла при Петре, сулило ей немалые выгоды. Она всюду сопровождала царя, была рядом с ним даже на разных торжествах и пирах. Первоначально их связь всячески скрывалась, и за ее разглашение полагалось жестокое наказание, но потом это перестало быть секретом, и любовники словно бросали обществу вызов, не скрывая своих отношений.

Вряд ли «чувственная красавица, образец женских совершенств», как о ней отзывались немцы, любила Петра. Она отдалась ему исключительно из соображений выгоды. Анна полагала, что Петр не поскупится для нее и обеспечит всю ее семью. Петр, действительно, дарил ей дорогие подарки (это особенно удивительно, если знать, насколько он был скуп с женщинами). Имеются предположения, что все разговоры с Петром она передавала своему бывшему любовнику Лефорту, который таким образом был осведомлен обо всех его делах, даже альковных. Хитрый швейцарец хотел влиять на царя и способствовать реализации интересов иностранцев в России.

Тем временем в 1694 году умерла мать Петра Наталья Кирилловна Нарышкина. Наконец он стал самовластным государем. До этого мать не подпускала его к государственным делам и правила сама. Есть сведения, что она, наоборот, тайно развивала в нем дурные наклонности – пьянство, разврат, разные безумные выходки, лишь бы он не лез в государственные дела. С женой она его тоже ссорила преднамеренно, чтобы ее сын не имел тыла в собственной семье и не смог серьезно начать с ней борьбу за трон.

Теперь у Петра руки были развязаны, и он мог вытворять что хотел. В первую очередь он решил избавиться от законной жены Евдокии Лопухиной. Лопухину еще называли царицей, она проживала с сыном Петра Алексеем в Кремле, но ее родственники, занимавшие видные государственные посты, попали в опалу. Сначала от двора были удалены отец царицы Евдокии и два ее дяди. Отца без всяких объяснений отправили в ссылку, а дядьев – воеводами в отдаленные местности. Потом он принялся за саму Авдотью. Путь ей был один – в монастырь; казнить, как он это практиковал в дальнейшем, у Петра еще

привычки не было. Молодой еще был царь и не такой кровожадный.

Итак, официальных поводов отправить Евдокию в монастырь было два: бесплодие и прелюбодеяние. Однако поводов к этому Лопухина не давала – исправно рожала Петру детей. Тогда ближним боярам Льву Нарышкину и Тихону Стрешневу было поручено добыть от Евдокии признание в прелюбодеянии. Ничего из этого у них не получилось: «И мы о том говорили прилежно, чтобы учинить во свободе, и она упрямитца». Петр не отступал – он приказал Федору Ромодановскому, ведавшему Приказом тайных дел, о котором говорили: «Собою видом как монстра, нравом злой тиран», – силой вырвать у нее признание. Но и у этого «тирана» ничего не получилось. Евдокия была тверда как камень, а признаваться ей было не в чем. Видя, что у его подручных ничего не выходит, Петр решил сам провести с ней беседу. Она продолжалась четыре часа. Все напрасно. Несолоно хлебавши Петр в 1697 году уехал за границу в Великое посольство. Уже оттуда, из Лондона, он приказал Ромодановскому во чтобы то ни стало заточить жену в монастырь.

Тем временем Петр за границей ударился во все тяжкие. Известно о его краткой связи с английской актрисой Летицией Кросс, которой Петр за ночь любви заплатил 500 гиней. Известна и история о том, как он пообещал дочери одного пастора жениться на ней и сделать царицей. Пастор, простая душа, поверил Петру, но как только Петр лишил девушку невинности, сразу же забыл о своем обещании и отослал ее назад к отцу, заплатив 2000 гиней. Известно и о других его амурах за границей с безвестными женщинами, которых было не счесть.

Поскольку Ромодановский своей задачи не выполнил, Петр решил действовать вопреки закону. Сразу же после своего возвращения из-за границы в 1698 году Петр приказал насильно постричь Евдокию в монахини. Местом ее заточения должен был стать Суздальский Покровский монастырь. Архимандрит обители, видя такую несправедливость, отказался постричь Евдокию в монахини, за это его арестовали. 29-летняя Дуня, молодая женщина, отчаянно сопротивлялась постригу; ей не хотелось заживо замуровывать себя в холодный склеп монастырской кельи – ей хотелось жить! Целых два месяца ежедневно специальный посланник Петра уговаривал ее согласиться.

В конце концов в нарушение всех законов и монастырских уставов она насильно приняла постриг под именем Елены. Никакого содержания от казны ей назначено не было и не определено никакой прислуги; все необходимое, в том числе и еду, она получала от родственников. Она терпела недостаток в

самом необходимом и не раз обращалась к своему брату Абраму Лопухину с просьбами о присылке пищи. «Хоть сама не пью, так было бы чем людей жаловать… здесь ведь ничего нет, все гнилое. Хоть я вам прискучила, да что делать? Покамест жива, да кормите, да одевайте нищую». Евдокия из царицы действительно превратилась, «благодаря» мужу, в нищенку.

Поскольку постриг Евдокия приняла лишь номинально, она всего полгода носила иноческое облачение, а после стала жить в монастыре обычной мирянкой. Постепенно о старице Елене, бывшей царице Евдокии, стали забывать. Избавившись от жены, Петр не проявлял к ней никакого интереса, и она получила возможность жить, как ей хотелось.

А Петр, удалив жену в монастырь, серьезно занялся Анной Монс. Он щедро одаривал ее за ласки. Обычно скуповатый, ей и ее матери он пожаловал 708 рублей годового содержания. Анне подарил огромный каменный дворец в Немецкой слободе, построенный специально для нее, и свой миниатюрный портрет величиной с чайное блюдце, усыпанный бриллиантами, ценой в 1000 рублей. В архивах Преображенского приказа зафиксировано неподдельное изумление немецкого портного Франка при виде роскошной опочивальни, которая была «красотой всего дворца». Царь решил: главное – чтобы спальня, в которой он часто бывал, была удобной и красивой. В 1703 году, хотя и не без некоторых колебаний, Петр преподнес в подарок Анне поместье Дудино (295 дворов) в Козельском уезде. Родственники Анны Монс также получили богатые имения. А разных драгоценных безделушек, таких как кольца, колье, мониста, браслеты, сережки и прочее, подаренных ей Петром, было вообще не счесть.

Очевидно, что Анна нисколько не любила Петра и вступила с ним в связь исключительно ради собственной выгоды. Ее аппетиты постепенно росли. Пользуясь расположением царя, она выпрашивала у него все новые и новые подачки. Причем, действительно, будучи женщиной «посредственного разума», часто прибегала при этом к нехитрым приемам. Например, она писала к нему: «Умилостивись, государь царь Петр Алексеевич! Для многолетнего здравия цесаревича Алексея Петровича своя милостивый указ учини – выписать мне из дворцовых сел волость». Вот так. За здравие цесаревича Алексея, к которому она вообще никакого отношения не имела и который из-за нее же был оторван от своей матери, подарить ей целую волость!

Анна ничем не выказывала своей любви к Петру и лишь однажды послала ему подарок: «четыре цитрона и четыре апельсина», чтобы Питер «кушал на здоровье», да цедроли в скляницах («больше б прислала, да не могла достать»). Ах, щедра,

матушка, щедра! Писала она ему на немецком языке, реже – на голландском, а русские тексты для нее писал личный секретарь. Подписывалась она так: «верная слуга».

Петр тем не менее потакал всем просьбам своей пассии и даже всерьез думал на ней жениться. А Анна, почувствовав свою силу, стала вмешиваться в разные тяжбы и споры, начала ходатайствовать перед царем как за немцев, так и за русских, не забывая при этом и себя, конечно. Петр принимал это как должное, не прекращая при этом любовной связи с подругой Анны, Еленой Фадемрех, от которой он также получал записки.

Неизвестно, как долго все это продолжалось бы, если бы не случай. Однажды в 1703 году, в самом начале Северной войны случайно утонул саксонский офицер Кенигсек, незадолго до этого принятый на русскую службу. Просматривая бумаги Кенигсека, царь обратил внимание на некие письма, написанные женщиной. Содержание писем не оставляло сомнений – он находился с этой женщиной в интимных отношениях. Присмотревшись внимательно, Петр похолодел – он узнал почерк Анны Монс! Оказывается, Анна ему изменяла! Это стало для него страшным открытием. Вне себя от гнева он приказал позвать Анну. Та, покраснев, созналась – ведь доказательства-то были на руках! Услышав ее признание, царь, этот железный человек, вдруг заплакал и якобы разразился следующей тирадой: «Забываю все, я тоже имею слабости. Я не буду вас ненавидеть и обвиняю только собственную доверчивость. Продолжать мою любовь с вами – значит унизить себя. Прочь! Я умею примирить страсти с рассудком. Вы ни в чем не будете нуждаться, но я вас больше не увижу».

Согласно другим источникам, он сказал: «Чтобы любить царя, надлежало бы иметь царя в голове».

Так или не так изъяснялся Петр, но слова своего он не сдержал. Анну и ее сестру (возможно, способствовавшую связи с Кенигсеком) посадили под домашний арест. Им даже запретили посещать кирху. За что, спрашивается? Анна Монс была свободной женщиной и могла любить, кого хотела – хоть царя, хоть саксонца. Но это по справедливости, а справедливым с женщинами Петр никогда не был. Конечно, Петр и Анна были любовниками много лет, и царь уже привязался к ней, но того, что она отдалась другому, он простить не мог. Ревность! Вот то страшное чувство, которым руководствовался Петр. По-человечески его понять можно. Но простить нельзя. По какому закону он заточил Анну? Ни до, ни после Петра не было таких законов, чтобы лишать свободы изменившую любовницу. Петр поступил так по своему личному произволу. Ну, избил бы ее

своей знаменитой тростью, ну, отобрал бы у нее дворец (все-таки на казенные деньги построенный) или отослал бы ее с глаз подальше – а то сразу под арест! Да к тому же отобрал у нее все свои подарки – уж подарки-то мог бы и оставить, все-таки она их заслужила, доставляя Петру удовольствие. Дворец, кстати, и имения он тоже отобрал. Анна ни за что не хотела отдавать подаренный ей тысячерублевый портрет Петра с бриллиантами, говоря, что это память о нем. Драгоценную миниатюру пришлось оставить ей.

Известие об «измене» Анны распространилось быстро. Слухи об этом дошли даже до бывшей жены Петра Евдокии Лопухиной, и та радовалась, что «шлюха» наставила ему рога. Три года Анна Монс провела в заточении, пока за нее не начал ходатайствовать прусский посланник Георг Иоганн фон Кейзерлинг, задумавший жениться на ней. Сказать, что это была любовь, нельзя. Чертовски привлекательная Анна очаровала посланника и уговорила его заняться ее судьбой. Благодаря настойчивости и всевозможным ухищрениям ей это удалось. Петр к этому времени уже поостыл, вернее, охладел к Анне, так как у него появилась новая пассия, Марта Скавронская, и из-под ареста выпустил. Освобождение Анны пришлось на 1706 год.

Однако авантюристка на этом не успокоилась. В том же году она была обвинена в ворожбе с целью снова привлечь к себе внимание Петра и опять угодила в тюрьму. Обвинение в колдовстве в петровскую эпоху было одним из тягчайших преступлений, и за это полагалось суровое наказание. Это тебе не измена любовнику! Заодно с Анной в тюрьме томились более 30 человек, косвенно связанных с этим делом; некоторые вообще не знали, за что сидели. Расследование этой туманной истории закончилось только в 1707 году освобождением Анны из-под стражи. Не мстил ли Петр таким образом своей бывшей любовнице? Как знать…

Кейзерлинг все добивался от Петра разрешения жениться на Анне. В ответ на его просьбу царь однажды ответил пруссаку, «что он воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то ни о ней, ни о ее родственниках ни слышать, ни знать не хочет». Разрешение на свадьбу Анны Монс с Кейзерлингом было получено только в 1710 году, и свадьба состоялась в июне 1711 года в Немецкой слободе. Через некоторое время Кейзерлинг, явно по наущению Анны, воспользовавшись хорошим настроением Петра, решил выпросить хлебное место для брата своей бывшей фаворитки Виллима. Петр резко оборвал посла, повторив: «Я держал твою Монс при себе, чтобы жениться на ней,

а коли ты ее взял, так и держи ее, и не смей никогда соваться ко мне с нею или с ее родными!» Петра поддержал и Александр Меньшиков: «Знаю я вашу Монс! Хаживала она и ко мне, да и ко всякому пойдет. Уж молчите вы лучше с нею!» Эта беседа проходила на пиру у одного польского пана в окрестностях Люблина. Кончилось все это для Кейзерлинга скверно: пьяные Петр с Меньшиковым вытолкали надоедливого посланника за дверь и с позором спустили его с лестницы. Особа посла неприкосновенна, но Петру на эти дипломатические тонкости было наплевать. Неуемный пруссак подал на Петра жалобу, но обвинили его же и заставили извиниться.

А через полгода после свадьбы Кейзерлинг внезапно умер по пути в Берлин. Анна овдовела. На протяжении последующих трех лет она вела тяжбу с родственниками мужа за его курляндское имение и находившийся при нем алмазный потрет Петра. Эта тяжба завершилась в пользу Анны Ивановны Монс. К этому времени веселая вдова была уже обручена с пленным шведским офицером Карлом фон Миллером, проживавшим в Немецкой слободе. Но их совместная жизнь продолжалась недолго – Анна Монс скончалась от чахотки 15 августа 1714 года на руках матери-старухи и пастора, в беспамятстве вспоминая какую-то сироту. Уж не ребенка ли от Петра она имела в виду? От Кейзерлинга у нее было двое детей, судьба которых осталась неизвестной. Ей было всего 42 года.

А что же Евдокия Лопухина, то бишь монашенка Елена, что с ней стало? Ее печальная история также весьма любопытна. Она по-прежнему проживала в Суздальском Покровском монастыре. Петр, казалось, про нее уже совсем забыл. Церковники, как могли, поддерживали Евдокию. Монахи стали выпускать ее в родовое село Дунилово, которое ей было пожаловано в день свадьбы. Царица вновь надела светское платье и стала принимать людей. Вокруг Евдокии организовался кружок приверженцев старозаветной жизни, которым петровские перемены были не по нутру. Они надеялись, что скоро наступят времена, когда ее сын Алексей станет царем. Епископ Ростовский Досифей пророчествовал, что она снова станет на Москве царицей. Были у нее и другие доброжелатели, были и поклонники. Красивая, молодая, привлекательная 40-летняя Евдокия Лопухина, соломенная вдова, вдруг… влюбилась! К ней пришла большая любовь, запоздалая, но бурная. Ведь она еще, по сути, так и не любила! Петр не в счет – она только хотела верить, что любит его, и у них, может быть, все сложилось бы, если бы не разные характеры. Двадцатилетняя Евдокия тогда, в год их свадьбы, была наивной и невинной простушкой, а сейчас она стала умудренной

жизнью женщиной, познавшей и многочисленные измены мужа, и ссылку в монастырь. В 1710 году суздальский протопоп Андрей Пустынный познакомил ее с генерал-майором Степаном Глебовым, который приехал в Суздаль набирать солдат. Между ними сразу же вспыхнула симпатия, а вскоре пришла и любовь. Ласки бывшей царицы так понравились Глебову, что он забыл обо всем. Епископ Досифей даже обещал их тайно обвенчать. Но их роман был совсем коротким. По одной версии, бравый генерал, испугавшись связи с царицей, добился перевода в другую часть, а по другой – быстро охладел к монашке Елене и отправился покорять новые женские сердца.

Как бы то ни было, но Евдокия очень жалела об их разлуке и писала ему такие, например, письма: «Забыл ты меня так скоро. Не угодила тебе ничем. Мало, видно, твое лицо и руки твои, и все члены твои и суставы рук и ног политы моими слезами… Свет мой, душа моя, радость моя! Видно, приходит злопроклятый час моего расставания с тобой. Лучше бы душа моя с телом рассталась! Ох, свет мой! Как мне на свете жить без тебя? Как быть живой? И только Бог знает, как ты мне мил. Носи, сердце мое, мой перстень, люби меня, я такой же себе сделаю… я тебя не брошу до смерти». Эти письма говорят об истосковавшейся по любви Евдокии, как о темпераментной, пылкой, живой и чувственной женщине. А сколько в них страсти и тоски!

Невольно поражаешься бесстрашию влюбленных, живших в жестокий век Петра. Отважный генерал проникает ночью в келью монахини и наслаждается любовью пусть и бывшей, но все-таки царицы! Многим подданным эта мысль и в голову не пришла бы. А уж доверять такое бумаге не каждая женщина решится! А она решилась…

Связь Глебова и Евдокии открылась случайно. В 1718 году, когда началось следствие по делу царевича Алексея, выяснилось – он поддерживал контакты с матерью, что ему было строжайше запрещено. В Суздальский женский монастырь нагрянула следственная комиссия в составе капитана Скорнякова и поручика Писарева. Во время обыска в келье Евдокии была найдена ее переписка со Степаном Глебовым. Схватили и его. У монахов под пытками выяснили, что Евдокия «блудно жила» и «многажды» пускала к себе Степана. Петр, узнав о тайных похождениях своей бывшей жены, взъярился и бросился в монастырь, думая застать там любовников врасплох. Ему, видно, не доложили, что дело-то давнее, еще 1710 года. Однако вместо любовников он застал в монастыре лишь богомолок и монахинь. Евдокию со всем ее окружением под арестом препроводили в Москву.

На глазах Дуни Глебова начали пытать. Чтобы добиться от него признания, Степана пытали так, как никого не пытали даже в то время: огнем, водой, раскаленным железом, а вдобавок еще и положили ему на грудь доску с гвоздями! Глебов, не выдержав страшных мучений, наконец сознался в близости с бывшей царицей. Но, что удивительно, он отказался покаяться за свое «преступление» и просить прощения у Петра даже тогда, когда на очной ставке в застенке Евдокия написала покаянную записку. Вот она: «Февраля 21, я, бывшая царица, старица Елена… со Степаном Глебовым на очной ставке сказала, что с ним блудно жила, в то время как он был у рекрутского набору, и в том я виновата. Писала своею рукою Елена». Помимо этого она, унижаясь, просила у Петра прощения, чтобы ей «безгодною смертью не умереть». Евдокия уже знала, что с Петром шутки плохи, и поспешила покаяться. Но как! Она ведь всю вину взяла на себя, чтобы выгородить любимого. Что испытала несчастная женщина, наблюдая за муками близкого ей человека, можно только догадываться.

А Глебов, мужественный человек, несмотря на чудовищные страдания, стоял на своем: каяться и пощады просить не буду! Его приговорили к казни на колу. За что, спрашивается? С монашками сожительствовать, конечно, нехорошо, но за это полагалось бы церковное покаяние, а никак не страшная смерть. Дело в Петре. Он, как собственник, не мог простить брошенной жене ее любовь к Глебову. Никаких чувств, Петр, конечно к бывшей супруге не испытывал и, надо полагать, попросту не терпел посягательств на свою, пусть и бывшую, собственность. И мстил, страшно мстил. Опять немыслимый произвол…

Почти сутки (18 часов!) умирал генерал Степан Глебов на колу посреди Красной площади. Чтобы он преждевременно не умер от холода, «заботливые» палачи по приказу Петра надели на него шапку и полушубок. Все это время возле него стоял священник и ждал покаяния. Но так и не дождался – Глебов умер молча.

Заодно частым гребнем прочесали и суздальское духовенство. Многие монахи в назидание были биты кнутом на Красной площади. Епископа Досифея колесовали, Андрея Пустынного и брата царицы Абрама Лопухина обезглавили. Специальным указом Петр поведал всем о «блудной» жизни царицы и сформулировал против нее обвинение так: «…за некоторые ее противности и подозрения». Вот так – за подозрения! Ее высекли кнутом и сослали в Ладожский Успенский монастырь. Царь приказал «днем и ночью солдатам ходить непрестанно» вокруг кельи Евдокии. Наступили страшные холода, и даже охранники

не выдерживали мороза и просили начальство «свести» их оттуда.

Евдокия надеялась дожить до смерти Петра, чтобы ей вышло послабление. Наконец, в 1725 году Петр умер, но к власти пришла Екатерина I, и жизнь узницы стала еще хуже – ее перевели в Шлиссельбургскую крепость. Там она пребывала в секретном заключении как государственная преступница под именем «известной особы». Но Евдокия пережила и Екатерину. И вдруг весной 1727 года она получила необыкновенно ласковое письмо от ее гонителя, «мерского» Алексашки Меншикова. Он вел свою игру, поскольку на престол взошел Петр II, родной внук Евдокии Лопухиной, отпрыск ее несчастного сына Алексея, убитого отцом. Евдокию опять перевели в Суздаль, а после ареста и ссылки Меншикова она поселилась в московском Новодевичьем монастыре. Петр II объявил, что назначает своей бабке содержание в размере 60 тысяч рублей в год и волость в две тысячи дворов. Евдокия опять обрела свободу и радость жизни, ей хотелось немногого – просто помыться после грязных и вонючих тюремных камер, в которых она томилась. Горячую ванну она принимала по десять раз на дню!

Никакой роли при дворе Петра II она не играла – она наслаждалась на старости лет свободой, которую, пройдя через все испытания, научилась ценить превыше всего. Но судьба вновь отвернулась от Евдокии. В 1730 году от оспы умирает Петр II, и на трон всходит ее родственница по мужу Анна Иоанновна. Кандидатура Евдокии Лопухиной рассматривалась Верховным тайным советом в качестве возможной претендентки на престол в связи с кончиной Петра II, но она от такой чести отказалась. Анне не нужна была соперница в споре за престол, и Евдокию снова отправили в Суздаль. Ей уже шел 61 год. Жена английского резидента видела ее там и писала своей приятельнице: «Она сейчас в годах и очень полная, но сохранила следы красоты. Лицо ее выражает важность… вместе с мягкостью при необыкновенной живости глаз». Евдокия Лопухина, последняя русская царица, тихо скончалась летом 1731 года.

Но вернемся к бомбардиру Петру Михайлову, как он сам себя называл. Его любовные похождения продолжались: последовала целая череда амурных приключений и кровавых расправ с его любовницами. Пока шли все эти перипетии с Анной Монс и Евдокией Лопухиной, вернее, во время этих событий Петр в 1703 году отбил у Меншикова полковую шлюху Марту Скавронскую. В юности она была любовницей пастора. Потом попала в плен при взятии города Мариенбурга в Прибалтике русскими войсками и досталась одному солдату, который использовал ее для плотских утех (и, по-видимому, не он один, так как в среде солдат принято

делиться с товарищами), затем она стала любовницей капитана Боура, у него ее купил за серебряный рубль фельдмаршал Шереметев, после этого она досталась Меншикову в той же роли, а уж после всей этой бесчисленной череды сексуальных партнеров Марту заприметил Петр. «Попробовав» Марту, Петр остался доволен и больше ее от себя не отпускал. Царь вообще был в этом отношении не брезглив и запросто отбивал у своих подчиненных женщин, которыми они уже вовсю попользовались. Такое произошло с Анной Монс, а теперь и с Мартой. Она родила Петру детей и после его смерти стала императрицей Екатериной I. (О ней и ее любовных приключениях мы расскажем в следующей главе.)

Но если Марта стала императрицей, то интимные отношения Петра с девицей Марией Гамильтон закончились для Марии трагедией. Эта Гамильтон происходила из древнего шотландского рода, перебравшегося в Россию в XVI в. Часть рода Гамильтонов осталась на родине: одна из женщин этого клана была любовницей адмирала Нельсона (Помните фильм «Леди Гамильтон», который после войны крутили во всех кинотеатрах страны?) Что стало причиной переселения Гамильтонов в Россию, неизвестно. Одни говорили, что они спасались от политических репрессий, связанных с войнами между Англией и Шотландией, другие рассказывали, что они просто опоздали на корабль в Америку… Надо полагать, Гамильтоны на родине кого-то подсидели, убили или предали, и им стало неуютно в Шотландии, вот они от греха подальше и перебрались в Россию. Как бы то ни было, Иван Грозный, обожавший национальное разнообразие, ласково принял их и даже наделил хорошими землями. Через полторы сотни лет Гамильтоны вполне обрусели и породнились со многими русскими родами. Так, дочь одного из Гамильтонов стала женой сподвижника царя Алексея Михайловича Артамона Матвеева (мы уже писали о ней). Благодаря этому Машка Гамонтова (так теперь стали называть Гамильтонов) в 1709 году появилась при дворе Петра, и тот определил ее во фрейлины Марте Скавронской. Надо отметить, что Марту окрестили, и теперь она стала называться Екатериной Алексеевной. Так что надо было бы сказать «определил во фрейлины Екатерине Алексеевне», только Марта до своей свадьбы с Петром в 1712 году так и оставалась его любовницей. Непонятно, как можно определять кого-то во фрейлины к любовнице, но для Петра не было ничего невозможного, и такие тонкости придворного этикета его не смущали. Машке Гамонтовой в ту пору было лет 14–16, она была красивой девушкой с «передовыми» взглядами на свое продвижение по

придворной лестнице. Екатерина Алексеевна с Марией Гамильтон одно время были лучшими подругами. Однако лучшим продвижением вверх Машка считала любовные связи и попыталась заменить собой свою «лучшую подругу», безродную потаскуху Екатерину. Почему ей, дочери знатного рода, нельзя, а шлюхе Марте можно? Шотландка обладала авантюрным характером и весьма привлекательной внешностью. Она рассуждала так: Екатерина стареет, а она молода, хитроумна и чудо как хороша собой. Тем более что брак царя с церковной точки зрения незаконен! Почему бы нет? Вот и верь после этого в женскую дружбу!

Она старалась обратить на себя внимание Петра, и Петр, отличавшийся невероятным женолюбием, тут же отправил ее «стлать себе постелю». Первая ночь любви ошеломила Петра – Гамильтон обладала не только привлекательной внешностью, но и, как писали современники, «буйным вакханки нравом». Такого Петр, искушенный в многочисленных амурах с женщинами, еще не видел! Что она вытворяла с ним в постели! Кроме этого Машка была не дура выпить, чем и объяснялась ее раскованность. Подобные качества всегда нравились Петру, который обожал «это самое дело». Петр, по отзывам царедворцев, «распознал в юной красавице дарования, на которые невозможно было не воззреть с вожделением». И он в полной мере вожделел ее. И Мария добилась своего! Она стала фавориткой государя. Петр словно обезумел – он никак не мог насытиться ею и постоянно требовал все новых и новых ласк, новых наслаждений, беззастенчиво удаляясь с Марией от присутствующих в любое время дня и ночи. Она быстро делала постельную карьеру – в 1715 году у нее даже появились свои горничные.

Екатерина же была умной женщиной и не устраивала Петру сцен ревности – она отлично знала, что увлечение царя недолговременно и он снова окажется в ее объятиях. При этом она должна была не просто мириться с увлечениями своего мужа, но оказывать всяческое расположение любовницам Петра и даже дарить им подарки. Поэтому, увидев, что «Машка Гамонтова» вдруг чрезвычайно возгордилась собой и стала задирать нос, гражданская супруга Петра только вздохнула и развела руками – что поделаешь… Она прекрасно знала, что милость государя не вечна. Так оно и случилось.

Кроме того, Мария на правах будущей царицы стала воровать у Екатерины наряды и драгоценности, пользоваться ее вещами. Глупая, о чем она думала? Гамильтон, в чьих жилах текла кровь беспутных и отчаянных шотландцев, уже решила, что Петр вполне созрел. То есть еще немного, и она станет не только первой, но

единственной возлюбленной, да еще и царицей! А что? Происхождение у нее гораздо более знатное, чем у Екатерины, молодость к тому же, да и эротические эскапады умеет устраивать… Но она не учла одного – в постели царь не выдерживал никого застоя. Марту Скавронскую он воспринимал не только как любовницу, но и как друга, и Машка в этом отношении ей и в подметки не годилась. Царь в одночасье совершенно охладел к ней! Пресытившись ее любовью, он уже высматривал себе очередную партнершу в поисках новых будоражащих душу любовных приключений. Бедная Машка, она не учла небывалой ветрености Петра и патологической его неверности любой женщине, включая Екатерину.

Натешившись Марией, царь бросил ее. Ведь он был для своих подданных не просто царем, а земным богом, и поэтому карал и миловал по своему усмотрению. Пожаловав Гамильтон своей любовью, он через некоторое время решил, что этого с нее вполне достаточно. Мария была в шоке – как же так? Еще вчера она мечтала о царстве, а сегодня? Екатерина же, узнав о такой предсказуемой развязке, лишь усмехнулась, но оставила Машку при себе. Она была уже ей неопасна. И Мария Гамильтон, что называется, пошла по рукам. Молодость требовала своего. Конечно, при дворе сразу же нашлось немало желающих «утешить» молодую прелестную «фройляйн», только что выскочившую из постели самодержца. Они отлично знали, что до того перебегать дорогу Петру было смертельно опасно, а вот после – очень даже лестно для самолюбия: переспать с бывшей любовницей самого царя! Тем более с такой красавицей.

Так вокруг Марии закружился пестрый хоровод блестящих гвардейских офицеров, бравых гренадеров и бомбардиров, щеголей-придворных, недавно вернувшихся из Европы и обученных всем правилам великосветского политеса. И фрейлина не устояла перед могущественной силой плотских наслаждений. Она несколько раз была беременна, но всякий раз ей удавалось удачно избавиться от греховного плода, хотя это было дело крайне опасное: и в медицинском, и в церковном, и в уголовном порядке. При Петре аборты были строжайше запрещены – ослушниц ждала смертная казнь. Придворным лекарям она говорила, что у нее болезнь желудка, а на самом деле она вытравливала детей лекарствами. Эти аборты были необыкновенно болезненны, а болезни, женщину, как известно, не красят. Поэтому Машка упрямо закрашивала синяки под глазами и свое бледное лицо косметикой, а также начала украшать себя драгоценностями, которые буквально воровала у Екатерины, благо, у нее имелся к ним доступ.

Вы можете представить себе женщину, которая не знает всех своих драгоценностей? Я тоже не могу! Вы можете представить себе женщину, которая не знает всех своих нарядов? Да они помнят все наперечет, помнят даже, что лет 10–20 назад носили! Не могла скуповатая Екатерина не замечать, что Машка ходит в ее платьях и на ней нацеплены ее кольца и колье! По всей вероятности, она просто старалась «не замечать» шалостей Марии Гамильтон и не поднимать шума. Ведь царь мог посчитать это заявление оговором, и тогда Екатерине уж точно не поздоровилось бы. Ведь она была просто его гражданской женой, и не более того. А Петр мог и другую жену себе завести. Так что Екатерине приходилось невольно прикрывать бывшую фаворитку Петра.

Казалось, Мария не ведала усталости в сладострастных любовных играх. Несмотря на все ее похождения, она хорошела день ото дня, но царь, даже ненароком с ней встречаясь, смотрел на прелестницу как на пустое место. Он взял свое, и она больше для него не существовала, государь просто вычеркнул ее из своей жизни. Тогда Машка решила действовать иначе – закрутить лихую и отчаянную авантюру с денщиком царя Иваном Орловым и через него снова завладеть вниманием Петра. В те времена в денщики царя выбирались люди, лично преданные Петру, они имели высокие офицерские чины и являлись особо доверенными лицами, часто выполнявшими конфиденциальные и щекотливые поручения монарха. Достаточно вспомнить историю совершенно неграмотного царского денщика Александра Меншикова, ставшего генералиссимусом и одним из богатейших людей Европы.

Трудно теперь сказать, то ли Мария сама вешалась Орлову на шею, то ли уступила его домогательствам, но в итоге они стали любовниками. Во дворце они еще соблюдали какие-никакие приличия, а вне стен дворца Мария с денщиком вели распутную и бурную жизнь: бесконечные развлечения и сумасшедшая страсть в постели. Марии казалось, что сейчас она находится на расстоянии вытянутой руки от Петра, но на самом деле она отдалялась от него все дальше и дальше. Однако прекрасная шотландка упорно не хотела этого замечать, и ее связь с Орловым тянулась несколько лет. Как и его патрон, Орлов временами был груб с Марией, спьяну ругал ее матерными словами, а иногда и потчевал кулаком; она же в отместку наставляла ему рога с очередным ухажером. При этом они ревновали друг друга. Она ревновала его к Авдотье Чернышевой, к «услугам» которой прибегал и сам Петр, а он – ко всем ее поклонникам, мнимым и настоящим. Орлов, будучи пьян, не раз прилюдно сквернословил

в адрес Машки. Несмотря ни на что жили они душа в душу. Чтобы завладеть расположением Орлова, она по старой привычке дарила ему драгоценности (не свои, конечно, а украденные у Екатерины) и даже стала запускать руку в ее кошелек.

Гром грянул неожиданно. В 1717 году Мария Гамильтон опять понесла. От кого – неизвестно. Но факт остается фактом – она забеременела, и это надо было как-то скрыть. Иван Орлов начал что-то подозревать, но Мария опять сослалась на болезнь желудка. Шло время, и беременность нашей героини становилась все очевиднее. Девять месяцев она притворялась больной и жила взаперти в отведенных ей комнатах. Главная надежда у нее была на верность прислуги, чтобы те, не дай бог, не проболтались о причинах ее болезни. В этот раз Мария почему-то не решилась прибегнуть к «лекарствам», чтобы случился выкидыш, а может, прибегала безуспешно, но в итоге родила здорового ребенка. Что с ним делать? Так как в браке Мария Гамильтон не состояла, внебрачные дети могли навсегда испортить репутацию девушки из порядочной семьи, к тому же фрейлины самой Екатерины. И Мария выбрала страшное: она своими руками задушила младенца! Так показала позже на следствии ее горничная Екатерина Тарновская. Муж горничной, который должен был позаботиться о тайном захоронении удавленника, проявил удивительную беспечность – он просто вынес его во двор и положил возле фонтана! Фрейлина, не зная этого, щедро наградила горничную и ее мужа.

По правде говоря, такие преступления не были редкостью среди дворцовой камарильи – нет-нет, да и находили мертвых младенцев неподалеку от дворцовых покоев. Но, поговорив, вскоре забывали об этом. Вероятно, этим и объясняется беспечность мужа горничной – найдут, посудачат и забудут. Мертвого ребеночка, конечно же, наутро нашли, и все сразу же подумали на беспутную Машку Гамильтон, но до поры молчали. Как раз в эту пору вернулся из длительной поездки Иван Орлов. Ему тут же донесли о слухах, ходивших вокруг Марии, и он приступил к допросу неверной сожительницы. На прямой вопрос Ивана – не она ли умертвила ребеночка? – Мария, заламывая руки, клялась, что она ни в чем не виновата, что это все «клевета», что она любит детей и, если бы уж так случилось, нашла бы возможность пристроить его в хорошие руки.

Действительно, а почему Мария так не поступила? Ведь деньги у нее были. За хорошую плату можно было бы без труда найти приличных людей, согласившихся воспитывать незаконнорожденного младенца фрейлины, а потом время от времени его навещать. Многие, как это будет видно из

дальнейшего нашего повествования, так и делали. Очевидно, страх разоблачения и угрызения совести – родить-то она родила, но матерью так и не стала – все время мучили Машку Гамонтову.

Может, в другое время ей бы это и сошло с рук, но случилось непредвиденное. В том же 1717 году из кабинета Петра I пропали важные документы. В причастности к этому происшествию заподозрили царского денщика Ивана Орлова, дежурившего в эту ночь. В политическом сыске царь был неимоверно жесток и скор на руку – денщика тут же, невзирая на чины и звания, не дав опомниться, потащили на допрос с пристрастием. Насмерть перепуганный Орлов, не зная, за что его арестовали, – с царем шутки плохи – тут же кинулся Петру в ноги и слезно повинился в тайном сожительстве с бывшей фавориткой государя, фрейлиной Марией Гамильтон. Совершенно потеряв честь и достоинство дворянина (ему грозила либо смертная казнь, либо каторга на галерах до конца дней), Орлов торопливо начал выгораживать себя и валить все смертные грехи на Марию. Мужчина трусливый и подловатый, он соврал, что его любовница продала бумаги иностранному дипломату!

Сожительства со своими бывшими женщинами, как мы помним на примере Анны Монс и Евдокии Лопухиной, Петр никому не прощал, и мог бы разобраться с Орловым по-своему, но здесь было другое дело – продажа секретных документов иностранцу расценивалась уже как государственная измена! Петр приказал незамедлительно схватить Марию. На дыбе она созналась во всем. И в том, что прелюбодействовала с Орловым, и в том, что воровала деньги и драгоценности у Екатерины, надеясь добиться благосклонности любовника, и в том, что распускала сплетни о царице, что та, де, кушает воск (воск в те времена заменял жвачку) и от этого у нее на лице появляются угри. Этим она надеялась заново привлечь к себе внимание Петра. Наивная, она надеялась, что Петр перестанет любить угристую Екатерину! А еще она созналась, что в 1715 году дважды вытравливала плод незаконной любви. Услышав это, Петр даже отшатнулся. Убивать нерожденное дитя? Да за это ей самой смерти мало!

Немного подумав, Петр пошел к Екатерине и сообщил ей о краже, тем более что часть ворованного у Марии нашли. Однако Екатерина в этой ситуации поступила нестандартно – она заступилась за Машку! Ведь в ее руках была судьба бывшей соперницы, и ей ничего не стоило стереть ненавистную Машку в порошок. Искушение отомстить было слишком велико. Но Екатерина проявила истинное милосердие и просила Петра строго не наказывать преступницу. Вдобавок ко всему она заставила вступиться за Марию еще и жену старшего брата царя,

Ивана, вдовствующую царицу Прасковью Федоровну, которая вообще была не склонна к милосердию. Петр очень уважал царицу Прасковью и должен был прислушаться к ее словам, ведь, по понятиям старой Руси, для убийц нерожденных детей находилось много смягчающих вину обстоятельств.

«Я прощаю ее за все содеянное, бог ей судья», – тихо сказала Екатерина.

Но Петр оказался неумолим: «Я не хочу быть ни Саулом, ни Ахавом, нарушая Божеский закон из-за порыва доброты». В связи с пропажей документов, которые Мария якобы продала иностранцу, ее продолжали пытать. Гамильтон, конечно же, ничего не знала о пропаже бумаг, но под муками созналась в том, что она собственными руками задушила младенца. Розыскная машина закрутилась с новой скоростью. Опять принялись бить Орлова, но тот клялся и божился, что об убийстве ребенка ничего не знал, и опять начал выставлять Марию как совершено безнравственную и распутную женщину. Нельзя сказать, чтобы этот предок фаворитов Екатерины II братьев Орловых вел себя достойно.

Тогда к допросам привлекли прислугу фрейлины, и от Екатерины Тарновской узнали всю правду: Машка задушила младенца собственными руками, а муж Тарновской вынес труп к фонтану в дворцовой салфетке. Надо отдать должное Марии – она ничего худого об Иване Орлове не сказала.

Петр I приказал «казнить смертию» Марию Гамильтон за убийство младенца. Прав ли он был? Одно дело – сделать тайный аборт, другое – лишить жизни уже родившееся дитя. Это преступление противоречило как юридическим законам, так и православной морали. Да что там православной – никакая религия, кроме язычества, не приемлет детоубийства.

Прав ли был в этом отношении Петр? Безусловно, так как еще при отце, царе Алексее Михайловиче, был принят закон, гласящий: «А смертные казни женскому полу бывают за чаровничество, убийство – отсекать головы, за погубление детей и за иные такие же злые дела – живых закапывать в землю». Позже, в 1715 году, уже сам Петр издал указ «О гошпиталях», в котором говорилось: «Зазорных младенцев в непристойные места не отметывать, а приносить в гошпитали и класть тайно в окно», – а детоубийцам полагалась кара: «Коли кто умертвит такого младенца, то за оные такие злодейственные дела сами будут казнены смертию».

Так что Петр поступил правильно, хорошо хоть не приказал Марию живьем в землю закопать! В оправдание Петра поставим читателей в известность – английская королева Елизавета в этом

отношении была еще хуже русского царя: она приказывала рубить головы изменившим ей любовникам, а заодно и соперницам. А шведская королева Христина велела казнить неверного любовника прямо на своих глазах. Но вот то, как Петр обставил казнь, действительно было омерзительно, отвратительно и недостойно царя! Байки о том, что Петр рассердился на Марию за то, что не досчитался трех будущих солдат, и о том, что якобы задушенный ею ребенок был от царя, пусть останутся байками. Петр никогда солдатских жизней не жалел, и ему было в то время не до Марии – у него и других любовниц хватало. Так или иначе, но Петр следовал закону, а может быть, он сделал это и в назидание другим дамам, чтобы те не вздумали вытворять ничего подобного.

14 марта 1719 года в Петербурге при большом стечении народа Мария Гамильтон взошла на эшафот. Ей было всего около 25 лет. О том, как это происходило, мы уже писали в начале главы. Кровавое и омерзительно зрелище. Скажите, какому самодержцу придет на ум целовать отрубленную голову своей бывшей любовницы в губы, а затем на «живом примере» показывать отрубленные позвонки? Иван Грозный настолько уж был сатрапом, но даже он до такого не додумался. Однако Ивана Грозного мы осуждаем, а Петра возвеличиваем, несмотря на все мерзости, совершенные им лично.

А что же секретные документы, которые пропали из кабинета государя? А они, представьте, вскоре нашлись! Оказывается, при переодевании Петра Иваном Орловым бумаги, из-за которых и разгорелся весь этот сыр-бор, закончившийся казнью Марии, просто завалились за подкладку сюртука! Мария была права, заявив на допросе, что никаких важных бумаг в глаза не видела, а уж тем более не продавала чужеземцам, а Орлов врал, чтобы выгородить себя. Вот и имей такого любовника!

Что до головы Марии, то подчиненные немедленно выполнили приказ Петра, положили ее в стеклянную банку, заспиртовали и действительно поместили в Кунсткамеру. Поместили и забыли на долгие годы. С этой головой приключилась довольно занятная история. В 1783 году Екатерина Дашкова, только что назначенная президентом Академии наук, в состав которой входила и Кунсткамера, принимая дела, заметила, что в музее наличествует перерасход спирта. В Кунсткамере действительно хранились множество заспиртованных уродов и монстров, и банки с ними следовало постоянно доливать, так как спирт испарялся, но чтобы такой перерасход? Она позвала старого служителя, чтобы строго спросить с него, но тот отвел ее в подвал и показал заспиртованную голову несчастной Марии

Гамильтон. Вот куда идет спирт! Дашкова доложила об этой страшной находке Екатерине II. Та тоже об этом ничего не знала, и чтобы не держать такой нечеловеческой мерзости в Кунсткамере, приказала зарыть голову Марии в том же подвале. Наверное, она там до сих пор находится, следует только хорошенько поискать.

Клеветника Ивана Орлова сначала разжаловали и заточили в крепость, но потом царь смягчился, и он до конца своих дней числился в офицерах Преображенского полка. Сожительство с Марией Гамильтон не сильно повлияло на его карьеру. Вообще общественное мнение и законодательство за прелюбодеяние более наказывало женщину, чем мужчину. Скажем только, что Петр никогда не прощал женщинам измены ему, даже когда бросал своих бывших жен и любовниц. В его представлении, как и в представлении любого мужчины-собственника, эти женщины должны жить затворницами, не выходить замуж, не иметь любовников и всю жизнь вспоминать только о нем, «любимом». Так что Петр в этом отношении был здесь не оригинален. Но если остальные мужчины-собственники только хотели бы этого, то Петр действовал – он мстил, и мстил страшно.

Итак, Марию Гамильтон судили не за воровство денег и драгоценностей у Екатерины, а за тайные аборты и за убийство младенца. Что же до воровства, то им занималась еще одна любовница Петра I, некая Анна Кремер. Она, как и Екатерина, была уроженкой города Нарвы. После взятия Нарвы в 1704 году она попала в плен к русским солдатам, в общем, повторив судьбу будущей императрицы Екатерины I. Попользовавшись ею, солдаты продали ее казанскому губернатору в наложницы. Потом губернатор подарил ее Петру I, который включил ее в состав свиты Марии Гамильтон. Петр некоторое время принимал ласки обеих женщин, и вскоре она перекочевала в штат Екатерины. Про запас, так сказать. При дворе у Екатерины Анна быстро сошлась с другой шлюхой, немкой Каро, проституткой из гамбургского борделя, привезенной в Россию кем-то из дипломатов. В 1716 году, вскоре после смерти родной сестры Петра I, царевны Натальи Алексеевны, при осмотре фамильных драгоценностей была выявлена огромная недостача бриллиантов, изумрудов, сапфиров и иных драгоценных камней, а также изделий из золота и серебра. Воровать у родной сестры государя было то же самое, что воровать у него самого. Разгневанный Петр приказал учинить тщательное расследование, которое позволило бы выяснить все обстоятельства пропажи драгоценностей. Оказалось, что они были украдены у только что умершей Натальи Алексеевны пройдохами и шлюхами Анной Кремер и Каро! Разоблаченные

воровки, страшась дыбы и побоев, тут же начали клеветать на всех, кто согласился у них купить ворованные драгоценности. При этом пострадало немало высоких особ, якобы не знавших, что бриллианты ворованные. В итоге Кремер и Каро отправились на каторгу.

В череде любовных утех Петра были и досадные случаи. Гигиена тогда была в зачаточном состоянии, а средств контрацепции вообще никаких. СПИДа, конечно, в те времена не существовало, а вот венерические болезни были, и в частности сифилис. Однажды Петр заболел «дурной болезнью» после того, как около 1710 года переспал с еще одной своей кратковременной любовницей, 17-летней Евдокией Ржевской. Осерчав, Петр тут же выдал ее замуж за своего денщика Григория Чернышева и приказал супругу выпороть ее без всякой жалости. При этом Петр не порывал связи с ней: оба они вылечились. Чернышев же искал повышения по службе и не возражал против такого «тройственного» союза. У Евдокии впоследствии родилось четыре дочери и три сына; говорили, что будто от Петра. Принимая во внимание легкомысленный нрав Дуняши, отцовство Петра в данном случае более чем сомнительно. Ведь заразилась же она от кого-то до того, как лечь в постель с Петром? Но Евдокия нравилась Петру своим бойким нравом, и никаких последствий этот казус не имел. Петр, обычно не расположенный к сантиментам, с восхищением называл ее «бой-бабой». Чернышев впоследствии стал генералом, а Евдокия, соответственно, генеральшей. Она скончалась в 1747 году, уже при императрице Елизавете, значительно пережив Петра.

Интересная деталь: в знаменитой «Пиковой даме» Александра Сергеевича Пушкина выведен образ старой графини, которая подсказала Германну три карты: тройку, семерку, туз. Так вот, достоверно известно, что прообразом этой старухи послужила княгиня Наталья Голицына, отцом которой был генерал П. Чернышев, сын того самого денщика Петра I Григория Чернышева. Таким образом, Наталья Голицына, возможно, была внучкой самого царя!

И наконец, о последнем большом увлечении Петра – княжне Марии Кантемир. Мария была дочерью молдавского господаря Дмитрия Кантемира. Родилась она в 1700 году, то есть была на 28 лет моложе Петра. В детстве она была вывезена в Стамбул, где обучалась древнегреческому, латинскому, итальянскому языкам, познала основы математики, астрономии, риторики, философии, увлекалась западной литературой и историей, любила рисовать и музицировать. То есть она была высокообразованной, умной и начитанной женщиной. Шлюхи и проститутки, глупые кокетки,

составлявшие в основном окружение Петра, ей и в подметки не годились.

Во время неудачного для России Прутского похода против турок в 1711 году отец Марии и союзник царя Дмитрий Кантемир потерял свои владения и нашел пристанище в Петербурге. Дочь сначала жила на Украине, а потом – под Москвой, в имении Черная Грязь. Занималась она тем, что изучала русский язык и грамоту, а в 1720 году переехала в столицу. В доме отца она и познакомилась с Петром, Меншиковым и другими приближенными государя. Петр, как известно, любил шумные развлечения – ассамблеи, маскарады и прочие разгульные празднества, где все присутствующие, и дамы в том числе, напивались в доску. Мария приглянулась развратнику и по этикету должна была присутствовать на этих оргиях. Однако однажды побывав на одной из таких «вечеринок», она навсегда зареклась посещать подобные мероприятия. Царь, конечно же, рассердился и даже поручил обер-прокурору П. Ягужинскому и доктору Л. Блюментросту провести расследование. Впрочем, оно ничего не дало – Мария просто не хотела посещать подобные развратные гулянки, и все. Петр сначала рассвирепел, а потом зауважал Марию – ишь ты, какая гордая! Потом ему в голову пришло затащить ее в постель, ведь он никогда не спал со столь образованными дамами! Большей частью ему приходилось довольствоваться проститутками, портомоями, солдатскими да кабацкими девками.

Зимой 1721–1722 годов ему все-таки удалось уложить Марию в свою солдатскую койку. Кто был в домике Петра в Петербурге, тот видел его так называемое «ложе». Заметим, что отец Марии, Дмитрий Кантемир, этому непотребству никак не препятствовал. Таким образом он рассчитывал породниться с царем и с его помощью освободить свои владения от османского владычества. Наивный, он еще не знал, что так называемая «любовь» царя кратковременна, как летний дождик!

В 1722 году черт дернул Петра ввязаться в еще одну авантюру – совершить так называемый Персидский поход. Этот поход был удачнее предыдущего – за Россией удалось закрепить города Дербент и Баку. В поход Петр взял с собой жену Екатерину и любовницу Марию Кантемир. Вероятно, одной дамы ему было мало. Но Мария отправилась в Персию уже беременной от Петра. Для Екатерины же это был роковой момент – после смерти ее сына Петра Петровича, которого царь мог сделать своим наследником на русском престоле, существовала опасность, что непостоянный Петр женится на Марии, а от нее избавится. Причем избавится так же, как и от своей первой жены Евдокии

Лопухиной, – отправит в монастырь, а может, выдумает что и похуже. Французский посол Ж. Кампредон докладывал своему королю: «Царица опасается, что если княжна родит сына, то царь, по ходатайству Валахского господаря, разведется с женой, и женится на своей любовнице». Ситуация для Екатерины была очень опасная.

Из-за тяжести пути Мария осталась в Астрахани, а Петр с Екатериной двинулись дальше. Настало время рожать, но приспешники Екатерины постарались – в 1723 году Мария родила мертвого ребенка. Она тяжело заболела, опасались даже за ее жизнь. По всей вероятности, Марию отравили, что было тогда в порядке вещей, но она выжила и лишь потеряла ребенка. После Персидского похода, закончившегося для Кантемиров столь неудачно, отец с дочерью уехали в орловское имение Дмитровку, где господарь вскоре скончался. Княжна получила в наследство все драгоценности матери, стоившие 10 тысяч рублей.

Связь Петра I Марией Кантемир возобновилась, когда царь в 1724 году узнал об измене своего «ангела небесного» Екатерины с камергером Виллимом Монсом. Он был родным братом той самой Анны Монс, о которой мы писали ранее, но об этом мы подробно расскажем в следующей главе. Царь тогда рассердился на Екатерину и снова подумывал жениться на княжне. Вскоре, впрочем, Петр переменил гнев на милость и остался с Екатериной, хотя их отношения так и остались натянутыми. Он даже не назначил себе преемника на троне. Не была ли виной тому связь Екатерины с Монсом? Как знать…

А что же Мария Кантемир? Лишившаяся честолюбивых надежд, она после кончины Петра I в 1725 году серьезно заболела и даже составила завещание в пользу своих братьев. После выздоровления она жила в Петербурге, но совершенно не интересовалась жизнью двора. При Петре II она переехала в Москву, где служили ее братья. В связи с участием ее брата Антиоха Кантемира в возведении на престол Анны Иоанновны в 1730 году она была назначена фрейлиной императорского двора. Было сделано ей и предложение выйти замуж – его сделал грузинский царевич А. Бакарович, но Мария его отвергла. Почему? В память о Петре? Это вполне возможно, ведь не пустилась она во все тяжкие после своей отставки, как Гамильтон или Монс с Лопухиной, не стала заводить себе любовников… Не стала искать приключений в амурных делах, в общем, вела себя как вдова. Петру I, наверное, такое поведение Марии Кантемир очень бы понравилось.

В Москве она вела светскую жизнь и общалась со многими выдающимися деятелями постпетровской эпохи. Во время

коронации императрицы Елизаветы Петровны Мария сумела расположить ее к себе, была обласкана царицей и получила во владение новые вотчины. Скончалась Мария Кантемир 9 сентября 1757 года в возрасте 57 лет в Москве, так и не познав ни одного мужчины, кроме Петра.

Петру же после Марии Кантемир, вероятно, понравились умные и образованные женщины, поэтому в последние годы своей жизни он завел роман с Елизаветой Сенявской, урожденной княжной Любомирской, которая была женой польского коронного гетмана Сенявского. Она получила западное воспитание и была очаровательна, но Петр восхищался не столько ее красотой, сколько редким умом. Ему нравилось ее общество, да и любовь с ней тоже. Елизавета давала ему советы, и он, подумав, находил их дельными. Она была прелестна, и царь поддался ее очарованию. Усмиренный и облагороженный ее присутствием, он как будто преобразился рядом с этой чистой и благородной натурой.

Однако как только оставил Елизавету Сенявскую, он опять принялся за свое. В 1724 году он завлек в постель 19-летнюю княжну Марию Матвееву, внучку того самого Артамона Матвеева и Евдокии Гамильтон, о которых мы писали ранее. Она была легкомысленной и любвеобильной особой. Историк, великий князь Николай Михайлович, которому были известны многие тайны династии Романовых, писал: «Она занимала первое место среди любовниц великого императора, он любил Марию Андреевну до конца жизни, и даже ревновал ее, что случалось с ним нечасто. Желая, чтобы кто-нибудь держал юную графиню “в ежовых рукавицах”, государь выдал 19-летнюю Матвееву за своего любимого денщика Александра Ивановича Румянцева…» Скорее всего, царь, узнав об очередной измене своей любовницы, постарался от нее избавиться, выдав замуж за денщика, совершенно так же, как он это проделал с Евдокией Ржевской, выдав ее замуж за денщика Чернышева. В этом была вся натура Петра – позабавился и бросил. Эта связь имела последствия – от Петра у Марии Матвеевой, теперь уже Румянцевой, в 1725 году родился сын, будущий великий русский полководец фельдмаршал Петр Румянцев-Задунайский. Это единственный достоверный факт отцовства Петра.

Общее же количество известных бастардов Петра достигает 90 или 100 человек. Число неизвестных детей может быть и больше, возможно, несколько сотен! Дело в том, что нам доступны сведения только о дворянках, переспавших с Петром, и вообще женщинах из высшего общества. В то же время есть множество свидетельств тому, что Петр не брезговал

крестьянками и солдатками. Взять хотя бы ту же историю с портомоей Екатериной. По количеству бастардов Петр, пожалуй, переплюнул своего современника, французского короля Людовика XIV, такого же ненасытного любовника. Правда, всех перещеголял на этом поприще еще один его современник, король Польский и курфюрст Саксонский, дамский угодник Август II Сильный. По преданию, у него было 700 любовниц и около 350 детей!

Факт. Король-Солнце Людовик XIV

Людовик XIV (1638–1715) был сыном Анны Австрийской и Людовика XIII, его называли «Король-Солнце»; это ему принадлежит изречение: «Государство – это я!» Еще в пятилетнем возрасте он взошел на престол Франции. Людовик был красавцем, и женщины любили его так же, как и он их. В отличие от Петра I, который никого не любил, он часто влюблялся, но не забывал и о мимолетных связях.

В 15-летнем возрасте его совратила камеристка королевы мадам де Бове, в молодости страшная развратница. Ей в ту пору было 42 года. «Это» ему так понравилось, что он решил разнообразить свои похождения. Он начал со зрелых придворных дам, а потом приступил к методичному «освоению» фрейлин, живших во дворце под присмотром мадам де Навай. Каждую ночь он через окно проникал в их покои, чтобы вкусить сладость любви с первой же фрейлиной, которая попадалась ему под руку. Вскоре об этом узнала госпожа де Навай и приказала поставить крепкие решетки на все окна. Однако Людовик не спасовал перед возникшими трудностями – он позвал каменщиков и велел сделать потайную дверь в спальню одной из фрейлин. Днем она маскировалась спинкой кровати, а ночью на этом ложе он постигал тайны плотской любви. Так продолжалось несколько дней, пока мадам де Навай не обнаружила тайный ход и не приказала замуровать его. Ночью Людовик, к своему удивлению, обнаружил гладкую стену на том месте, где был секретный ход. Это возмутило юного монарха, и он выслал из Парижа несносную мадам де Навай.

Перебрав всех фрейлин, Людовик перешел к простонародью и сделал своей любовницей дочь садовника. Она родила ему ребенка. Затем он решил попробовать «плоды» повкуснее – стал проводить время в

обществе племянниц кардинала Мазарини, сестер Манчини. В итоге 16-летний Людовик влюбился в свою ровесницу Олимпию, старшую из племянниц Мазарини. По Парижу сразу же распространился слух, что Олимпия станет королевой Франции. Мать юноши не на шутку рассердилась – мало того, что она сама была любовницей Мазарини, так еще ее сын путается с его племянницами! Не бывать этому! Олимпии было приказано удалиться из Парижа. Мазарини все правильно понял и выдал девушку замуж за графа Суассонского.

В 19 лет король влюбился во второй раз – в мадемуазель де ла Мот д´Аржанкур, фрейлину королевы. Коварный кардинал решил отомстить юному королю – он поведал о том, что его новая избранница раньше была близка с самим кардиналом Ришелье и что он однажды застал их за тем, как «они занимались любовью на табурете». Такие подробности не понравились Людовику, он порвал с ней и уехал воевать с англичанами. На войне он тяжело заболел и был на грани смерти. За ним стала ухаживать еще одна племянница Мазарини – Мария Манчини, которая уже давно любила короля, но не решалась об этом ему сказать. Людовик сразу понял, что он любим, и вскоре сам признался ей в любви. Чтобы понравиться той, которую он уже считал своей невестой, король, получивший до этого самое поверхностное образование, решил «подтянуться» – стал изучать иностранные языки, читать. Мария была образованной девушкой, и под ее влиянием Людовик стал проявлять такие качества, как любовь к искусству, стремление повелевать; она разбудила в нем дремавшую гордость. В общем, Мария Манчини была примерно тем же, что и Мария Кантемир для Петра I. Она тоже стремилась в королевы, но из этого ничего не вышло – Людовик должен был из политических соображений жениться на испанской инфанте Марии-Терезии. И Мария во благо короля пожертвовала своей любовью – она порвала с ним!

Людовик был в отчаянии, но недолго. Женившись на Марии-Терезии, он вновь пустился во все тяжкие, перепархивал из одной женской постели в другую, наутро объясняя жене свои отлучки государственными делами. Однажды на балу он встретился взглядом с хромой фрейлиной Луизой де Лавальер и в очередной

раз влюбился. Эту связь он старался скрывать, пока однажды случайно все не обнаружилось. Шел дождь, и Людовик снял шляпу, чтобы прикрыть ею голову своей возлюбленной. Невиданное дело – король снял шляпу перед фрейлиной – заставило говорить об этом весь Париж. А король был счастлив, что сумел оказать прекрасной Луизе эту мелкую услугу. На ее хромоту он внимания не обращал и ревновал ее ко всем мужчинам. Но набожной Луизе эта связь с королем не нравилась – она часто отказывалась от свиданий, между ними происходили ссоры, но в конце концов любовники приходили к согласию. В 1663 году Луиза родила ему мальчика, которого по обычаю, принятому при королевском дворе, записали на чужое имя и отдали на воспитание в надежные руки. Обрадованный этим обстоятельством, Людовик сделал ее своей официальной фавориткой в Версале. В 1665 году Луиза подарила Людовику еще одного мальчика, которого тоже пристроили в хорошую семью. Луиза же все время плакала и постоянно испытывала угрызения совести.

В конце концов Людовику надоело постоянно успокаивать свою любовницу, и он обратил внимание на принцессу Монако. Она охотно дала соблазнить себя. Их связь продолжалась всего три недели, короля сильно утомила навязчивость принцессы, и он снова вернулся к Луизе. В 1666 году умерла мать Людовика, вдовствующая королева Анна Австрийская, а через неделю Луиза де Лавальер уже стояла на мессе рядом с официальной женой короля Марией-Терезией.

Именно тогда внимание короля постаралась привлечь к своей особе еще одна фрейлина королевы, Франсуаза Атенаис, красивая и остроумная женщина. Она уже два года была замужем за маркизом де Монтеспаном, но была супругу неверна. Людовик вскоре подпал под ее чары. А Луиза, снова разрешившись от бремени, затаилась в своем особняке и принялась страдать. Но король любил театральность и на одном представлении дал обеим любовницам одинаковые роли. Все сразу поняли, что обе дамы будут делить любовное ложе с королем. Но не тут то было – Людовик даровал Луизе Лаальер титул маркизы и признал ее третьего ребенка своей дочерью (оба ранее родившихся мальчика умерли во младенчестве). Разгневанная госпожа Монтеспан побежала к жене короля, Марии-Терезии. Та

лишь рыдала и тоже ничего не могла понять. Такого явного бесстыдства давно не было во Французском королевстве.

После этого Луиза Лавальер родила королю еще одного сына. Он получил титул графа Вермандуа. Обозленная неудачей, госпожа Монтеспан кинулась к колдунье, которая вручила ей пакет с «любовным порошком» для короля, состоящим из обугленных и растолченных костей жабы, зубов крота, человеческих ногтей, шпанской мушки, крови летучих мышей, сухих слив и железной пудры. В тот же вечер коварная соблазнительница подсыпала Людовику эту гремучую смесь в суп. Тот съел его как ни в чем не бывало и – вы не поверите – упал в объятия маркизы де Монтеспан! Колдовское зелье, как ни странно, подействовало! Луиза была посрамлена.

Затем у короля была еще целая вереница женщин, с которыми госпоже де Монтеспан приходилась сражаться за его любовь. Она еще не раз прибегала к колдовскому зелью, чтобы отвадить Людовика от других любовниц, а одну из них, мадам де Фонтанж, даже отравила. Монарх догадался, конечно, кто это сделал, и с той поры охладел к ней. Потом в жизнь короля вошла еще одна Франсуаза, на сей раз госпожа де Ментенон. Она была воспитательницей детей мадам де Монтеспан. На этот раз постельных сцен не было – мадам де Ментенон всячески старалась вернуть ветреного короля в семью, давала ему советы, умело и ненавязчиво вмешивалась во все дела и в итоге стала для него необходимой. Дело дошло до того, что король настоял на их тайном браке. Он был заключен в 1684 году, и с тех пор Людовик забросил свои похождения. При дворе были запрещены игривые выражения, дамы и кавалеры не могли открыто объясняться в любви, а кокетки были вынуждены скрывать свои чувства под маской благочестия.

В 1707 году умерла маркиза де Монтеспан, но король не опечалился ее смертью. «Для меня она уже давно умерла», – заявил он. В 1715 году в возрасте 77 лет тихо скончался и сам Людовик XIV, великий грешник и прелюбодей, правивший Францией в течение 72 лет. Заметим, что своих детей, которых у него было не меньше, чем у Петра I, король никогда не бросал, и даже если не признавал их официально, всегда обеспечивал им титул и приличное содержание.

«Любил Его Величество женский пол», – отметил один из современников Петра. Скажем больше, он даже вел специальный «Постельный реестр», куда заносились все женщины, которыми Петр овладел. Интересно было бы на него взглянуть! Однако в архивах его нет. Наверное, он уничтожен Романовыми, чтобы не компрометировать предка. Интересно, что Екатерина сама подыскивала для мужа любовниц – «метресс», как их называли на французский лад.

Мы уже писали, что Петр никого из бастардов не признавал и никогда не помогал никому из них. Император неоднократно высказывался в том духе, что если наследник способен хоть к чему-либо, то он и сам пробьется, поднимется, и помогать ему не нужно. Некоторые действительно пробились, как, например, Румянцев, но большинство так и остались безвестными, особенно дети женщин из простонародья. Очень может быть, что некоторые из наших современников, сами того не подозревая, являются потомками Петра!

Петр никогда не общался и с собственными детьми. С бедным Алексеем, рожденным от первой жены Евдокии Лопухиной, он никогда не разговаривал, да и вообще не интересовался им. Алексей видел своего отца всего два-три раза. Лишь в 15 лет цесаревич получил повеление (!) явиться ко двору. Однако Петр и здесь его никак не выделял, но требовал, чтобы тот разделял его интересы и пристрастия. Это было психологически невозможно. Требовать от совершенно заброшенного юноши, чтобы он любил отца и был ему предан, было вопиющей несправедливостью. В итоге Алексей погиб под отцовскими пытками…

То же самое относилось и к детям от Екатерины. Какие-то чувства у него были лишь к младенцам Петру и Павлу, но они умерли, а остальные были женского пола, и на них Петр и вовсе никакого внимания не обращал, разве лишь как мужчина.

Он даже подвел своеобразную философию под отношения с женщинами: «Забывать службу ради женщины непростительно. Быть пленником любовницы хуже, нежели быть пленником на войне; у неприятеля скорее может быть свобода, а у женщины оковы долговременны». Очень нехитрая, скажем, мысль – свою распущенность, непостоянство и неуважение к женскому полу он прикрывал необходимостью службы!

И еще одно замечание относительно поведения Петра с женщинами. Многие думают, что многочисленные любовницы царя просто боялись его, а тем более боялись отказать ему. Это отчасти верно, но только отчасти – огромных роста и силы, с бешено вращающимися глазами, страдающий эпилептическими припадками, Петр действительно мог вызывать страх. Тем более

что никаких нравственных ограничений он не признавал. Он ни от кого не скрывал своих связей и, более того, во время развлечений в компании мог «уестествить» какую-нибудь из своих приближенных дам прямо на глазах у всех, даже не спрашивая ее разрешения. И возражать ему действительно было опасно, ведь он за отказ мог и на дыбу поднять, и палкой побить. Ведь отказ Петру расценивался бы им как оскорбление «Его Величества». Петр спал даже со своими родственницами! Как пример можем привести записки современника: «В Берлине царь встретился со своей племянницей, герцогиней Мекленбургской, поспешно пошел навстречу ей, отвел в комнату, где уложил на диван, а затем, не затворяя двери и не обращая внимания на людей в приемной, предался, не стесняясь, выражению своей необузданной страсти». Можно сказать, что он не пропускал ни одной юбки, ни одной представительницы женского пола. И не только женского, заметим, но об этом потом.

С другой стороны, круг женщин, с которыми он «общался», был вполне доволен такой участью! Скажем больше – немало среди них было охотниц переспать с Петром ради каких-либо выгод для себя или своих мужей. Так что не будем все валить на Петра.

И наконец, еще об одном, что было в Петре. О пристрастии к педерастии открыто говорили еще при жизни царя, это давно установленный факт. Сегодня ученые спорят лишь об одном – Франц Лефорт приохотил Петра к содомии или Александр Меншиков? Большинство сходятся на том, что Меншиков, так как еще до знакомства с Петром он торговал в Москве «пирожками и своим телом». Во всяком случае, при дворе мало кто не знал, что Петр «живет с Меншиковым бляжьим образом». Их как-то застал за «этим делом» один гвардейский сержант. Сохранилось даже розыскное дело об этом сержанте Преображенского полка. Он, не особенно-то и таясь, рассказывал об увиденном в кругу сослуживцев. Если бы это было неправдой, высказывание сержанта расценили бы «как поношение великому государю», за что неминуемо его ждала плаха. А так словоохотливого гвардейца только отослали подальше от двора в Оренбург, в обычную армейскую часть, чтобы не болтал. Гуманизм, скажем прямо, беспрецедентный! За более мелкие «преступления» людей ждали галеры или эшафот.

Впрочем, и со многими гвардейцами Петр «жил» точно таким же образом. Романовская пропаганда расхваливала простоту Петра, который был так непритязателен, так прост в своих привычках, что часто спал в одной постели с матросами и солдатами. Кто же этому поверит? И вот что интересно –

нынешние гомосексуалисты необычайно чтят Чайковского, однако Петра I не вспоминают.

В чем же причина такой гиперсексуальности Петра? Некоторые медики объясняют это «синдромом гиперактивности», вызванным кислородным голоданием в утробе матери. У матери Петра, Натальи Кирилловны Нарышкиной, действительно, роды были затяжными. Отсюда, мол, и алкоголизм Петра, и его асоциальное поведение. К этому добавляют и патологическую супружескую неверность, и увлечение наркотиками (в данном случае табаком). Многие ученые считают, что эпилептики (каким и был Петр) часто являются сексуальными маньяками. Но нам кажется, что все эти медицинские причины выдуманы задним числом, чтобы хоть как-то объяснить поведение Петра. На самом же деле это было результатом недисциплинированности, вседозволенности и безнаказанности царя; его никто и никогда не ограничивал, а окружение только развивало дурные наклонности Петра. Вот вам и ответ, без всяких там мудреных психиатрических терминов.

Петр I скончался в страшных мучениях 28 января 1725 года в возрасте 53 лет, так и не познав истинной любви к женщине и настоящей радости отцовства. Можно даже пожалеть его – несчастный человек. Об отношении народа к нему говорит один интересный факт: в российской истории немало встречалось самозванцев, выдававших себя то «за чудом спасшегося царевича Дмитрия», то за «Алексея Петровича», за «Петра II», «Иоанна Антоновича», «Петра III», «Павла I», но за «Петра I» – никогда! Никто не захотел присвоить себе сомнительной славы Петра.

Глава II. Эпоха фаворитов

Императрица Екатерина I. Марта Жаворонкова

Она долго стояла на коленях перед императором, испрашивая прощения; разговор длился больше трех часов, затем они поужинали вместе и разошлись. Отношения между Петром I и Екатериной оставались натянутыми до самой смерти императора. Они больше не говорили друг с другом, не обедали и не спали вместе. Меньше чем через месяц Петр I умер.

Эту даму мы знаем под именем императрицы Екатерины I (1725–1727). Происхождение ее загадочно, да и вообще удивительно, что она оказалась на русском троне. Попробуем разобраться в личности этой женщины и в ее любовных похождениях.

Достоверно известно, что она родилась 5 апреля 1684 года и была прислугой у немца, пастора Питера Глюка в городе Мариенбурге (Лифляндия), которым владели шведы. Она являлась лютеранкой, поэтому в России ее считали то ли немкой, то ли полячкой, то ли латышкой. Тогда писали просто – «лифляндец», по месту проживания, без указания

национальности. Также была известна ее девичья фамилия – Скавронская (в переводе с польского «скавронек» – жаворонок).

Существует по крайней мере четыре версии того, кто же были эти Скавронские. Первая версия состоит в том, что Марта была дочерью литовского крестьянина Самуила Скавронского. Сразу же возникает вопрос: так литовка она или латышка? Впрочем, эстонцы тоже считают ее своей, поскольку Петр I разбил в Таллинне парк в ее честь, названный Кадриорг (сад Катрин). Происходили Скавронские из-под Минска, входившего тогда в Великое княжество Литовское. Звали их изначально Скаврощуками. Самуил Скаврощук был крепостным крестьянином польского помещика и от притеснений последнего сбежал во владения шведов. Шведы хоть и не отменяли крепостного права в Лифляндии, но беглецов считали свободными людьми и обратно их не выдавали. Во время бегства от пана Самуил Скаврощук полонизировал свою фамилию, взяв имя хозяина, и стал теперь называться Скавронским. Впрочем, были хорошо известны и ополяченные белорусы графы Скавронские. Когда они появились в Петербурге в 1710-х годах, поплыл слух, что это племянники и братья Екатерины, но все это оказалось выдумкой: графы Скавронские никем ей не доводились.

У Самуила Скавронского было немного денег, и он арендовал мызу под Мариенбургом, где у него родилось семеро детей – четверо сыновей и три дочери. Но потом была чума, отец и старший брат Марты умерли. Тогда-то пастор Глюк и взял Марту к себе в услужение. Мать Марты до замужества предположительно принадлежала ливонскому дворянину фон Альведалю, сделавшему ее своей любовницей, и Марта являлась плодом этой связи. Так в грехе и была зачата та, которая впоследствии стала русской императрицей под именем Екатерины I. Развращенность матери передается как родовое проклятие – Марта рано познала мужчин, была неимоверной распутницей и не оставляла этих занятий до конца жизни.

Изначально имя будущей императрицы было Марфа, и она была православной, но пастор Глюк перекрестил ее в лютеранство. При этом он слегка изменил ее имя, так Марфа стала Мартой. У пастора был большой дом, и поскольку в крепости Мариенбург жилых домов было мало, у него всегда стояли квартиранты. Их-то по доброте душевной и ублажала «благочестивая Марта». От одного из них, литовского дворянина Тизенгаузена, Марта даже родила дочь, умершую через несколько месяцев. Поговаривали, что она была любовницей и самого пастора, но эти сведения не более чем слухи.

Вместе с детьми пастора Марта получила воспитание,

сводившееся к умению вести хозяйство и рукодельничать, однако ни читать, ни писать пастор так Марту и не обучил. Впоследствии стоило немалых трудов научить ее подписывать хотя бы самые важные императорские указы.

Незадолго до осады крепости пастор Глюк решил положить конец распутству Марты, выдав ее замуж. «Добрый» пастор дал сироте приданое и подобрал ей жениха – королевского драгуна Иоганна Крузе. Свадьбу справили в Иванов день, 6 июля 1702 года. Ей в ту пору было 18 лет – вполне зрелая женщина по тем временам. Марта оставалась в доме пастора Глюка, а Иоганн служил в гарнизоне Мариенбурга. Свое хозяйство молодая чета так и не успела завести – через неделю после свадьбы Мариенбург осадили русские войска. Началась Северная война за возвращение Прибалтики России.

Крепость Мариенбург построили еще в рыцарские времена посередине озера Алуксне (находится на территории современной Латвии). С берегом крепость соединял мост на каменных сваях. 25 августа, когда русские уже входили в крепость, а гарнизон готовился к капитуляции, Иоганн Крузе зашел попрощаться с женой. Она сама предложила ему бежать – мол, смотри, на том берегу озера русских нет! Иоганн и еще двое шведских солдат уплыли по озеру, и с тех пор Марта больше никогда его не видела. Иоганн Крузе служил в шведской армии еще много лет, под старость – в гарнизонах на Аландских островах. Выслужив пенсию, он никуда не уехал, поскольку близких и родственников у него не было. Новой семьи Иоаганн тоже не завел, и пастору объяснил, что жена у него уже есть, а быть двоеженцем и брать грех на душу он не желает. Иоганн ненадолго пережил свою законную жену Марту и скончался в 1733 году.

При штурме крепости Мариенбург настил моста, соединявшего остров с берегом, был разбит из пушек, но каменные опоры, на которых он стоял, остались. К острову подошла целая флотилия русских судов и лодок. Когда начались переговоры о сдаче крепости, мирное население стало перебираться по кое-как наведенному настилу. В это время два шведских офицера взорвали пороховые склады в крепости. Взрыв был настолько сильным, что камни стали падать в озеро и под ними погибло много людей, пытавшихся перебраться по временному мосту.

Существует две версии того, что произошло потом. По одной из них, русские солдаты стали хватать людей и делить их. Нравы тогда были грубые, и города брали «на штык» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Марта досталась одному из

них. Согласно второй версии, Марта упала в озеро: ее столкнули туда люди, метавшиеся под градом камней. Она стала кричать по-русски: «Солдат, помоги!» Один русский солдат втащил ее в свою лодку. Версии о дальнейших событиях расходятся лишь в незначительных деталях. Например, была ли она кратковременной любовницей только одного солдата, который вытащил ее из озера, или нескольких, переходя от одного к другому? Сами ли солдаты продали ее фельдмаршалу Б. П. Шереметеву за серебряный рубль, или он сам ее заметил и отнял у солдат? Главное, что она оказалась в доме 50-летнего Шереметева, тем самым сделав головокружительную сексуальную карьеру – от разовой солдатской потаскухи до наложницы главнокомандующего.

Дальше опять начинаются версии – то ли сам фельдмаршал похвастался своей наложницей перед Меншиковым, то ли Меншиков, будучи у Шереметева, заприметил Марту и выменял ее у Бориса Петровича за три рубля денег и «аглицкую саблю». Так она оказалась у всесильного фаворита Петра I Меншикова, продолжая свой невероятный взлет. Часто бывавший в доме Меншикова царь заприметил Марту, и фаворит, зная любвеобильность Петра, предложил ее «попробовать». «Проба» пришлась Петру по вкусу. Это случилось не позднее 1703 года, так как в следующем году Марта была уже беременна от царя. Впрочем, никакой перемены в жизни Марты не намечалось. В течение трех лет она жила в доме Меншикова вместе с его сестрами Варварой и Дарьей Арсентьевыми и Анисьей Толстой. Все четыре женщины были чем-то вроде личного гарема Петра I и его фаворита Меншикова. (На Дарье Арсентьевой, кстати, Меншиков позже женился, наверное, потому, что и Петр женился на своей бывшей любовнице Марте. Он во всем брал пример со своего благодетеля.)

У Петра в это время были и другие любовницы, но Марта не осмеливалась даже упрекать его за это. Так будет продолжаться и в дальнейшем – она не только не упрекала царя за внебрачные связи, но даже сама подыскивала ему любовниц.

Именно в доме Меншикова ее стали звать Екатериной – то Екатериной Трубачевой (говорили, будто ее муж был трубачом), то Катериной Василевской (по названию Васильевского острова, на котором стоял дворец Меншикова). Марта провела у него целых три года, пока Петр I не забрал ее к себе, и с тех пор они уже не расставались. Когда в 1708 году она опять перешла в православие, ее окрестили Екатериной Алексеевной: в роли крестного отца выступил сын Петра, царевич Алексей.

Екатерина, судя по портретам, не была красавицей. Однако в

ее полных щеках, вздернутом носе, в бархатных томных глазах, алых губах и круглом подбородке, во всей ее не лишенной изящества фигурке было что-то такое, что понравилось Петру, и он всецело отдался этой женщине. Начиная с 1709 года она уже не покидала царя, сопровождала его во всех походах и поездках. Перед отправлением в Прутский поход 1711 года Петр объявил о своем намерении жениться на Екатерине.

Любил ли Петр Екатерину? О любви Петра, вернее, о том, что он никогда никого не любил, мы уже писали. Что же его тогда удерживало возле этой женщины? Наверное, они были близки по духу. В письмах 1711 года он обращается к ней: «Катеринушка, друг мой, здравствуй!» А вот другое письмо, датированное 1707 годом: «Для Бога, приезжайте скорей, а ежели за чем невозможно скоро быть, отпишите, понеже не без печали мне в том, что ни слышу, ни вижу вас». Так выражают свои чувства только близкому человеку. Одним словом, Екатерина пользовалась уважением и доверием Петра. Сочетаться браком с безродной пленницей, да еще и имевшей репутацию «ночной бабочки», и пренебречь заморскими принцессами или боярскими дочерьми было неслыханным вызовом всему обществу, нарушением вековых традиций. Однако Петру на все это было наплевать – он еще и не такие традиции нарушал.

Церковный брак Петра I с Екатериной состоялся 19 февраля 1712 года, а в 1721 году она была объявлена императрицей и в мае 1724 года коронована этим титулом. Считалось, что после миропомазания за все свои поступки она отвечала лишь перед Богом. У них было одиннадцать детей, и почти все они умерли в младенчестве. В живых остались только две дочери – Анна и Елизавета (будущая императрица). Екатерина, понимая, как ей повезло, во всем слушалась Петра, до тонкостей изучила его характер, умела угодить ему, могла, когда нужно, обрадовать его и успокоить, разделить с ним веселую трапезу и походные будни. В общем, для Петра I она стала идеальной супругой.

Первая жена Петра, Евдокия Лопухина, которую он заточил в монастырь, никак ему не подходила, зато Екатерина была зеркальным отражением «Отца отечества». Казалось, разве может какая-то безродная шлюха быть достойной представителя столетней династии Романовых, но если вспомнить о привычках Петра, то сразу становится ясно – это была идеальная пара. Еще до своего бракосочетания с Петром Екатерина была настоящей офицерской женой: сопровождала его во всех военных походах, пила наравне с мужчинами водку и веселилась на развалинах крепостей. Царь не мог на нее налюбоваться: вот это женщина! Настоящая амазонка! Став царицей, она не изменила своим

привычкам, любила выпивку, мужчин и веселый разгул. Напомним, что она была на 12 лет моложе Петра и нуждалась, по своей давней привычке, в мужском внимании. И не только Петра…

Первое время после замужества Екатерина вела себя в этом отношении тише воды, ниже травы. Правда, совсем не из-за своей добродетели, а потому что непрерывно рожала детей Петру, которые так же непрерывно и умирали. И только тогда, когда ее детородные функции угасли, она опять вспомнила свою профессию полковой шлюхи. Все-таки она была еще молода, а то, что от частых родов она стала бесплодной, было и к лучшему – не нужно было заботиться о контрацепции. К этому следует добавить еще и то, что Петр стал к 1724 году импотентом – то ли из-за мочекаменной болезни, которая его мучила, то ли из-за неумеренного потребления спиртного. Так что Катерине были, как говорится, карты в руки.

Первого своего любовника из окружения царя, Алексашку Меншикова, пришлось отмести по двум причинам: во-первых, он был вторым «я» своего обожаемого «минхерца», а во-вторых, однажды уступив ему женщину, он уже нипочем не стал бы на нее заглядываться. Впрочем, ходили упорные слухи, что Меншиков не порывал любовной связи с Екатериной ни на месяц и что часть ее детей была рождена от светлейшего князя. Если учесть еще и сожительство Меншикова с Петром «бляжьим образом», то получится классическая «шведская» семья. По-моему, это все неправда, а впрочем, всякое могло быть…

Поэтому Екатерине пришлось бросать томные взоры в другую сторону. Однажды в ее поле зрения попал красавец и весельчак Виллим Монс. Да, по иронии судьбы, младший брат той самой любовницы Петра Анны Монс, о которой мы писали в предыдущей главе. Ей не хватило ума удержаться в роли фаворитки царя, но зато она успела выдвинуть на выгодные посты своего брата Виллима и сестру Матрену. Падение Анны Монс никак не повлияло на судьбу этих двух отпрысков семьи Монсов: к 1720-м годам Матрена уже была статс-дамой Екатерины и женой генерала Балка, а Виллим стал камер-юнкером двора в 1716 году. До этого он участвовал в сражении при Лесной и в Полтавской битве, где проявил себя мужественным и храбрым офицером. Петр I, отметив ловкость и расторопность Виллима, сделал его своим денщиком, а затем благодаря усилиям Матрены он стал камер-юнкером, а позже, в 1724 году, и камергером. В пору камергерства ему было 36 лет.

Виллим Монс был хорош собой, изящен, галантен и широко образован. Без всякого сомнения, молодая императрица

Екатерина не могла остаться равнодушной к блестящему придворному. Тут сказывался и комплекс неполноценности Екатерины – ее, едва умевшую писать, неотвратимо влекло к образованному Монсу. К тому же камергер выгодно отличался от других придворных. В окружении Петра преобладали грубые солдафоны, вороватые торговцы, откровенные пираты, по которым на родине веревка плакала, и тому подобные личности. В область изящной словесности их интересы явно не простирались. В этой среде Виллим Монс казался белой вороной.

Он великолепно владел эпистолярным жанром и прекрасно умел описывать обуревавшее его любовное томление. Свои любовные письма он в изобилии рассылал дамам. Кроме того, он писал стихи. Зная свою слабость по части русской грамматики, он писал латинскими буквами русские слова. Но все, кто читал его письма и стихи, отмечали поразительное изящество стиля. Какая из придворных дам не мечтала получить такое послание? И Виллим, однажды попав в великосветское общество, своего шанса не упустил. В петровскую эпоху было принято устраивать вечеринки (которые гордо именовались ассамблеями), балы и маскарады. Зрелые дамы, изнывавшие от любовного томления, на этих вечерах завязывали с молодыми людьми мимолетные романы, и письма Виллима Монса были подобны горящему факелу, поднесенному к хворосту истомившейся женской души. Непризнанный поэт широко этим пользовался: к сожалению, до нас не дошел список его амурных побед (а их было немало), но об одной жертве его литературных забав говорил весь двор. Имелись неоспоримые свидетельства того, что между Виллимом и Екатериной постоянно курсировали курьеры с записками, содержание которых никому не было известно. Это, по всей вероятности, были любовные послания, на которые клюнула Екатерина и которые сыграли роковую роль в судьбе Монса.

Вскоре Виллим Монс стал фаворитом Екатерины. Петр ни о чем не догадывался. Молодой красавец как мог старался воспользоваться ситуацией: он жаждал денег, денег и только денег. Когда выпал случай, он отправился с Петром и Екатериной за границу и так ловко устроил все царские дела, что император издал специальный указ о том, чтобы «Монс употреблен был в дворовой нашей службе при любезнейшей нашей супруге». Таким образом, Петр сам пустил козла в огород. Благодаря протекции самого государя Монс принялся управлять селами и деревнями, принадлежащими Екатерине, устраивать празднества и увеселения, до которых императрица была охотница, и в конце концов из секретарского кабинета начал двигаться в царскую спальню. Виллим Монс докладывал Екатерине обо всех делах и

новостях, вел всю корреспонденцию, заведовал ее собственной казной и «находился при Катеринушке неотступно». Он мечтал только об одном – как бы стать «заместителем царя» и на постельном поприще.

Ввиду частых отлучек «старика» Петра Монс всячески развлекал Екатерину и наконец был всемилостивейше допущен в ее спальню. Симпатии были взаимными – Екатерину тянуло к молодому, веселому и ловкому камергеру, а ему было нужно положение при дворе. В общем, оба были довольны.

Придворные, быстро смекнув в чем дело, начали искать расположения фаворита Екатерины. Так баловень судьбы мгновенно превратился в богатого и влиятельного человека, владельца огромного количества имений и решил уже, что поймал удачу за хвост. Активность Монса быстро возросла – он начал вмешиваться в дела правительства и суда, а так как ничего в этом не понимал, то только пытался урвать очередную взятку. Такая деятельность екатерининского секретаря бросала тень не только на императрицу, но и на самого царя. Но близко стоявшие к трону люди решительно «оберегали» Петра от правды по поводу его «заместителя»; им было выгодно пользоваться услугами фаворита Екатерины. Так, Меншиков, попавший в 1722–1723 годах в немилость к Петру из-за превышения власти и неуемной страсти к государственной собственности, спасся только благодаря заступничеству Монса и Екатерины. Светлейшему князю тогда грозили отнюдь не побои царя, любившего пройтись по Алексашкиной спине своей знаменитой палкой, а чуть ли не смертная казнь. Император тогда простил Алексашку благодаря настойчивой просьбе жены и ее секретаря, которому, правда, Меншиков предварительно дал многотысячную взятку.

Заведуя Вотчинной канцелярией, то есть ведомством, которое в наше время назвали бы Госкомимуществом, Виллим Монс брал огромные взятки с заинтересованных лиц. Делал он это с помощью своей сестрицы Матрены Иогановны, которая находила ему «нужных» людей. Монс никому не отказывал, благодаря чему получил репутацию благожелательного человека. Чем более росло благорасположение Екатерины к камергеру, тем более расширялось могущество Виллима Монса. Чтобы понять, какого влияния достиг Виллим Монс, скажем, что к нему за помощью обращалась даже царица Прасковья, вдова умершего соправителя Петра Ивана V. А ведь она была с Петром накоротке! Екатерининского фаворита осыпали подношениями, перед ним заискивали.

Однако стремительный взлет Виллима Монса вызвал приступ зависти у его недоброжелателей – ишь ты, выскочка какой

нашелся! Пора открыть глаза на все происходящее Петру Алексеевичу… И на свет появился анонимный донос, адресованный Петру I. Неизвестный писал, что Монс задумал отравить государя, чтобы самому править вместе с Екатериной. Конечно, это была чушь – так далеко планы Монса не простирались; ему бы карманы себе набивать, не более. И Петр, конечно, не поверил в версию о покушении на свою персону, однако намек на любовную связь его обожаемой Катеринушки с Монсом он принял близко к сердцу. Государь пришел в ярость. Он приказал схватить секретаря и нещадно его пытать. Это случилось в ноябре 1724 года.

Когда Монса арестовали, многие из тех, кто привык действовать в своих интересах через любовника императрицы, ждали неминуемой расправы. Дознание по делу Монса производил лично руководитель Тайной канцелярии П. Толстой. Арестованный, едва увидев орудия пыток, чуть не грохнулся в обморок и тут же признался во всем, в чем его обвиняли. Этот лощеный красавец, так заботившийся о своей внешности и не выносивший боли, при виде дыбы и раскаленных щипцов мог оговорить себя и кого угодно. Поэтому ему не поверили, но когда нашлись интимные письма Монса к Екатерине, Петр просто взбесился. Намерения отравить царя, как Петр и думал, не было и в помине, но постельные эскапады Монса с Екатериной разъярили Петра, и можно только догадываться, что творилось с ним в эти дни, зная его склонность к необузданному гневу и нетерпимость даже к малейшему намеку на нарушение его чести! Приступы царского гнева были опасны для всех, кто попадался ему на пути. Однажды, ослепленный бешенством, он чуть не убил собственных дочерей, Елизавету и Анну. Рассказывали, что лицо царя то и дело сводила судорога, иногда он доставал свой охотничий нож и в присутствии дочерей загонял его в стол и стену, топал ногами и размахивал руками. Уходя от них, он так хлопнул дверью, что она разлетелась в щепки. Мы уже писали в предыдущей главе, что Петр был подвержен приступам необузданной ярости, которые могла гасить только Екатерина. Когда окружающие замечали искривившийся рот царя – предвестник гнева, они сразу же посылали за ней. Она клала голову Петра к себе на колени, гладила ее, и он засыпал. Однако на этот раз успокаивать царя было некому – именно Екатерина, единственная, кто мог справиться с его гневом, оказалась его причиной!

Закономерно, что Петр позволял себе нарушать супружескую верность, но не считал, что точно таким же правом обладает и Екатерина. Но хуже измены было другое: единственный близкий человек предал его! Он потребовал от своей «верной» женушки

объяснений. Тут-то и произошла сцена, описанная нами в начале, – царица на коленях вымаливала у Петра прощения. Зная Петра как никто другой, она могла ожидать от него чего угодно – даже казни за прелюбодеяние! Ей уже мерещилась отрубленная голова Машки Гамильтон, валяющаяся в грязи. Однако Петр сумел укротить свой гнев и не стал жестоко наказывать Екатерину – все-таки она была его женой и матерью его детей. Ни в Бога, перед которым Екатерина была после коронации ответственна, ни в черта, Петр, конечно же, не верил. Не нужно было предавать дело огласке и из политических соображений, чтобы не стать посмешищем в глазах всех царствующих домов Европы. Главная вина Монса так глубоко поразила царя, что на все остальные проступки арестанта он взглянул только как на официальный предлог к осуждению. Преследовать же взяткодателей показалось ему мелким.

Однако обвинили Монса лишь в экономических преступлениях. В вину ему поставили присвоение оброка с деревень, входящих в Вотчинную канцелярию, получение взяток за предоставление места на казенной службе, мздоимство и прочее в том же духе. О Екатерине не было сказано ни слова.

15 ноября 1724 года жителям Петербурга был оглашен царский указ, в котором говорилось следующее: «1724 года в 15-й день, по указу Его Величества Императора и Самодержца Всероссийского, объявляется во всенародное ведение: завтра, то есть 16-го числа сего ноября, в 10 часу пред полуднем, будет на Троицкой площади экзекуция бывшему камергеру Виллиму Монсу да сестре его Балкше, подьячему Егору Столетову, камер-лакею Ивану Балакиреву – за их плутовство такое: что Монс, и его сестра, и Егор Столетов, будучи при дворе Его Величества, вступали в дела, противные указам Его Величества, не по своему чину укрывали винных плутов от обличения вин их и брали за то великие взятки: и Балакирев в том Монсу и прочим служил. А подлинное описание вин их будет объявлено при экзекуции». Примечательно, что к делу Монса был привлечен придворный шут Балакирев, пострадавший, вероятно, только за то, что носил от камергера Екатерине любовные записочки.

Указ императора не остался без внимания. Утром следующего дня на Троицкой площади перед эшафотом собралась огромная толпа горожан, желающих поглазеть на кровавое зрелище. К 10 часам утра к площади приблизилась мрачная процессия. Солдаты вели Виллима Монса. Его сопровождал лютеранский пастор. Бывший любовник императрицы, камергер Двора, известный франт и щеголь предстал перед публикой бледным и изможденным. Он был в нагольном тулупе и с ужасом

взирал на шест с заостренным концом, приготовленный для его головы. Очевидцы свидетельствовали, что перед казнью он был тверд духом и только попросил палача отрубить ему голову с первого удара.

Между тем церемония казни началась. Перед притихшей толпой зачитали приговор. Монс обвел толпу помутневшим взором, но на его бледном, словно маска, лице не отразилось никаких эмоций. Когда к нему для последнего слова подошел пастор, он отдал ему единственное, что у него осталось, – драгоценные часы с портретом Екатерины на крышке. По сигналу палача он снял тулуп, шейный платок и положил голову на плаху. Как Монс и просил, палач с одного удара отрубил голову и насадил ее на шест. Затем тело бывшего фаворита привязали к специальному колесу, которое тоже выставили на всеобщее обозрение.

Отметим, что это был чуть ли не единственный случай казни в петровское время за взяточничество и казнокрадство. То, что в этом деле были замешаны личные амбиции Петра, подчеркивается тем фактом, что из всех привлеченных по этому делу казнили только Виллима. Взяточничество и казнокрадство при Петре на Руси процветали, и казнить надо было все окружение царя, но пострадал лишь Монс.

Спустя некоторое время на этом же залитом кровью помосте жестоко высекли кнутом Матрену Балк, Егора Столетова и шута Балакирева. Первую затем сослали в Тобольск, а последних – на пожизненные каторжные работы.

Расскажем немного о личности Матрены Балк. Как мы уже сказали, она была сестрой той самой Анны Монс, первой любовницы Петра. В прошлом она тоже была любовницей царя, а затем стала ближайшей подругой и наперсницей Екатерины, посвященной во все ее сердечные тайны. Она вышла замуж за генерала Балка и являлась статс-дамой Двора государыни. Говорят, что Екатерина очень любила Матрену; возможно, это было связано со страстью государыни к ее брату – Виллиму Монсу. Матрена тоже оказалась замешана в деле своего братца. Как выяснилось, она помогала ему в выгодном посредничестве между придворными, вельможами и Екатериной. После того как Виллим был арестован, пришел черед и Матрены. В ноябре 1724 ее дважды допрашивали с пристрастием, и испуганная наперсница императрицы рассказала, что она получила взятки от почти тридцати лиц, в числе которых были такие высокопоставленные персоны, как светлейший князь Александр Меншиков, царица Прасковья Федоровна, курляндская герцогиня Анна Ивановна, герцог Голштинский Фридрих и многие другие.

От них она принимала деньги, дорогие ткани, кофе, муку, даже старые платья и какой-то «возок». В общем, она ничем не брезговала – брала, что дают. После того как над Матреной была совершена публичная «экзекуция», ее сослали в Тобольск. Екатерина ничем не могла помочь своей бывшей подруге. Очевидно, что не взятки были главными в обвинении Матрены, а то, что она способствовала амурной связи между Виллимом и Екатериной. Пострадали и два сына генеральши – их из Петербурга послали служить в войска, расквартированные в персидской провинции Гилянь. Через шесть дней после экзекуции Матрену повезли в Тобольск. Однако она не успела доехать туда. Пришедшая к власти после смерти Петра Екатерина приказала вернуть ее с дороги и привезти в Москву и спасла двух ее сыновей от службы в Персии. Впоследствии сыновья Матрены сделали неплохую карьеру.

Неизвестно, присутствовал ли на казни Монса сам Петр – ведь он любил кровавые зрелища, но вот что Екатерины там не было, это точно. Она пребывала в глубокой тоске из-за казни своего возлюбленного, а пуще всего после тяжелого разговора с Петром. Однако царь это так не оставил. Через три дня поле казни Монса, совершая прогулку по городу вместе с Екатериной, Петр умышленно завернул на Троицкую площадь, где на колесе лежал разлагающийся труп ее любовника. Это было сделано нарочно, чтобы принести ей еще большие страдания. Посмотрев на изувеченное тело Виллима Монса, императрица печально заметила: «Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности». Этим она хотела отгородиться от несчастного фаворита, мол, сам виноват. А она святая? К тому же Петр запретил коллегиям, то есть министерствам, принимать от государыни рекомендации и приказания. Денег в одночасье не стало – муж приказал арестовать все ее заграничные счета, перестала получать она деньги и от казны. (У нее были счета в Амстердамском банке, которые она пополняла за счет взяток от лиц, которым грозила опала, заступаясь за них перед Петром.) Чтобы рассчитаться с торговцами, Екатерине Алексеевне пришлось даже занимать деньги у своих фрейлин.

Голову Виллима Монса царь приказал заспиртовать и поместить в Кунсткамеру, где в качестве экспоната уже находилась голова Марии Гамильтон. По слухам, перед этим заспиртованную голову Монса Петр приказал поставить в спальне своей неверной жены ей в назидание, чтобы больше не блудила. Якобы Екатерина была вынуждена в течение целых пяти месяцев созерцать этот кошмарный предмет. Однако вряд ли такое могло быть, так как Петр умер примерно через месяц после казни

Монса. Уничтожить обе головы приказала уже Екатерина II.

Петр I умер 28 января 1725 года. Уже в наше время, в 1970 году, врачи определили, что он скончался от мочекаменной болезни, осложненной возвратом плохо залеченного венерического заболевания – вероятно, того самого сифилиса, которым его «наградила» Авдотья Ржевская. Хотя Петр и объявил Екатерину императрицей, из-за случая с Монсом он не решился передать ей трон, вернее, не довел акт коронации до логического конца. Известно, что, отправляясь в Персидский поход 1724 года, Петр хотел объявить ее своей наследницей, но после дела Монса разорвал свое завещание.

Петр вообще не оставил никакого завещания. По закону о престолонаследии 1722 года, подписанному Петром, император сам должен был назначать себе преемника, но этого не случилось: жена ему изменила, а другой кандидатуры у него просто не было. Таким образом, вопрос о престолонаследии «повис в воздухе». Екатерина отлично осознавала, что у нее никаких прав на престол нет. Поборники старины в цари прочили девятилетнего Петра, сына замученного царевича Алексея. Поговаривали даже о заточении Екатерины в монастырь вместе с дочерьми.

В случае коронации Петра II все окружение Петра I должно было уйти в отставку, а то и поплатиться головой. Чтобы этого не допустить, «птенцы гнезда Петрова» возвели Екатерину на престол. Во главе этой партии стоял бывший любовник Екатерины Александр Меншиков. Еще не успело остыть тело Петра (он умер в 5 часов вечера), как уже в 8 часов в Зимнем дворце собрались высшие чины государства. Стали спорить о наследнике. Екатерина опиралась прежде всего на гвардию. Императрица обещала солдатам немедленную выплату жалования, задержанного за полтора года, и по 30 рублей награды каждому гвардейцу, который поддержит ее. И гвардия не подвела. Так Екатерина, бывшая прачка и проститутка, взошла на российский престол.

Как мы уже говорили, Екатерина не умела ни читать, ни писать. В глазах Петра I, самого писавшего с чудовищными грамматическими ошибками, это не выглядело предосудительным, но всероссийской императрице подобное было не к лицу. По свидетельству современника, она в течение трех месяцев лишь училась ставить свою подпись под документами. Этим, собственно, и ограничивалась ее государственная деятельность. Во главе империи в феврале 1725 года был поставлен Верховный тайный совет из шести человек (как сейчас сказали бы, неконституционный орган, который не подчинялся ни Сенату, ни Синоду), главную скрипку в котором

играл Александр Меншиков. Он-то фактически и управлял страной.

А Екатерина, почуяв свободу, пустилась во все тяжкие. У нее пробудились долго сдерживаемые инстинкты – грубая чувственность, стремление к разврату, низменные наклонности ума и плоти. При этом она была так же жестока, как и Петр. Как-то раз она собственноручно пытала в застенке свою горничную за какую-то мелкую провинность.

Проведя всю жизнь с Петром, который пил часто и без меры, она тоже пристрастилась к спиртному, и теперь пьянство стало ее постоянным занятием. Все 26 месяцев ее правления были как бы одним сплошным кутежом. Став самодержавной государыней, Екатерина безудержно предавалась развлечениям и практически все время проводила на пирах, балах и разнообразных праздниках. Балы сменялись маскарадами, маскарады – праздниками по случаю награждения орденами. Екатерина даже издала специальный указ, в котором знати предписывалось еженедельно по четвергам в пятом часу пополудни собираться у нее на «куртагах». Проводить ассамблеи же предписывалось в остальные дни, и не только у нее, но и у других вельмож. С непременным распитием горячительных напитков, естественно.

По свидетельству современника, утро Екатерины начиналось с визита Меншикова. Разговору о государственных делах всегда предшествовал вопрос: «А чего бы нам выпить?» – и сразу же опорожнялось несколько чарок водки. Затем она выходила в приемную, где уже собиралось множество солдат, матросов, работных людей, и всем раздавала милостыню. Если кто-нибудь просил царицу быть крестной матерью новорожденного ребенка, она никогда не отказывала – как же, еще один повод выпить. Временами она присутствовала на смотрах гвардейских полков и лично раздавала солдатам водку, не забывая при этом и себя. Ее день обычно заканчивался праздником, а ночь она проводила с одним из своих любовников. В их числе называли обер-прокурора Ягужинского, графа Петра Сапегу, барона Левенвольде, генерал-полицмейстера столицы Антона Девиера. Имена же других, менее именитых и кратковременных, любовников императрицы знала только ее личная камеристка. По непроверенным данным, их было не менее 20 человек! Ее спальня превратилась в кабак и притон разврата.

Все придворные дамы и наперсницы Екатерины старались ни в чем не отставать от своей благодетельницы. Таким образом, русский императорский Двор превратился в самый настоящий вертеп и представлял собой картину самого разнузданного разврата. Еще один современник писал: «Нет возможности

определить поведение этого двора. День превращается в ночь… Все стоит и ничего не делается… Всюду интриги, искательство, распад…»

От такого нездорового образа жизни и постоянного пьянства (благо еще, что она не курила, как Петр, крепкого табаку) у ранее крепкой и свежей Екатерины начались проблемы со здоровьем. В марте 1727 года у нее появилась опухоль на ногах, которая стала быстро подниматься к бедрам. Затем начались приступы кашля, обнаружилась лихорадка. В апреле она слегла в постель, а 6 мая умерла и была похоронена рядом с мужем в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Перед смертью Екатерины I Александр Меншиков заставил ее написать завещание, согласно которому власть в стране передавалась малолетнему царевичу Петру, сыну несчастного Алексея Петровича, замученного отцом в 1718 году. Меншиков надеялся стать при нем регентом.

Так кем же была русская императрица Екатерина I? Если следовать логике, то она была двоемужницей, имела множество любовников, но так и осталась фру Иоаганн Крузе, в девичестве Мартой Скавронской.

Интересно, что заказанную Петром I для коронации Екатерины корону не пожелала надеть ни одна из будущих императриц Всероссийских. Они считали для себя позором носить корону, которая была изготовлена для безродной прибалтийской потаскухи. Каждая из них заказывала себе собственную корону.

Императрица Анна Иоанновна. Кондиции и амбиции

«Престрашного была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идет – всех головою выше, и чрезвычайно толста», – так писала об этой персоне графиня Наталья Шереметева.

Речь шла о последней истинно русской по крови императрице Анне Ивановне. (Обычно в исторических трудах ее величают Анной Иоанновной. Однако в этом утверждении есть несомненный парадокс – ее отца звали Иваном V, а не Иоанном, и никто с этим не спорит, а она вдруг стала Иоанновной, на церковный лад. Так что это вопрос терминологии. Мы все же будем называть ее Анной Ивановной, по отцу.)

Как же она оказалась на троне? Пути российской истории непредсказуемы, и в этом деле сыграл роль Его Величество Случай, так что императрицей она стала совершенно случайно. Как мы уже говорили, правительница Софья добилась того, чтобы на троне оказались сразу два человека – ее родной брат Иван и сводный брат Петр. Они некоторое время царствовали вдвоем под именами Ивана V и Петра I. Так вот, отцом Анны и был тот самый

Иван V. Иван родился в 1666 году от царя Алексея Михайловича и Марии Милославской. Он с рождения был болен: и телесно, и душевно. Так уж случилось, что у первых Романовых все мальчики появлялись на свет с целым «букетом» всевозможных болезней, главной из которых была цинга, – они долго не жили. А вот девочки рождались вполне здоровыми и жили долго.

Итак, Иван был больным человеком. Петр отзывался о нем как о «дураке несусветном». Когда они вдвоем сидели на особом двойном троне, по уверениям Петра, у Ивана «из ушей и из носу воняло». И правда, Иван был слабым, почти слепым мальчиком, к тому же был «скорбен главою» (то есть слабоумным) – он с трудом говорил и отставал в развитии от своих сверстников. По словам французского резидента в Москве, «молодой принц страдает болезнью век, не позволяющей ему открывать глаза без посторонней помощи». Другой современник повторял почти то же: «Царь Иван был от природы скорбен главою, косноязычен, страдал цингой; полуслепой, с трудом поднимал он свои длинные веки, и на восемнадцатом году от рождения, расслабленный, обремененный немощью духа и тела, служил предметом сожаления и даже насмешек бояр, его окружавших». Однако Иван был незлобивым человеком и ни на кого не обижался. Кроме того, он, так же как Петр, страдал припадками. По свидетельству иностранных путешественников, припадки у царя Ивана случались ежемесячно. Австрийский дипломат отмечал, что царь «говорил слабым и неясным голосом», а когда «встал, чтобы спросить о здоровье императора, то едва мог стоять на ногах, и его поддерживали два камергера под руки».

Ивана V, хотя он и был «старшим» царем (он был старше Петра на 6 лет), никто в политический расчет не брал, кроме родной сестры, правительницы Софьи. При этом расчет был не политическим, а скорее практическим. Как мы уже писали в предыдущей главе, она решила женить Ивана с тем, чтобы у него родился мальчик-наследник, при котором Софья намеревалась быть регентшей и править страной еще долгие годы. Петру I при таком раскладе надеяться было не на что. Современник тех событий писал об этой идее Софьи так: «Царя Ивана женить, и когда он сына получит, кой натурально имеет быть наследником отца своего, то нетрудно сделаться может, что Петр принужден будет принять чин монашеский, а она, Софья, опять за малолетством сына Иоаннова, пребудет в том же достоинстве…» Вот так – Петру даже монашество грозило!

В невесты 18-летнему Ивану она выбрала 20-летнюю Прасковью Салтыкову, рожденную в 1664 году. Как жених Иван, конечно, никуда не годился, зато всецело находился во власти

сестры: «…Хотя Царь Иоанн сперва к такому (браку) никакой склонности не оказывал, однако не был он в состоянии противиться хотению сестры своей». Когда Прасковья узнала о своей предстоящей свадьбе, по словам одного шведского дипломата, заявила, что «скорее умрет», чем выйдет замуж за Ивана. Однако «молодых» никто не спрашивал. Главное, что ее отец Федор Салтыков принадлежал к партии Милославских, остальное же роли не играло.

Свадьбу сыграли в 1684 году со всеми церемониями, приличествующими таким торжествам. И стали ждать наследника. Иван хоть и был слабоумным, а свое дело знал. По свидетельству современника, «и на праздники господские, и в воскресные дни, и в посты царь и царица опочивают в покоях порознь; а когда случится быти опочивать им вместе, и в то время царь посылает по царицу, велит быть к себе спать или сам к ней похочет быть. А которую ночь опочивают вместе, и на утро ходят в мыльню (баню) порознь и ко кресту не приходят, понеже поставлено то в нечистоту и в грех…». Однако как ни старался Иван, а наследника все не было.

За первые пять лет их совместной жизни у Прасковьи лишь однажды появилось подозрение, что она беременна. Позже она сама об этом рассказывала так: «При царе-де Иване пучило у меня живот с год, и я чаяла себя весь год брюхата, да так и изошло…» Софья тем не менее с нетерпением ждала от брата наследника и придумала выход (не зря ее называли Премудрой). Она подговорила стольника Василия Юшкова, чтобы тот сделал Прасковье ребенка. Тот, получив богатые подарки, рьяно принялся за дело, и уже в конце 1688 года царица действительно забеременела! Все ждали мальчика, но в 1689 году у Прасковьи родилась девочка. Ее, конечно же, объявили царской дочерью и назвали Марией. Юшков был в отчаянии, но своего дела не бросал – не проходило и года, чтобы Прасковья не рожала «царю» детей, но все они были женского пола.

Кстати, с этим самым Василием Юшковым произошла любопытная история. В 1722 году у царицы Прасковьи служил некий подьячий Деревин, который «считал дворцовую казну». Чем-то он не понравился фавориту царицы Юшкову и от своей должности был отставлен. Причем отставлен не просто так – Юшков слепил против него дело, обвиняя в разных упущениях по службе, и потребовал значительной денежной компенсации. Деревин горячо протестовал и обивал пороги дома Юшкова, требуя справедливости. Однако Юшков, любовник царицы Прасковьи, был в фаворе, и справедливости от такого человека ждать было бессмысленно. Московское начальство тоже в этом

деле Деревину помочь не могло. И вот тут-то Деревин случайно нашел необычное письмо. Хорошо зная почерк царицы Прасковьи, он определил, что это было ее послание к Юшкову. Казалось бы, ну и что? О связи царицы с Юшковым многие знали, да помалкивали. Но письмо имело одну странность – некоторые слова в нем были зашифрованы литерами (это была так называемая «литорея» – средневековый тайный шифр). В те времена такие письма таили в себе большую опасность как для отправителя, так и для получателя. Под литерами могли скрываться слова, направленные против государя. Честному человеку незачем скрывать что-то под шифром – а значит, тут дело темное. За такие дела можно было легко попасть в Тайную канцелярию, где под пытками быстро развязывали языки кому угодно. Так что дела Василия Юшкова и его любовницы царицы Прасковьи были плохи.

Деревин не смог сохранить свою находку в тайне, и о ней узнал его недоброжелатель Юшков. Недолго думая, тот от имени царицы посадил Деревина под замок и потребовал вернуть письмо. Деревин говорил, что, мол, ничего не знает, а про себя решил передать его лично Петру I – авось, тот разберется. Целый месяц Деревин провел в заточении по прихоти Прасковьиного фаворита Юшкова, но за неимением доказательств его пришлось выпустить. Петр I как раз в это время находился в Москве, и если бы до него дошли подобные факты, беды было бы не миновать, не поздоровилось бы ни Деревину, ни Прасковье с Юшковым. Да только передать письмо государю – это проще сказать, чем сделать. И Деревин испугался. Как известно по делам Тайной канцелярии, «доносчику – первый кнут». Поэтому по здравом размышлении подьячий счел за благо скрыться из Москвы и вернулся лишь поздней осенью.

Все это время Прасковья сильно волновалась и, наконец, выбрала время для удара, чтобы вырвать злосчастное письмо у несносного Деревина. Когда осенью 1722 года Петр I ушел в Персидский поход, она подговорила московского обер-полицмейстера арестовать подьячего, обвинив его в краже большой суммы денег. Деревин снова ударился в бега, но тут уже пострадали его знакомые и родня. В итоге дело все же оказалось в Тайной канцелярии. Там допросили родственников Деревина и узнали, что суть дела заключается в шифрованном письме царицы Прасковьи. После того как тайное стало явным, Деревин сам пришел в Тайную канцелярию и принес письмо. Его запечатали в особый конверт и спрятали до возвращения Петра I. На всякий случай посадили и Деревина до выяснения всех обстоятельств дела. Царица Прасковья неоднократно пыталась выцарапать это

письмо из шкафов Тайной канцелярии посредством московского обер-полицмейстера, да только руки у нее были коротки. Тогда разгневанная Прасковья решилась на следующий демарш – она лично явилась в Тайную канцелярию с огромной свитой. Там ее слуги оттеснили часовых (неслыханное дело!) и на руках внесли Прасковью в камеру, где сидел Деревин (она в то время почти не ходила из-за болезни ног). Она начала с того, что лично избила подьячего тростью. Заодно она послала своих слуг к руководителям Тайной канцелярии с требованием выдать ей Деревина. Обер-прокурор Синода Скорняков и генерал Бутурлин, заведовавшие этой конторой, сочли за благо не перечить невестке Петра I, а соврать, что они, мол, в отъезде. Между тем в камере обстановка накалялась. Деревина ей не выдавали, письма при нем не оказалось. Тогда царица принялась за экзекуцию, вернее, не она, а ее слуги. Деревина жестоко били и жгли огнем. Служители Тайной канцелярии просили царицу не пытать заключенного, к ним присоединилась и ее дочь Екатерина. Последняя уговорила мать прекратить пытки. Однако царица не унималась и, когда Екатерина ушла, приказала своим слугам продолжить экзекуцию. Деревина запытали бы до смерти, но на его счастье в Тайной канцелярии появился генерал-прокурор П. Ягужинский. Он прекратил своеволие царицы Прасковьи и наотрез отказался выдать ей Деревина, за которым числилось «слово и дело государево». Прасковье пришлось отступиться.

Пока ожидали возвращения из похода Петра I, замученный Деревин пришел в себя. Наконец, в декабре 1722 года в Москве появился Петр, а в феврале 1723 года дошла очередь и до дела Деревина. Суд Петра I был скорым и жестоким. Слуги Прасковьи, участвовавшие в пытках Деревина, «были биты батогами нещадно», но тем дело и кончилось – они были выпущены на свободу. Любовника царицы Прасковьи Василия Юшкова Петр приказал сослать на жительство в Нижний Новгород, а Деревина еще долго держали в заточении – дело двигалось медленно. Никто не хотел вмешиваться в тайны царицы Прасковьи и ее фаворита Юшкова, это было опасно. Вероятно, Петр I знал о содержании письма, в котором, судя по всему, никакой политики не было, а то царь не посмотрел бы, что перед ним больная старая женщина. По всей видимости, оно содержало какие-то интимные подробности отношений Юшкова и Прасковьи. Чем закончилось это дело – неизвестно, но характерно одно: Прасковья готова была замучить человека, прикоснувшегося к ее амурным делам. Вот вам и царица, которую все считали тихоней!

Однако закончим это, так сказать, лирическое отступление и перейдем к главному повествованию. Воистину, роди царица

Прасковья мальчика, русская история могла бы пойти по-другому: Петр I вынужден был бы уйти в монастырь, страной бы еще долго правила Софья со своим фаворитом Голицыным. А потом мальчик – наследник царя Ивана подрос и стал бы продолжать политику своей двоюродной бабушки Софьи. Это был бы путь эволюционных, постепенных реформ, а не крутого перелома, который устроил Петр. Но история не знает сослагательного наклонения, а потому вернемся к действительности.

Всего у царицы Прасковьи было пять дочерей: Мария, Федосья, Екатерина, Анна и Прасковья. Старшие, Мария и Федосья, умерли в младенчестве, так что остались три царевны, в том числе и Анна, рожденная в 1693 году. Все они считались царскими дочерьми. Вот эта-то Анна Ивановна и стала впоследствии русской императрицей.

Все дочери Прасковьи Салтыковой были веселыми и подвижными хохотушками, а Анна – неуклюжей, толстой и угрюмой молчуньей. Если в некоторых придворных кругах были еще сомнения насчет отцовства Ивана в отношении приписываемых ему дочерей Екатерины и Прасковьи, то уж Анна была точно от Юшкова. При этом если к первым двум дочерям Прасковья относилась сносно, то Анну она откровенно ненавидела и часто потчевала ее розгами.

Чтобы разобраться в характере Анны в зрелые годы, необходимо знать, в какой среде она воспитывалась. Прежде всего, царица Прасковья, воспитанная в духе старомосковской старины, неукоснительно соблюдала все религиозные обряды. Кроме того, она щедро занималась благотворительностью. Правила того времени гласили: «Церковников и нищих и маломожных, бедных, скорбных и странных пришельцев призывай в дом свой и по силе накорми, напой и согрей». Во дворце жило множество девочек-сирот, в подклетях под дворцом на женской половине жили вдовы, старухи и девицы. Они исполняли роль сказочниц. Двор населяли разные юродивые, помешанные и калеки: немые, слепые, безрукие, безногие. Царица Прасковья была очень расположена к ним. Особенным ее уважением пользовался полубезумный подьячий Тимофей Архипыч, ходивший по двору в грязном рубище и выдававший себя за пророка и чуть ли не святого. Он называл Анну «Анфисой» и предрекал ей монашество. Православная религиозность Прасковьи мирно уживалась с различными суевериями и предрассудками. Она верила в колдовство, чудеса и прочее, поэтому в ее дворце постоянно толпились какие-то предсказатели, кудесники и колдуны. Вместе с ними при дворе Прасковьи было множество шутов, карлиц и дурок, своими

грубыми шутками тешивших непритязательный вкус царицы. Этой публики было так много, что Петр I однажды в сердцах назвал двор Прасковьи «гошпиталем уродов, ханжей и пустосвятов». На время приезда Петра всю эту разношерстную публику прятали по дальним чуланам и чердакам. Петр вообще не любил своего сводного брата Ивана, а его жену с выводком особ женского пола – тем более.

Вот в такой среде и воспитывалась Анна. Отец из-за одолевавших его хворей умер рано, в 1696 году, в возрасте 30 лет. Анне в ту пору было всего 3 года, и ее воспитывали все те же нищие, юродивые и приживалки, ютившиеся в подклетях терема царицы Прасковьи. Мать, повторяем, ее не любила. Когда наступила пора обучения, в учителях у Анны были иностранцы, однако она научилась лишь понимать немецкий язык, но так и не смогла писать по-русски без ошибок. Умом она не блистала, а попав в общество эта нелюдимая, угрюмая и неуклюжая девочка забивалась в угол и громко сопела, не желая и не умея ни с кем общаться. По правде говоря, быть умницей ей было не в кого, а мать, женщина старой закалки, порола ее за всякую провинность чуть ли не до той поры, когда она стала невестой. Даже в зрелом возрасте отношения у Анны с матерью были довольно напряженные.

Постепенно у Анны под влиянием среды, в которой она обитала, выработалась привычка к разным церемониалам, торжественным выходам и драгоценным украшениям. В то же время у нее проявилась любовь к охоте, разным псарням, зверинцам, конюшням и всякого рода забавам, иногда жестоким. Внешне Анна была не очень привлекательной. У нее было смуглое и грубое лицо, которое производило отталкивающее впечатление. Во всем ее облике сквозило что-то мужеподобное. Сын фельдмаршала Миниха Эрнст так описывал Анну, когда она уже стала императрицей: «Станом она была велика и взрачна. Недостаток в красоте награждаем был благородным и величественным лицерасположением. Она имела большие карие и острые глаза, нос немного продолговатый, приятные уста и хорошие зубы. Волосы на голове были темные, лицо рябоватое и голос сильный и проницательный. Сложением тела она была крепка и могла сносить многие удручения». В дальнейшем грубый нрав Анны, ее крепкая и грузная фигура, низкий и зычный голос вызывали неприятные чувства у многих современников.

Но вернемся во времена ее юности. В 1708 году царица Прасковья с дочерьми Анной, Екатериной и Прасковьей по приглашению Петра I переехали из подмосковного Измайлова в Петербург. При этом невестка Петра не преминула забрать весь

«гошпиталь уродов» с собой. Пора было Петру выдать замуж своих нелюбимых племянниц. Петр имел на них свои виды и относился к ним как к оборотному политическому капиталу. На встрече в 1709 году с прусским королем Фридрихом I Петр договорился о женитьбе его племянника Фридриха-Вильгельма на одной из русских царевен. Сам же Фридрих-Вильгельм правил в небольшом герцогстве, граничившем с Россией. Оно называлось Курляндией, формально находилось под польским владычеством, но фактически было самостоятельным герцогством, образовавшимся после распада Ливонского ордена. Петр I хотел прибрать это герцогство к рукам – ему нужны были выходы к Балтийскому морю. Этим браком он связал бы герцога Курляндского по рукам и ногам. Выбрать невесту для герцога из своих дочерей должна была сама царица Прасковья. Жених, субтильного вида молодой человек, ей сразу не понравился, и она предпочла отдать ему среднюю, нелюбимую дочь Анну, чтобы оставить при себе старшую и любимую Екатерину.

Анну никто не спрашивал, хочет ли она выйти замуж, – в этом деле ее слово вообще было последним. Они с Фридрихом лишь обменялись письмами, но ни разу не видели друг друга. Ему даже не показали портрета невесты. Свободен ли был в своем выборе сам жених? Конечно, нет. Слово дяди, прусского короля Фридриха I, было для него законом. Но, скорее всего, ему было все равно по причинам, которые мы укажем ниже.

Петр I перед свадьбой не поскупился – дал Анне 200 тысяч рублей приданого и заключил с Фридрихом I договор, по которому король Пруссии обязался выдавать Анне по 40 тысяч рублей ежегодно в случае смерти мужа и бездетности. Свадьба состоялась 31 октября 1710 года. Жениху с невестой было в ту пору всего по 17 лет. На торжестве Петр лично разрезал своим кортиком два огромных пирога, откуда «появилось по одной карлице, превосходно одетых». Они тут же, на столе, исполнили изящный менуэт. (Позже этот эпизод вошел в книгу «Приключения барона Мюнхгаузена» как невероятная выдумка. Однако это была не выдумка, а правда.)

По случаю бракосочетания Анны пиры и торжества в Петербурге продолжались два месяца. Свадьбу сыграли в Меншиковском дворце – самом приличном здании новой столицы. На следующий день состоялась ранее невиданная церемония – под сурдинку сыграли свадьбу царского карлика Екима Волкова, для участия в которой со всех концов страны свезли более 70 уродов. Все гости покатывались со смеху, глядя на ужимки и кривлянья карликов и карлиц. Такие развлечения были вполне в духе того времени. Забегая вперед, скажем, что

чем самостоятельная жизнь Анны началась, тем и закончилась – такой же шутовской свадьбой придворного шута Голицына, сыгранной в знаменитом Ледяном доме зимой 1740 года, в год смерти императрицы.

Естественно, по петровскому обычаю, не соблюдалось никакой умеренности в еде и питье. Фридрих-Вильгельм тоже был не дурак выпить, и в свои 17 лет был уже законченным алкоголиком. Вследствие свадебных излишеств он заболел – возможно, не выдержал «состязания» со своим новым родственником, Петром. Не обращая внимания на недомогание – ну, подумаешь, похмелье, – он выехал вместе с новобрачной в Курляндию. 10 января 1711 года Фридрих-Вильгельм неожиданно скончался на мызе Дудергоф. Прах герцога перевезли в Курляндию и там похоронили в родовой усыпальнице. Таким образом, Анна в свои 17 лет неожиданно оказалась вдовой. Но Петра I меньше всего волновали чувства Анны – ему даже было выгодно, чтобы на курляндском троне сидела его племянница, пусть и не наделенная реальной властью.

Так царевна Анна, теперь уже герцогиня Курляндская, осталась у разбитого корыта. Вся в слезах она вернулась в Петербург, недолго пожила в столице, потом погостила у своей матери в Измайлово, а уже летом 1712 года «добрый» дядюшка Петр I отправил ее обратно в Курляндию – пусть сидит там и представляет русские интересы в Прибалтике. Одно время Петр даже намеревался отправить туда и Прасковью с оставшимися дочерьми, но обошлось. Анне Ивановне разрешалось приезжать погостить к матери в Измайлово, но надолго задерживаться в России она не могла.

Анна оказалась в столице герцогства Курляндского городе Митаве (ныне Елгава, Латвия) одна, во враждебном окружении, фактически изгнанная из России, без чьей-либо помощи. Правда, поскольку она была абсолютно не годна к управлению не то что герцогством, но даже деревней, в помощники ей дали Петра Бестужева-Рюмина. Дядя умершего мужа Фридрих I сразу же забыл о своем обещании выплачивать по 40 тысяч рублей в год в случае смерти мужа, и она постоянно нуждалась во всем, даже в еде. Герцогиня вынуждена была писать униженные и заискивающие письма Петру и Екатерине с просьбой о помощи. Мать, царица Прасковья, хоть и не любила Анну, но все же помогала ей, чем могла, в том числе хлопотала о казенном «вспомоществовании». Анна неоднократно приезжала в Петербург и буквально попрошайничала, изо всех сил стараясь понравиться сильным мира сего.

Это был для нее самый тяжелый период жизни – одна, в

окружении алчных остзейских баронов, она совсем не следила за собой. Полуодетая, нечесаная, она целыми днями валялась на медвежьей шкуре. Вот в этот момент Анна и сблизилась с единственным русским человеком в ее свите, гофмейстером Петром Бестужевым-Рюминым. Вернее, он воспользовался ее вдовьей слабостью, и, кстати сказать, обошлось не без взаимного удовольствия. Она была молода, и мужчина был ей просто необходим. Так Анна и Петр Бестужев стали любовниками. В 1712 году ей было 19 лет, а ему – 48, но, как говорится, любви все возрасты покорны. Итак, Петр Бестужев стал фаворитом Анны, вел все ее дела по управлению герцогством и представлял русские интересы в Прибалтике. Отметим, что подобным образом Анна Ивановна будет поступать и в будущем – заводить себе временщиков-фаворитов, чтобы они за нее управляли государством. А там хоть и трава не расти.

Впрочем, до этого было еще далеко. Пока любовники наслаждались друг другом, грянул гром. Как-то раз Анна Ивановна помогла бежать в Варшаву второй жене своего дяди, В. Салтыкова, с которой он плохо обращался. Как он узнал об интимной связи Петра Бестужева с Анной, остается загадкой (наверное, у нее были болтливые слуги), но в припадке злобы в отместку за помощь беглянке Салтыков рассказал об их связи царице Прасковье. Та, конечно, возмутилась и потребовала от Петра I удалить дочкиного «галанта» (так тогда завуалировано называли любовников) из Митавы. Но Петра I меньше всего волновали амуры племянницы – ему нужно было, чтобы Курляндия оставалась в зоне русского влияния, а осуществлять это влияние мог только Петр Бестужев. Так что требование царицы Прасковьи он проигнорировал, и Бестужев остался в Митаве.

В 1713 году Петр I отправил Бестужева в Гаагу, как было сказано в указе, для «присматривания политических дел», а в 1717 году он снова вернулся к Анне. Все же политика была важнее, и Бестужев по приказу Петра I стал искать ей нового жениха. В том же 1717 году он пытался устроить свадьбу Анны с герцогом Иоганном Вейсенфельдским, а в 1718 году – с маркграфом Фридрихом-Вильгельмом Бранденбургским, но в обоих случаях потерпел неудачу. Получив гневное письмо от Петра I, в котором ему запрещалось вмешиваться во внутренние дела Курляндии, Петр Бестужев обратился к своим прямым обязанностям – управлять хозяйством герцогини. В 1726 снова встал вопрос о замужестве Анны. Петр I уже умер, у власти стояла Екатерина I. Она вызвала герцогиню вместе с Бестужевым в Петербург и предложила Анне подумать о кандидатуре графа

Морица Саксонского (незаконнорожденного сына польского короля Августа II Сильного). При условии женитьбы на Анне он должен был занять герцогский престол Курляндии.

К тому времени чувства к Петру Бестужеву у Анны угасли, и она по уши влюбилась в Морица. Тридцатилетний красавец-мужчина с европейскими манерами (он в то время служил во французской армии) свел ее ума. Анне в ту пору было 33 года – почти ровесники! Он был галантен и изящен, обходителен и вежлив – просто душка! Вместе с тем от него веяло порохом сражений, дымом бивачных костров и конским потом (этот запах Анна запомнит на всю жизнь). Он был мужественным рубакой – прославился в войне с турками. Не влюбиться в такого было просто невозможно! И Анна, не блещущая красотой, осознавая свою неуклюжесть, отдалась ему всеми фибрами своей не познавшей супружеского счастья души. Ради такого мужа можно было смириться со всеми неудобствами, которые испытывала герцогиня в Курляндии. Петр Бестужев активно способствовал выдвижению Морица Саксонского на курляндский престол, и немецкие бароны с удовольствием избрали его на сейме своим герцогом. Но затея Екатерины I провалилась самым неожиданным образом – оказывается, предложение Анне выйти замуж за Морица Саксонского она сделала без согласия Александра Меншикова, который сам хотел занять курляндский престол! Граф Саксонский был с позором изгнан из Митавы (позже он стал видным военачальником, маршалом Франции и военным теоретиком). За ним последовал и Петр Бестужев. Меншиков обвинил Бестужева в интригах против своей особы, и, как следствие, тот предстал перед Верховным Тайным Советом. И хотя следствие и суд доказали, что в этом деле он во всем следовал полученным из Петербурга инструкциям, Анне Ивановне с трудом удалось уговорить Меньшикова не преследовать ее бывшего любовника. Опять неудача постигла Анну – ни тебе мужа, ни друга сердечного. Но на горизонте уже появился другой претендент на сердце несчастной Анны – Эрнст Бирон.

Прежде чем приступить к рассказу об этом персонаже, вкратце проследим дальнейший жизненный путь первого любовника Анны Петра Бестужева – все-таки он сыграл не последнюю роль в ее судьбе. В 1728 году он все же был арестован, но не за то, что хотел привести Морица на курляндский трон, а за… распутный образ жизни, корыстолюбие и кражи из казны герцогини! Оказывается, Петр Бестужев, будучи любовником Анны, пользовался не только ее пышными телесами, но и ее деньгами. На этот раз Анна Ивановна не стала защищать Петра и

выдвинула против него обвинения, высказанные в письме к императору Петру II: «Бестужев-Рюмин расхитил управляемое им имение и ввел меня в долги неоплатные». Однако и на сей раз Петр Бестужев «отделался легким испугом», так как за него ходатайствовали два его сына, состоявшие министрами при польском и датском дворах. Придя к власти, Анна Ивановна не пожелала видеть своего бывшего «конфидента» в Петербурге и назначила его нижегородским губернатором. Обиженный таким назначением, Петр Бестужев громко выразил свое недовольство, которое сразу же было доведено до ушей императрицы. Не успел он доехать до Нижнего Новгорода, как последовал указ Анны о его ссылке в собственное имение. Ссылка продолжалась до 1737 года, когда «за верную службу сыновей» ему разрешили жить в Москве. Все изменилось лишь после того, как императрицей стала Елизавета. В день своей коронации (25 апреля 1742 года) она возвела Петра Бестужева-Рюмина в графское достоинство. Вскоре после этого акта, в 1743 году, он и умер в возрасте 79 лет, пережив Анну Ивановну на два года. Вот какие бывают хитросплетения судьбы!

Но вернемся к нашему персонажу – Эрнсту Бирону. О, это была колоритнейшая личность! История его появления на свет довольно темна. По одной версии, он был сыном отставного корнета польской армии, небогатого дворянина Карла Бюрена (Бирена) и незнатной дворянки фон дер Рааб. По другой версии Эрнст был внебрачным сыном этого самого корнета и некой латышки, служившей прислугой у его жены Катарины-Ядвиги фон дер Рааб. Родился он в 1690 году в Курляндии (а Курляндия, напомним, была одно время под польским протекторатом). Одни историки указывают, что в молодости отец нашего героя был конюхом, другие – что лесничим. По третьей версии, конюхом был один из предков старшего Бирена, который являлся другом герцога и в одном из сражений даже спас ему жизнь. Какая из этих версий верна, уже не разобрать, несомненно одно – какое-то отношение к лошадям Эрнст все же имел.

Там же, в Курляндии, Бюренам принадлежало небольшое имение Кальпцей. С 1698 по 1702 год Эрнст-Иоганн учился в городской школе Митавы, а затем поступил в Кенигсбергский университет. За время учебы в этом высшем учебном заведении (1707–1710) он был дважды арестован – за воровство и неуплату штрафов. Во время попойки с друзьями он ввязался драку, в которой погиб ночной сторож. Убийство сторожа отцу Бирона обошлось в 700 талеров залога за сына. В общем, Эрнст вел разгульную жизнь обычного западноевропейского студента, с ночными кутежами, штрафами за нарушение тишины,

пропусками лекций и прочими безобразиями, творимыми по молодости. Но убийство человека не прощалось, и Бирон (тогда еще Бирен) был изгнан из университета.

Мы не знаем, чем занимался Эрнст в последующие годы. Говорили, что он какое-то время преподавал в Митаве, но эти сведения туманны… Тем не менее в жизни надо было как-то устраиваться. А выбиться в люди тогда можно было только в России – все хлебные места в Европе были уже давно заняты. И вот Бирен отправился в Петербург «на ловлю счастья и чинов». В 1714 он прибыл в российскую столицу и попытался получить место не где-нибудь, а при дворе принцессы Шарлотты, жены царевича Алексея. Недурное начало, скажем! Он не пошел служить в армию или, скажем, на флот, не захотел стать чиновником какого-нибудь ведомства, а метил сразу в царедворцы. Но эта авантюра не удалась – Эрнст получил отказ из-за своего незнатного происхождения и вернулся в Митаву.

Тогда неугомонный и тщеславный Бирен зашел с другого конца – ведь на курляндском престоле сидела русская герцогиня Анна Ивановна, почему бы не попробовать войти в ее свиту? И эта затея вполне удалась. Он обратился за протекцией к курляндскому канцлеру Кейзерлингу, тот – к Бестужеву и таким образом был принят ко двору герцогини Анны. Первая встреча Бирена и Анны состоялась в 1718 году, когда он, воспользовавшись болезнью Бестужева, принес ей бумаги на подпись. Она поговорила с этим обходительным молодым человеком (он умел создавать приятное впечатление), признала в нем знатока лошадей и присвоила ему звание камер-юнкера. Вскоре она велела приходить к ней ежедневно. Эрнст Бирен решил добиться такого же расположения у Анны, как и Петр Бестужев, – стать ее фаворитом. И это ему удалось – вскоре он был назначен ее личным секретарем и камергером.

Некоторые историки полагают, что именно с 1718 года Бирен стал ее любовником, но нам кажется, что это не так. В 1718 году она еще любила Бестужева, а Бирен, метивший на его место, завел против него интриги. Отблагодарил, так сказать, за протекцию. Действовал он подло, оклеветал соперника, но цель того стоила – занять место в постели Анны, которое раньше занимал Петр Бестужев. Впрочем, эта интрига не удалась – мощный клан Бестужевых (Петр и два его сына, Михаил и Алексей) дал отпор, и незадачливый интриган вынужден был сам удалиться из Митавы. Второе «пришествие» Эрнста относится уже к 1726 году, когда за него ходатайствовал перед Анной все тот же канцлер Кейзерлинг. Только тогда он стал ближайшим помощником Анны Ивановны и ее доверенным лицом. И уж точно

любовником.

Петр I умер в 1725 году, и держать в ежовых рукавицах герцогиню Анну стало некому. Бирен сопровождал Анну Ивановну на церемонию коронации Екатерины I в Москву, но, когда он прибыл в Петербург в составе курляндской делегации, чтобы поздравить Екатерину I с восшествием на престол, все тот же канцлер Кейзерлинг и барон Фитингоф потребовали, чтобы императрица его не принимала. Видно, и своему благодетелю он успел чем-то насолить. Позже Екатерина дала поручение Бирену съездить во Вроцлав для закупки лошадей. Знал Бирен толк в лошадях, знал! Около 1727 года Бирен наконец стал официальным фаворитом Анны Ивановы, добившись удаления Петра Бестужева, и с этих пор не расставался с нею до конца ее жизни.

Как известно, Екатерина I завещала трон малолетнему Петру, сыну несчастного царевича Алексея. Он царствовал с 1727 по 1730 год под именем Петра II. Когда 14-летний император в 1730 году умер от оспы, не оставив завещания, опять возник вопрос – кому передать трон? Как мы уже писали выше, Петр I повелел каждому следующему за ним императору самому назначать наследников престола. Однако он сам никого так и не назначил. То, как была приведена к власти Екатерина I, было чистым произволом Меншикова. А вот Екатерина I написала завещание следующего толка: «Ежели великий князь без наследников преставится (то есть Петр II), то имеет по нем цесаревна Анна с своими десцендентами (потомками), по ней цесаревна Елизавета и десценденты, а потом великая княжна (Наталья Алексеевна – дочь замученного сына Петра I Алексея) и ее десценденты, однако ж мужеска пола наследники пред женским предпочтены быть имеют. Однако ж российским престолом владеть не может, который не греческого закона или кто уже другую корону имеет».

Но на тот момент цесаревна Анна, то есть дочь Петра I и Екатерины I, выданная за герцога Голштинского Фридриха Вильгельма, уже два года как умерла, успев родить сына Карла Ульриха (будущего Петра III). Великая княжна, то есть Наталья Алексеевна, скончалась без «десцендентов» в 14 лет в 1728 году. Это обстоятельство запутывало ситуацию донельзя. С одной стороны, в живых оставалась еще Елизавета, с другой, было ясно сказано – потомки мужского пола имеют преимущество перед женским. А это вроде бы свидетельствовало в пользу двухлетнего Карла Ульриха. Но он был, как назло, лютеранином, а не «греческого закона»!

Собрался Верховный Тайный совет, учрежденный еще Екатериной I. Раньше этот совет, состоявший из восьми человек,

возглавлял Александр Меншиков, но теперь его сместили и отправили в ссылку, так что вперед выдвинулись другие лица – князья Долгорукие и князь Дмитрий Голицын. Дело было в том, что Петр II умер буквально за день до своей свадьбы с княжной Долгорукой, поэтому ее родственники решились на подлог. Они составили от имени Петра II завещание в пользу княжны Долгорукой и подделали его подпись. На заседании обман сразу же открылся, поэтому ее кандидатура больше не обсуждалась. Начались поиски вариантов. «Верховники», как потом прозвали членов Верховного Тайного совета, были единодушны – не допустить к власти наследников Петра I и Екатерины I. Таким кандидатом по мужской линии, как мы уже говорили, мог быть двухлетний внук Петра Великого Петр-Ульрих, сын умершей в 1728 году принцессы Анны. Кандидатурой же по женской линии могла быть вторая дочь Петра I Елизавета, но «верховников» не устраивал ее легкомысленный образ жизни. В случае избрания на трон маленького Петра-Ульриха следовало опасаться вмешательства в русские дела его отца, Карла-Фридриха Голштейн-Готторпского. Кроме этих двух наследников существовали еще четыре особы Дома Романовых: первая жена Петра I Евдокия Лопухина и три дочери умершего царя Ивана V – Анна, Екатерина и Прасковья. Но Евдокия Лопухина была монахиней, поэтому выбор пал на среднюю дочь царя Ивана V Анну.

Ее кандидатуру выдвинул князь Дмитрий Голицын, и все с ним согласились. Но согласились с одним условием – «верховники» решили ограничить власть императрицы. Во-первых, из-за того, что она была не способна к управлению державой, а во-вторых, чтобы самим оказаться у власти, ну и конечно, набить карманы. Члены Верховного Тайного совета составили так называемые «кондиции», то есть условия, на которых Анна должна была занять опустевший русский трон. «Верховники» были на сто процентов уверены, что из желания править Анна подпишет эти «кондиции». И вот делегация, состоявшая из «верховников», сенаторов и генералов, выехала в Митаву и поднесла эти самые «кондиции» Анне на подпись. Условия были таковы: заботиться о сохранении и распространении православной веры, не выходить замуж, не назначать себе наследника без согласия членов Верховного Тайного совета, не объявлять войны или мира, сохранить в неприкосновенности этот самый Тайный совет, не облагать поданных новыми налогами, не присваивать воинских званий выше полковника и так далее. В общем, права Анны как самодержицы Всероссийской, согласно этим «кондициям», были

существенно ограничены. А главное условие было таким – ни в коем случае не привозить Бирена с собой в Россию. Видно, его деятельность стала уже хорошо известна в Петербурге.

Анна Ивановна, конечно, как и предполагали «верховники», подписала «кондиции». Это случилось 25 января 1730 года. Затем она выехала в Москву на коронацию. Однако насчет тупоумия Анны «верховники» ошибались, кроме того, были среди знати и противники ограничения самодержавия. В результате чего 28 февраля 1730 года Анна приказала подать «кондиции» и «при всем народе изволила, приняв, изодрать». С тех пор она стала править сама. Ну, не сама, конечно, а вместе с Эрнстом Биреном. Верховный Тайный совет был распущен. Так Анна Ивановна выиграла в «историческую рулетку» и стала русской императрицей.

Бирен же, едва узнав, что Анна разорвала кондиции, тут же ринулся в Петербург, но перед этим провернул свою очередную авантюру. Дело было в том, что Бирены, как мы уже писали выше, были неродовитыми дворянами, а ему хотелось принадлежать к аристократии. Он сделал просто – изменил в своей фамилии одну букву и стал называться Бироном. Бироны же были древним французским аристократическим родом. Заодно он присвоил себе и их герб. Скандала из этого не вышло – настоящие Бироны с юмором отнеслись к этому. Арман-Шарль де Гонтан, герцог Бирон, узнав, что его имя присвоил себе какой-то лотарингский аптекарь, сказал, что очень приятно, что этот аптекарь «разделил такое пристрастие к его имени с русским вельможею». То есть он сравнил Бирена с простым аптекарем! Это было неслыханным оскорблением, однако тому было все нипочем.

С этого момента в России наступило время немецкого засилья и грабежа природных ресурсов страны, получившее название «бироновщины». По знаменитому замечанию историка Ключевского, «немцы посыпались на Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные и выгодные места в управлении». При этом процветали всеобщая подозрительность, шпионаж, доносы (чего стоило только знаменитое «Слово и дело»!) и жестокое преследование недовольных. Мы не будем вдаваться в подробности правления Анны и Бирона – не наша это задача. Скажем лишь, что Анна поступила как какая-нибудь заурядная помещица, поручив управление Россией, как своим собственным имением, своему управляющему, главной заботой которого была нажива. Ну, получила барыня наследство, а ни малейшего желания и умения вести хозяйство у нее нет. К счастью, есть немец-любовник, который готов взять на себя работу

управляющего. А ведь хорошо известно, что самые лучшие управляющие – это чужаки. Вот так они и правили – Анна Ивановна предавалась безделью, бесконтрольно расходуя государственные деньги, а Бирон заботился о пополнении казны, не забывая и себя. О благе народном больше никто и не заикался. Принцип «после нас хоть потоп» воплощался в жизнь в полной мере.

Сразу же после коронации Анны Ивановны Эрнст-Иоганн Бирон был пожалован в обер-камергеры и награжден орденами Андрея Первозванного и Александра Невского (который выдавался, между прочим, только за военные заслуги). Не прошло и полгода, как Бирон получил звание графа Священной Римской империи. Его полный титул теперь звучал так: «Его высокографское сиятельство, господин рейхсграф и в Силезии вольный чиновник господин Эрнст Иоганн фон Бирон, Ея Императорского Величества, самодержицы всероссийской обер-камергер и ордена Святого апостола Андрея кавалер». Заметим, что никаких официальных постов в России этот «кавалер» не занимал, зато активно вмешивался во внутреннюю и внешнюю политику страны. Да вдобавок он еще стал и герцогом Курляндским, правда, только в 1737 году, когда умер последний представитель этого рода.

Интересно было бы сравнить этих персонажей. Бирон был невоспитанным, грубым, малообразованным, примитивным и жестоким человеком. Его парадные портреты отражают наглое, высокомерное и пошлое обличье. Описание внешнего облика Анны Ивановны со слов графини Натальи Шереметевой мы уже привели в самом начале очерка. А вот еще один «портрет с натуры», написанный испанским дипломатом герцогом де Лириа: «Императрица Анна толста, смугловата и лицо у нее более мужское, чем женское…» И действительно, с дошедших до нашего времени портретов на нас смотрит женщина, ничуть не более умная и культурная, чем Бирон. Все те же тяжеловесные, туповатые черты, то же надменное выражение лица, нижняя губа оттопырена так же идиотски-высокомерно. Супруги «со стажем» постепенно начинают походить друг на друга внешне, и на портретах Бирона и Анны это прекрасно видно.

Вместе с тем нельзя судить о человеке только по его внешнему облику. Даже самый последний урод может оказаться приятнейшим человеком, умным и образованным собеседником. О людях судят прежде всего по их поступкам, и эти суждения будут явно не в пользу Анны.

Бирон любил выпить, а Анна не пила вина, а уж тем более не курила и совсем не жаловала пьяниц. Императорский двор при

Анне сохранял образцовую трезвость. При ее дворе выпить можно было лишь дважды в году: 28 января, в день ее рождения, и 28 апреля – в день коронации. В эти дни придворные так напивались, что гвардейцы их на руках выносили из дворца. Зато она, став императрицей, завела у себя порядки, которых насмотрелась в детстве – с бесчисленным количеством уродов и карликов, разных приживалок, негров, увечных, больных и сумасшедших. Ее Двор был зеркальным отражением двора царицы Прасковьи с ее «гошпиталем уродов», но были и различия. Если царица Прасковья привечала убогих и вела с ними душеспасительные беседы, то Анна над ними откровенно издевалась, и все эти несчастные нужны была ей лишь для потехи. Анна Ивановна была последней русской императрицей, которая содержала шутов – они были ее любимым развлечением. Как писали современники, «для своих шутов государыня сочиняла сама забавные костюмы… К одежде прибавлялись колпаки и гремушки». Другой свидетель так описывал двор Анны Ивановны: «Карлики и карлицы, горбуны и многочисленные калеки обоего пола, на что указывают их прозвища (Безножка, Горбушка), ютились рядом с шутами и шутихами, дураками и дурами, калмыками, черемисами, неграми. Вся эта публика держала себя весьма свободно с лицами, посещавшими двор…»

Неотесанная и грубая натура Анны требовала соответствующих затей. Особенно это проявлялось в ее «забавах» с шутами. «Способ, которым государыня забавлялась сими людьми, был чрезвычайно странен. Иногда она приказывала им всем становится к стене, кроме одного, который бил их по поджилкам и через то принуждал их упасть на землю. Часто заставляли их производить меж собою драку, и они таскали друг друга за волосы или царапались даже до крови. Государыня и весь ее двор утешались сим зрелищем, помирали со смеху». Анна Ивановна откровенно издевалась над своими бесправными шутами! Да и не все они были такими уж дураками, чтобы не понимать этого. Среди шутов Анны были, например, граф Апраксин, князья Голицын и Волконский, так что даже аристократы вынуждены были терпеть всяческие унижения от жестокой императрицы.

Случались и просто неприличные действия. Как-то приезжий итальянский шут с характерным прозвищем Педрилло вынужден был играть роль мужа … козы! Вот как И. Лажечников описывал сцену посещения Анной дома шута, где находилась коза вместе с новорожденным козленком: «Сцена была убрана разными атрибутами из козьих рогов, передних и задних ног, хвостов… связанных бантами из лент. Во глубине сцены на пышной постели

в богатой кровати, убранной малиновым… штофным занавесом, лежала коза… Она убрана в чепец с розовыми летами… Подле нее на богатой подушке лежала новорожденная козочка, повитая и спеленутая, как должно. Введенная в спальню родительницы, государыня подошла к постели, изволила высыпать из кошелька… несколько десятков золотых монет на зубок и потом спросила госпожу Педрилло об ее здоровье».

Анна Ивановна очень любила унижать людей. Ее шуты не только дрались между собой, но дружно кидались на всякого человека, с чем бы он ни входил к императрице. Был ли это царедворец, входивший к Анне с докладом, гонец из действующей армии или иностранный посол, шуты оплевывали его, ругали, обзывали разными поносными словами, пугали неожиданными кульбитами, делали «козу» в нескольких сантиметрах от глаз. Человек пугался, шарахался, стараясь не измазаться об шутов, игравших какашками или делавших вид, что мочатся на вошедшего, и Анну Ивановну это особенно забавляло. Правда, с иноземными послами так не поступали, но на своих царедворцев шуты иногда действительно мочились, что вызывало просто судороги восторга у императрицы! Представляете себе такую картину? Уважаемый человек должен был терпеть всякие унижения от шутов и одновременно, не подавая виду, что это ему омерзительно, подобострастно лицезреть государыню. Такого в XVIII веке не было ни при одном из дворов Европы и Азии!

Надо сказать, что и Бирон был приверженцем так называемого клозетного юмора. Как и большинство немцев, он находил очень смешным все, что связано с испражнениями и мочеиспусканием. Однако он никогда не переходил от теории к практике. Иногда он под воздействием винных паров рассказывал какой-нибудь анекдот: например, как мекленбургский рыбак наложил в саду у священника, а пастор не понял, что это такое, взял в руки и понюхал. При этом Бирон разражался диким хохотом. Так что по уровню общей культуры любовники друг друга стоили, а в плане умственных способностей и практических знаний Бирон даже превосходил Анну, все же в университете учился. Эрнст Бирон был завзятым лошадником – вероятно, страсть к лошадям передалась ему от предков. Пожалуй, это единственное, что он сделал для блага России. В стране появились новые породы лошадей, а коневодство в целом было поставлено на западный лад. При Бироне строились новые конные заводы, на племя завозились лучшие породы из Дании и Германии. Даже церковному ведомству по настоянию Бирона поручили в своих хозяйствах заниматься коневодством. Для контроля над этим важным делом в 1731 году была создана

Конюшенная канцелярия. Правда, и тут Бирон остался верен себе. Австрийский посланник при русском дворе барон Остен отзывался о нем так: «Когда граф Бирон говорит о лошадях, он говорит, как человек; когда же он говорит о людях или с людьми, он выражается, как лошадь». Есть еще одна характеристика, данная Бирону современником: «Вспыльчивый по природе, он в гневе забывал свою светскость и говорил языком, оскорблявшим даже очень неизнеженный слух…»

Добавим еще немного черт для характеристики Анны Ивановны. Она любила убивать. Не людей, слава Богу, а зверей и птиц. Говорили, что она любила охоту… Но охота – это своего рода спорт, и спорт тяжелый. Ее дед, царь Алексей Михайлович, например, мог проскакать с кречетом на рукавице 20 верст, чтобы добыть какого-нибудь зайца. Ее внучатый племянник Петр II, 14-летний мальчик-царь, мог провести целый день в скачке с борзыми собаками, а потом соскочить с лошади, чтобы самому схватить волка за уши и связать ему пасть сыромятным ремнем. То было испытание своих возможностей, ощущение своей силы и здоровья и удовольствие от этого. В такой охоте акт убийства зверя занимает весьма скромное место, а особой доблестью во все времена считалось взять зверя живым.

Ничего общего с этим «охота» Анны Ивановы не имела. Ее привлекали не поиски дичи или ее преследование – ей нравилось стрелять по живой мишени. Для ее «охоты» животных сгоняли в вольеры, а потом гнали их мимо императрицы, а она палила по ним, меняя ружья, прямо из окон дворца или с террасы. Все ее развлечение заключалось в том, чтобы как можно больше убить зверья. Всего только за один «охотничий сезон» 1739 года Анна Ивановна собственноручно застрелила 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабанов, 1 волка, 374 зайца, 608 уток и 16 чаек. Какой уж тут спорт – это было просто убийство!

«Рабочий» день Анны начинался обычно так. Она вставала в 7–8 часов утра, пила кофе и затем рассматривала свои сокровища, в 9 часов принимала своих министров (нужно заметить, что у нее их было всего три) и подписывала бумаги (как правило, не читая). После этого стреляла из окон по птицам из заранее приготовленных для нее ружей или отправлялась на конюшни к Бирону. В полдень она обедала со своим фаворитом, затем шла с ним спать, а потом выслушивала сплетни, сказки и песни фрейлин и приживалок. Одевалась Анна обычно в длинные домашние светло-голубые или зеленые платья восточного покроя, повязывая при этом голову «мещанскими» красными платками. Императрица любила играть в карты, бильярд, волчок, волан и бильбоке. Любила также русскую пляску, но на балах из уважения

к Бирону танцевала только немецкие танцы. Современник оставил такое свидетельство о ее времяпрепровождении: «В первые годы своего правления играла она почти каждый день в карты. Потом проводила целые полдни, не вставая со стула, слушая крики шутов и дураков. Когда сии каждодневно встречающиеся упражнения ей наскучили, то возымела она охоту стрелять, в чем приобрела такое искусство, что без ошибки попадала в цель и на лету птицу убивала. Сею охотой занималась она дольше других, так что в ее комнатах стояли всегда заряженные ружья, которыми, когда заблагорассудится, стреляла из окна в мимо пролетающих ласточек, ворон, сорок и тому подобных». Несмотря на это увлечение, у Анны во дворце держали живых обезьян, ученых скворцов и белых павлинов.

Ближайшими наперсницами Анны Ивановны были графиня Щербатова, судомойка М. Монахина и бывшая «кухонная девушка» А. Юшкова. Да-да, дочь того самого В. Юшкова, который, предположительно, являлся ее отцом! При этом она выдавала Юшкову за родственницу спальника своей матери. Не значит ли это, что эта «кухонная девушка» была сводной сестрой Анны Ивановны? Юшкова считалась «затейницей» и по вечерам рассказывала Анне разные истории, а еще ее обязанностью было стричь ногти (как сказали бы сейчас, делать маникюр и педикюр) самой императрице и… семье Бирона. При этом Анна лично раздавала тумаки и пощечины своим провинившимся наперсницам.

Один современник писал: «Она любила покой и почти не занималась делами, предоставляя министрам делать все, что им заблагорассудится». Историк Н. Костомаров дал ей такую оценку: «Возведенная на степень такого могущества, какого никогда для себя не ожидала, она оказалась вовсе не подготовленною ни обстоятельствами, ни воспитанием к своему великому поприщу. На престоле она представляла собой образец русской барыни старинного покроя… Ленивая, неряшливая, с неповоротливым умом, и вместе с тем надменная, чванливая, злобная… Анна Ивановна не развила в себе… привычки заниматься делом и особенно мыслить…»

Добавим к характеристике Анны Ивановны еще одну черту – она была страшно суеверной и панически боялась колдовства, сглаза и порчи. Однажды ее жертвой стала 19-летняя красавица Прасковья Юсупова. Дело было так. Отец Прасковьи верно служил Петру I и восшествие на престол Анны Ивановны в 1730 году встретил без особого энтузиазма. Он был дружен с Яковом Долгоруким (одним из «верховников», стремившихся ограничить власть императрицы). Когда Долгорукого за эту политику

арестовали, то на всякий случай провели обыск и у его друга Григория Юсупова. В комнате Прасковьи чины Тайной канцелярии нашли куклу с выколотыми глазами, которая, по их мнению, была очень похожа на Анну Ивановну. Спрашивается, почему у куклы были выколоты глаза? Ответ очевиден – дети любят все исследовать: мальчишки ломают машинки, чтобы посмотреть, как они устроены, а девочки иногда забавляются тем, что выкалывают куклам глаза, отрывают им руки и ноги. В общем, детская шалость, и ничего больше. Но почему в комнате 19-летней девицы, которой давно пора замуж, нашли эту куклу? Может, она еще с детских времен где-то завалялась; но Прасковья не колдовала, это точно. Тайная канцелярия сочла это, естественно, за колдовство, направленное против здоровья императрицы, и взяла девушку под стражу. Узнав о кукле с выколотыми глазами, Анна Ивановна пришла в ужас и приказала сжечь «колдунью» живьем. От такой жестокой расправы ее спас сам Бирон – вот «добрая душа». Прасковью отправили во Введенский женский монастырь, расположенный в Шадринском уезде, и заточили в каменный чулан, предназначенный для ведьм и колдуний. Потом Прасковью насильно постригли в монахини, дали имя Прокла, и она какое-то время жила среди «сестер». Однако Прасковья не сдавалась: она смело конфликтовала с ключницами, игуменьей, «сестрами во Христе» и священниками, приходившими «смирять ее гордыню», не помогло даже держание на хлебе и воде. Тогда ее опять посадили в чулан, однако и здесь она вела себя так же независимо, как и на свободе. Так продолжалось долгие семь лет. Когда же о непокорной инокине доложили Анне Ивановне, она повелела наказать Прасковью розгами. Девушке шел уже 26-й год, здоровье было подорвано долголетним пребыванием в сыром каменном мешке и скудной пищей. После унизительного наказания она слегла и потом умерла. Интересно, что в 1916 году именно ее родственник Феликс Юсупов убил любимца царской семьи Григория Распутина.

И, наконец, главное – любили ли Анна и Бирон друг друга? Несомненно! Посудите сами – в течение целых 12 лет (с 1718 года; тогда ему было 28 лет, а Анне – 25) он опекал овдовевшую герцогиню и помогал ей, одинокой, нуждающейся, злой судьбой заброшенной в чужую Курляндию. Он помогал ей советами и деньгами (собираемыми с остзейских баронов, поскольку своих средств у него не было). Важно было и то, что Бирон добился влияния на этих самых баронов. Для них он был свой, и они готовы были если не слушаться его, то хотя бы слышать. А Бирон в этом деле защищал интересы Анны. Тогда он еще не знал, что

его любовница, бедная герцогиня, вдруг станет российской императрицей и отблагодарит его, осыпав золотом. Однако отношения Бирона и Анны пронизаны подлинным бескорыстием. Так относиться друг к другу могут только любящие люди.

Для характеристики их отношений опять приведем свидетельство современника: «Никогда еще на свете, чаю, не бывало дружественнейшей четы, приемлющей взаимно в увеселении или скорби совершенное участие, как императрицы с герцогом Курляндским. Оба они почти никогда не могли во внешнем виде своем притворствовать. Если герцог являлся с пасмурным лицом, то императрица в то же мгновение встревоженный вид принимала. Буде тот весел, то на лице монархини явное напечатывалось удовольствие. Если кто к герцогу не угодил, то из глаз и встречи монархини тотчас мог приметить чувствительную перемену…» Это ли не подтверждение тому, что любящие супруги живут общими заботами, радостями и печалями! Однажды Анна Ивановна даже не пошла на бал из-за того, что Бирон упал с лошади и ушиб ногу: он танцевать не мог, не стала этого делать и Анна.

Да, они были не любовниками, а именно супругами, которые жили в гражданском браке. Некоторые историки даже утверждают, что Анна была однолюбкой. Нет, однолюбкой она, конечно, не была, так как в ее жизни были и Петр Бестужев, и Мориц Саксонский, но «мужчиной ее жизни» стал Эрнст Бирон. И она осталась верна ему до конца своих дней. Точно так же и Бирон – он не заводил себе связей на стороне, не прелюбодействовал с фрейлинами и был верен Анне. Бирон был близким ей по духу человеком и лидером в их союзе. Да, Бирон и Анна были жестокими и недостойными людьми, но у них была настоящая любовь! А этим многое прощается, с точки зрения бога любви, конечно.

А как же «плоды любви» – дети, спросите вы? Не может такого быть, чтобы у Анны с Бироном, молодых и здоровых людей, не было детей! Да еще при тогдашних способах предохранения! Дети были, конечно, но о них ходили лишь слухи. Причем слухи эти исходили от недоброжелателей Бирона и Анны, от тех, кто пострадал от них, и появлялись они задним числом, уже после смерти Анны и удаления Бирона от двора. Но это и понятно, ведь за «оскорбление» государыни тогда полагалось жесткое наказание. Говорили, что она травила своих не родившихся детей (которых было множество) какими-то зельями и отварами, извлекала трупики из своего живота вязальными спицами (иногда по частям) и так далее. Кому в это хотелось поверить – тот верил.

Гораздо правдивее были замечания иностранных современников. Они слышали, что Анна отдавала своих детей от Бирона (а может быть, и от Петра Бестужева) на воспитание в семьи надежных людей, простолюдинов. В какие, спросите вы? А вот это была тайна, которая тщательно скрывалась. Существовали также предположения, что дети Бирона – Петр и Карл на самом деле были детьми Анны Ивановны, во время беременности которой жена Бирона Бенигна подвязывала себе подушки под живот. Да, Эрнст Бирон женился, и, опять же по слухам, это было сделано по настоянию самой Анны, которая не хотела компрометировать себя связью с Бироном. В 1723 году она выдала свою фрейлину Бенигну-Готлиб фон Тротте-Трейден замуж за Бирона. Современники сообщают, что Бенигна была огромного роста, неумна и безобразна. Тем не менее она любила роскошь: только одно ее платье стоило 500 тысяч рублей; в нем она любила сидеть на особом тронообразном кресле и требовала целовать себе руки (при этом обижалась, если ей целовали одну руку, а не две). Лучшее прикрытие и найти было трудно! У Бирона и Бенигны было трое детей – сыновья Карл и Петр и дочь Хедвига-Елизавета. Тот же источник сообщает, что по крайней мере один из сыновей Бирона, а именно Карл, был от Анны Ивановны. Он родился в 1728 году и всегда спал в комнате Анны, которая никогда не расставалась с ним и даже взяла его с собой на коронацию в Москву в 1730 году. Уже при рождении он был записан в Преображенский полк, а в 1736 году пожалован в камергеры и награжден орденом Андрея Первозванного (хотя это была исключительно привилегия детей Дома Романовых). Умер Карл в 1801 году, ничем не проявив себя ни на военной, ни на гражданской службе. Вспоминали также, что дети Бирона любили поливать гостей чернилами и срывать у них с голов парики (здесь, несомненно, чувствуется выучка Анны, любившей унижать людей). Забота Анны Ивановны о Карле была чрезмерной. Однажды он объелся земляникой, и у него разболелся живот. Нашли виноватого – гувернера Шварца (не уследил, мол), и императрица заставила его мести улицы. К счастью, гувернера пожалел сам Бирон – он дал ему тысячу рублей и отправил за границу. Так что слухи о детях Бирона и Анны, судя по всему, верны. Были у них детки, несомненно, были!

А теперь обратимся к последним дням царствования императрицы Анны Ивановны. В сентябре 1730 года у нее появились признаки подагры, но их приняли за женскую болезнь. Потом началось кровохаркание и боли в пояснице – врачи связывали это с нарывом в почках. 5 октября по возвращении из Петергофа она почувствовала себя плохо и с того дня слегла.

Однако однажды она встала с постели – причиной этого стало чрезвычайное обстоятельство. Это событие хорошо задокументировано в исторических источниках, и не верить ему нет причин.

Дело было так. Ночь. Анна Иванова лежит больная. Во дворце тишина. Караул стоит в комнате возле тронного зала. Пробило полночь. Внезапно в тронном зале появилась Анна Ивановна, одетая в белые одежды. Она стала ходить по залу взад и вперед, задумчиво склонив голову. Недоумение часовых сменилось страхом, а страх – тревогой. Начальник караула отправил вестового за Бироном. Разбуженный среди ночи фаворит примчался злой, как черт, ругаясь сразу на трех языках. Он заглянул в зал и сразу же почему-то понял, что это не Анна. Он посчитал это каким-то обманом или заговором. Поспешно разбудили саму императрицу. Бирон уговорил ее «выйти, чтобы на глазах караула разоблачить какую-то самозванку, какую-то женщину, пользующуюся сходством с ней, дабы морочить людей, вероятно, с дурными намерениями». Когда Анна Ивановна пришла, все увидели в тронном зале «две Анны Ивановны, из которых настоящую, живую, можно было отличить от другой только по наряду». Надо отдать должное храбрости Анны (другая бы на ее месте в обморок упала) – она смело направилась к своему двойнику и спросила: «Кто ты, зачем пришла?». Не отвечая ни слова, призрак стал пятиться к трону. Тут Бирон взревел: «Это дерзкая обманщица! Вот императрица! Она приказывает вам, стреляйте в эту женщину!» Хотя Анна Ивановна ничего такого и не приказывала, солдаты стали поднимать ружья. Неизвестно, чем бы все это закончилось, но тут призрак внезапно исчез… Тогда Анна Ивановна вышла из зала и, обращаясь к Бирону, тихо сказала: «Это смерть моя». После этого она поклонилась солдатам и удалилась в свои покои.

Императрица действительно умерла через несколько дней, 17 октября 1740 года, в возрасте 47 лет. Перед смертью она написала завещание, согласно которому трон переходил к ее внучатому племяннику – двухмесячному Ивану Антоновичу, бабкой которого была ее сестра, царевна Екатерина. Регентом до совершеннолетия младенца Анна назначила Эрнста Бирона. Уже на смертном одре она подозвала Бирона к себе и вымолвила: «Жаль мне тебя, Бирон, без меня тебе не будет счастья», – а потом ободрила его: «Не боись!» Бирон, не переставая плакать, до последней минуты стоял на коленях у постели умиравшей супруги.

Чем же закончилась история с Бироном? Анна Ивановна оказалась права – счастья у него без нее больше не было. Не

прошло и трех недель, как он был отстранен от регентства и заключен в Шлиссельбургскую крепость.

Правительница Анна Леопольдовна. Нетрадиционные отношения

Анна и Юлиана легли в постель в одних ночных рубашках и тесно прижались друг к другу. Скоро они начали горячо целоваться, потом скинули с себя ненужные одежды и принялись ласкаться, дотрагиваясь губами до самых интимных мест, до самых потаенных закоулков женского тела…

Речь идет об Анне Леопольдовне, российской правительнице в 1740–1741 годах, и ее ближайшей подруге по лесбийским развлечениям Юлиане фон Менгден. Каким же образом оказалась у власти особа со столь непривычным для русского уха отчеством, и какой она оставила за собой след, кроме «нетрадиционных отношений» с Юлией? Один современный популяризатор русской истории однажды заметил, что «правительница Анна Леопольдовна и ее муж по своей полной незначительности, даже ничтожности, попросту не заслуживают отдельной главы (в его сочинениях. – *М. П.*). О них совершенно нечего сказать – разве что упомянуть мимоходом, что означенная Анна обрела

сомнительную славу первой документально отмеченной в российской истории лесбиянки…». Удивительно, что этому автору нечего сказать о втором по счету в российской истории генералиссимусе (за всю военную историю России было четыре генералиссимуса – Александр Меншиков, принц Антон Брауншвейгский, Александр Суворов и Иосиф Сталин. К слову сказать, Александр Меншиков одно время вдобавок ко всему носил еще и звание рейхсмаршала. Мы знаем из европейской истории только двух рейсхмаршалов – Александра Меншикова и Германа Геринга). Это о «железной маске» ему нечего сказать? И о нетрадиционной сексуальной ориентации Анны нечего говорить? А ведь правление Брауншвейгской династии в России, продолжавшееся чуть более года, буквально перенасыщено различными событиями: интригами, соперничеством, драмами, трагедиями и любовными историями, конечно. Так что обратимся к этому интереснейшему времени, только вначале вспомним, как Анна Леопольдовна стала регентшей при своем малолетнем сыне-императоре.

Как мы помним, у царя Ивана V и царицы Прасковьи было три дочери: Екатерина, Анна и Прасковья. О средней дочери, Анне, мы уже рассказали, младшая, Прасковья, обрела тихое семейное счастье с генералом Мамоновым. Что же касается старшей дочери, Екатерины, то ее судьба была ох какой незавидной. Она вышла замуж позже своей сестры Анны, в 1716 году, за герцога Мекленбургского Карла-Леопольда. Таким образом Петр I путем династических браков решил упрочить свое влияние в северогерманских княжествах. И если Фридрих-Вильгельм, герцог Курляндский, жених Анны, страдал алкоголизмом, то герцог Карл-Леопольд был откровенным мерзавцем, каких еще поискать надо!

Почему Петр I выбрал в жены своей племяннице столь неуравновешенного типа? Дело в том, что Россия тогда воевала со Швецией и Мекленбург-Шверинское герцогство – тоже. У этого герцогства шведы когда-то отобрали город Висмар, и Карл-Леопольд хотел вернуть его при помощи русского царя, а Петру I нужна была база для своих военных кораблей в этом регионе. Таким путем стороны пришли к взаимному согласию: тут любовью и не пахло – чистая военная политика. Сначала герцог Карл-Леопольд попросил себе в жены Анну, которая неожиданно овдовела, но Петр предложил ему Екатерину, а герцогу было все равно. Свадьба состоялась в апреле 1716 года в Данциге (ныне Гданьске) в присутствии самого Петра I и польского короля Августа II.

Герцог Карл-Леопольд Мекленбург-Шверинский родился в

1677 году, то есть был старше невесты на четырнадцать лет (Екатерина родилась в 1691 году). Он был уже женат на принцессе Софии-Хедвиге Нассау-Фрисландской. Детей у них не было, и из-за несносного характера герцога его супруга затеяла бракоразводный процесс. Интересно, что деньги на развод дал ему Петр I – видно, уж очень много значило для него это крошечное северогерманское герцогство. По отзывам современников, герцог был грубым, невоспитанным, своевольным и склочным правителем с непредсказуемым характером. Карл-Леопольд чувствовал себя неуютно, если ему не представлялось повода для ссоры или скандала. Он удивительным образом умел наживать себе врагов. Однажды он, поссорившись с младшим братом, поджег его замок, отчего выгорела большая часть города Грабова. Даже перед свадьбой он повздорил с Петром I по пустячному поводу: следует ли в бою врага рубить или колоть? Дело дошло до крика, причем орали оба правителя. Ко всем прочим его недостаткам герцог был скуп до неприличия и никогда не отдавал долгов. Его любимым выражением была поговорка: «Старые долги не надо платить, а новым нужно дать время состариться».

Он перессорился со всем мекленбургским дворянством, желая отобрать у него льготы и привилегии, за что бароны его так возненавидели, что Карл-Леопольд был вынужден бежать за границу и стал собирать там войско, чтобы расправиться со своими подданными. Своими выходками он разозлил даже императора Священной Римской империи Карла IV, и тот вынужден был двинуть против него целый карательный корпус. В итоге армия герцога была разгромлена, герцогством стала править особая комиссия, созданная из обиженных Карлом-Леопольдом дворян. Для жительства ему оставили город Шверин и крепость Демниц.

Вот в этой-то обстановке у Карла-Леопольда и Екатерины в 1718 году родилась дочь, названная Елизаветой-Екатериной-Христиной. Ее отец был настоящим тираном: все время изводил жену мелочными придирками, порой дело доходило даже до рукоприкладства. Поскольку Карл-Леопольд был скуп, то не предоставлял своей жене положенного ей по брачному контракту содержания. Правда, и Екатерина за словом в карман не лезла, а при случае могла и надавать герцогу оплеух. Немецкие подданные Карла-Леопольда даже прозвали ее «дикой герцогиней». Постоянно нуждаясь в средствах, она обращалась с письмами-просьбами к своей матери, царице Прасковье, а та, в свою очередь, забрасывала слезными посланиями Петра I, умоляя выручить Катерину.

В 1722 году, не выдержав издевательств и жестокого обращения сумасбродного супруга, Екатерина запросилась с дочерью домой. Петр I разрешил ей приехать, а заодно предложил Карлу-Леопольду перебраться в Россию. Однако герцог отказался ехать к жене, и с тех пор они больше никогда не виделись, хотя формально в разводе не были. Он был занят борьбой со своими настоящими и воображаемыми противниками, и в итоге в 1736 году был осужден на сейме рейха, окончательно лишен права на престол и заключен в ту самую крепость Демниц, где и скончался в 1747 году.

Екатерина Ивановна вместе с дочерью Елизаветой-Екатериной-Христиной поселилась в подмосковном Измайлово, во дворце своей матери, царицы Прасковьи. Бабушка души не чаяла в своей внучке – еще когда та жила в Мекленбурге, она забрасывала ее нежными письмами. Например, такими: «Внучка, свет мой! Желаю я тебе, друг мой сердечный, всякого блага от всего моего сердца; хочетца, хочетца, хоцетца тебя, друг мой внучка, мне, бабушке старенькой, видеть тебя, маленькую, и подружится с тобою: старая с малой очень живут дружно…» Понятно стремление царицы Прасковьи увидеть и обласкать девочку – ведь это была ее единственная внучка.

Сама же Екатерина, отойдя от мекленбургских ужасов и недоедания, занялась своим любимым делом – балами, танцами до упаду и пирами. Она была не слишком красивой, но на редкость общительной, жизнерадостной и веселой женщиной. Характер у слегка полноватой Екатерины был бойкий и резвый. Больше всего на свете она любила удачную шутку, веселый розыгрыш и заразительный смех. Не в меру болтливая, она так и сыпала словами, нисколько не задумываясь об их смысле. Все, что было у нее на языке, немедленно выплескивалось наружу. Она без умолку болтала с дамами и кокетничала с кавалерами. (Вот что интересно – на каком языке они с герцогом ссорились? Поскольку Екатерина не знала немецкого языка (ее учили ему, но без особого успеха), а Карл-Леопольд – русского, то наверняка применялся международный язык, на котором деспотичный муж выясняет отношения со своей не в меру болтливой женой, – язык тумаков и затрещин.) Умерла Екатерина Ивановна в 1733 году в возрасте 42 лет от водянки.

Когда в 1722 году Екатерина с дочкой переехали в Измайлово, бабушка была уже старенькой и передвигалась только в кресле на колесиках. Голштинский герцог Карл-Фридрих, однажды посетив подмосковный дворец царицы Прасковьи, увидел у нее на коленях «очень веселенького ребенка лет четырех». Это и была героиня нашего очерка Елизавета-

Екатерина-Христина, в православии Анна Леопольдовна.

Однако как бы бабушка ни любила свою ненаглядную внучку, та среда, в которой она росла, пошла не на пользу девочке. Дворец царицы Прасковьи с его «гошпиталем уродов, ханжей и пустосвятов» был настоящим рассадником самых низменных чувств и инстинктов. Вот еще один штрих историка В. Ключевского: «В многочисленных маленьких горницах дворца царили беспорядок, грязь, духота и вечное ничегонеделание. Царицу окружала целая толпа богомолок и богомольцев, нищих, гадальщиц, калек, карликов, шутов и скоморохов. Эти приживальщики, в грязных изодранных рубашках, или гнусаво тянули жалобные песни, или же кривлялись, плясали, забавляя невзыскательную на удовольствия измайловскую обитательницу и ее дочек. Особенным расположением здесь пользовались разные предсказатели и юродивые». Вот эта-то нездоровая среда самым роковым образом и повлияла на воспитание и характер будущей правительницы России Анны Леопольдовны.

«Это было низкое, насквозь лживое, страшно развратное, неряшливое и убогое в умственном отношении существо», – так отозвался об Анне Леопольдовне один из нынешних писателей. Но лучше все же доверять свидетельствам современникам.

Попробуем взглянуть на сохранившиеся портреты Анны Леопольдовны. С них на нас смотрит приятная, хорошо сложенная молодая женщина, но с каким-то трагическим выражением на лице, с опущенными вниз уголками рта. У нее было вытянутое, с правильными чертами лицо, черные волосы, черные глаза и прекрасная фигура. В общем, Анна производила впечатление на окружающих. В то же время, как мы знаем из воспоминаний современников, она за своей прической и одеждой не следила и никому понравиться не старалась, а уж кокетство у нее отсутствовало начисто. Вот так внешняя среда повлияла на образ жизни и занятия бабушкиной любимицы.

Ее жизнь так бы и прошла, не оставив в истории никакого следа, если бы в 1730 году императрицей не стала ее родная тетка Анна Ивановна. Она приблизила к себе сестру Екатерину с племянницей и полюбила девочку от всей души. В 1733 году ее крестили в православие (до того она была лютеранкой по отцу) под именем Анны. Она получила имя тетки, а вот с отчеством никак не вытанцовывалось – то ли ее величать Карловной, то ли Леопольдовной, поскольку у родителя было двойное имя. Сошлись на Леопольдовне. Некоторые иностранные дипломаты даже полагали, что Анна Ивановна удочерила девочку (ее мать умерла в том же году) и готовила ее себе в преемницы. Для чего это было нужно императрице Анне? А чтобы сохранить трон за

своей ближней родней, внуками царя Ивана V. Потомки Петра I (дочь Елизавета и внук Карл-Петер-Ульрих) в расчет не принимались; их даже опасались приближать к престолу. Поэтому в 1731 году Анна издала указ о присяге своему преемнику, то есть ребенку, которого родит Анна Леопольдовна.

Для образования Анны императрица выписала из-за границы опытную наставницу, вдову генерала по фамилии Адеркас. Но замкнутая, скрытная и строптивая девочка быстро превратилась в «трудного подростка». Она сторонилась дворцовых развлечений, дичилась посторонних людей, особенно молодых мужчин, все время проводила за карточной игрой, одевалась и причесывалась кое-как. По словам французского посланника де ла Шетарди, матери Анны, герцогине Екатерине Мекленбурской, пришлось «прибегать к строгости против своей дочери, когда та была ребенком, чтобы победить в ней дикость и заставить появляться в обществе».

Зато она любила читать романы, что считалось в то время предосудительным (она разговаривала и умела читать на нескольких языках). Еще царица Прасковья приставила к Анне крепостную девушку, чтобы учить ее русскому языку, а госпожа Адеркас обучала ее иностранным языкам. Церковным премудростям ее взялся обучать архиепископ Феофан Прокопович.

Заметим, что Анна Леопольдовна была единственной из всех потомков царя Ивана V, которая овладела иностранными языками и любила читать. В чем же состояло чтение Анны Леопольдовны? Изо всех иностранных книг Анна больше всего любила читать о любви, истории о страдающих, но верных своему избраннику принцессах или же о принцессах, борющихся со своими угнетателями. Интересно, что и то и другое в ее жизни было.

Свататься к Анне стали рано, когда ей было всего 11 лет. Первым претендентом на ее руку и сердце стал брат короля Португалии инфант Эммануил. Однако этот заморский принц был неразборчив в своих поисках – ему было все равно на ком жениться, лишь бы урвать кусок побольше, – на юной Анне, на дочери Петра I Елизавете и даже… на самой императрице Анне Ивановне! Анна Ивановна была возмущена и выставила любвеобильного Эммануила вон. Сама же она хотела, чтобы Анна вышла замуж за маркграфа Карла Бранденбургского, племянника прусского короля. Но венский двор решил иначе. При чем здесь Вена, спросите вы? В те времена в Европе существовало некое объединение, наподобие сегодняшней объединенной Европы, и называлось оно Священная Римская империя германской нации, в которую в основном входили германские земли. То есть все

мелкие раздробленные немецкие княжества (которых в разное время было то ли 200, то ли 300) должны были подчиняться одному центру и одному императору (другое дело, что они не всегда подчинялись). А Вена как раз была тем центром, и австрийский император был как раз тем лицом, которое творило германскую политику.

Жениха для 14-летней Анны в Европу поехал искать генерал-адъютант Карл Левенвольде, «дабы там осмотреться, но никому обещаний не давать». И нашел! Генералу, по свидетельству очевидцев, «австрийский двор щедро заплатил», и он остановил свой выбор на юном принце Антоне Ульрихе Брауншвейг-Беверн-Люнебургском. Это имя было уже известно в России – родная тетка Антона, Шарлотта, была женой несчастного царевича Алексея и матерью императора Петра II. Другая его тетка, Елизавета, была супругой императора той самой Священной Римской империи Карла VI, а две его сестры стали королевами: одна женой прусского короля Фридриха II Великого, а вторая – датского Фредерика V. Английский король Георг I был дядей Антона. Так что через принца Антона можно было породниться со многими дворами Европы, что в те времена было немаловажно.

Восемнадцатилетний Антон приехал в Россию в 1733 году, официально – на военную службу, а на самом деле как потенциальный жених. В переписке высоких особ его сватовство именовалось «главным делом». Щуплый и крайне застенчивый белокурый юноша, который к тому же еще и заикался, сразу не понравился ни императрице Анне Ивановне, ни будущей невесте. Но отступать было уже неприлично, и принца решили испытать на военном поприще. Ему дали в подчинение 3-й Кирасирский полк, в котором Антон стал полковником; позже этот полк переименовали в Брауншвейгский.

Сватовство Антона затянулось на целых семь лет! В России его стали воспитывать вместе с Анной в надежде, что между молодыми людьми возникнет чувство. Принц усердно изучал русский язык, другие науки, военное дело и посещал конный манеж. Он наносил необходимые визиты и участвовал в военных парадах, балах и дворцовых приемах. При этом он не забывал и о «главном деле» – добиваться благосклонности невесты. Кто знает, может, он действительно ее любил? По крайней мере, в своих письмах к родным он отзывался о ней в самых превосходных выражениях. Но, увы, на любовном фронте принц успеха не добился: сказались его наивность и неопытность в этих делах. Вместо того чтобы обольщать юную девственницу, он заводил разговор о скучных материях, о фортификации, например. Кстати, у Антона была отличная библиотека, одна из лучших в

России, правда, в ней нашлось место всего трем художественным книгам: двум вычурным романам, принадлежащим перу его деда, и… «Робинзону Крузо». Остальные же книги были посвящены точным и военным наукам.

Но все было напрасно! Во-первых, против этого брачного союза отчаянно интриговали послы Англии и Франции, а во-вторых, Анна обвиняла Антона Ульриха в слабодушии, отсутствии характера, трусости и других неприятных качествах. И действительно, с портрета на нас смотрит мальчик с белокурыми локонами, обрамляющими красивое, но невыразительное лицо. Позже выяснилось, что Анна ошибалась: Антон проявил незаурядную силу воли и исключительные нравственные качества. Анна дала ему неверную оценку, и вообще она плохо разбиралась в людях – ее больше интересовали книги. А «книжные девочки» хотят более сложных отношений, чем «муж – жена». Но при этом они и сами не знают, чего хотят от жизни. Отсюда и метания, психологические проблемы, бесконечные сложности, выдуманные герои. Была и еще одна важная проблема – Анна, судя по всему, больше интересовалась дамами, чем мужчинами.

Все видели, что она относится к Антону настолько холодно, что это граничит с неприязнью. И тому было свое объяснение – почти одновременно с Антоном в Россию приехал чрезвычайный посланник польский и саксонский (король Польши в то время являлся и герцогом Саксонским) тридцатилетний граф Карл-Мориц Линар. Он быстро завоевал сердце Анны, и у них вспыхнул роман. Красавец-мужчина – Антон по сравнению с ним выглядел жалким замухрышкой – очаровал невинную семнадцатилетнюю простушку и уложил ее постель. Их связь открылась в 1735 году. Разразился невероятный скандал, тем более что все происходило буквально на глазах жениха, но тот, по своей скромности, молчал. Анна Ивановна была взбешена, еще бы, ведь любимая племянница выставила ее на посмешище. Она заперла виновницу в своих покоях и выслала из страны ее наставницу Адеркас (как оказалось, она была воспитательницей и в амурных делах тоже). Камер-юнкера Брылкина, передававшего записки влюбленных, императрица сослала в Казань. Самого же Морица Линара, по просьбе русского правительства, отозвали обратно в Польшу. Над Анной тетка установила жесточайший надзор – буквально вся ее жизнь контролировалась, и все разговоры докладывались императрице немедленно. Теперь Анна Леопольдовна могла появляться только на официальных церемониях.

Разочарование судьбой и утрата любви усугубили дикий характер Анны. Она и раньше поражала современников своей

серьезностью и сосредоточенностью, а ныне стала совсем замкнутой и нелюдимой и все свободное время посвящала чтению французских любовных романов. Шумных и веселых компаний она и раньше не любила, а теперь даже ее маленькое общество, состоявшее из четырех-пяти человек, тяготило ее. Такая жизнь продолжалась четыре года.

С возрастом облик Анны Леопольдовны несколько изменился. Так, один из современников писал о ней: «Это была толстая немка, довольно ограниченная, чувственная и апатичная, но не злая…» Впрочем, если судить по дошедшим до нас портретам Анны Леопольдовны, толстой она не была. Важно другое: опять в описании натуры Анны присутствует чувственность, и это не случайно. А вот как описывает ее историк Н. Костомаров: «Принцесса не обладала ослепительной красотой, но была миловидная блондинка, добродушная и кроткая, вместе – сонливая и ленивая; она не любила никакого дела и проводила праздно часы со своей любимой фрейлиной Юлианой фон Менгден, к которой питала чувства редкой дружбы». Оказывается, не только пылкий саксонец Линар занимал воображение Анны.

Кем же была эта Юлиана Менгден, и чем она заслужила столь «редкую дружбу» Анны? Особенно если учесть еще то обстоятельство, что у нее вообще друзей не было… Как Юлиана вообще оказалась при русском дворе? С воцарением Анны Ивановны в Россию устремилось множество немцев во главе с Бироном. Как писал в своих мемуарах Христофор Манштейн, «в царствование императрицы Анны при дворе желали иметь фрейлинами лифляндок, а семейство барона Менгдена… пользовалось большим расположением герцога Курляндского (то есть Бирона)». Ко двору пригласили сразу четырех сестер Менгден – Доротею, Юлиану, Якобину и Аврору. Старшая из них, Доротея, стала женой сына фельдмаршала Миниха, младшая, Аврора, была позже женой личного врача императрицы Елизаветы Лестока. В этой семейке был еще и двоюродный брат Карл Людвиг, он являлся президентом Коммерц-коллегии.

Как видим, протекцию провинциальному остзейскому роду сделал Бирон, и его представители стали влиятельными лицами при русском дворе. Кстати, баронский титул Менгдены получили только в 1736 году, да и то стараниями Юлианы. Все тот же Христофор Манштейн дал такую нелицеприятную характеристику сестрам Мангден: «Девицы эти, мало видевшие людей, не обладали умом, необходимым для ведения дворцовых интриг, поэтому и не вмешивались в них. Но Юлиана, любимица правительницы, захотела принимать участие в делах, или, лучше сказать, от природы ленивая, она сумела передать этот порок

своей повелительнице». Трудно сказать, кто на кого влиял больше, несомненно одно – девицы нашли друг в друге родственную душу (Юлиана Менгден родилась в 1719 году, то есть была на год моложе Анны). Обе ленивые, неряшливые, неухоженные и вместе с тем чувственные и романтичные, они стали очень близкими подругами. Чтобы не сказать больше.

И действительно, это было нечто большее, чем дружба. Анна и Юлиана могли сутками не выходить из своей комнаты и сидели там «неубранными», то есть непричесанными и полуодетыми, с косынками на растрепанных волосах, в одних нижних рубашках. Чем они там занимались, было неизвестно, но по дворцу сразу же пошли слухи об их любовных отношениях. Интересно знать, где они этому научились? Ведь лесбиянство – это игры аристократок, развращенных, утонченных и изнеженных, которым было уже мало мужчин и требовалось что-нибудь более пикантное. Провинциалке Юлиане Менгден негде было этому научиться, а Анну держали в ежовых рукавицах. Вывод может быть только один – из французских любовных романов, которые запоем читали подруги, что еще более добавляло остроты в их ощущения. Так что сцена, описанная нами выше, вполне могла иметь место, и наверняка имела! Было доподлинно известно, что они спали в одной постели. По словам английского посланника в Петербурге Э. Финча, Анна испытывала к «пригожей смуглянке» Юлиане страсть, похожую «на самую пламенную любовь мужчины к женщине». Ну а как же мужчины – Линар, например, или Антон, за которого она в итоге вышла замуж и родила ему пятерых детей? Скорее всего, Анна была бисексуальна, то есть могла предаваться любви как с мужчинами, так и с женщинами. Юлиана, похоже, была скрытой лесбиянкой, но вместе с тем не чуралась мужчин.

Когда Анна Леопольдовна стала правительницей, эти порядки сохранились. Подруги, запершись в своих покоях, предавались любви и бездельничали, а государственные мужи напрасно ждали аудиенции. Даже муж Анны, Антон Ульрих, вынужден был томиться в очереди, часто безуспешно, чем не раз громко выражал свое недовольство. Фаворитка Юлиана сама определяла круг лиц, допускаемых к правительнице.

Однако мы забежали немного вперед. Итак, сватовство Антона к Анне продолжалось семь лет. За это время принц Брауншвейгский стал опытным, храбрым офицером. Прусский король Фридрих II так отзывался о нем: «Неустрашимость была его природным качеством». По правде говоря, Антон мог бы отсидеться в Петербурге, ожидая благосклонности Анны, но он был честен и прямолинеен – раз его определили на военное

поприще, значит, он должен участвовать в войне. И он это делал с такой самоотверженностью и отвагой, что заслужил почет и уважение не только командования, но и простых солдат. При штурме Очакова в 1737 году принц Антон находился в самой гуще боя, под ним убили лошадь, другой пулей был пробит камзол, были ранены его адъютант и два пажа, но самого его ни пули, ни ядра не брали. Командующий армией фельдмаршал Миних писал о нем императрице, что Антон Ульрих вел себя в бою, «как иному генералу быть надлежит». За штурм Очакова ему присвоили звание генерал-майора. В следующем, 1738 году он опять принимал участие в сражениях против турок и подтвердил свою репутацию отважного офицера. За это он был пожалован чином премьер-майора гвардии Семеновского полка и награжден орденами Александра Невского и Андрея Первозванного. Позже, по случаю заключения мира с Турцией в 1740 году, Антону присвоили звание подполковника Семеновского полка.

Итак, военная карьера Антона складывалась удачно, а вот на любовном фронте он потерпел поражение. Анна ни за что не хотела выходить за него замуж. Может, тут сыграли роль лесбийские забавы с Юлианой, может, нерастраченная любовь к Линару – трудно сказать. Будь на месте Анны Ивановны Петр I, он бы никого и слушать не стал, и Анна вышла бы замуж за Антона без всякого промедления. Но императрица тоже сомневалась в личных качествах жениха и потому тянула со свадьбой.

Этой ситуацией решил воспользоваться Эрнст Бирон и начал сватать Анне в мужья своего сына Петра, который, как мы помним, был предположительно и сыном Анны Ивановны. Таким образом Бирон решил проложить дорогу своему потомству к русскому престолу. Однако Анна Леопольдовна отказала Петру, а еще больше возмутилась императрица – ведь получается, что ее сын женится на ее племяннице! Это же кровосмесительный брак, ни по божеским, ни по мирским законам не допустимый! (Бирону было на это, конечно, наплевать.) Случилось невероятное – Анна Ивановна впервые в жизни выступила против Бирона! В ответ тот пригрозил уехать из России. Но как он ни грозил, по его не вышло (Бирон, конечно же, и не думал никуда уезжать). К тому же всполошился и венский двор – ведь могли увести такую завидную невесту! Дальше медлить было нельзя.

И вот в конце июня 1739 года австрийский посланник маркиз де Ботта от имени Антона официально попросил у Анны Ивановны руки ее племянницы, на что тут же получил согласие. Вероятно, императрица почувствовала, что тянуть больше нельзя, а Анна Леопольдовна предпочла выйти замуж за ненавистного ей Антона, чем за еще более ненавистного «бироныча», из двух зол

выбрав меньшее. Помолвка состоялась 2 июля 1739 года в Зимнем дворце. Жених обещал императрице «беречь (невесту)… всю жизнь с нежнейшей любовью и уважением». Присутствовавшая на этой церемонии жена английского резидента Джейн Рондо так описывала эту сцену: «На женихе был белый атласный костюм, вышитый золотом, его собственные очень длинные белокурые волосы были завиты и распущены по плечам, и я невольно подумала, что он выглядит, как жертва… (Проницательная была леди – вскоре он действительно стал жертвой!) Принцесса (невеста) обняла свою тетку (императрицу) за шею и залилась слезами. Какое-то время ее Величество крепилась, но потом и сама расплакалась… Потом принцесса Елизавета подошла поздравить невесту и, заливаясь слезами, обняла». Принц Антон Ульрих, по замечанию той же англичанки, «выглядел немного глупо среди этого потока слез».

Это было так по-русски, как будто они расставались навсегда, – Анна Ивановна не знала о своей скорой кончине, а Елизавета еще не ведала, что устроит государственный переворот. Но это будет потом, а пока сыграли свадьбу. Новобрачным было, соответственно, 21 год (Анне) и 25 лет (Антону).

Празднество было невероятно пышным – гремели оркестры, палили пушки, были фонтаны с белым и красным вином. Для «со всего города собравшегося многочисленного народа пред сими фонтанами жареный бык с другими жареными мясами предложен был». Затем, уже под вечер, вспыхнул огромный фейерверк с надписью «СОЧЕТАЮ». Молодых отвели в спальню, но… молодая жена сбежала прямо с брачного ложа и всю ночь провела в Летнем саду! Императрица, узнав о таком позорном поведении новобрачной, чтобы уразумить ее, прибегла к старому дедовскому способу. «Фрейлины видели через полуоткрытую дверь, как императрица била по щекам свою племянницу», – писал современник. Таким способом Анна Ивановна старалась загнать строптивицу в супружескую постель. Та неохотно согласилась.

Шло время, а признаков беременности у Анны Леопольдовны не наблюдалось. Антон старался изо всех сил, даже занемог. Брауншвейгский посланник писал домой: «Медики считают, что сие происходит от ослабления его сил и здоровья». Премного опытный в таких делах адъютант Антона полковник Кейзерлинг дал ему «благотворные инструкции к поведению, дабы изрядно исполнять супружеские обязанности без ущерба здоровью». Бирон торжествовал (у его сына «это» лучше бы получилось), а между супругами начались ссоры. Тетка тоже гневалась и даже запретила пускать молодых к столу.

И Антон Ульрих вновь показал себя несгибаемым бойцом –

ведь у его родителей было 13 детей! Бирон был посрамлен, и 12 августа 1740 года Анна Леопольдовна счастливо разрешилась младенцем «мужеска полу». Его назвали Иваном, по деду. Заметим при этом, что русским он был всего на четверть. Долгожданный наследник русского престола наконец появился. Торжества по этому поводу были неописуемы – звонили во все колокола, служили молебны, опять палили из пушек. Брауншвейгская чета была в фаворе. Анну Леопольдовну царственная тетка настолько допекла, что она, разрешившись от бремени, даже поцеловалась с Антоном! Императрица, в «лучших» старомосковских традициях, забрала ребенка от родителей к себе и спрятала его в соседней комнате как небывалую драгоценность. Но 5 октября 1740 года с императрицей Анной Ивановной случился тяжелый приступ, а 17 октября она умерла, назначив регентом при малолетнем Иване Эрнста Бирона. Он должен был править Россией до достижения мальчиком 17-летнего возраста. Так на престол формально взошел двухмесячный император Иван VI.

Сначала регент Империи оказал должное уважение родителям императора – позволил им вместе жить в Зимнем дворце, однако проститься с умиравшей Анной Ивановной не пустил. Он же определил Анне Леопольдовне содержание в двести тысяч рублей ежегодно. Вскоре, правда, начались придирки, недовольство – Бирон мечтал, чтобы они вообще исчезли, скажем, уехали за границу, чтобы не путались под ногами. Он хотел править Россией сам. Он первым принял титул Высочества от Сената (а его титул звучал так: его Высочество регент Российской империи, герцог Курляндский, Лифляндский и Семигальский), и только потом (через четыре дня) его Высочеством стал принц Антон. Бирон Антона ни во что не ставил, и главной задачей его считал рождение детей, хотя и понимал, что тот может быть опасным соперником.

Поскольку как отец императора Антон был устранен от управления страной, он был недоволен завещанием Анны Ивановны. Среди народа пошли слухи о том, что завещание фальшивое. Гвардия тоже была недовольна поведением «курляндской канальи» и тоже роптала. Гвардейцы возмутились еще больше, когда за неуважительные слова в адрес Бирона были подвергнуты мучительным пыткам капитан Ханыков и поручик Аргамаков. Гвардия хотела в регенты Антона, авторитет которого был очень высок среди военных, ведь он выказал истинное мужество на поле боя и не прятался за спинами солдат, а это ценилось выше всего. В гвардии началось брожение. В принципе, в этот момент Антон мог сменить Бирона. Однако Антон был

неопытен в интригах и абсолютно неискушен в политике. Он не раз обращался за советом к министру Остерману и Кайзерлингу, но те сдерживали его, хотя и не порицали.

Бирон правил страной всего неделю и за это время успел настроить против себя все слои общества. «Можно предположить, что он поднялся на такую высоту только для того, чтобы совершить тем большее падение», – записал один придворный. Так оно и случилось, но чуть позже. А пока подручные Бирона схватили правителя канцелярии принца Грамматина, который под пытками показал, что Семеновский полк должен был арестовать Бирона вместе со всеми его приверженцами. Так был раскрыт заговор, во главе которого стоял Антон.

Бирон пришел в ярость и на глазах у министров, сенаторов и генералов обвинил Антона в «попытке помятежничать» и оскорбил его. Принц Антон, никогда не дававший спуску наглецам, схватился за шпагу, Бирон – тоже и вызвал принца на дуэль. Однако Антон сдержался, объяснив, что он не обязан отвечать за разговоры и поступки своего секретаря. Тут Бирон снова стал кричать, что не боится ни Антона, ни Семеновского полка. (Но их он как раз боялся, потому что понимал, насколько его положение и незаконно, и непрочно.)

На следующий день принц получил строгое внушение от руководителя Тайной канцелярии Ушакова, который назвал его мальчишкой и добавил, что при малейшей попытке к ниспровержению установленного строя (то есть власти Бирона) с ним поступят, как с мятежником. Затем Антона заставили написать прошение об увольнении с занимаемых должностей – подполковника Семеновского полка и полковника 3-го Кирасирского полка. Так принц Антон был совершенно устранен от дел и посажен под домашний арест. Эту схватку Антон проиграл вчистую, так как был не способен играть в придворные игры, в которых нет правил.

Дальше – больше. Бирон стал обращаться с Анной и Антоном пренебрежительно, открыто оскорблял их и даже грозился отобрать у них императора-младенца Ивана, а затем выслать их за границу. Ведь принц Антон – это соперник его сына Петра! Не будь его, этот младенец-император был бы его внуком! Бирону было чего опасаться – все высшие чиновники, и русские, и немцы, ему враждебны. Армия ему не подчиняется, а гвардия так просто ненавидит. Дворянство считает его виновным во всем, что было сделано за годы правления Анны. Хотя Бирону было не на кого опереться, он мог натворить много бед.

Что было делать в такой ситуации? Опасность грозила всем, в том числе и рассевшимся у трона немцам. В. Ключевский резонно

заметил, что «…немцы после десятилетнего господства своего при Анне, озлобившего русских, усевшись около русского престола, точно голодные кошки возле горшка с кашей, и достаточно напитавшись, начали в сытом досуге грызть друг друга». Главную скрипку в немецком оркестре играли тогда три фигуры: герцог Бирон, фельдмаршал Миних и вице-канцлер Остерман. Вот они-то и стали грызться между собой. Бравый фельдмаршал нанес первый удар. 7 ноября 1740 года он как шеф кадетского корпуса представлял Анне Леопольдовне нескольких кадетов. Она хотела выбрать из них себе пажей. В конце разговора она пожаловалась фельдмаршалу: «Граф Миних! Вы видите, как обращается со мной регент. Мне многие надежные люди говорят, что он намерен выслать меня за границу…» Миних обещал что-нибудь придумать. Он и сам ненавидит Бирона, к тому же него дошел слух, что герцог хочет женить своего сына Петра на принцессе Елизавете, дочери Петра I. В этом случае фельдмаршала ждали большие неприятности.

8 ноября Миних заявляет Анне, что готов арестовать Бирона, на что она отвечает: «Ну, хорошо, только делайте поскорее!» А Миних и не думает медлить – как раз в карауле стоит Преображенский полк, в котором он был подполковником. И действует он с византийским коварством – в тот же вечер идет к Бирону на ужин! Бирон был как-то беспокоен и задумчив. Неожиданно он спросил Миниха: «А что, граф, во время ваших походов вы никогда не предпринимали ничего важного ночью?» Миних вздрогнул, решив, что Бирон обо всем догадался, однако невозмутимо ответил что-то вроде: «Я всегда действовал по обстоятельствам».

После этого «добрые» приятели распрощались, пожелав друг другу спокойной ночи, и около 11 часов вечера фельдмаршал уехал, но спать уже не ложился. В два часа ночи он вызвал к себе адъютанта Манштейна, и они поехали в Зимний дворец. Там Миних прошел прямо в покои Анны Леопольдовны, они о чем-то переговорили, а затем велел Манштейну вызвать к Анне всех караульных гвардейских офицеров. Анна обратилась к ним с краткой речью. Смысл ее заключался в том, что Бирон ее обижает и она решила арестовать его, поручив это дело Миниху. Что надеется, что доблестные офицеры в этом помогут старому фельдмаршалу. Офицеры давно уже ожидали чего-то подобного и тут же поклялись в верности Анне, в ответ на что она их горячо расцеловала. Принц Антон ни о чем не знал и крепко спал.

Солдаты, которым Миних объявил, что они идут арестовывать Бирона, тут же крикнули «Ура!» и с воодушевлением принялись исполнять приказы своих офицеров.

Миних оставил на охране Зимнего дворца 40 гвардейцев, а с остальными 80 отправился к Летнему дворцу, где жил Бирон. Вся охрана Бирона (а его охраняли 300 человек!) тут же примкнула к бунтовщикам. Миних приказал Манштейну взять 20 преображенцев и арестовать Бирона, а в случае сопротивления убить мерзавца!

Манштейн прошел прямо в спальню герцогов Курляндских, где на широкой кровати спали Бирон с Бироншей. Он откинул полог и проговорил что-то вроде: «Вы арестованы, Ваше Высочество…» Бирон проснулся и заорал: «Караул!» Не лишенный чувства юмора Манштейн отвечал в том духе, что «караул прибыл». Бирон, испугавшись, хотел было спрятаться под кровать, но Манштейн схватил его за шиворот, зовя солдат. Бирон пытался сопротивляться. Преображенцы накинулись на временщика и стали лупить его кулаками и ножнами шпаг, страшно ругаясь. После этого они заткнули ему рот носовым платком, завернули в одеяло и отнесли в караульное помещение. Затем, накинув на Бирона солдатскую шинель, увезли его в Зимний дворец.

В этой суматохе все забыли про Бироншу, и она, как была, в одной ночной рубашке, так и бросилась босиком бежать по морозу, стремясь выбраться из дворца. Гвардейцы поймали ее и спросили у Манштейна, что с ней делать. Тот приказал ее везти тоже в Зимний дворец, но поскольку баба она была грузная и отчаянно сопротивлялась, солдатам надоело возиться с ней, и они просто зашвырнули ее в сугроб. Так она и барахталась там, пока не нашелся офицер, который догадался одеть ее и все-таки отправить во дворец. Так закончилась эта трагикомедия. Эрнст Бирон пробыл регентом Российской империи всего 22 дня.

Кратко остановимся на дальнейшей судьбе Бирона, поскольку на страницах этой книги мы с ним больше не встретимся. Вместе с сыном Петром Бирона с Бироншей заточили в Шлиссельбургскую крепость. Была учреждена следственная комиссия, которая обвинила его во многих злоупотреблениях. Суд приговорил его к четвертованию, которое заменили пожизненной ссылкой в Пелым. Многомиллионное имущество Бирона было конфисковано, а на его содержание в ссылке определялось «кормовых» по 15 рублей в день (включая прислугу). При императрице Елизавете Бирон был помилован и получил в пользование имение Вартемберг. По дороге из Пелыма он встретился с Минихом, который, в свою очередь, отправлялся в ссылку (вот судьба!) в Пелым же. Враги молча поклонились друг другу. В 1742 году Бирон был оставлен в Ярославле, где задержался на целых 20 лет. При Петре III он был возвращен ко двору и получил назад свое имущество. Император пытался

помирить Бирона с Минихом и даже предложил им вместе выпить, но Петра III кто-то отвлек: они «поставили бокалы на стол и расстались врагами». Императрица Екатерина II возвратила Бирону курляндский престол, а в 1769 году он отрекся от него в пользу своего сына Петра. Умер Эрнст Бирон в 1772 году в Митаве на 82-м году жизни. Его девиз был: «Il faut poususer au monde» (Нужно выбиваться в люди). И он действительно выбился, но какой ценой? Все тот же Манштейн (тоже немец, кстати) дал ему такую характеристику: «Характер Бирона был не из лучших: высокомерный, честолюбивый до крайности, грубый и даже нахальный, корыстный, во вражде непримиримый и каратель жестокий».

Фельдмаршал Миних был назначен первым министром, а Анна Леопольдовна стала правительницей Российской империи и великой княгиней. Принц Антон Ульрих получил титул Его Императорского Высочества и стал соправителем Анны. Младенец-император счастливо гукал в своей колыбельке и корчил забавные рожицы.

Казалось бы, опасность миновала, страсти улеглись, и можно спокойно править Россией. Но не тут-то было! Честолюбивый фельдмаршал Миних в качестве воздаяния за заслуги перед Анной Леопольдовной захотел стать генералиссимусом российских войск. Однако Анна Леопольдовна присвоила это звание не ему (что было бы справедливо, ведь он спас ее от жестокого Бирона), а… своему мужу Антону Ульриху! Нельзя сказать, чтобы и Антон не заслужил этого звания, но все же масштаб был не тот. Фельдмаршал-то был опытный вояка, участвовал во множестве сражений, за что уже получил звание полевого маршала. А вот звание генералиссимуса досталось не ему. Обиженный граф Миних подал в отставку… и получил ее! Так-то Анна Леопольдовна отблагодарила его за все, что он для нее сделал. А ведь Миних практически в одиночку совершил государственный переворот в ее пользу! В 1741 году разобиженный Миних переехал на другой берег Невы, где и затаился до времени, а Анна Леопольдовна, опасаясь, что он может свергнуть и ее, приказала в Зимнем дворце удвоить караулы, и они ночевали с Юлианой каждый раз в новой спальне.

Тут, правда, не обошлось без участия еще одного немца – министра иностранных дел Остермана, с которым принц Антон Ульрих сблизился с некоторого времени. Вспомним слова В. О. Ключевского о том, что немцы, как сытые коты, начали грызть друг друга. Так оно и произошло – Остерман загрыз Миниха и сам стал первым министром. На чин генералиссимуса он не претендовал.

А теперь вернемся к одной из главных героинь нашего повествования, Юлиане Менгден. За это время она успела породниться с Минихом – его сын стал мужем сестры Юлианы, Доротеи. Она принимала самое активное участие в заговоре против Бирона, хотя мемуаристы утверждают, что фаворитка ничего не знала о предстоящих событиях – таково было требование Миниха. Однако вряд ли Анна Леопольдовна утаила бы это от своей подруги, ведь они были так близки! Наоборот, на том памятном ужине у Бирона присутствовала как сама Юлиана, так и ее сестра Доротея с Минихом-младшим. В ночь переворота Анна попросила ее разбудить, когда приедет фельдмаршал Миних. Когда Антон проснулся от какого-то шума, в его спальню немедленно явилась Юлиана и заявила, что Анне нездоровится и что беспокоиться нечего. При решающем разговоре Анны с Минихом она не присутствовала, но зато помогла принцессе одеться для выхода к офицерам. Она также присутствовала при разговоре Анны с офицерами. Как только Миних уехал, Анна с Юлианой прошли в комнату, где спал малыш-император, и с тревогой стали ждать результата. Всем уже было не до сна, а вскоре о заговоре узнал и Антон.

Когда решался вопрос об отставке Миниха, Антон с Остерманом даже хотели сослать его в Сибирь, но Юлиана вступилась за родственника, и его не только не сослали, но в придачу к своим громадным имениям Миних получил 15 тысяч рублей ежегодной пенсии.

Как же отблагодарила Анна Леопольдовна свою фаворитку за участие в перевороте? Ей были отданы лучшие костюмы, конфискованные у Бирона, тканые золотом и серебром. По-немецки практичная Юлиана отдала их «выжиге» (так назывался специалист, который занимался тем, что выжигал золото из старых нарядов знати). Золота, извлеченного из кафтанов Бирона, хватило на отливку четырех подсвечников, шести тарелок и двух шкатулок (!). Неплохо одевался бывший конюх! Помимо этого мадам Менгден получила и кое-что посущественнее – богатое поместье в Ливонии. Кроме этого Анна Леопольдовна охотно ссужала подругу крупными суммами денег. Благодаря ее хлопотам члены ее семьи также получали немалые деньги, а двоюродному брату и сестрам были пожалованы высокие придворные должности.

Теперь уже ничто не мешало Анне Леопольдовне вести тот образ жизни, который ей был по нраву, – не причесанной, неодетой валяться в постели с фавориткой и запоем читать французские романы. Иногда для разнообразия приглашались избранные для игры в карты.

Между тем между супругами, Анной Леопольдовной и Антоном Брауншвейгским, по-прежнему не было согласия. Уж слишком разными они были людьми! Анна не пускала его в свою постель, поскольку она была занята Юлианой, а принц злился и страдал, однако, надо отдать ему должное, амуров на стороне не заводил. При таком положении вещей любой здоровый мужчина завел бы себе любовницу, а то и несколько, и с ними бы утешился. Тем более что в XVIII веке это было в порядке вещей. Но Антон был не таким, он, вероятно, действительно любил Анну.

Тем временем, как только весть о восшествии на российский престол Анны Леопольдовны дошла до Саксонии, тут же, словно чертик из табакерки, объявился Мориц Линар, давний ее возлюбленный. В иных изданиях пишут, что Анна сама его пригласила в Россию. Все может быть – ведь она по-прежнему питала к нему нежные чувства. А поверенной в сердечных тайнах Анны стала ее фаворитка Юлиана Менгден. Как такое может быть – спросите вы? Ведь лесбиянки – страшные ревнивицы и никогда не допустят чужого в согретую ими постель! Видимо, этому были свои причины, но о них потом. Так вот, Карл-Мориц Линар приехал в Россию и стал тайком встречаться с Анной. Почему тайком? Да потому, что Антон тут же узнал об этом и стал всячески препятствовать их встречам. Впрочем, это у него плохо получалось из-за его мягкотелости. Вот что по этому поводу писал фельдмаршал Миних: «Она имела частые свидания с графом Линаром в третьем дворцовом саду, куда отправлялась всегда в сопровождении фрейлины Юлии, пользовавшейся там минеральными водами. Когда же принц Брауншвейгский тоже намеревался проникнуть в сад, для него ворота были всегда заперты, и часовым было приказано никого туда не впускать. Так как Линар жил возле ворот сада, принцесса приказала построить поблизости дачу». То есть тайные любовные свидания могли проходить как в саду, так и на даче, куда Антону был вход запрещен. И чем они там, на даче, занимались – Анна, Юлиана и Линар? Ответ напрашивается сам собой – конечно, любовью втроем. Не книжки же читали! Для лесбиянок это не проблема, а Линар, думаю, был счастлив «любить» сразу двух женщин, да еще каких!

За Анной была замечена еще одна странность. Все тот же Миних писал: «Летом (Анна) приказывала ставить свою кровать на балкон Зимнего дворца, выходивший на реку; хотя при этом ставились и ширмы, чтобы скрыть кровать, однако со второго этажа домов, соседних ко дворцу, можно было все видеть». (Зимний дворец тогда располагался на Мойке.) И что же Анна делала в этой кровати, стоящей на балконе, с которого было «все

видно»? Поскольку дело было летом, то нет сомнения в том, что Анна загорала, причем загорала обнаженная. Зачем же фельдмаршалу было делать приписку начет того, что «все было видно»? Может, он и сам подсматривал за Анной – видно, что Миних писал со знанием дела, как будто был очевидцем. А посмотреть было на что – молодая, двадцатитрехлетняя, стройная женщина загорает голышом на балконе!

Почему она это делала? Ведь не могла же она не осознавать того, что даже со второго этажа соседнего дома (не говоря уже о крыше) все было видно? Ответ очевиден – она нарочно это делала! Значит, помимо того, что она была лесбиянкой, занималась групповым сексом, так она была еще и эксгибиционисткой! Вот это качества, воистину достойные принцессы! «Книжная премудрость», почерпнутая из дешевых французских романов, Анной Леопольдовной вовсю «претворялась в жизнь»! Остается только руками развести – действительно, эту бы энергию да на благое дело…

Мемуаристы отмечали, что с приездом Линара отношения между супругами, и без того натянутые, еще больше обострились. Анна Леопольдовна вовсе перестала допускать к себе принца Антона. Виной тому была Юлиана, которая постоянно настраивала Анну против принца. Все тот же Манштейн писал: «Великая княгиня думала гораздо более о том, чтобы пристроить свою любимицу, нежели о прочих делах империи». Анна Леопольдовна действительно не утруждала себя делами; так чем же ей было еще заниматься? Конечно же, устраивать судьбу фаворитки, Линара и свою собственную, благо они были прочно связаны. Юлиана Менгден платила подруге преданностью, выполняя все ее пожелания. Всеми делами двора занималась мадам Менгден, даже младенец-император был поручен ей. До нашей поры дошел портрет, на котором Юлиана держит на руках маленького Ивана Антоновича. Австрийский посол так писал о роли этой фрейлины при дворе: «Она не оставляет правительницу одну ни на мгновение; даже если у нее Антон Ульрих, даже если они лежат в постели, она без смущения входит к ним». Относительно постели маркиз Шетарди подметил: «Правительница по-прежнему питает к своему мужу отвращение; случается зачастую, что Юлия Менгден отказывает ему входить в комнату этой принцессы; иногда даже его заставляют покидать постель». Царевна Елизавета Петровна называла ее «Жулькой», как обычно кличут собак, от французского имени Юлианы – Жюли. То ли Елизавета хотела унизить фаворитку, то ли называла ее так за собачью преданность своей хозяйке…

Так или иначе, но Анне Леопольдовне вдруг вздумалось

выдать Юлиану замуж. Причем не за кого-нибудь, а за… Морица Линара! В этом был тонкий расчет – с одной стороны, погасить слухи об их связи, с другой сделать так, чтобы Линар получил официальный статус при дворе как муж фрейлины. В этом случае он мог получить чин обер-камергера. И она решила сделать так, как поступила ее тетка Анна Ивановна с Бироном: во избежание кривотолков женить Линара на какой-нибудь провинциалке. И ее план вполне удался. Граф и Юлиана, конечно, согласились, и в августе 1741 года была пышно отпразднована их помолвка. Принцесса возложила на Линара знаки орденов Андрея Первозванного и Александра Невского и пожаловала молодым несколько деревень в Лифляндии, а также роскошный дом ссыльного герцога Бирона в столице. Кроме того, Анна преподнесла Линару шпагу, усыпанную бриллиантами.

После этого саксонец, весь преисполненный радостных надежд, отбыл на родину для устройства своих домашних дел. На дорогу Анна подарила ему мешок необработанных алмазов и снабдила приличной суммой денег. Вдогонку ему летели нежные письма Анны, исполненные любви и нежности. А ведь в это самое время она была беременна от своего законного мужа и родила ему дочь Екатерину – это случилось в июле 1741 года. Надо сказать, что в Россию Линар больше не возвращался и таким образом вышел «сухим из воды» во время государственного переворота, устроенного Елизаветой. В заключение истории о Линаре зададимся вопросом – если Анна, несомненно, была влюблена в него, то любил ли ее он сам? Юлиана, по нашему мнению, не в счет – она занималась с ним сексом только из-за любви к хозяйке, выполняя ее прихоть. Думается, что нет. Ловкий и опытный мужчина, красивый и обаятельный совратитель, он ради собственной выгоды мог притворяться влюбленным и водить за нос Анну вместе с Юлианой.

Итак, династия Брауншвейгов воцарилась в России, но ни Анна, ни Антон ничего не сделали для того, чтобы удержаться у власти. Слабохарактерный Антон Ульрих был женским подкаблучником (если его даже из супружеской постели можно было выгнать, как кошку) и сам ничего не решал, а Анна Леопольдовна самоустранилась от власти, и все важные вопросы за нее решали чиновники. И чиновники, надо заметить, немецкие. В стране ничего не менялось – все то же засилье немцев, все тот же фаворитизм и все тот же застой. Анна пустила все на самотек. Вообще, трудно было найти женщину, настолько не приспособленную к правлению.

Ну и что? – спросите вы. В конце концов, что плохого об Анне Леопольдовне можно сказать? То, что она была лесбиянкой со

всеми проистекающими отсюда комплексами? Это, конечно, грех, но ничего смертельного в этом нет. Ну, дичилась людей, ну, просиживала сутками в одной ночной рубашке, читая романы и беседуя со своей фавориткой Юлией. Зато и голов не рубила, не тиранила никого, не тратила безумных денег на балы и вечера. Ничего хорошего Анна не делала, так и плохого тоже. Просто сидела, пила кофе, читала пустые книги. А что не одевалась по нескольку суток – так оно для казны и легче: расходов на платья почти никаких. Например, у свергнувшей ее Елизаветы одних платьев было несколько тысяч, не считая других предметов гардероба.

В конце концов, государственный механизм мог работать и совсем без правительницы, лишь бы чиновники умные и расторопные были. И такие случаи в мировой истории есть! Например, как заметил А. Бушков, Великобританией с 1760 по 1820 год (целых 60 лет!) правил откровенно сумасшедший король Георг III, и страна не развалилась. Наоборот, эпоха короля Георга была эпохой наивысшего подъема Британской империи. Географические открытия Джеймса Кука, расширившие пределы империи, над которой никогда не заходит солнце, освоение Южной Африки, бесконечные войны в Индии, колонизация Австралии и Новой Зеландии, наполеоновские войны, освободительная война Североамериканских штатов против владычества Англии – все это прошло мимо затуманенного взора короля. С его именем на устах шли в бой солдаты, штурмуя позиции мятежника Джорджа Вашингтона, именем короля Георга новые земли провозглашались собственностью британской короны, именем этого короля адмирал Нельсон топил французские корабли в битве при Трафальгаре и отдавал приказы герцог Веллингтон в бою при Ватерлоо. Именно при Георге в Англии произошла промышленная революция, в результате которой она обогнала в экономическом развитии остальные страны Европы лет на 30–40.

Имел ли хоть какое-либо отношение ко всему этому король Георг III? Да никакого! Порой он даже не совсем понимал, что вообще вокруг происходит и кто он такой! И дело даже не в том, что в России и Англии политические системы были разными (у нас самодержавие, а у них парламент). Дело в чиновниках, которые страной управляют. Если чиновник казнокрад, если для него собственная выгода дороже государственной – тогда пиши пропало.

Так оно и произошло в конце короткого правления Анны Леопольдовны. Чиновники-немцы заворовались, страна пребывала в застое, а народ хотел иметь на троне русского

человека, царевну Елизавету, например, дочь Петра I. Анна, как мы уже писали, от правления самоустранилась. Даже получив сведения, что Елизавета готовит государственный переворот, она не поверила им и лишь устроила ей легкий выговор. Ей не Миниха надо было опасаться, а Елизаветы! Враги Брауншвейгского семейства нашептывали Елизавете, что Анна хочет заключить ее монастырь. И Елизавета решилась!

С этого момента начинается самый драматичный период жизни наших героев. «Дщерь Петрова» медлить не стала. В ночь на 25 октября 1741 года с помощью 300 гвардейцев она совершила переворот. По одной из версий, она вошла в спальню Анны, где та по своему обыкновению спала в обнимку с Юлианой, и разбудила ее словами: «Сестрица, пора вставать!» (они и на самом деле были родственницами). Ошеломленная Анна только и успела воскликнуть: «Ох, мы пропали!» Потом она безропотно оделась и спустилась вниз, где ее уже ждали сани. Туда же отвели и генералиссимуса Антона, которому даже одеться не дали. Два гренадера просто обернули его до колен в одеяло, свели вниз, уложили в сани, а сверху прикрыли шубой. Царственных узников отвезли во дворец Елизаветы Петровны вместе с детьми – императором Иваном VI и дочерью Екатериной.

28 ноября 1741 года Елизавета подписала указ о высылке Брауншвегского семейства за пределы России в «их отечество». В указе также сообщалось о том, что младенец-император Иван VI отрешен от власти, а его отец лишен всех орденов и званий. Анна Леопольдовна умоляла Елизавету пощадить Ивана и быть милосердной к их семье. Также она просила оставить ее любимую фрейлину Юлиану Менгден при себе. Та обещала выполнить ее просьбы и быть великодушной.

И начались мытарства Антона с Анной. Сначала их хотели отвезти в Митаву, но потом Елизавета передумала и оставила в Риге. С ними стали обращаться, как с государственными преступниками. Вскоре содержать в портовой Риге августейших узников показалось Елизавете опасным – ведь оттуда их могли запросто выкрасть, и их перевели в крепость Дюнамюнде, в трех милях от Риги. Здесь Анна Леопольдовна родила еще одну дочь – Елизавету.

Но и этого императрице показалось мало – возможность переворота пугала ее. И такие заговоры действительно были. Двадцатилетнее царствование Елизаветы – это двадцатилетие опасности, страха быть свергнутой; недаром она никогда не спала ночью, а только днем! В январе 1744 года она решила перевести арестантов в глубь страны, выбрав им для жительства глухой городок в Рязанской губернии Раненбург (ныне город Чаплыгин).

Там они и жили, пока, по указу Елизаветы, в июне 1744 года у них не отобрали сына Ивана и не отвезли его в Холмогоры. А через месяц и саму бывшую принцессу с мужем и оставшимися детьми было велено отправить на Соловки. Мадам Менгден была разлучена с Анной, и больше они не виделись. Однако семья доехала только до Холмогор, так как дети, Екатерина и Елизавета, болели, а Анна в очередной раз была беременна. Их оставили в Холмогорах, в том же доме, где уже пребывал в заточении их сын Иван. Они даже не знали, что он находится рядом, буквально за стеной.

В 1746 году Анна Леопольдовна умерла от родовой горячки. Ей в ту пору было всего 28 лет. Несчастная принцесса, разлученная с сыном, скончалась «огневицею» (так тогда называли заражение крови).

По приказу Елизаветы, Анну со всеми почестями похоронили в Александро-Невской лавре, рядом с ее матерью и бабкой, царицей Прасковьей. Говорят, что на похоронах Елизавета рыдала. Искренними ли были эти слезы? Сомневаемся. Достоверно известно одно – когда ей докладывали об очередном родившемся у Анны ребенке, она приходила в бешенство, а узнав о рождении очередного сына, даже «изволила, прочитав, оный рапорт разодрать». Она опасалась, что сыновья Анны когда-нибудь смогут согнать ее с незаконного места.

Всего у Анны Леопольдовны и Антона Ульриха было пятеро детей – сыновья Иван, Петр и Алексей и дочери Екатерина и Елизавета. В Холмогорах Брауншвейгская семья проживала в архиерейском доме, огороженном высоким забором. Здесь прямо-таки напрашивается аналогия с Ипатьевским особняком в Екатеринбурге, где в ожидании расстрела содержалась семья Николая II. Семью Антона, слава Богу, не расстреляли, но она также была заточена в прямоугольнике высокой ограды.

В 1756 году 16-летнего Ивана Антоновича, уже переименованного в Григория, перевезли в Шлиссельбургскую крепость. Так началась полная трагизма история русской «железной маски», поскольку у узника даже имени не было – во всех документах его следовало называть «известной персоной». Что толкнуло Елизавету на этот бесчеловечный шаг? По одной из версий, в лапы Тайной канцелярии однажды попал некий купец Зубарев, который поведал о том, что прусский король Фридрих II задумал свергнуть Елизавету и освободить Ивана Антоновича. Для этого он якобы намеревался отправить в Холмогоры военные корабли с десантом. Правда это была или ложь, но Елизавета предпочла увезти Ивана в Шлиссельбург, а охране дала приказ, чтобы при попытке освобождения Ивана Антоновича он был убит.

Так оно и случилось, но только в царствование уже другой императрицы, Екатерины II. Когда поручик Мирович в июле 1764 года попытался освободить Ивана VI, тот был убит тюремщиками и похоронен там же, в Шлиссельбурге, тайно.

Еще раньше, в 1762 году, Екатерина II прислала к Антону генерала Бибикова с предложением свободы ему лично, но не его детям. Дети должны были остаться в Холмогорах в заключении (поскольку они могли претендовать на трон), а принц мог ехать куда угодно, хоть за границу. К чести Антона, он наотрез отказался от такого «выгодного» предложения и заявил, что ему лучше умереть, чем оставить детей. К тому же у него были и другие дети, которых рожала то ли кухарка, то ли горничная, в общем, прислуга. Оставить детей, и законных, и прижитых, он не мог – ему бы это не позволила совесть. Он так и остался с ними, в последние годы ослеп и скончался в 1776 году на 62-м году жизни. Был похоронен там же, в Холмогорах. Современник писал: «Принц… имел доброе сердце; был храбр на ратном поле; робок и застенчив… При самом начале заключения своего, он укорял супругу в постигшем их несчастии; но, лишившись ее, вооружился мужеством и терпением; явил пример самоотвержения, достойный родительской нежности; долговременными страданиями приобрел право на уважение потомства».

А что стало с детьми этой несчастной пары? Про Ивана Антоновича мы уже писали – он погиб в 1764 году в Шлиссельбурге. Судьба остальных отпрысков августейшего семейства была не лучше. Екатерину во время переворота 1741 года гвардейцы уронили на пол, из-за чего она осталась глухой на всю жизнь. Из-за глухоты она была косноязычной, и окружающие разговаривали с ней лишь жестами. Елизавета в десятилетнем возрасте упала с лестницы и с тех пор страдала головными болями. В 1767 году, будучи нецелованной девицей 23 лет от роду, она влюбилась в одного из своих охранников – сержанта Трифонова. Трифонов был добрым человеком и жалел своих пленников. Он часто сопровождал их на прогулках и даже играл им на флейте. Однако начальству показалась подозрительной эта сердобольность, и Трифонова удалили от узников. Елизавета оказалась на грани помешательства. Петру тоже не повезло – «в самом детстве поврежден, отчего имеет небольшой горб и один бок несколько крив, так, как и ноги». Только младший сын Антона Алексей, не имел явных физических недостатков. Несмотря на годы заточения, все они выросли добрыми и скромными людьми, умели читать и писать.

Наконец в 1780 году Екатерина II решила, что дети Антона и Анны ей уже не опасны (она за это время сумела укрепить свою

власть), и выслала их за границу к их тетке – королеве Дании Юлиане-Марии. Напоследок императрица расщедрилась и преподнесла детям прекрасные подарки: серебряную посуду, одежду, всевозможные украшения. На корабле их, а также побочных детей Антона отправили вниз по Двине в Архангельск. Здесь они пересели на яхту «Полярная звезда» и отплыли в Данию, при этом их разлучили с внебрачными детьми отца. Последним Екатерина Великая назначила пожизненные пенсии, а одна из бастардок Антона – Амалия – позже вышла замуж за поручика Карикина, который был начальником ее охраны в Холмогорах.

На жительство в Дании детям Антона был отведен городок Хоренс, расположенный в глубине страны. Их приняли холодно – тетка-королева даже не захотела встретиться с ними. В чужой стране, в непривычной обстановке Брауншвейгам жилось скверно, хотя они и получали большую денежную помощь от русского двора. Они тосковали по России и постоянно просили вернуть их обратно. Свобода – штука относительная. Но на просьбы вернуться всегда следовал отказ.

И они умирали один за другим, будто отравленные этим воздухом свободы: Елизавета в 1782 году, Алексей – в 1787-м, а Петр скончался в 1798-м. Дольше всех прожила старшая дочь Антона – глухая Екатерина, она умерла лишь в 1807 году в возрасте 66 лет. До конца своих дней она дорожила единственной реликвией, которая у нее сохранилась, – серебряным рублем с изображением ее родного брата императора Ивана VI. К слову сказать, ныне эти рубли – большая редкость, так как Елизавета приказала весь их тираж уничтожить, а того, у кого они найдутся, ждала суровая кара.

Потеряв родных, Екатерина просила у императора Александра I разрешения вернуться в Россию и принять постриг в Киево-Печерской лавре, но ответа так и не получила. Своему духовнику, отцу Феофану, она писала: «Что мне было в тысячу раз лучше жить в Холмогорах, нежели в Горсене. Что меня мои придворные датские всегда не любят, и часто от того плакала… Что они всякий день ездили в гости и прогуляться, а мне всегда дома оставляли, ни с кем дома могла говорить, ни одно слово. Что они заперли меня в комнате, что бы никто не знал, что бы я делаю, и они никого не пускали, что они мне крепка запретили… И я теперь горьки слезы проливаю, проклинаю себя, что я давно не умерла».

Что сказать в заключение этой грустной, полной трагизма истории? Анна Леопольдовна и свою судьбу загубила, и судьбу своего мужа принца Антона Ульриха, и, главное, судьбу своих

детей. Сын Иван, с младенчества пребывавший в заточении, был убит, остальные дети, проведя долгие годы в узилище, скончались на чужбине. Кто в этом виноват? Виновата прежде всего императрица Анна Ивановна – ведь она и сама вела праздный образ жизни, и Анну ничему не учила. И тем не менее она назначила ее наследницей. Но при Анне Ивановне хоть был Бирон, был Миних, был Остерман – они-то и управляли государством. А Анна Леопольдовна их всех прогнала и осталась одна, совершенно не способная к государственным делам. Да и чего можно было требовать от 23-летней девушки, начитавшейся французских галантных романов?

Казалось, все тяготы по управлению страной должен был взять на себя принц Антон, но у него, кроме личной храбрости, ничего не было. Он был мягким, вежливым и скромным человеком, а ему надо было бы подличать, интриговать, рубить головы, наконец – в общем, вести себя так же, как вели себя правители во все времена. Мы уже отмечали в рассказе о царевне Софье и князе Голицыне, что мягкость, беспечность и великодушие до добра не доводят. Так оно и случилось с Анной и Антоном.

Императрица Елизавета. Веселая царица

Веселая царица была Елисавет:
Поет и веселится, порядка только нет.
А. К. Толстой

Эти слова Алексея Толстого относительно порядка на Руси вряд ли могут быть правдой – в царствование императрицы Елизаветы Петровны какой-никакой порядок в стране все же был. А вот то, что Елизавета пела и веселилась и всякому другому занятию предпочитала музыку и танцы, – истинная правда.

Елизавета, дочь Петра I и Екатерины, родилась в 1709 году. Ее жизнь делится на два этапа: до 1730 года и после. Почему? Позже вы узнаете, а пока в год рождения своей дочери Петр I праздновал победу в Полтавской баталии. Его войска готовились с триумфом вступить в Москву. Узнав о появлении на свет дочери, он якобы сказал: «Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с восшествием в мир дочь мою, яко со счастливым предзнаменованием вожделенного мира». Празднование победы было отложено на три дня, после чего был дан пир в Коломенском с участием пленных шведских генералов. Так Петр праздновал свою личную победу на любовном фронте с

Екатериной.

Он очень любил маленькую Лизу, назвал в ее честь один из кораблей, а в письмах называл не иначе как «дочкой-бочкой», потому что она была упитанной, пухленькой малышкой. В 1711 году эта малышка наконец приобрела законных родителей. Ведь Елизавета родилась вне брака, и только в 1711 году Петр узаконил отношения со своей любовницей Екатериной и признал прижитых от нее детей своими. Это обстоятельство попортило немало крови Елизавете, так как считалось, что она незаконнорожденная дочь Петра. Вот если бы Петр состоял в браке с Екатериной и она родила ему дочь, тогда бы Елизавета, впрочем, как и ее сестра Анна, были бы законными детьми. Эти тонкости тогда строго соблюдались и не раз становились препятствием к восшествию на престол «дочки-бочки», пока она не завладела троном сама.

Итак, девочка росла до 1730 года в довольстве и достатке. До 1725 года ее опекал отец-император, затем императрицей стала ее мать Екатерина I, потом страной правил ее племянник Петр II. Так что беспокоиться за свою судьбу ей было нечего, и она жила в свое удовольствие. И только когда в 1730 году императрицей стала Анна Ивановна (представительница другого клана), ей пришлось туго.

Лиза получила неплохое образование. В воспитателях у нее ходили иностранные графини и виконтессы; весьма толковые учителя тоже были из иноземцев. В результате Елизавета разговаривала на немецком, французском и итальянском языках, великолепно танцевала и блестяще освоила верховую езду. Правда, в географии она была не сильна – не знала, что Англия находится на островах, и считала, что до нее можно добраться по суше. Да и зачем девочке было знать такие тонкости – ведь жизнь так прекрасна, а она будто создана для радости и веселья! И она предавалась им по полной программе.

В 1718 году, то есть когда Лизе было только 9 лет, она уже отличилась на танцах на петровских ассамблеях. Во время прогулок со своей сестрой Анной по Петербургу все на нее обращали внимание. Одетая по походной моде в бархатный лиф, красную короткую юбку, а особенно в мужской костюм, обрисовывающий ее прекрасные формы, Елизавета была неотразима. Она еще в юношеском возрасте возбуждала мужчин, очаровывая их своей молодостью и веселым характером.

Еще раньше, в 1717 году, французский посол Кампредон признал ее необычайно красивой. Да и по отзывам других современников и сохранившимся портретам Елизавета была очаровательна. Придворные льстецы даже утверждали, что краше

нее нет в целом мире. Отмечали ее высокий рост, тонкую талию, величественную осанку, грациозность движений, великолепный цвет лица и обворожительные глаза. По обычаю барышень из Немецкой слободы, юная Елизавета на ассамблеях носила иногда ангельские крылья за спиной. В январе 1722 года, объявляя ее совершеннолетней в присутствии многочисленных гостей, Петр I, согласно обычаю все той же Немецкой слободы, эти крылья обрезал ножом. Так ангел превратился в девушку…

Елизавета в молодости была живой, веселой, кокетливой девушкой, – легкая на подъем, веселая и шаловливая, она, безусловно, украшала собой петровский двор. При дворе Петра II она носилась в охотничьем костюме на быстром скакуне по осенним полям в сопровождении своего племянника. Раскрасневшаяся от ветра, она была чудо как хороша! Не удивительно, что многие мужчины были от нее без ума. И любовников у нее тоже хватало. Первый сексуальный опыт Елизавета получила в … 14 лет, что даже по тем, совсем не пуританским, временам было рановато. И с тех пор ее личная жизнь протекала весьма бурно. К 1731 году, когда молодой шалунье исполнилось 22 года, число ее любовников перевалило за десяток! Их имена по большей части неизвестны. Елизавету можно было бы назвать легкомысленной, глупой или развратной, но это не так. Судя по всему, она каждый раз по-настоящему влюблялась в очередного кавалера (а иногда в нескольких сразу!), а то, что она увлекалась мужчинами примерно раз в два месяца, – такой уж у нее был характер. Есть такие женщины – порхают по жизни, как бабочки, от одного цветка к другому, искренне верят, что влюблены, а потом так же легко оставляют предмет своего увлечения… Ну что с ними поделаешь? Такой характер…

Именно такой женщиной и была Елизавета. При этом ее постоянно пытались выдать замуж. За кого только ее ни сватали! Когда Петр I был в 1719 году в Париже, он вздумал выдать ее замуж за малолетнего короля Людовика XV. Елизавете было 10 лет, а Людовику – 9, но это Петра не смутило. Французов шокировало такое предложение, и они, сославшись на молодость короля, Петру отказали. Им совсем не улыбалось принимать в свою семью дочь вчерашней прачки, к тому же рожденную до брака. Но Петр был упрям – ему очень хотелось породниться с династией Бурбонов, и тогда он предложил выдать Елизавету замуж за принца Конде, тоже без успеха. После этого он посватал свою дочь герцогу Шартрскому, но и здесь его постигла неудача. Причем Петр не оставлял своей затеи выдать Елизавету замуж за Людовика XV до той поры, пока он не женился в 1725 году на Марии Лещинской, дочери польского экс-короля. Знал бы Петр, за

кого он хотел выдать свою ненаглядную Лизетту! Натерпелась бы она с ним, подлым изменщиком, как Мария Лещинская.

Факт. Людовик XV

Людовик XV (1710–1774) вначале отличался целомудрием. Когда он был совсем юн, маршал де Вальяр написал: «В свои четырнадцать с половиной лет он сильнее и развит более другого восемнадцатилетнего юноши, и прелестнейшие дамы не скрывают, что они всегда к его услугам». Однако он не поддавался на провокации. В 1725 году 15-летний Людовик женился на дочери польского экс-короля Марии Лещинской. Их «медовый месяц» продолжался целых три месяца – так ему понравилась юная красавица. Он был очарован прелестной королевой, и та отвечала ему взаимной страстью. Старания Людовика не пропали даром – Мария исправно рожала ему детей. Всего до 1737 года у них появилось 10 отпрысков. Однако с 1732 года Мария заартачилась: «Что за жизнь! Все время спать с королем, быть беременной и рожать!» Король был оскорблен этим заявлением, но продолжал хранить верность Марии, пока не встретил маркизу Марию-Юлию де Майи. Это была очаровательная женщина. Уже на втором свидании он изменил королеве. Их связь целых три года сохранялась в тайне, однако Мария Лещинская все равно узнала о ней. Она пришла в ярость, даже потеряла сознание, и заперлась в своей комнате. Все попытки примирения со стороны короля ни к чему не привели. Тогда Людовик заявил, что больше никогда не появится в спальне Марии. Монарх, уже ни от кого не скрываясь, начал открыто встречаться с мадам де Майи. Молодая маркиза, чтобы развлечь его, принялась устраивать увеселительные пикантные ужины, полные выдумки. Эти ужины вскоре превратились в оргии – приглашенных на них дам раздевали, и каждый мужчина старался «выказать им свое расположение»; затем их пускали по кругу. Потом гости опять пили. Под утро приходили слуги и доставали из-под стола короля и приглашенных дам.

Эти вечеринки были лишь началом распутной жизни Людовика. Вскоре похождения короля привели к серьезным последствиям: он подхватил сифилис. Биограф короля отметил, что его камердинер тайно приводил к нему каких-то девушек. Вскоре выяснилось,

что сифилисом его наградила дочь мясника Пусси, которую, в свою очередь, заразил один дворцовый стражник.

В конце 1738 года мадам де Майи опрометчиво познакомила короля со своей сестрой Полин де Несль. Эта очаровательная особа покинула монастырь с явным намерением заменить свою сестру в постели Людовика. Она тотчас приступила к делу и вскоре стала его любовницей. Пока мадам де Майи сокрушалась по этому поводу, для новой фаворитки короля поспешно подыскивали мужа. Им стал Феликс де Винтимиль, племянник архиепископа Парижа. Состоялась свадьба, и молодые отправились в замок, чтобы провести там первую брачную ночь. Однако Феликс, получивший от короля 200 тысяч ливров за этот фиктивный брак, только сделал вид, что отправляется на брачное ложе, – на самом деле его место занял Людовик. С этого дня мадам Полин повсюду следовала за королем; он осыпал ее подарками, а в 1740 году даже подарил замок Шуази, в котором они уединялись для занятий любовью. Полин отличалась бурным темпераментом, и король засыпал только тогда, когда «семь раз доказывал мощь своего скипетра». Благодаря таким «заботам» мадам де Винтимиль в 1741 году родила сына, получившего титул графа де Люка. Она скончалась в том же году из-за родовой лихорадки.

Тогда король снова бросился в объятия мадам де Майи, чему та была очень рада, но уже в 1742 году переключился на еще одну сестру – герцогиню де Лорагэ. Она обладала «приятной полнотой форм» – именно такие женщины считались тогда привлекательными для мужчин. Он «любил» ее везде – на скамьях, на диванах, на лестничных ступенях, при этом герцогиня издавала сладострастные вопли. Но и этого Людовику показалось мало – он потребовал, чтобы и мадам де Майи присоединилась к ним, желая «спать между двумя сестрами», одна из которых была худышкой, а другая толстушкой. Вероятно, Людовику понравилась такая экзотика, но ненадолго – вскоре он избавился от обеих сестер.

Видимо, сестры мадам де Майи обладали какой-то особой притягательностью, потому что Людовик решил заняться четвертой из них – женой маркиза де Флявкура. Но вот незадача: у той супруг оказался страшно ревнив,

и королю не удалось уложить ее в постель. Ревнивый муж пригрозил жене расправой, если она будет вести себя так же, «как ее шлюхи-сестры». Но монарх не унывал и сделал предложение пятой сестре – вдове Мари-Анне. Та согласилась, но выдвинула свои условия: получить статус официальной любовницы, иметь в Лувре свои апартаменты, свой Двор, неограниченное количество денег из казны, которые бы выдавались за ее подписью, и признать своих детей от короля, буде те появятся, законными. Что называется, губа не дура!

Король согласился на все! Он в 1744 году передал ей не то что апартаменты, а целое герцогство Шатору. Но и он был требователен: не раз он занимался любовью одновременно с двумя сестрами – герцогиней де Лорагэ и вдовой Мари. Но вот беда – Мари-Анна после двух недель секс-марафона с королем умерла.

Тут Людовик растерялся. Ресурсы семьи де Несль оказались исчерпанными, и где взять новую любовницу, король не знал, хотя коридоры Версаля буквально ломились от девушек, мечтавших отдаться ему. В 1745 году на бал-маскараде он обратил внимание на Жанну Пуассон и приказал камердинеру привести ее к себе. Увы, у Людовика внезапно возникла слабость, и он оконфузился перед прелестницей. Правда, король быстро восстановил силы и вскоре доказал Жанне мощь переполнявших его чувств, но против новой любовницы восстал весь Двор, министры, священники и даже сын-наследник. Тогда хитрая мадам Пуассон решила сделать так – она написала королю письмо: мол, ее муж очень ревнив, и она опасается доноса о своей связи с королем. Поэтому она просила у него защиты. Людовик поверил и предложил хитрюге укрыться в Версале, а сам послал придворного к мужу Жанны, чтобы объявить ему о том, что его жена стала любовницей короля. Огорченный супруг вынужден был покинуть Париж. Счастливый Людовик не отказывал ей ни в чем: купил для нее титул маркизы, подарил земли в Оверни и 12 тысяч ливров годового дохода, назначил фрейлиной королевы и признал официальной фавориткой.

Тут нахалка развернулась вовсю – кроме занятий любовью с королем она захотела еще и управлять государством. Но политика отнимает много времени, и Людовик нашел себе новую пассию – мадам де Куазен. Узнав об этом, Жанна решила отвадить Людовика от

новоявленной соперницы, и с помощью почтмейстера, читавшего Людовику выдержки из перлюстрированных писем, опорочила мадам Куазен. Монарх поверил и в эту чушь и расстался с бедняжкой.

Тем временем Жанна потеряла былую привлекательность, и Людовик утешался с разными девицами, предпочитая девственниц, которых тайно приводили ему друзья. Однажды молодой человек по имени Казанова (тот самый!) познакомился с одной очаровашкой по имени Луизон Морфи. Она так понравилась ему, что Казанова даже заказал одному художнику ее портрет в обнаженном виде. Этот художник, случайно оказавшись в Версале в 1753 году, показал копию этого портрета придворному, который как раз и занимался тем, что подыскивал королю новых «подружек». Он решил, что такая красотка достойна украсить коллекцию Людовика, и показал ему портрет. Король ухватился за эту мысль и решил познакомиться с оригиналом. Сестра Луизон немедленно доставила ее в Лувр, а наутро у нее уже был свой дом около дворца. Девушка прожила в этом доме около двух лет, и Людовик постоянно навещал ее там. Однажды она непочтительно высказалась о Жанне, чего король терпеть не мог, и они расстались, несмотря на то что она родила ему дочь.

В доме, покинутом Луизон Морфи, поочередно появлялись другие дамы: ее сестра Бриджит, мадемуазель Фукэ и мадемуазель Эно. Впоследствии Людовик XV занялся тем, чем не занимался никто ни до него, ни после, – он создал гарем, называемый Олений парк, в котором содержал десятки своих наложниц. Причем все это было сделано по закону – он покупал маленьких девочек у их родителей, воспитывал до определенного возраста, а потом наслаждался юными девственницами. Маленьких девочек в возрасте от 9 до 12 лет, обязательно здоровых (король очень боялся заразы), король сам любил купать, раздевать, наряжать и… преподавать им религию! Когда они подрастали, он преподавал им уже другие уроки.

В 1756 году началась Семилетняя война, были введены новые налоги, тяжким бременем легшие на простой народ. Во всем обвиняли Людовика и его фаворитку. В 1757 году на короля было совершено покушение, а в 1764 году умерла Жанна Пуассон. Смерть

Жанны Людовик встретил равнодушно – они давно уже не были любовниками, и монарх предавался своим развлечениям в Оленьем парке. Однако он наслаждался не только девочками, но и зрелыми женщинами: мадемуазель де Роман, Луизой Тирсэлен. Наконец, король познакомился с великосветской проституткой мадам д´Эспарбэ, в постели которой «весь город перебывал». Возможно, она и стала бы очередной официальной фавориткой короля, но этому воспротивились его министры.

Мадам де Грамон и мадам де Брезе, на несколько месяцев заменившие потаскуху, уже не могли удовлетворить короля. Ему требовалось что-то новое, необычное. Гонцы французского короля рыскали по провинции в поисках юной особы, но так никого и не нашли. Наконец, в 1756 году граф дю Барри решил избавиться от надоевшей ему любовницы. Ее звали мадемуазель Жанна Бекю. Граф спокойно уступал ее за деньги своим друзьям, когда оказывался на мели. Таким образом она побывала в постели герцога Ришелье и маркиза де Вильруа. Еще раньше она работала в одном сомнительном заведении и взяла себе псевдоним Манон Лансон. При посредничестве Ришелье Манон оказалась в постели Людовика. Первый раз Людовик столкнулся с тем, что женщина видит в нем мужчину, а не короля, поскольку все его прежние любовницы не могли избавиться от преклонения перед ним. Манон же ему дерзила и позволяла всякие выходки. Эта манера восхитила короля. К тому же она старалась каждый вечер придумывать все новые любовные забавы.

В 1768 году состоялась свадьба бывших любовников – графа дю Барри и Манон Лансон. Церемония была обычным фарсом – в брачном контракте было указано, что молодые не должны жить как муж и жена. При этом безродная шлюха была записана во дворянство. Став титулованной любовницей, проститутка, ранее отдававшаяся кому не попадя за несколько экю, получила отдельный дом, завела себе слуг и охрану. Все это делалось на деньги короля, естественно, – он назначил ей содержание в миллион двести тысяч франков ежегодно и осыпал богатыми подарками.

Вскоре в народе пошли слухи о том, что любвеобильность короля достигается разными стимулирующими средствами. В этом не было ничего

удивительного, так как употребление возбуждающих средств тогда было обычным делом, и Людовик охотно ими пользовался. Де Ришелье писал: «Именно так он добился расположения некоторых знатных дам и покорил мадам де Сад… Несколько придворных дам умерли от последствий этих постыдных оргий». Вот так – даже умирали от «любви» со шпанскими мушками, тогдашней «Виагрой». Во всех этих извращениях обвиняли мадам Манон Ласон, но король был без ума от нее. Между тем Людовику уже стукнуло 60, а он был все таким же страстным любовником, как в молодости.

В доме Манон проходили собрания министров и принимались послы. Это возмущало многих придворных, и они начали искать шлюхе замену. Сначала они попытались уложить в королевскую постель принцессу Монако. Не вышло. Тогда нашли молодую англичанку, король переспал с ней, но тут же забыл. Настала очередь жены придворного музыканта мадам Бэш – тот же результат.

Манон, конечно, разгадала все эти уловки и обратилась за советом к аббату Террэ. Тот рекомендовал ей стать сводней, чтобы очередная королевская пассия была у нее под контролем. Ушлый аббат имел в виду одну из своих незаконнорожденных дочерей, мадам д'Амерваль, и таким образом намеревался вытеснить Манон из королевской постели. Однако Людовик всего несколько дней наслаждался этим «подарком» и вернулся к Манон.

Тем не менее Манон Лансон следовала совету аббата. Она заставила Людовика закрыть Олений парк и сама организовала ему гарем. Для начала она отдала королю свою племянницу мадемуазель Турнон, а затем перезнакомила его со всеми актрисами «Комеди Франсэз». Актрисы, впрочем, были начисто лишены всяческого воображения, и королю в постели с ними было откровенно скучно. Наконец, фаворитка короля привела к нему мадемуазель Рокур, настолько известную своим бесстыдством, что она заслужила прозвище Великой Волчицы. С первой же встречи ее пыл и изобретательность сильно увлекли Людовика.

В 1774 году король заболел оспой. По мнению сведущих людей, он заразился этой болезнью от шестнадцатилетней девушки, предоставленной ему Манон. Бедняжка не знала, что носила в себе этот

опасный вирус, и скончалась на день позже Людовика XV. Любвеобильный монарх умер 10 мая 1774 года на 64-м году жизни, действительно, можно сказать, от любви.

Екатерина I завещала выдать Лизу замуж за Карла-Августа Голштинского, епископа Любекского. Он был вызван в Россию, или, как тогда говорили, «выписан» из Голштейна. Елизавете в случае замужества с Карлом единовременно выдавался миллион рублей и по 100 тысяч ежегодно. Кроме того, ей полагалось 300 тысяч рублей приданого.

Милый и приветливый юноша (в те времена и юнцы могли быть епископами!) уже считался женихом Елизаветы, когда в 1727 году в Петербурге он внезапно умер от оспы, буквально в двух шагах от алтаря. Память о нем Елизавета до конца жизни хранила в своем сердце. Недаром же она покровительствовала голштинской династии – вызвала в Россию своего племянника Петера (будущего Петра III), его невесту Софию-Фредерику-Августу (будущую Екатерину II), мать которой была двоюродной сестрой того самого Карла-Августа. Вот пример того, что Елизавета каждый раз влюблялась по-настоящему.

Одно время в претендентах на руку Елизаветы ходили сын Меншикова, сын герцога Бирона и сын князя Долгорукого, одного из восьми «верховников», подсунувших на подпись Анне Ивановне те самые «кондиции». Веселую и общительную Елизавету хотели видеть невесткой во всех этих домах, правда, здесь было больше политического расчета, чем сердечной привязанности. А вот к кому Елизавета была сама сильно привязана, так это к своему племяннику императору Петру II, сыну невинно убиенного царевича Алексея. Он тоже очень любил свою тетку (а «тетке» было всего 15–16 лет). Они вместе охотились, выпивали (оба пристрастились к этому слишком рано), катались на коньках, пели песни и танцевали. В общем, весело проводили время. Министр Остерман настоятельно рекомендовал матери Елизаветы, императрице Екатерине I, выдать свою дочь за Петра – тогда династическая ситуация стала бы прозрачной. И самое главное, что против такого поворота событий не возражали ни «жених» с «невестой», ни мать! Правда, юношеская влюбленность 13-летнего Петра II в свою юную тетку не имела ничего общего с чувством самой Елизаветы – она любила его любовью старшей подруги, не более того. Тем не менее дело шло к свадьбе.

Однако этот брачный союз запретил Священный Синод. Тогда Екатерина I обратилась за помощью к Вселенским патриархам, но тоже получила отказ – все-таки они были близкими

родственниками, а кровосмешение ни одной религией не поощряется. Так что брак Елизаветы с Петром II оказался невозможен, но он до конца своих дней (умер от оспы в 1730 году) был влюблен в Елизавету и гнал от нее как поклонников, так и потенциальных женихов. Например, он отказал прусскому послу Вратиславу, который сватал за Елизавету курфюрста Карла Бранденбургского. Известна также история, случившаяся с поклонником Елизаветы Александром Бутурлиным.

В 1720 году Бутурлин закончил Морскую академию в Петербурге и был взят Петром I в денщики. Как мы уже писали, круг обязанностей царских денщиков был очень широк, и из них часто выходили толковые военачальники. Так что Александр Бутурлин был при Петре I чем-то вроде чиновника для особых поручений. Елизавета в это время проживала в Александровской слободе под Москвой. Ее основными занятиями были соколиная охота на зайцев, хороводы, катание на салазках и коньках, пение песен с крестьянками, крещение младенцев, травля волков и разведение фруктового сада в Курганихе. Вот в эту-то Курганиху и наведался однажды Александр Бутурлин. Увидев Елизавету, он влюбился в нее и с тех пор стал там частым гостем. Елизавета, верная своей привычке, тоже воспылала чувством к бравому отцовскому денщику, и у них закрутился роман. Говорят, что он был первым мужчиной в ее жизни, но это вряд ли – половые контакты она имела и раньше. Она назначила его своим камергером и познакомила с Петром II. В 1728 году Бутурлина наградили орденом Александра Невского и присвоили ему звание генерал-майора. Петр II, узнав о романе своей тетки с Бутурлиным, в 1729 году отослал его в действующую Украинскую армию воевать с крымскими татарами, а потом на персидскую границу. В общем, закатали человека, куда Макар телят не гонял. Говорят, что тут не обошлось без наушничества князей Долгоруких, желавших заполучить Елизавету в жены одному из представителей их клана. Как бы то ни было, но Бутурлин исчез с горизонта Елизаветы; впоследствии он стал заслуженным человеком – генерал-фельдмаршалом и московским генерал-губернатором. Кстати, в то время, когда они занимались с Елизаветой любовью, Бутурлин был вдов. Его первая супруга, дочь фельдмаршала князя Голицына, умерла в 1727 году. После своего изгнания из Александровской слободы и вынужденного отъезда на Украину Бутурлин в 1730 году женился вторично на княжне Куракиной.

Елизавета же, вертихвостка и кокетка, была непостоянна, как ветер. После Бутурлина ее избранником стал обер-егермейстер императорского Двора Семен Нарышкин (Двор во времена

Петра II находился в Москве). Он приходился ей двоюродным братом, поскольку Наталья Нарышкина была матерью Петра I. Отношения между ними стали настолько «задушевными», что в Москве даже стали поговаривать о возможной свадьбе Семена и Елизаветы. Но в это дело опять вмешался Петр II и своим указом отослал Нарышкина путешествовать за границу. Тот выехал во Францию и поселился там под фамилией Тенкин. После воцарения Елизаветы Петровны он вернулся в Россию, был пожалован в камергеры, но уже не претендовал на покои рядом со спальней императрицы. Он был послом в Англии, а в Германии познакомился с невестой будущего императора Петра III Софией (будущей Екатериной II), заслужил ее милость и стал очень богатым человеком.

Но все это еще впереди, а пока наступил 1730 год, и Елизавету ожидали неприятности. Умер ее племянник Петр II, и на престол вступила Анна Ивановна. Жизнь Елизаветы утратила прежний блеск. Анна недолюбливала свою двоюродную сестру, видя в ней соперницу по трону. К тому же ее раздражало в Елизавете все – молодость, красота (сама Анна Ивановна, как мы помним, красотой не блистала), изящество, беззаботность, множество поклонников, умение танцевать и тонкий вкус. Она была немым укором Анне Ивановне, у которой ничего этого не было. И Елизавете при дворе Анны Ивановны было скучно – веселые балы и пиры сменились драками и глупыми выходками шутов и карликов.

Анна Ивановна опять перенесла столицу в Петербург; вместе с ней в Северную Венецию вынуждена была переехать и Елизавета. У нее был свой Летний дворец, который находился близ Смольного двора, а также Зимние дворцы, расположенные на Царицыном лугу (ныне Марсово поле) и на Садовой улице. Елизавета удалилась от большого Двора, и завела свой Двор, большей частью состоявший из ее сверстников, кавалеров и дам. В Петербурге она не отказалась от своих привычек, проводя время в куртуазных похождениях, балах и хороводах. При этом Елизавета не забывала, что она дочь Петра Великого, но до поры умело скрывала это, делая вид, что политика ее не касается. Она была поглощена любовью и удовольствиями: пела, танцевала, охотилась и кутила. Цесаревна на время затаилась, стараясь не привлекать к себе особого внимания. Несмотря на это Анна Ивановна и здесь ее допекала. Однажды Елизавете как цесаревне привезли ее ежегодное пособие в несколько миллионов рублей. Она вышла во двор и ужаснулась – в ворота въезжала целая череда тяжело груженых телег, доверху заполненных мешками с… медной монетой! Анна Ивановна платила ей не золотом или

серебром, а медью! Елизавета, конечно, возмутилась и приказала сбросить все эти деньги в Мойку. Правда это или анекдот, неизвестно, но и сегодня находятся умники, которые платят штрафы или судебные издержки мелкой монетой. Формально они правы – монеты наравне с бумажными деньгами являются законным платежным средством. Но только формально, а по существу – это издевательство, и Елизавета вынуждена была его терпеть.

Как раз в это время у Лизы появился новый любовник – гвардии сержант Алеша Шубин. Надо сказать, что все мужчины, которым она дарила свою любовь, были красавцами. Она и сама была красива, и кавалеров себе подбирала под стать. Так вот, Алешка Шубин был красив до невозможности, и цесаревна влюбилась в него по уши. Он отвечал ей взаимностью, да так, что чуть не устроил дворцовый переворот в ее пользу. Что не сделаешь ради любимой женщины! Вот только какая расплата ждет впереди? И Алеша поплатился, слава Богу, что не головой. Анна Ивановна сначала сослала его в Ревель, где посадила в каменный мешок, в котором было невозможно ни сидеть, ни лежать. Потом, в 1732 году, последовал указ выслать его в Сибирь, и не куда-нибудь, а на забытую Богом Камчатку. Императрица поступила с ним жесточайшим образом – раз он мечтал жениться на красавице Елизавете, то пусть возьмет себе в жены безобразную камчадалку! Делать было нечего, и Шубин женился. Анна Ивановна и здесь петровской наследнице насолила, как могла. Безутешная Лизавета долго переживала эту любовную драму и даже сочиняла грустные песни, которые дошли до нашего времени. В них есть такие слова: «Легче б тебя не знати, нежель так страдати…» Алешка Шубин был, безусловно, одним из ее любимейших фаворитов. Ссылка Шубина продолжалась почти десять лет, до той поры, пока не умерла императрица Анна Ивановна. При ней нечего было и думать об освобождении Алексея из камчатской глухомани. Когда же правительницей стала Анна Леопольдовна, Елизавета кинулась разыскивать Шубина. Анна Леопольдовна, к слову сказать, зная не понаслышке, что такое разлука с любимым, помогала Елизавете, чем могла. Сперва она обратилась к Бирону, и тот издал соответствующий указ о розыске ссыльного Шубина. Но вот беда – никто за давностью лет не знал, куда его сослали! Вроде был такой ссыльный, а куда подевался – неизвестно, может, даже и умер. Второй указ о розыске ненаглядного Елизаветиного Алешеньки подписала уже сама Анна Леопольдовна. Успех был тот же – нулевой. И только когда поисками занялся фельдмаршал Миних, дело сдвинулось с мертвой точки – Шубина нашли где-то

на Камчатке. Ему нужно было проехать 15 тысяч верст, чтобы добраться до Петербурга. Дорога тогда занимала не месяц и не два, а иногда целые годы! В общем, к тому времени, когда Шубин прибыл в столицу, Елизавета уже стала императрицей. Он был ласково встречен Елизаветой, но это был уже другой человек – одичалый и нервный, хотя сохранил на своем лице следы былой красоты. Лиза произвела его в майоры Семеновского полка и генерал-майоры по армии за «невинное претерпение». Алексей Шубин хотел снова занять место фаворита при Елизавете, но потерпел неудачу. Во-первых, против этого был личный врач Елизаветы Жано Лесток (наверняка читатели знают его по фильму «Гардемарины, вперед!»), к советам которого она очень прислушивалась. Дело в том, что Лесток был косвенно повинен в ссылке Шубина в Сибирь при Анне Ивановне. Но, главное, место фаворита было уже занято Алексеем Разумовским (о котором речь впереди). Быстро смекнув, что при дворе ему делать теперь нечего, Шубин, награжденный орденом Александра Невского, уехал в пожалованные ему имения в Нижегородской губернии и больше в столицу не возвращался. Умер Алексей Шубин в 1765 году, пережив Елизавету на четыре года. А какая была у них любовь!

А пока, в царствование Анны Ивановны, предложения руки и сердца Елизавете поступали, без преувеличения, со всех концов цивилизованного мира. Среди претендентов были: принц Георг Английский, инфант Мануэль Португальский, инфант дон Карлос Испанский, герцог Эрнст-Людвиг Брауншвейгский, шах Надир Персидский и, конечно же, щеголь Мориц Саксонский, разбивший когда-то сердце самой Анны Ивановны. Впрочем, мы вовсе не уверены в том, что перечислили всех кандидатов в мужья – уж слишком велико было их количество.

Всех этих женихов Анна Ивановна сочла слишком знатными для Елизаветы: ей бы хотелось выдать ее за правителя какого-нибудь захудалого королевства. Помните фразу из «Золушки»: «Королевство у нас маловато – разгуляться негде». Чтобы Елизавете с ее пристрастием к веселью на самом деле «разгуляться было негде». Или отправить ее в какую-нибудь глухомань, на задворки Европы, вроде той же самой Курляндии, в которой она сама прозябала, чтобы ей было оттуда уже никогда не выбраться. Но Анна Ивановна все тянула и тянула, и в итоге Елизавета так и осталась незамужней. А позже она решила свою судьбу сама.

Став императрицей в 1741 году, она уже на следующий год тайно обвенчалась с Алексеем Разумовским, с которым не расставалась до конца своей жизни. Судьба этого человека просто

удивительна, а взлет к вершинам власти непостижим! И главное, что он получил все это не за какие-нибудь выдающиеся заслуги, а благодаря своему прекрасному голосу и потрясающей внешности. Как мы помним, Елизавета и сама была красавицей, и кавалеров себе выбирала непременно из красавцев. Это у Екатерины II были что ни любовник, то выдающийся государственный деятель, хотя порой иной кавалер был не краше обезьяны. Потому что Екатерина выбирала себе «галантов» по уму, а Елизавета – по внешности, и в этом была принципиальная разница между ними. Фавориты Екатерины реально правили страной и были опорой трона, фавориты же Елизаветы к государственной службе не годились. Но все по порядку.

Алексей Разумовский и Елизавета Петровна были одногодками, оба родились в 1709 году, только он родился в марте, а царевна – в декабре. Их близость началась еще в период правления Анны Ивановны, которой в 1731 году пришла в голову очередная блажь – создать капеллу из украинских (тогда говорили – малороссийских) певцов. Как известно, украинцы поют не хуже итальянцев, а поскольку Анна Ивановна была горазда на разные чудачества, то решила у себя завести такое новшество. В Малороссию для набора певцов был командирован полковник Вишневский. В селе Лемеши Черниговской губернии он обратил внимание на молодого церковного певчего, который, стоя на клиросе, выводил громким басом псалмы. Это и был Алексей Разумовский. Вишневский немедленно забрал Алексея в Петербург и определил в придворную капеллу. За свою «находку» полковник Вишневский получил чин генерал-майора.

Изначально фамилия молодого человека была Розум (разум по-русски), причем это была даже не фамилия, а казацкое прозвище его отца, который, подвыпив, рассуждая о каком-нибудь влиятельном лице, любил повторять «Шо за голова, шо за розум!» Настоящей фамилии Алексея не знает никто. Он был сыном простого казака и в детстве пас коров. Грамоте и пению его научил дьячок из соседнего села. И вот волею судьбы Алексей оказался при дворе Анны Ивановны. В столице ему переменили фамилию на русский лад, и он стал Разумовским. Елизавета сразу же обратила внимание на малороссийского певчего с трубным голосом архангела, к тому же красавца, каких поискать. Вернее, первой на него обратила внимание приятельница Елизаветы Анастасия Нарышкина. Вот что рассказывал в своих записках французский посол де ла Шетарди: «Женщина… обладающая большими аппетитами (Анастасия), была поражена лицом Разумовского, случайно попавшегося ей на глаза. Оно действительно было прекрасно. Он брюнет с черной, очень густой

бородой, а черты его, хотя и несколько крупные, отличаются приятностью, свойственной тонкому лицу. Он очень высокого роста, широкоплеч… Нарышкина обыкновенно не оставляла промежутка времени между возникновением желания и его удовлетворением. Она так искусно повела дело, что Разумовский от нее не ускользнул. Изнеможение, в котором она находилась, возвращаясь к себе, встревожило цесаревну Елизавету и возбудило ее любопытство. Нарышкина не скрывала от нее ничего. Тотчас было принято решение привязать к себе этого… человека». Данный инцидент относится к 1732 году.

Разумовский был назначен камердинером Елизаветы, а когда он потерял голос (это было уже не важно), она присвоила ему чин придворного бандуриста. Прусский посол Марденфельд, посвященный во многие интимные тайны Елизаветы, докладывал своему королю о Разумовском следующее: «Особа, о которой идет речь, соединяет в себе большую красоту, чарующую грацию и чрезвычайно много приятного… Родившись под роковым созвездием… в минуту нежной встречи Марса с Венерой, он ежедневно по нескольку раз приносит жертву на алтарь… Амура».

Прусский посол выражался витиевато, уснащая свою речь образами античной мифологии, что было тогда в моде; тем интересней его доклад. Читаем дальше: «Первым жрецом, отличенным ею (Елизаветой), был подданный Нептуна, простой рослый матрос…» Ага, вот мы и узнали, кто был первым мужчиной у Елизаветы в ее 14 лет – «рослый матрос»! Не какой-нибудь знатный кавалер, а рядовой матрос (по всей видимости, это был матрос Максим Толстой), что было не удивительно при порядках, царивших в семье Петра I. Ведь ее мать была блудницей, а отец перепробовал множество женщин, включая матросских жен. Так что яблоко недалеко от яблони падает.

Идем дальше: «Теперь эта важная должность не занята в продолжение двух лет. До того ее исполняли жрецы, не имевшие большого значения (для Елизаветы): Возжинский (Войчинский), Лялин, Скворцов и др». (От себя добавим – а потом и Петр Шувалов, Роман и Михаил Воронцовы, Сиверс и Мусин-Пушкин.) То есть после Алешки Шубина у нее были еще любовники, которым она значения не придавала – просто с ними «спала», так, для души, для здоровья.

«Наконец нашелся достойный в лице Аполлона с громовым голосом, уроженец Украины, и должность засияла с новым блеском. Не щадя сил, он слишком усердствовал, и с ним стали делаться обмороки, что побудило однажды его покровительницу отправиться в полном дезабилье (то есть полураздетой) к Гиппократу, посвященному в тайны, чтобы просить его оказать

помощь больному».

Помните, как принцу Антону тоже в «этом деле» помощь потребовалась? Но тогда Антона добрым советом спас его адъютант Кейзерлинг, а вот Елизавета была вынуждена обратиться к доктору. Представляете сцену – любовник теряет сознание во время полового акта, а его пассия мчится полураздетая к эскулапу? Но кто же этот загадочный «Гиппократ», которого Марденфельд сначала не называет по имени? А это тот самый француз Жано Лесток, личный врач Елизаветы и «особа, приближенная к императору». Позже так и будет, только не «к императору», а к императрице Елизавете.

Дальше нас ждет самое интересное: «Застав лекаря в постели, она уселась на край ее и упрашивала его встать. А он, напротив, стал приглашать ее позабавиться. В своем нетерпении помочь другу сердечному она отвечала с сердцем: “Сам знаешь, что не про тебя печь топится!” – “Ну, – ответил он грубо, – разве не лучше заняться этим со мной, чем со столькими из подонков?” Но разговор этим ограничился, и Лесток повиновался».

Представляете? Наследница российского престола, дочь Петра I полуголая мчится к личному врачу за помощью своему любовнику, а наглый французишка предлагает ей поразвлечься с ним, а всех «галантов» Елизаветы обзывает подонками? Это, в первую очередь, характеризует саму Елизавету, позволившую хаму такие выходки. В итоге: «она не ответила на его притязания, хотя легкость нрава цесаревны подавала лейб-медику основательные к тому надежды. И все же любовь к Разумовскому и желание помочь ему как можно быстрее оказались сильнее плотской чувственности, постоянно обуревающей Елизавету». Вот так – в принципе, могла и с Лестоком переспать, но любовь к Разумовскому оказалась сильнее.

Елизавета действительно заботилась об Алексее Разумовском: выходя в сильный мороз из театра, она заботливо запахивала ему шубу, а на официальных обедах Алексей сидел рядом с цесаревной. Официально он управлял имениями Елизаветы.

Интересно, что в дворцовом перевороте 1741 года Алексей Разумовский никакого участия не принимал. Тогда за спиной Елизаветы, да и до него, никто не стоял. Были, конечно, французы – тот же Шетарди с Лестоком, которые подстрекали ее, пугая, что, мол, Анна Леопольдовна хочет постричь ее в монахини, ссужали деньгами и так далее. Подбивали Елизавету на совершение государственного переворота и ее любовники – тот же Разумовский, Шувалов, Воронцов, но сами за ней не пошли. Испугались, должно быть.

В результате переворот Елизавета совершила в полном

одиночестве; за ней не было ни могущественного клана Орловых, ни Потемкина, как при Екатерине II, – никого! У Екатерины I хоть был Меншиков, устремления Анны Ивановны поддерживал верный Бирон, а Елизавету – никто! Обычно государственные перевороты устраивают целые команды профессиональных интриганов. Переворот долго готовят, склоняют на свою строну или подкупают нужных людей, привлекают войска… А переворот Елизаветы был самым плохо подготовленным и неорганизованным переворотом в России, тем не менее он увенчался успехом!

Многочисленные любовники Елизаветы в самый решительный момент как в воду канули. Бравый вояка Алешка Шубин, конечно, помог бы ей, но он находился в ссылке, а больше ей ни на кого рассчитывать не приходилось. Алексей Разумовский, этот трус и ничтожество, так тот вообще остался на охране дворца. И это в тот момент, когда, возможно, шла речь о жизни Елизаветы! Если бы затея не удалась, то за это ей полагалась плаха или же вечная ссылка в Сибирь с вырезанием языка, вырыванием ноздрей, битьем кнутом и прочим. Разумовскому нужно было находиться рядом с любящей его женщиной, охранять ее со шпагой в руках, в прямом смысле прикрывать ей спину, а он остался сторожить «барахло»! И если кто меня спросит – любил ли Разумовский Елизавету, я отвечу – нет. Настоящие мужчины так себя не ведут. Полагаю, что Алексей Разумовский был обыкновенным альфонсом – позволял любить себя, вкусно ел, сладко пил, носил одежды и драгоценности, которыми одаривала его любовница, жил во дворце. Когда он приехал в Петербург, у него не было ни гроша, да и своей службой России он ничего заработал, так как вообще не служил. Паразит, одним словом.

И любила же Елизавета этого паразита! За что, спрашивается? Только за то, что был красив лицом? Или за то, что был хорош в постели? Разгадать эту загадку невозможно, так что не будем и пытаться – все равно ничего не получится. Отметим только одно – все прочие любовники Елизаветы были на манер Разумовского – красивые, холеные, но ни что больше не годные в смысле государственных дел. Такие уж прихоти были у матушки Елизаветы… Поэтому ей ничего не оставалось, как лично вести «на дело» гвардейцев, проявив при этом немалое мужество. Елизавета действительно оказалась достойной своего отца Петра Великого. Никакой женской эмансипации в ту пору и в помине не было, а Елизавета проявила истинно мужские качества. Смелая была женщина, что и говорить!

Кроме того, она, видимо, была действительно хорошим

человеком – добрым, веселым и приятным в общении. Говорят, природа отдыхает на детях, зато лучшие черты дедов передаются внукам. В данном случае лучшие черты царя Алексея Романова передались его внучке Елизавете. Ее знаменитый дед мог крестить детей у своих стольников, запросто разговаривать с неродовитыми людьми и в хорошем смысле был прост. Так же и Елизавета с удовольствием ходила к гвардейцам на именины, пила с ними водку, закусывая пирожками с морковью, весело отплясывала на свадьбах и крестинах. И гвардейцы отвечали ей тем же – любовью и уважением; никто из них не сомневался, кого нужно сажать на престол – только дочь Петра! Императрица Анна Ивановна проглядела тот момент, когда из легкомысленной и взбалмошной девушки Елизавета превратилась в расчетливую и умную женщину, овладевшую искусством придворной интриги. Императрица думала так – пусть она пляшет в домах солдат, крестит их детей, это и к лучшему: пусть петровское отродье путается с худородными людьми и в политику не лезет. А Елизавета таким способом привлекала к себе гвардию, и она не подвела ее!

Слухи о заговоре Елизаветы дошли до ушей правительницы Анны Леопольдовны, и она, вместо того чтобы решительно пресечь намечавшийся переворот, просто сделала внушение принцессе. Но кое-какие меры все же предприняла – приказала удалить гвардию из Петербурга якобы для отражения шведской агрессии (которой и в помине не было). Тогда, это было 25 ноября 1741 года, гвардейцы пришли во дворец Елизаветы и заявили, что их, мол, высылают из города и медлить больше нельзя. Елизавета попросила дать ей время помолиться, и во время молитвы клятвенно пообещала, что если заговор удастся, то она никого смертной казнью казнить не будет. (Как известно, она свое слово сдержала – за все ее 20-летнее правление смертью не был казнен ни один преступник! Другое дело, что заточение в Шлиссельбургскую крепость, а также битье кнутом, вырывание ноздрей, отсечение рук и прочие ужасы никто не отменял, но это уже отдельный разговор – главное, преступников при Елизавете прилюдно не казнили.)

После молитвы она привела к присяге пришедших к ней солдат и затем отправилась в казармы Преображенского полка. Там она обратилась к гвардейцам с краткой речью: «Ребята! Вы знаете, чья я дочь, ступайте за мною!» Елизавета и с них взяла клятву умереть за нее, и в знак решимости надела на себя кирасу. 308 гвардейцев молча выступили к Зимнему дворцу (перед тем они искололи барабаны штыками, чтобы никто не поднял тревоги). Елизавета от волнения не могла идти, и гвардейцы на

руках внесли ее во дворец. Стража дворца примкнула к заговорщикам. Опять резали тугую кожу барабанов, чтобы уже во дворце никто не смог предупредить правительницу. А дальше произошла сцена, описанная нами в очерке об Анне Леопольдовне, – Елизавета подошла к спящей, положила ей руку на лоб и произнесла: «Пора вставать, сестрица!»

Итак, дворцовый переворот свершился, и Елизавета Петровна стала императрицей. Но теперь она боялась, что и ее так же свергнут: спать она не ложилась до рассвета, и каждый раз спала в другой комнате. Специальный слуга должен был дежурить в ее спальне, и если Елизавете начинали сниться кошмары, он должен был положить ей руку на лоб и произнести: «Лебедь белая». После этого дурные сны отступали. За свои труды лакей, клавший руку на лоб императрицы, получил дворянство и фамилию Лебедев. Караульным у дверей своей спальни Елизавета платила по 10 рублей за ночь (неслыханные по тем времена деньги!). По всей стране шел поиск стариков, которые страдали бессонницей и могли не спать всю ночь. Одного такого нашли, но Елизавета его разоблачила – старый хрыч умудрялся спать с открытыми глазами! Его, конечно, выгнали, и тогда императрица стала проводить ночи в компании с несколькими придворными дамами – это позволяло ей хоть немного поспать и действовало успокаивающе. Сколько же сил и энергии уходило у Елизаветы Петровны на то, чтобы побороть собственные страхи!

И надо сказать, Елизавета опасалась заговоров не зря – они действительно были. Вот только небольшая хронология открытых «предумышлений». 1742 год – офицер Ивашкин в Москве вербует сторонников, чтобы вернуть трон законному государю Ивану Антоновичу. 1743 год – подполковник Лопухин в пьяном виде поносит Елизавету последними словами и опять же грозит возвести на трон младенца-императора Ивана VI. 1749 год – к Петру Федоровичу (будущему Петру III) обращается подпоручик Батурин и обещает немедленно возвести его на трон, взбунтовав гвардейцев. 1756 год – дело мещанина Зубарева (мы о нем уже писали выше) – опять в цари прочат младенца Ивана. 1757 год – во время болезни Елизаветы (а она, как и ее отец, Петр I, была подвержена приступам эпилепсии) троном хотела завладеть Екатерина (будущая Екатерина II). 1761 год – заговорщики задумали посадить на престол малолетнего Павла (будущего Павла I) или отдать трон Екатерине, супруге наследника Петра Федоровича. И так далее, и тому подобное. Прямо скажем, Елизавета все свое царствование провела как на пороховой бочке. Она отдавала себе отчет в том, что трон захватила незаконно, но не стала упиваться своей властью, казнить недовольных направо

и налево, а всю жизнь морально страдала. Такая вот совестливая женщина пришла к власти в 1741 году.

Чтобы исключить возможность переворота, Елизавета вызвала из Голштинии своего племянника Карла-Петера-Ульриха (будущего императора Петра III) и в 1742 году назвала его наследником русского престола.

Небольшое отступление – если Елизавета назначила наследником племянника еще в 1742 году, значит, она точно знала, что собственных детей у нее не будет? Это в свои-то 33 года? Тут кроется какая-то тайна. Историки просто пишут – назначила наследником Карла, а почему она так поступила – не объясняют. Логично было бы назвать наследником собственного ребенка! Или у Елизаветы был неудачный аборт, после которого она не могла иметь детей? Или что-то другое? Ведь мужчин у нее хватало! Да и венценосных женихов тоже… Что ей стоило уже после вступления на престол выйти замуж за того же английского или португальского принца или, на худой конец, герцога Брауншвейгского, родить ребенка и передать трон ему. Разгадка этой шарады нам кажется проста. Предложения от заморских принцев Елизавете поступали до ее вступления на престол. В этом случае ей пришлось бы уехать из России в ту же Англию, Испанию или Португалию и стать, соответственно, английской, испанской или португальской королевой. После воцарения Елизаветы об этом, разумеется, и речи быть не могло. В случае же ее брака с более мелким владетельным принцем могла бы сложиться ситуация, как у Анны Леопольдовны: она – императрица, он – представитель правящей династии, все по закону. У них могли появиться дети, которым Елизавета и передала бы престол. Однако Елизавета почему-то так не сделала – вместо этого она сочеталась тайным браком с Алексеем Разумовским. Почему? Может, она считала, что союз императрицы с принцем – это неравный брак? Или она вышла замуж за Разумовского по любви? Не думаю, скорее всего, тут были какие-то другие причины, нам неведомые. Так или иначе, а наследником русского престола стал наполовину немец Карл-Петер-Ульрих Голштинский (будущий Петр III).

Как же отблагодарила Елизавета верных ей гвардейцев за совершение государственного переворота? Ее благодарность была и впрямь царской. Уже 31 декабря 1741 года всех гвардейцев, принимавших участие в перевороте (а их было более трехсот человек), она свела в особую команду, получившую название лейб-кампании (нечто вроде гвардии из гвардии), присвоила им особую форму и собственное знамя. Сама Елизавета стала капитаном в этой воинской части, а все офицерские чины в ней

приравнивались к генеральским. Чины прапорщика приравнивались к подполковничьим армейским чинам, а все унтер-офицеры – к офицерам. Кроме того, все неродовитые получили дворянство, им были даны поместья. Лейб-кампания получила в Зимнем дворце особое помещение, в котором Елизавета Петровна любила бывать, пить с «кампанцами», которые называли ее кумой (у многих из них она крестила их детей), водку и закусывать морковными пирогами. Обращались они к императрице исключительно на «ты». Петр III, кстати, придя к власти, всю эту свору бездельников разогнал.

Не забыла она и своего фаворита Алексея Разумовского, хотя он в перевороте, как мы знаем, участия не принимал. Уже наутро Елизавета пожаловала его в действительные камергеры, присвоила звание поручика лейб-кампании в чине генерал-лейтенанта, потом наградила его орденом Св. Анны, а в день своей коронации (25 апреля 1742 года) возвела его в чин обер-егермейстера с объявлением его кавалером ордена Александра Невского. Возникает вопрос, за какие заслуги она пожаловала ему военный орден и генеральский чин, ведь он сроду не воевал. За «постельные», не иначе!

Других своих любовников Елизавета тоже не забыла: Воронцов был назначен поручиком лейб-кампании в чине генерал-лейтенанта, а братья Шуваловы – подпоручиками в чине генерал-майоров. Дальше – больше: придворная карьера Алексея Разумовского росла как на дрожжах. В 1744 году он был пожалован в графское достоинство Римской и Российской империи, в 1745 году повышен в воинском чине до капитан-поручика лейб-кампании, в 1746 году заимел польский орден Белого Орла, в 1748 году ему было присвоено звание подполковника лейб-гвардии Конного полка и, наконец, в 1756 году – звание фельдмаршала! Фельдмаршал, который никогда пороху не нюхал, – но таковы были прихоти императрицы Елизаветы. Она называла Разумовского «другом нелицемерным»: он и вправду никогда не лицемерил, в государственные дела не лез и не указывал Елизавете, как ей править. Жизнь он вел примерно такую же, как и в родном селе, – спал, ел, молился Богу, и ни о чем особенно не заботился. Он не только не принимал участия в политике, но и не читал книг, не знал языков и был совершенно равнодушен к искусству. Одним словом, он никак не воспользовался внезапно открывшимися перед ним фантастическими возможностями…

Впрочем, надо отдать должное Алексею Разумовскому – он сам понимал свое ничтожество. Фаворит с иронией относился к титулам и наградам, которыми осыпала его Елизавета, и однажды

заявил ей: «Ты можешь из меня сделать кого пожелаешь, но ты никогда не сделаешь того, что меня примут всерьез, хотя бы как простого поручика». Когда император Священной Римской империи по просьбе Елизаветы пожаловал ему графство и приписал ему выдуманное княжеское происхождение, Алексей высмеял это. Да, хоть и самокритичен был граф Разумовский, однако же награды и титулы принимать изволил! Наверное, чтобы не сердить свою любовницу… А она не только награждала его чинами, но и на подарки не скупилась. Отдала ему конфискованное у Миниха имение Рождествено-Поречье и другие вотчины, подарила дома в Москве и Петербурге, Аничков дворец и даже свой личный дворец на Царицыном лугу. Эти дары превратили Разумовского в одного из богатейших в России помещиков.

В общем, Алексей Разумовский жил – не тужил и даже стал законодателем придворной моды – первым стал носить бриллиантовые пуговицы, алмазные пряжки на туфлях, алмазные пояса, бриллиантовые кавалерские звезды и эполеты. Все малороссийское стало модным при дворе Елизаветы – на пирах появились украинские блюда, а кроме хоров украинских певчих в Петербурге появились ансамбли бандуристов. При дворе Разумовский, осознавая свое ничтожество, держался скромно – настолько скромно, что даже врагов себе не нажил. Что было удивительно, ведь он был скор на расправу и вспыльчив, особенно пьяный. Графиня Шувалова каждый раз служила благодарственный молебен, когда ее муж Петр, возвратившись с охоты, не бывал бит батогом Разумовским под пьяную руку. Известие о буйствах Разумовского в нетрезвом состоянии отразил в своем докладе и английский посланник Вильямс – однажды фаворит за завтраком чуть не избил генерал-адмирала Апраксина, и тот смолчал. Вильямс назвал Апраксина трусом, но это как сказать – против любовника императрицы не попрешь, себе дороже, а генерал-адмирал был умным человеком… Эта же черта характера Разумовского обозначена и в записках Екатерины II: «Этот человек, обыкновенно такой кроткий, в нетрезвом состоянии проявлял самый буйный нрав». Что ж – грех винить русского человека за пьянство, а «золотая клетка» порой была Разумовскому не по нраву, да и тосковал он по родным украинским просторам. Вот его портрет того времени, оставленный маркизом де Шетарди (как явствует из его записей, он сделал их, когда Алексею было 32 года, то есть в 1741 году): «Это в самом деле красавец, брюнет с окладистой черной бородой, черты которого, уже сложившееся, имеют всю привлекательность, какую только может иметь деликатное лицо.

Рост его тоже бросается в глаза. Он высок, широкоплеч, с нервными членами. Хотя в его манере держаться остается нечто неуклюжее, результат воспитания и происхождения, однако заботы… направленные на то, чтобы вышколить их и, – хотя ему уже тридцать два года, – научить танцевать… под руководством создавшего здешние балеты француза, могут исправить этот недостаток». (Де ла Шетарди, в соответствии с великосветскими представлениями, искренне полагал, что недостатки «воспитания и происхождения» можно исправить танцами!) Разумовский был тогда еще с бородой – на всех портретах мы его видим гладко выбритым. М. И. Пыляев в своей книге «Старый Петербург» дает такую характеристику Разумовскому: «Не имея никакого образования, он обладал широким умом. Осыпанный почестями, он не отличался гордостью. Наружностью он был красивый и видный, чертой его характера была щедрость и великодушие».

Разумовский очень любил свою семью и старался помогать всем родственникам. Любил выпивать с украинскими гостями, которые часто у него бывали, – Алексей никогда не забывал свою родину – Малороссию. В то же время он следил, чтобы его родственники не докучали Елизавете, когда она на две недели остановилась в Козельце, неподалеку от его родного села. Когда мать увидела этого важного пана, она сначала даже не узнала его. Ему пришлось раздеться, чтобы по родимым пятнам доказать, что он ее сын. Алексей по требованию Елизаветы перевез мать, Наталью Дементьевну, с сестрами и своего брата Кирилла в Петербург: все они получили место при дворе. Простая украинская крестьянка, «Розумиха», как ее называли односельчане, до этого ходившая босиком, получила шифр статс-дамы. Ей, впрочем, скоро наскучила жизнь в огромном непонятном городе, и она вернулась в родные Лемеши.

А брат Разумовского 16-летний Кирилл остался в Петербурге – ему полюбилась столичная жизнь. Его возвели в графское достоинство, а затем послали учиться в Европу. Через два года он вернулся и тут же был назначен Елизаветой президентом Академии наук. В свои 22 года он стал гетманом Украины, что приравнивалось к чину фельдмаршала. Хотя «граф Кирила» и сделал фантастическую карьеру, ни в каких великих делах замечен не был. Разве что любил собственноручно коптить окорока и поедать их с «цыбулею» (луком), да, находясь под мухой, бить морды придворным. Вот и все…

К чести Алексея Разумовского, этого фаворита и первейшего вельможи елизаветинской эпохи, следует отметить, что он был чужд гордыни, ненавидел коварство и любил ходатайствовать за несчастных. Под его влиянием украинские казаки стали

освобождаться от крепостной зависимости, за что они просто боготворили его.

Итак, мы выяснили, что Елизавета была красивой, доброй, веселой, если надо, строгой, а также смелой и влюбчивой дамой. Какой же была ее жизнь, ее повседневное существование императрицы, самодержицы российской? Обратимся к описаниям историков. Н. И. Костомаров так описывал ее внешность (она была тогда уже в зрелых годах): «…У нее были превосходные каштановые волосы, выразительные голубые глаза, здоровые зубы, очаровательные уста… Ее роскошные волосы не обезображивались пудрою по тогдашней моде, а распускались по плечам локонами, перевитыми цветами». Рассказывали, что у нее был слегка приплюснутый нос, и поэтому она не любила, когда ее изображали в профиль. При Петре I в моде было все голландское, при Анне Ивановне – все немецкое, а при Елизавете Петровне – французское. Именно тогда французский язык вошел у русской знати во всеобщее употребление. Елизавета прекрасно танцевала французские менуэты, кадрили и мазурки, лихо отплясывала и под русские песни и мелодии.

Она любила слушать страшные народные сказки, верила в домовых, русалок и леших. Играла в бильярд, была страстной охотницей. По вторникам Елизавета устраивала маскарады, за неявку на которые без уважительной причины полагался штраф 50 рублей. Эти маскарады начинались около 6 часов вечера и продолжались до 2 часов ночи; в них могли участвовать все, кому заблагорассудится, но в чине не ниже полковника. Ей нравилось переодевать придворных дам в мужские костюмы, при этом мужчины, естественно, вынуждены были напяливать на себя женское платье. Екатерина II позже вспоминала: «Императрице вздумалось приказать, чтобы на придворные маскарады все мущины являлись в женских нарядах и все женщины в мужских, и при том без масок на лицах… Мущины в огромных юпках на китовых усах… а дамы в мужских придворных костюмах. Такие метаморфозы вовсе не нравились мущинам, и большая часть их являлась на маскарад в самом дурном расположении духа, потому что они не могли не чувствовать, как они безобразны в дамском наряде. С другой стороны, дамы казались жалкими мальчишками, кто был постарше, того безобразили толстые и короткие ноги».

Зачем она это делала? Екатерина II поясняет: «И из всех них мужской костюм шел только к одной императрице. При своем высоком росте и некоторой дородности она была чудовищно хороша в мужском наряде. Ни у одного мущины я никогда в жизнь мою не видала такой прекрасной ноги». Это необычайно

льстило Елизавете, и она была в восторге от своей выдумки. Современник вспоминал: «Стройная, высокая, гибкая Елисавета Петровна была очень красива в мужском костюме и поэтому любила наряжаться мужчиною». Но это на маскараде, а главным ее нарядом, конечно, были платья. К ним у нее была настоящая страсть. Известно, что Елизавета никогда не надевала одного платья дважды, а в течение одного бала могла сменить свой наряд трижды! Только в Москве при пожаре 1753 года у нее сгорело 4 тысячи платьев, но она не тужила, так как в запасе у нее было еще 15 тысяч нарядов, да два сундука шелковых чулок, да несколько тысяч пар обуви. И прически она носила замысловатые, убранные множеством драгоценных камней.

Елизавета и сама была законодательницей мод, и дам из высшего света не забывала. У нее была «милая» привычка утверждать фасоны платьев именными указами! Вся в отца – тот своими именными указами поучал, как подданным жениться или покойников хоронить, какой должна быть глубина могилы или длина гроба, а его дочь указывала, какие дамам платья носить. Впрочем, это была невинная забава, смешная причуда. Когда в Петербург заходили иностранные корабли с галантереей, Елизавета стремилась скупить все новинки, пока их не расхватали другие дамы. Да они и не смели надевать такие же наряды, причем это правило распространялось не только на платья, но и на украшения. Однажды произошел такой случай – фрейлина Лопухина явилась на бал с такой же розой в волосах, как у Елизаветы. Разгневанная императрица заставила ее стать на колени, срезала ножницами цветок вместе с прядью волос, а затем надавала дерзкой пощечин. На красоту Елизаветы не смел покушаться никто!

С этой Лопухиной (ее звали Натальей Федоровной) связана грустная история. Ее подвел ее длинный, охочий до сплетен язык. Не все были довольны воцарением Елизаветы, вот Лопухина и стала высказываться в таком духе, что, мол, скоро снова на престол взойдет Брауншвейгская династия (муж ее поддерживал эти сплетни), то есть власть вернется к Анне Леопольдовне. Конкретно ничего сделано не было – так, одни разговоры, но Лесток усмотрел в этих сплетнях заговор против Елизаветы. В 1743 году началось следствие, а с ним пытки, и обвиняемые, разумеется, сознались во всем. Приговор был ужасен – Лопухину с сыном и мужем, генерал-поручиком, следовало колесовать. Поскольку Елизавета отменила смертную казнь, то колесование заменили битьем кнутом и вырезанием языка. (Этот эпизод вошел в фильм «Гардемарины, вперед!», только Лопухину почему-то назвали Бестужевой.) Однако молва приписала эту историю

зависти Елизаветы. Говорили, что на придворных балах еще в царствование Анны Ивановны Лопухина, женщина выдающейся красоты, затмевала собой Елизавету Петровну, и это соперничество породило вражду между ними. Будто бы однажды Лопухина пригласила к себе на бал весь двор, в том числе и цесаревну Елизавету. Перед этим она подкупила горничных Елизаветы, через которых достала образец материи, из которого та шила себе платье к этому балу. Это было желтая парча, шитая серебром. В назначенный день к Лопухиной прибыла Анна Ивановна со своей свитой. Та провела их в гостиную, где все стены, стулья, диваны и кресла были обиты той же материей, из которой шила себе платье ничего не подозревавшая Елизавета. Наконец, прибыла цесаревна, вошла в гостиную, и тут… раздался взрыв хохота. Елизавета смутилась, потом оглянулась и сразу все поняла. Она тотчас покинула дом Лопухиной, вернулась к себе и долго плакала.

Рассказывали также, что Наталью Федоровну привлекли к этому делу не только за шикарные бальные платья, ту выходку на балу да за дерзкие высказывания в адрес императрицы. Что, мол, был тут замешан и Алексей Разумовский. Это, конечно, неправда, до такой низости Елизавета никогда бы не дошла. Кстати, из ссылки несчастную, искалеченную Лопухину вызволил только Петр III, наверное, в память о своей бывшей возлюбленной фрейлине, на которой ему не дали жениться.

Пойдем дальше. В другой раз Елизавета как-то неудачно покрасила волосы и, пытаясь скрыть эту промашку, перекрасила их в черный цвет. А чтобы ничем не отличаться от придворных дам, она заставила их обрить головы наголо и приказала носить черные парики! Ну, не могла она допустить, чтобы у кого-то волосы были красивее, чем у нее. Самодурство – скажете вы? Не без этого. А какая из модниц потерпит, чтобы прочие женщины одевались так же, как и она! Да к тому же императрица! Как-то Елизавета приказала одной из своих фрейлин, княгине Гагариной, носить широкое бесформенное платье, чтобы не показывать свою фигуру, которая была у той лучше, чем у императрицы. Находчивая дама вышла из положения просто – она поддевала под платье фижмы с мощными пружинами и спокойно танцевала на балах, а когда лакей провозглашал, что идет императрица, приталенное платье одним движением превращалось в бесформенный балахон. Похоже на анекдот, но это была правда. Бывали и случаи, когда Елизавета вообще не появлялась на балах, когда была не в форме и чувствовала, что кто-нибудь может ее затмить.

Порой доходило до смешного – новым иностранным послам

неизменно задавали вопрос: кто из придворных дам красивее всех? Правильный ответ был, разумеется: Елизавета! На этот вопрос сумели ответить даже китайские послы, но при этом они высказались в таком духе: царица Елизавета, конечно, красивее всех, вот только бы у нее ноги были покороче, глаза поуже, лицо покруглее, нос поменьше, а фигура поплоще. А так все нормально!

Характерно, что, обладая колоссальной государственной властью, Елизавета, по сути, ею не пользовалась. Правда, она могла и вспылить, и по щекам отхлестать – но исключительно за дело. Своих блудливых фрейлин Елизавета била по щекам, ставила в угол коленями на горох, даже тех, кому перевалило за тридцать. Интересно, что особенно это касалось тех дам, которые изменяли мужьям, находящимся в действующей армии! И это при том, что сама Елизавета была отнюдь не пуританского поведения.

Был случай, когда она собственноручно выпорола розгами юную, но уже проституирующую фрейлину Шаховскую. Рано утром, застав блудницу в чужой постели, она разложила ее на диване и всыпала по первое число – чтобы в свои 15 лет та не бегала по гвардейским поручикам! Елизавета в данном случае вела себя по-матерински: строго наказав фрейлину, она потом с шумом выдала ее замуж, наделила немалым приданым, плясала на ее свадьбе, а потом крестила ее детей. Все это складывалось в образ царицы-матушки, которой, по большому счету, и была Елизавета.

При этом доставалось всем, даже невестке. Екатерина II потом вспоминала: «Она меня основательно выбранила, гневно и заносчиво… Я ждала минуты, когда она начнет меня бить, по крайней мере, я этого боялась: я знала, что она в гневе иногда била своих женщин, своих приближенных и даже своих кавалеров». Кроме того, Елизавета была крайне охоча до различных сплетен и слухов по поводу семейной жизни своих придворных, их романов, похождений и скандалов. При этом она любила допрашивать «виноватых» самолично, докапываясь до самых интимных подробностей. Естественно, для этой невинной забавы государыне надо было постоянно находиться в курсе событий. Для этого у нее имелся целый штат осведомительниц, самой выдающейся и влиятельной из которых оказалась графиня Мавра Егоровна Шувалова. Да-да, жена того самого Петра Шувалова, которого Разумовский охаживал батогами. В девичестве ее фамилия была Шепелева, и родилась она в 1708 году, то есть они с Елизаветой были почти ровесницами. Мавра оказалась в числе служанок десятилетней царевны Елизаветы в 1719 году, еще при жизни Петра I. Девчонки вскоре подружились,

и Мавра стала самой верной подругой Лизы, посвященной «во все сокровенные дела принцессы». Состоять же при Елизавете было небезопасно, особенно во время правления Анны Ивановны и Анны Леопольдовны. Возможность ссылки, а то и монашества была для Елизаветы реальностью. При этом пострадали бы и близкие ей люди – Разумовский, братья Шуваловы, Воронцов, Шепелева и другие. Они понимали, что сделать придворную карьеру можно только с воцарением «дщери Петровой». И они не прогадали – переворот 1741 года изменил их судьбу, и все они стали влиятельнейшими вельможами елизаветинской эпохи. В 1742 году Мавра вышла замуж за графа Петра Шувалова. Елизавета была крестной матерью детей от этого брака, и поэтому Мавра запросто называла ее кумой. Вначале она была фрейлиной императрицы, затем получила титул статс-дамы и поселилась во дворце рядом с государыней. Граф Петр Шувалов, интриган и казнокрад, пользовался доверительным отношением Мавры и Елизаветы для достижения своих не всегда праведных целей. «Граф Петр Иванович Шувалов по обыкновенному искусству через супругу свою Мавру Егоровну, которая тогда, в великой у ее величества милости и доверенности находилась, во дворце жила, так, как и прочие свои надобности по желанию произвел и хитро домогался… от ее императорского величества таких решений, которые ему было выгодны», – писал Яков Шаховской, немало натерпевшийся от шуваловских интриг. С одной такой интригой было связано падение фаворита Елизаветы Никиты Бекетова, но об этом потом. Мавра Егоровна служила императрице буквально до конца своих дней и умерла в 1759 году, еще при жизни Елизаветы. Были у Елизаветы и другие наперсницы, но рангом пониже – Мария Румянцева и Мария Чоглокова, например. Они были приставлены следить за нравственностью молодой Катюши (будущей Екатерины II).

В разговорах с Елизаветой запрещалось говорить о болезнях, смерти и красивых женщинах (вот оно, тщеславие красавицы!). Интересно, что императрица была не в меру религиозна – она могла простоять в церкви на коленях много часов подряд, ходила пешком на богомолья, причем походы на богомолье у нее могли тянуться неделями и даже месяцами. Дело было в том, что, доходя до определенного места пешком, она могла в любой момент прервать паломничество и поехать отдыхать или заняться другими, более интересными делами; потом ее опять привозили к тому месту, где она прервала паломничество, и дальше она опять шла пешком. Во время постов Елизавета питалась квасом и вареньем, а на масленицу могла съесть две дюжины блинов. Говорят, что Разумовский приохотил Елизавету к жирной

украинской пище, отчего она якобы располнела – но пышными формами в XVIII веке гордились, и дородное тело было признаком благосостояния. Русский придворный стол отличался изобилием, и наши самодержцы ничем в пище себя не ограничивали. Например, Екатерина II и слушать не желала о какой-либо диете – ела все подряд. Лишь на рубеже XVIII–XIX веков в моду постепенно вошла подтянутая фигура, а лишний вес начал считаться признаком лени или болезни. Да и по портретам Елизаветы видно, что это была императрица-пышка с весьма соблазнительными формами. Обычно она спала до 12 часов дня, перед сном любила, чтобы ей чесали пятки.

Интересна перлюстрированная переписка де ла Шетарди с французским двором: «Мы здесь имеем дело с женщиной, на которую ни в чем нельзя положиться… Каждый день занята она различными шалостями: то сидит перед зеркалом, то по нескольку раз в день переодевается, – одно платье скинет, другое наденет, и на такие ребяческие пустяки тратит время… Ее лучшее удовольствие – быть на даче или в купальне… Что в одно ухо к ней влетит, то в другое напрочь вылетает». Нелестная, скажем прямо, характеристика императрицы. А зачем же тогда, спрашивается, тот же самый Шетарди подбивал ее на совершение дворцового переворота? Лукавит, маркиз, еще как лукавит! Это правда, что Елизавета забывала даже самые важные дела, путала подробности и отвлекалась по пустякам. Просто у нее была избирательная память – важные для нее вещи (балы, маскарады и прочее) она помнила, а неважные в ее понимании дела, как то: государственные заботы, забывала. Уже в 1742 году канцлер Бестужев жаловался саксонскому министру на беспечность и рассеянность императрицы. Среди занимавших ее удовольствий Елизавета с трудом находила время для чтения бумаг и выслушивания докладов. Важнейшие документы неделями ожидали подписи государыни.

Современник Елизаветы поэт Г. Р. Державин так отозвался о ее правлении: «Царствование императрицы Елизаветы век был песен». Историк В. О. Ключевский заключил, что «…с правления царевны Софьи никогда на Руси не жилось так легко, и ни одно царствование до 1762 года не оставляло по себе такого приятного воспоминания». Этим сказано все – царствование императрицы Елизаветы, по меркам того жестокого времени, было действительно легким и приятным.

Немного о той обстановке, в которой жила Елизавета, – о ее дворе. По замечанию А. Бушкова это был странный Двор: при всей его веселости он был донельзя неуютным. Солдаты из охраны, лейб-кампанцы, говорят императрице «ты». Прислуги в первую

половину дня вообще не дозовешься, а когда она появляется, пьяная и своевольная, то когда слушается, а когда и нет. Полы во дворце и стенные панели грязные, на столах – горы немытой и неубранной посуды. По углам воняло – это гнили груды объедков, всюду блевотина, нечистоты. Найти место для ночлега невозможно, даже если ты и званый гость – во всех постелях и прямо на полу дрыхнут пьяные. К вечеру дворец оживал, накрывалась часть столов, при этом грязная посуда просто сдвигалась в сторону либо вообще сбрасывалась на пол; вместо нее появлялась новая. Появлялась еда и выпивка, и шумное веселье продолжалось до утра. Везде шлялись какие-то приблудные личности, и не всегда было понятно, кто это – граф или князь или просто рвань кабацкая, пришедшая к прислуге погостить. Прислуга и «кампанцы» сидят за одним столом с государыней, орут песни, выпивают – в общем, полная демократия! Известен случай, когда Екатерина Алексеевна (будущая Екатерина II) чуть не умерла после родов. Она лежала в своей постели одна, и даже некому было принести ей воды. Появился, правда, какой-то лакей, да и тот пьяный, выслушал приказание, ушел, да так и не вернулся. Двор императрицы в это время был очень занят – праздновали появление на свет наследника Павла Петровича, которого родила Екатерина! Так проходили годы. Зато было весело!

А теперь к главному: в начале нашего повествования мы упоминали о том, что Елизавета тайно обвенчалась с Алексеем Разумовским. Достоверных свидетельств этому нет. Согласно легенде, их венчание произошло 24 ноября 1742 года в подмосковном селе Перово в присутствии свидетелей – графини М. Шуваловой и лекаря Лестока. Опять же, по преданию, у Разумовского сохранились соответствующие бумаги. Когда к Екатерине II с ножом к горлу пристал Григорий Орлов, чтобы она, по примеру Елизаветы, вышла за него замуж, та послала к Разумовскому узнать – действительно ли они венчались с Елизаветой? Старик поступил мудро: вынул из шкатулки бумаги, дал их прочитать посланцу императрицы графу М. Воронцову, а затем бросил их в огонь. Екатерина II якобы была очень благодарна Разумовскому за этот поступок, так как выходить замуж за Орлова ей вовсе не хотелось. Этот эпизод не однажды обыгрывался в различных исторических фильмах, однако это всего лишь легенда.

Легенда легендой, но Европа с пристальным вниманием прислушалась к таким слухам. В 1747 году на запрос, сделанный французским двором, версальский посланник д´Алльон сообщал, что все считают этот брак фактом, так как графиня Шувалова и

Лесток присутствовали при сем. Он даже допускал, что Елизавета может в один прекрасный день объявить о нем публично и разделить корону со своим мужем. Однако этого не произошло, а графиня Шувалова с Лестоком хранили молчание.

Подумаем о другом: понятно, что брак оставался тайным – сын простого украинского казака не мог жениться на царственной особе. Но ведь и сама Елизавета была не особо чистых кровей: ее мать была дочерью белорусского крестьянина Самуила Скаврощука, а один из дедов по отцовской линии был стрелецким головой в Тарусе. Но в тех исторических условиях императрице стать Елизаветой Разумовской было невозможно. Это потом в европейских государствах придумали такое понятие, как морганатический брак, когда принцесса вступает в брак с человеком не из царствующего дома, которого объявляют принцом-консортом, а их дети становятся наследниками престола. Бывает и по-другому – примерно через 80 лет после этого наследник престола цесаревич Константин откажется от трона, женившись на женщине, стоящей ниже его по происхождению. В данном случае их дети права на престолонаследие уже не имели. И подобных случаев в семействе Романовых было немало, но уже в XIX–XX веках, а в XVIII веке таких случаев ни в России, ни в Европе не было. При таких условиях тайный брак влюбленной в своего «принца» императрицы был вполне возможен. Но это, повторяем, всего лишь легенда.

И наконец, самое интересное – были ли дети у Алексея с Елизаветой? Тайная свадьба Елизаветы с Разумовским стала источником множества слухов о якобы родившихся у них детях. Называли то сына и дочь, то даже двух сыновей и дочь или двух дочерей и сына. Например, когда у жены наследника престола Екатерины в 1754 году родился сын Павел, то все при дворе уверяли, что на самом деле это отпрыск Елизаветы и Разумовского, а беременность Екатерины была подложной. Впоследствии объявилось несколько женщин, называвших себя дочерьми императрицы Елизаветы. При этом будто все они носили фамилию Таракановых. Странная фамилия, не правда ли? По мнению большинства историков, это недоразумение. Дело в том, что у Алексея Разумовского были племянники от сестры Веры, носившей в замужестве фамилию Дараган. Они воспитывались при дворе Елизаветы, а потом жили в Швейцарии. Фамилия Дараган вполне могла быть переиначена на более привычное русскому уху «таракан». Так Дараганы стали Таракановыми.

Из «сыновей лейтенанта Шмидта», то есть «дочерей

императрицы Елизаветы», наиболее известной стала особа, именовавшая себя Елизаветой II. Она была явной авантюристкой и аферисткой. Эта дама появилась в Париже в 1772 году (то есть через 20 лет после смерти императрицы Елизаветы) и называла себя то Елизаветой II, то княжной Таракановой, то княжной Владимирской, то персидской принцессой Али Эмете, владетельницей Азова, то графиней Силинской (Зеленской) и так далее, в зависимости от обстоятельств. О ее подлинном происхождении ничего не было известно. Предполагали, что ее родиной была Германия или что она появилась на свет в семье парижского трактирщика или нюренбергского булочника. Хотя это вряд ли возможно, так как она была хорошо образованна и знала языки. Отличаясь редкой красотой, она имела немало богатых поклонников, которых доводила до разорения и тюрьмы. Преследуемая кредиторами, «Елизавета II» путешествовала по Европе в компании таких же, как и она, шулеров и авантюристов, настойчиво пытаясь привлечь к себе внимание. Из Киля она перекочевала в Берлин, затем в Гент, оттуда в Лондон, из Лондона в Париж. Поселившись в 1772 году в Париже, она стала называться княжной Владимирской и рассказывать, что происходит из богатого русского рода мифических князей Владимирских, воспитывалась у дяди в Персии и приехала в Европу с целью получения наследства (тоже мифического). Новые богатые поклонники помогли ей безбедно и весело прожить два года. В 1774 году под влиянием некоторой части польских эмигрантов во главе с князем Радзивиллом она объявила себя дочерью императрицы Елизаветы и обещала им освободить Польшу от «русского ига». Потом самозванка побывала со своей свитой во Франкфурте, Венеции, Дубровнике, Риме и Неаполе.

Активность «дочери лейтенанта Шмидта» не на шутку встревожила Екатерину II. Она сознавала, что заняла трон незаконно, а тут объявилась вроде бы законная наследница русского престола, дочь императрицы Елизаветы! В свое время существовала версия, что супруги Алексей Разумовский и Елизавета специально прятали свою дочь за границей, чтобы Екатерина знала – у нее есть серьезный конкурент. К этому добавились как внутриполитические факторы, так и отношения с зарубежными странами. Полыхало Пугачевское восстание – и Лжеелизавета немедленно объявила смутьяна своим братом, «князем Разумовским» (хотя вообще-то он называл себя «Петром III»). Шла русско-турецкая война – и княжна Тараканова предложила туркам свои услуги. Самозванку требовалось немедленно «изъять из обращения». Екатерина приказала Алексею Орлову, командующему Средиземноморской эскадрой,

взять авантюристку в плен. Дальнейшая ее история известна по многочисленным романам и фильмам. «Влюбившись» в «Елизавету», Орлов в феврале 1775 года заманил ее на свой корабль, где она и была арестована и доставлена в Петербург. Самозванку поместили в Алексеевский равелин Петропавловской крепости и начали допрашивать. Она созналась, что на самом деле она черкешенка и родилась в 1753 году, но вряд ли это было правдой. Фельдмаршал А. Голицын вел допросы, во время которых она давала различные показания, одно противоречащее другому, при этом дополняя их немыслимыми фантазиями. Князь в отчаянье докладывал Екатерине II: «Разные варианты повторяемых ею басен ясно показывают, что эта женщина вероломная, хитрая, лживая, безо стыда и без совести. Во время последнего разговора я указал ей, что она своей несокрушимой неприступностью осуждает себя на вечную тюрьму, и с этим ушел. Я использовал все средства, чтобы заставить лгунью сознаться: и увещевания, и тюремные строгости, и уменьшение количества пищи, одежды и другие соответствующие способы. Теперь ей оставлены только необходимые вещи. Она окружена в каземате часовыми и оставлена совсем одна без служанки, и, несмотря на это, кроме известных Вашему Императорскому Величеству сказочек, от нее невозможно узнать ничего. Быть может, время и утрата надежды на получение свободы заставят ее сделать признания, более правдоподобные…»

Но «более правдоподобных» признаний Голицын не дождался – в тюрьме самозванка родила от Орлова сына (который вскоре умер), а в следующем 1776 году сама скончалась от чахотки и была тайно похоронена на территории крепости. Кем она была на самом деле – так и осталось неизвестным, во всяком случае, не русской. Несмотря на то что она рассказывала, будто до 9 лет жила с матерью, императрицей Елизаветой, она не понимала по-русски ни слова.

Банальная смерть от чахотки не устроила художника К. Флавицкого, который изобразил ее на картине «Княжна Тараканова» погибающей при страшном наводнении 1777 года.

Еще одну «княжну Тараканову» звали Августа Тимофеевна. Она родилась примерно в 1746 году. Почему «Тараканова»? Появилась новая версия, что ее назвали по имени одной знатной дамы, госпожи Дороган, с которой она была отправлена за границу (неясно только, кем и когда). Там она получила хорошее образование. До 40 лет она жила за рубежом, и только в 1785 году ее привезли в Россию и представили Екатерине Великой. Она долго беседовала с загадочной женщиной и уговорила ее уйти в монастырь. Предмет разговора императрицы с

таинственной особой остался неизвестным. Августа стала монахиней под именем Досифея в московском Ивановском монастыре, где ее жизнь была окружена тайной, хотя стало известно, что на ее содержание из казны были выделены определенные деньги. Характерно, что этот монастырь предназначался «для призрения вдов и сирот знатных и заслуженных людей». (Значит, Досифея, все-таки была знатной?) К ней запрещалось допускать кого бы то ни было, кроме игуменьи, духовника и келейницы. Окна ее кельи были постоянно задернуты плотными шторами, на стене висел портрет императрицы Елизаветы. Монахиня Досифея постоянно ощущала какой-то необъяснимый страх и при малейшем шорохе «тряслась всем телом». Сблизившейся с Досифеей госпоже Головиной монашка рассказала, что ее в 1785 году в Италию хитростью заманили якобы для осмотра русского корабля, пленили и силой привезли в Россию. (Вспомним, что ровно 10 лет назад, в 1775 году, А. Орлов проделал ту же операцию с «Елизаветой II».) Со дня смерти этой самозванки прошло много времени, однако Екатерина II все еще опасалась, что престол у нее могут отобрать, хотя Августа Тимофеевна никаких претензий на него не предъявляла. После смерти Екатерины II в 1796 году и воцарения Павла I режим содержания Досифеи несколько смягчился. К ней приезжали высшие московские чиновники и митрополит Платон. Последние годы жизни Досифея провела в полном уединении и скончалась в 1810 году. На ее похоронах, состоявшихся при большом стечении народа, присутствовал московский главнокомандующий граф Гудович, шедший во главе погребальной процессии, а также родственники Разумовских и богатые вельможи. Досифея была похоронена в Новоспасском монастыре. Интересно, что там же находилась родовая усыпальница Дома Романовых. В 1996 году в монастыре проводились реставрационные работы, и могилу загадочной монашки вскрыли. При антропологическом обследовании скелета оказалась, что она была небольшого роста и горбатой вследствие перенесенной в детстве травмы.

Некоторые современники утверждали, что у Разумовского и Елизаветы было восемь детей, которые считались дочерьми его сестры Анны. Все они якобы носили фамилию Закревские. Был еще некий 18-летний офицер из Нарвы Опочинин. В 1769 году он объявил, что является сыном Елизаветы и «аглицкого короля» (?), и поэтому Екатерину II нужно арестовать и посадить в крепость. После ареста самозванца выяснились, что он действительно сын, но не английского короля, а русского генерал-майора. За дерзость его сначала приговорили к смертной казни, а потом просто

сослали на службу в Иртышский гарнизон.

Биограф Алексея Разумовского А. Васильчиков по поводу этих детей в 1880 году писал: «Строго взвесив эти противоречащие друг другу известия, мы дошли до окончательного убеждения, что у Елизаветы Петровны никогда никаких детей не бывало. Нет возможности допустить, чтобы Елизавета, имевшая несомненно доброе сердце, могла заточить кровь и плоть свою по разным монастырям обширного своего государства… Если бы у Елизаветы были дети, то они воспитывались бы во дворце… Басня, сочиненная, от нечего делать, придворными… получила права гражданства в Европе, напечатана была публицистами… как нечто несомненное, и из Германии и Франции снова залетела к нам в Россию, чтобы здесь облечься в форму преданий о всяких монахинях Досифеях…»

И еще. Как Елизавета могла взять в любовники и много лет обожать такого ленивого и скучного человека, как Разумовский? Ни одна умная, энергичная женщина, обладающая чувством собственного достоинства, с Разумовским долго бы не выдержала. Это в первую очередь характеризует ее, а не Алексея. Как мы уже писали выше, это было в натуре Елизаветы – подбирать себе в любовники бездельников, которые ничем, кроме высоко роста и красоты, не выделялись.

В конце концов в 1750 году она завела себе нового кавалера – актера Никиту Афанасьевича Бекетова. Она разлюбила Разумовского, но оставила ему все его звания, имения и даже Аничков дворец – муж, все-таки, хоть и тайный. Мы уже рассказывали, что Елизавета была влюбчивой женщиной и расставалась со своими бывшими любовниками так же легко, как и сходилась. Но сначала одно замечание – как-то Бернард Шоу заметил: «Когда два человека находятся под влиянием самой безумной, обманчивой и преходящей из всех страстей, от них требуют, чтобы они поклялись, что останутся в этом неестественном состоянии до конца дней своих». Тонко подмечено! На самом деле любовь до гроба существует – это так называемая любовь-дружба. Есть еще любовь-страсть, которая, по данным современных исследователей, длится от трех до десяти месяцев, а потом уходит без следа, или любовь-безумие, продолжающаяся не больше месяца.

Несомненно, что у Елизаветы с Алексеем после любви-страсти наступила любовь-дружба, при которой и нового кавалера можно завести. Дружба – она и есть дружба.

Прежде чем перейти к рассказу о Бекетове, кратко опишем дальнейшую судьбу Алексея Разумовского. Он до конца жизни оставался самым близким и верным другом Елизаветы, даже

когда у нее появились новые фавориты. Покинув покои императрицы, он стал жить в Аничковом дворце. Его часто посещал наследник престола Петр Федорович (будущий император Петр III), любивший по вечерам после ужина выкурить трубку перед камином или поиграть в карты. Как мы уже писали, Разумовского очень уважала Екатерина II и даже предложила ему титул «Императорского Высочества», но он от него отмахнулся. После смерти Елизаветы Разумовский перебрался на жительство в Москву, где и умер в 1771 году бездетным. Все его колоссальное состояние перешло к его брату, украинскому гетману и президенту Академии наук Кириллу Разумовскому.

Итак, императрица влюбилась в Бекетова. Как же это произошло? Никита Бекетов, по правде говоря, был не настоящим актером, а актером любительского театра. В России любительские спектакли начали ставить еще в XVII в. Никита Бекетов, сын подполковника, родился в 1729 году, то есть был на 20 лет моложе Елизаветы, которой исполнился уже 41 год. Однако Елизавету это не смущало, тем более что Никита был красив, как Аполлон! Воспитывался Бекетов в Сухопутном кадетском корпусе в Петербурге и участвовал в любительских спектаклях. Заметим, что игра в театре была тогда модным поветрием наподобие синематографического поветрия начала XX века: тогда тоже все хотели стать артистами немого кино.

Это был первый русский любительский драматический театр, которым руководил бригадир по военной должности и стихотворец по призванию А. Сумароков. В нем разыгрывались пьесы не на церковные сюжеты, как раньше, а на светские, в которых была и любовь, и верность, и благородство, и коварство, а также рассуждения о вере и долге. Сумароков рассказал о своем начинании Разумовскому, зная, что императрица Елизавета была заядлой театралкой. Разумовский в тот же день сообщил о новом театре Елизавете, которая распорядилась перенести постановку пьесы в Эрмитажный театр. Первый спектакль этого театра состоялся в январе 1750 года. Речь в нем шла о судьбе одного из основателей Киева – Хорива. Играл в этом спектакле и Бекетов, причем главную роль. Успех спектакля превзошел все ожидания. Императрице понравилась постановка, и Сумароков был назначен руководителем труппы из 17 кадетов-актеров, среди которых был и Никита. Далее, в 1751 году, драматург поставил спектакль «Синав и Трувор» (Синеус и Трувор), тоже на тему древнерусской истории. В этой трагедии был хорошо проработан лирический любовный сюжет, что не оставило равнодушной Елизавету Петровну. Синуса – пылкого несчастного любовника и храброго героя – опять же играл Бекетов. Императрица положила глаз на

красивого юношу, и когда пришло время одевать артистов, она сама помогла Бекетову облачиться в костюм. Никита, воодушевленный вниманием государыни, играл горячо и страстно, но от волнения в какой-то момент стал засыпать прямо на сцене. Елизавета сидела с влажными от вожделения глазами и смотрела на спящего красавца.

Внимание императрицы к Никите Бекетову сразу же обрело реальные черты – через несколько дней он был произведен в сержанты, а еще через некоторое время его отчислили из кадетского корпуса и перевели в капитаны гвардии, назначив адъютантом Разумовского! Воистину в XVIII веке карьеры делались прямо фантастические! Особенно постельные – в мае 1751 года Никита уже стал полковником и поселился во дворце вместе с Елизаветой Петровной. Так у императрицы появился новый фаворит. А что же Разумовский, не ревновал ли он? История об этом умалчивает, но, судя по всему, не ревновал. Помните, мы задавались вопросом – любил ли Алексей Елизавету? Наш вывод был таков – не любил. Данный случай этому подтверждение. Раз не любил – значит, и не ревновал. Ему бы морду набить молодому нахалу, да на дуэль вызвать, как поступил бы настоящий мужчина! А Разумовский ничего этого делать не стал. Однако за него это сделали другие люди, а именно братья Шуваловы. Мы уже писали, что одно время любовником Елизаветы был Петр Шувалов, а клан Шуваловых не хотел терять влияние на императрицу. Канцлер Бестужев, старый интриган, стал подбивать неискушенного в таких делах Никиту выступить против Шуваловых. Это его и сгубило. Петр Шувалов, находившийся с Бестужевым на ножах, решил вызвать у Елизаветы неприязнь к Бекетову. С Бестужевым ему было тяжело тягаться – канцлер все-таки, чуть ли не премьер-министр. Ход Петра Шувалова был коварен и жесток. Имея кое-какие познания в химии, он лично приготовил крем для лица, который якобы выводил веснушки. Никита нравился императрице прежде всего свежестью лица, и он очень расстраивался, когда у него появлялись веснушки. Одна из подкупленных Шуваловым придворных дам подарила это зелье Никите, выдав за парижскую продукцию. Ничего не подозревавший Бекетов принял этот презент, намазался им, а наутро у него все лицо покрылось гнойными прыщами! После этого жена Петра Шувалова, Мавра Егоровна, шепнула Елизавете, что ее фаворит заболел какой-то дурной кожной болезнью. Так участь Бекетова была решена – его, не допустив к императрице, отправили служить в дальний гарнизон, правда, с сохранением полковничьего звания. Еще была версия, что Бекетов был отставлен из фаворитов за

безнравственное поведение – якобы он заставлял придворных певчих разучивать песни своего собственного сочинения.

О, коварство придворных! По ходу нашего рассказа мы уже не раз убеждались, что они и мать родную, не то что царскую невесту или фаворита государыни, не пожалеют, лишь бы подобраться поближе к трону! И Елизавета тоже хороша – не удосужилась провести расследование, приняла лживые слова придворных на веру. Прав был Кирилл Разумовский, гетман Украины, что лупил елизаветинских придворных по мордасам, считая их лукавыми и подлыми людьми!

Но какова дальнейшая судьба Никиты Бекетова? Прыщи у него, как только он перестал мазаться той дрянью, сразу же прошли, но было поздно – Елизавета уже отвернулась от него. Впоследствии командиром полка он участвовал в Семилетней войне, попал в плен и вернулся в Россию только в 1760 году. Императрица не забыла красавца-актера и присвоила ему чин генерал-поручика. Уже при Екатерине II Бекетов стал астраханским губернатором. В 1780 году он вышел в отставку и поселился в своем имении неподалеку от Царицына, где занимался литературой и музыкой. Умер Никита Бекетов в 1794 году, так и не женившись, очевидно, из-за тоски по своей первой любви – императрице Елизавете. Вот такая грустная история.

После оклеветанного Никиты Бекетова у государыни появился новый фаворит – Иван Шувалов. Представляется, что Елизавета без любовников жить не могла – да и вправду, с чего это сорокалетняя женщина должна вдруг оставаться одна? Стареющей Елизавете рядом нужен был молодой и красивый юноша, чтобы самой чувствовать себя молодой и продолжать свое нескончаемое веселье.

Иван родился в 1727 году (опять же был почти на 20 лет моложе Елизаветы) в Москве и был сыном капитана. Получил домашнее образование и был пристроен своими двоюродными братьями, Петром и Александром Шуваловыми, ко двору Елизаветы, при которой они выдвинулись на первые роли. Но алчным братьям хотелось большего – самим стать фаворитами императрицы. Петр Шувалов, правда, в любовниках Елизаветы побывал, но фаворитом, увы, не стал, а Александр для такой роли не годился. Тогда они решили действовать через Ивана, который подходил для этого как нельзя лучше: был красив, статен, обходителен и услужлив. С 1749 года он стал камер-юнкером императрицы, а после краха Никиты Бекетова в 1751 году – и новым фаворитом.

Многим тогда казалось, что Иван Шувалов в фаворитах будет ходить недолго, но придворные ошибались – он оставался им до

самой смерти Елизаветы. Казалось бы, братья Шуваловы должны радоваться – их Ванюша стал неприкасаемой особой, и через него они могли теперь обделывать свои темные делишки, но не тут-то было! Иван Шувалов оказался так же ленив в этом отношении и лишен всяческого честолюбия, как и Разумовский! Остается сделать вывод, что именно таких, малохольных, больше всего Елизавета и любила. Он не оправдал надежды братьев и не проявил характерной для них наглости и жадности в обретении земель, богатств, титулов и должностей. «…В молодом и благородном родственнике своем, Иване Ивановиче, встречали скорее тормоз, чем подпору», – писал Васильчиков в 1880 году. Хотя возможности у него были огромные – под конец жизни Елизаветы Иван Шувалов был ее единственным докладчиком, готовил для нее тексты указов и объявлял монаршую волю министрам. Фаворит мог бы озолотиться, но он этого не сделал. Для своего времени Иван Шувалов был уникальным царедворцем: «ночной император России» не только отказывался от всех почестей, но и казенной копейки в карман не положил!

Екатерина II вспоминала, что она «вечно его находила в передней с книгой в руке… Этот юноша показался мне умным и с большим желанием учиться… он был очень недурен лицом, очень услужлив, очень вежлив, очень внимателен и казался от природы очень кроткого нрава». Екатерина тонко подметила основные черты характера нового фаворита Елизаветы, забыла только добавить о его честности и щепетильности.

Для начала Елизавета пожаловала Ивана несколькими высокими военными и придворными званиями, наградила его орденом Александра Невского. В 1757 году вице-канцлер Воронцов представил Елизавете проект указа о присвоении Шувалову титула графа, чина сенатора и выдаче ему 10 тысяч крепостных. Представьте себе – Иван от всего этого отказался! В трудах поздних историков его называют графом – и зря, так как этого титула он никогда не носил. «Могу сказать, что рожден без самолюбия безмерного, без желания к богатству, честям и знатности», – однажды сказал он. И это было абсолютной правдой.

Разумеется, Иван не бедствовал – жил в Зимнем дворце на полном пансионе, построил собственный дворец на Невском проспекте, и все-таки никто не мог назвать его вором! Находиться у вершины власти и остаться честным, бескорыстным, ни в чем не запятнанным человеком – это настоящий подвиг! Иван Шувалов – исключительное явление на политической сцене России. Рассказывали, что после смерти Елизаветы он передал Петру III миллион рублей – ее прощальный подарок наследнику. Другой на

его месте прикарманил бы эти деньги – попробуй потом узнай, что делала государыня в свой последний час. А Шувалов отдал!

А еще Шувалов… ревновал! Как-то Елизавета приметила в свите принца Карла Саксонского, приехавшего в Петербург с целью стать герцогом Курляндским вместо Бирона, красавца графа Францишека Ржевуского и «осталась небезразличной к его привлекательности». Только ревность Шувалова «послужила препятствием к зарождающейся склонности». Пока Ржевуский пребывал в России, у него постоянно происходили мелкие стычки с Шуваловым. Наконец поляк убрался к себе домой, и только тогда Иван успокоился.

Как мы уже отметили, Иван Шувалов был образован, знал языки и стал покровителем наук и искусств. Он способствовал открытию Московского университета в 1755 году, Академии художеств в 1757 году, покровительствовал Ломоносову, переписывался с Вольтером и Дидро, помогал многим поэтам и художникам. А еще Шувалов был меценатом – собрал и потом передал Академии художеств огромную коллекцию картин, книг и гравюр. Был он и директором Сухопутного кадетского корпуса.

По воспоминаниям современников, Шувалов был очень начитан, добродушен, мягок, миролюбив и спокоен, хотя и ленив. Он не обладал умом государственного деятеля, при этом старался поддерживать дружеские отношения со всеми, всех мирил, и поэтому у него было мало врагов. Прямо как у Разумовского! Определенно, у них были общие черты! «Речью и видом бодр, но слаб ногами, лицо у него было всегда спокойное, обращение со всеми упредительное; в разговорах имел речь светлую, быструю; русский язык его был с красивой обделкой в тонкостях и тонах, французский он употреблял, когда хотел что сильнее выразить», – так описывали Шувалова современники.

После кончины Елизаветы в 1761 году к власти пришел Петр III, которого Елизавета объявила своим преемником еще в 1742 году. Во главе государства опять стали немцы, поскольку Петр Федорович был выходцем из Голштинии. Они ненавидели Шувалова, и по их оговору он был вынужден уехать за границу и жил во Франции и Италии. В изгнании он тосковал о России. Своей сестре он писал: «Если Бог изволит, буду жив и, возвратясь в свое отечество, ни о чем ином помышлять не буду, как вести тихую и беспечную жизнь, удалюсь от большого света… не в нем совершенное благополучие почитать надобно, но собственно в малом числе людей, родством или дружбою со мною соединенных. Прошу Бога только о том, верьте, что ни чести, ни богатства веселить меня не могут».

Иван Иванович Шувалов вернулся в Россию только в 1777

году, уже в царствование Екатерины II. Та обласкала его, присвоила чин действительного тайного советника и наградила орденами Андрея Первозванного и Св. Владимира. Императрица благоволила к нему – часто играла с Шуваловым в карты; он сопровождал ее при поездке в Крым. Вернувшись в Россию, он никаких должностей не занимал, а поселился в своем доме, окруженный близкими друзьями и родственниками. Так он и жил в окружении картин и книг. Никогда не женился, и не имел детей (как и Разумовский с Бекетовым). В своем доме Шувалов устроил литературный салон. «Светлая угловая комната, – вспоминал современник, – там, налево, в больших креслах у столика, окруженный лицами, сидел маститый, белый старик, сухощавый, средне-большого росту в светло-сером кафтане и белом камзоле… Лицо его всегда было спокойно поднятое, обращение со всеми… веселовидное, добродушное». Скончался Иван Шувалов, последний фаворит императрицы Елизаветы, в 1794 году и был похоронен в Александро-Невской лавре с почетом и уважением.

Перейдем теперь к последним годам царствования Елизаветы. Мы уже упоминали о том, что Елизавета, так же как и ее отец, Петр I, была подвержена приступам эпилепсии. В 1757–1758 годах это стало известно всем. Согласно «Запискам» Екатерины II, в сентябре 1758 года на праздничной литургии в Царском Селе с Елизаветой случился припадок, после чего последовало резкое ухудшение ее здоровья. С ней часто случались продолжительные обмороки, но она бодрилась и всеми силами пыталась сохранить былую красоту, но все напрасно. Елизавета стала замкнутой, раздражительной и все реже появлялась на людях. Французский посланник Лафермиер отмечал, что «для нее ненавистно всякое упоминание о делах, и приближенным нередко случается выжидать по полугоду удобной минуты, чтобы склонить ее подписать указ или письмо». Императрица и раньше не имела особой склонности заниматься государственными делами, а болезнь усилила это отвращение.

Доктора прописывали ей разные лекарства, но она не желала их принимать. Государыню приходилось долго уговаривать и даже тайком класть пилюли в конфеты и мармелад. Елизавета ужасно боялась смерти – даже это слово при ней было запрещено произносить. Осенью 1761 года в Царском Селе бушевала гроза, шел сильный дождь, небо озарялось яркими вспышками молнии. Суеверная Елизавета сочла это дурным предзнаменованием, все-таки осенняя гроза – явление необычное. С того времени она уже не вставала с постели. В ноябре 1761 года состояние здоровья Елизаветы Петровны немного улучшилось, но уже в декабре появилось кровохаркание, и 17 декабря она поспешила объявить

амнистию некоторым категориям преступников. Ей становилось все хуже и хуже. По преданию, лежа на смертном одре, Елизавета просила Петра III не причинять вреда ее фаворитам – Алексею Разумовскому и Ивану Шувалову. Так любившая праздники Елизавета Петровна скончалась, не приходя в сознание, на Рождество 1761 года. Она была последней представительницей Романовых на троне по прямой женской линии; после нее престол перешел к Шлезвиг-Голштейн-Готторпской династии, каковыми были все последующие русские цари-немцы.

Историк В. Ключевский так писал о ней: «Смолоду Елизавета была мечтательна… Вступив на престол, она хотела осуществить свои девичьи мечты в волшебную действительность… Елизавета, умная и добрая, но беспорядочная и своенравная русская барыня XVIII века, которую по русскому обычаю многие бранили при жизни и тоже по русскому обычаю все оплакали по смерти». Ей было 52 года…

Не плакал лишь один человек – наследник Петр Федорович, а теперь уже император Петр III. Хотя он и прожил в России уже около 20 лет, но русским человеком так и не стал, хотя его мать была русской. Сказывалась приверженность к западной культуре, к тому же ощущался недостаток воспитания. Елизавета к концу жизни стала понимать, что Петру трон передавать нельзя. Хоть он и был уже вполне взрослым человеком, но вел себя, как скверный мальчишка. Например, он просверлил дырки в стене комнаты, где его тетка-императрица занималась любовью с Алексеем Разумовским. Он не только сам наблюдал за «этим», но еще и приглашал своих дружков заглянуть в глазок! И подобных примеров было множество. Можно себе представить гнев Елизаветы, когда она узнала об этой гнусной проделке Петра! Отныне она часто называла его то уродом, то дураком, а то и «проклятым племянником». Елизавета серьезно задумывалась о том, чтобы передать трон сыну Петра Павлу, а его самого выслать из страны вместе с супругой. Однако сделать этого она не успела. Петр III прекрасно знал об этих планах императрицы – вот почему он не плакал.

А что до стишка А. Толстого, что, мол, при Елизавете порядка на Руси не было, то он неправ – порядок был. Развивались ремесла и промышленность, велась активная внешняя торговля, начали свою деятельность Ломоносов, Крашенинников, Сумароков, Тредиаковский, Растрелли и другие выдающиеся люди. В ходе Семилетней войны в 1758 году русские войска взяли штурмом Кенигсберг, в 1760 году – Берлин.

Императрица Екатерина II. Русская Мессалина

В императрице Екатерине Великой постоянно жила какая-то не умирающая тяга к любви. Даже в зрелые годы она увлекалась молодыми гвардейскими офицерами. Все они, как на подбор, были богатырского телосложения, сильными, здоровыми и цветущими молодцами. В Европе ее называли русской Мессалиной за бесчисленное количество любовников, которое, по самым скромным подсчетам, превышало 80 человек.

«Век золотой Екатерины…», – кажется, так пел Игорь Тальков в своей песне «Россия». Действительно, это был золотой век русской истории. Сейчас, когда отмечается столетие со дня рождения Л. И. Брежнева, снова звучат те же слова – «золотой век социализма». Времена меняются, меняются и оценки – если на заре «демократических» преобразований была тоска по давним, еще царским временам, то сегодня с ностальгией вспоминается недавнее советское прошлое. Пристально вглядываясь в глубь веков, понимаешь, что обе эпохи были хороши. По большому счету, это тоска по великой, стабильной и сильной России.

Только правление Брежнева было «золотым веком» для простого человека, а царствование Екатерины II – для дворянства, отличительной особенностью которого являлся фаворитизм.

Вообще-то фаворитизм как явление был присущ многим королевским дворам Европы, но в России он достиг пика своего развития. Екатерина II правила при помощи своих фаворитов-любовников, и правила успешно – почти каждый ее фаворит был выдающимся государственным деятелем. Писать о Екатерине II одновременно и сложно, и легко. С одной стороны, существует множество литературы на эту тему, а с другой стороны – попробуй-ка из нее вычленить интересующие нас подробности интимной жизни императрицы! Вот этим-то мы и займемся: не вдаваясь в историю ее царствования, остановимся только на этих пикантных подробностях. Всего у Екатерины Великой было 12 официальных любовников, с которыми она жила более или менее продолжительное время. О них в основном и пойдет наше дальнейшее повествование.

Но сначала вкратце расскажем о том, как эта немка оказалась на русском троне. В предыдущей главе мы уже говорили, как императрица Елизавета в 1742 году вызвала из Германии своего племянника сироту Карла-Петера-Ульриха Голштинского и назначила его своим преемником. Бездетная Елизавета выбрала именно его потому, что он был внуком Петра I и сыном ее сестры Анны. Его крестили по православному обряду и назвали Петром Федоровичем. В 1743 году она решила его женить на Софии-Фредерике-Августе Ангальт-Цербстской. В те времена самым крупным территориальным образованием раздробленной Германии было королевство Пруссия. Так вот, отец Софии, князь Ангальт-Цербстский, был настолько беден, что был вынужден служить в прусской армии генералом за жалованье. Выбор Софии в качестве невесты императрица Елизавета объяснила своему племяннику так: «…Хотя она из знатного, но столь малого рода, дабы ни связи, ни свита принцессы не возбуждали особенного внимания или зависти здешнего народа». Под «народом», конечно, подразумевались придворные круги. И действительно, никакого особого внимания или зависти к столь худородной германской принцессе поначалу не было. Елизавета питала привязанность к Голштинии еще и потому, что родной брат матери Софии, Карл-Август, был помолвлен с ней, но умер в 1727 году. Всю жизнь она хранила теплые воспоминания о нем, и печаль по умершему жениху повлияла даже на выбор невесты для племянника.

В 1744 году Софию вместе с матерью привезли в Россию (багаж их состоял всего из нескольких вещей). Кстати, на границе

ее встречал начальник почетного эскорта барон Мюнхгаузен (да-да, тот самый): он состоял тогда на русской службе. В этом же году Софию окрестили под именем Екатерины Алексеевны, а в следующем 1745 году выдали замуж за Петра Федоровича. Они были почти ровесниками – невесте шел 15-й год, а жених был несколько старше: ему уже стукнуло целых 16 лет! Генеалогические отношения в Германии были настолько запутанными, что оказалось: невеста жениху приходится троюродной сестрой! Молодых, естественно, о согласии вступить в брак никто не спрашивал.

Кстати – о происхождении Екатерины. Официально она была дочерью князя Христиана Августа Ангальт-Цербстского и принцессы Иоганны-Елизаветы Голштейн-Готторпской. Местом ее рождения был северогерманский город Штеттин, дата – 21 апреля 1729 года. Но вот незадача – в церковно-приходских книгах этого города нет записи о ее рождении! С другой стороны, сам князь Христиан писал, что в городе Штеттине у него родилась дочь, имени которой он не называет. Запись датирована 2 мая 1729 года. Нестыковка? И еще какая! Несомненно, речь идет о будущей царице Екатерине. Но почему нет записи об этом событии в церковных книгах и почему разница в датах? Загадка… Историки того времени попытались разобраться в этом и обнаружили некую запись, казавшуюся им подлинной, о том, что Екатерина на самом деле родилась в городе Дорнбург и там же была крещена. Город Дорнбург был местом жительства семьи Екатерины II. Однако ничем не доказано, что мать в апреле 1729 года пребывала в этом городе. Наоборот, с неопровержимой точностью было установлено, что ее мать, Иоганна-Елизавета, летом 1728 года была в Париже. В это же время в столице Франции находился на дипломатической службе Иван Бецкой.

По некоторым косвенным фактам можно предположить, что отцом Екатерины на самом деле был этот Бецкой, внебрачный сын князя Ивана Трубецкого. Во времена Елизаветы он, российский дипломат, пребывал в Париже, где и сблизился с Иоганной-Елизаветой. Та, будучи женщиной легкомысленной, с удовольствием наставляла рога своему мужу. Во время правления Екатерины II Иван Бецкой занимал высокое положение, возглавлял Академию художеств, много сделал для воспитания детей и юношества. Существует легенда, будто, навещая Бецкого, Екатерина целовала ему руку. Ивану Ивановичу было позволено сидеть в присутствии государыни (немыслимая честь!), тогда как другие стояли. Якобы во время одного из кровопусканий Екатерина промолвила: «Пусть из меня вытечет вся немецкая кровь и останется одна русская». Подобных косвенных

свидетельств было немало. Но однозначно заявлять, что отцом Екатерины II был Иван Бецкой, за неимением прямых свидетельств, конечно, невозможно. Во всяком случае, Бецкой никогда не был женат.

Есть и другая версия происхождения Екатерины. Якобы ее отцом на самом деле был прусский король Фридрих Великий. Как раз около 1729 года он, будучи 16-летним подростком-принцем, жил возле города Дорнбурга, где мог встречаться с Иоганной-Елизаветой. Якобы он-то и поспособствовал тому, чтобы его внебрачная дочь стала женой наследника русского престола. Так это или нет, мы не знаем, но слухи об этом ходили упорные. Загадка рождения – первая тайна в жизни Екатерины II, которых будет еще немало.

Итак, Екатерина стала женой наследника русского престола. Роскошь и блеск русского императорского двора ослепили ее – такого в родной Германии она не видела! Ведь родители ютились в обветшалом замке, а на обед подавали вчерашний суп из брюквы. Кофе – только по праздникам, а мяса вообще не видать: в общем, нищета, хоть и князья. А тут такой подарок судьбы – стала женой наследника российского престола, а дальше что? И она решила понравиться императрице Елизавете, мужу Петру и всему русскому народу. Ведь именно так себя ведут бедные девушки, попав в богатую семью: стараются завести со всеми хорошие отношения. Вот что она говорила об этом в своих «Записках»: «Поистине я ничем не пренебрегала, чтобы этого достичь: угодливость, покорность, уважение, желание нравиться, желание поступать как следует, искренняя привязанность – все это с моей стороны постоянно к тому было употребляемо с 1744 по 1761 год. Признаюсь, что, когда я теряла надежду на успех в первом пункте, я удваивала усилия, чтобы выполнить два последних; мне казалось, что не раз успевала я во втором, а третий удался мне во всем объеме, без всякого ограничения каким-либо временем, и, следовательно, я думаю, что довольно хорошо исполнила свою задачу».

Прежде всего 15-летняя Екатерина принялась учиться – старательно изучала русский язык, штудировала Тацита, Вольтера, Дидро и Руссо, перечитала все книги на русском языке, которые смогла достать, и… стала образованнейшей женщиной своего времени. Она наблюдала придворную жизнь и нравы русского дворянства, часто общалась с его представителями, причем демонстрируя при этом приемы недюжинного психолога: «Приписывают это глубокому уму и долгому изучению моего положения. Совсем нет! Я этим обязана русским старушкам… И в торжественных собраниях, и на простых сходбищах и вечеринках

я подходила к старушкам, садилась подле них, спрашивала о их здоровье, советовала, какие употреблять им средства в случае болезни, терпеливо слушала бесконечные их рассказы о их юных летах, о нынешней скуке, о ветрености молодых людей; сама спрашивала их совета в разных делах и потом искренне их благодарила. Я знала, как зовут их мосек, болонок, попугаев, дур; знала, когда которая из этих барынь именинница. В этот день являлся к ней мой камердинер, поздравлял ее от моего имени и подносил цветы и плоды из ораниенбаумских оранжерей. Не прошло и двух лет, как самая жаркая похвала моему уму и сердцу послышалась со всех сторон и разнеслась по всей России. Самым простым и невинным образом составила я себе такую громкую славу, и, когда зашла речь о занятии русского престола, очутилось на моей стороне значительное большинство». Не так просто было завоевать доверие русских барынь, слушая их нудные рассказы о стародавних временах и своих болячках, а уж тем более запоминать клички их собак и попугаев! Однако ее усилия не пропали даром – Екатерина научилась понимать «загадочную русскую душу» и завоевала популярность в дворянской среде.

Забегая вперед, отметим, что чужаки в русской среде всегда стараются казаться более русскими, чем сами русские. Особенно правители – это доказывает пример немки Екатерины II и грузина Сталина: более русских по духу людей трудно представить, которые бы так заботились о России, о приумножении ее богатств, народонаселения, расширении ее пределов и еще о многом другом, составляющем славу и гордость империи. В нашей истории мало найдется таких патриоток, как Екатерина. Она не жалела сил для своей новой родины и называла Петра I своим «дедом». Почему? Вспомним, что когда Елизавета пригласила своего племянника Петра в Россию и назначила его своим наследником, то обязала всех подданных присовокуплять к его имени титул: «внук Петра I» (он был сыном Анны, дочери Петра I, сестры Елизаветы). По аналогии и Екатерина тоже была «внучкой» Петра Великого. Хитро придумано, ничего не скажешь!

Перейдя в православие, Екатерина старалась строго соблюдать церковную обрядность, блюла все посты и отмечала храмовые праздники. Скоро она совсем превратилась в русскую женщину. Отметим, что так поступали не все заморские принцессы, жены великих князей. Некоторые даже не удосуживались выучить русский язык и до самой смерти разговаривали на немецком, французском или английском. Некоторые не принимали православия, так и оставаясь протестантками или католичками. Все это происходило от чванства и зазнайства по отношению к этой «варварской» стране –

России. Однако Екатерина была не такая – да и на кону было большее: «Он (Петр Федорович) был для меня почти безразличен, но небезразлична была для меня русская корона», – так потом писала сама императрица. В 1756 году она писала английскому посланнику Ч. Уильямсу: «Я буду царствовать или погибну!» Провинциалка замахнулась на русский трон и с азартом принялась воплощать эту идею в жизнь.

Дело Екатерины чуть не испортила ее мамаша – Иоганна-Елизавета. Очутившись при русском дворе, она начала шпионить в пользу прусского короля Фридриха II. Узнав об этом, Елизавета выслала Иоганну из России, а заодно и всех немцев, приехавших с ней. И чуть было не отправила домой ее дочь. Екатерине было запрещено переписываться с матерью, о чем она не очень-то и жалела, так как мать являлась препятствием для достижения заветной мечты. Опасаясь, что Екатерина будет заниматься тем же, Елизавета приставила к ней своих шпионов, но было поздно – она уже успела завоевать популярность в среде гвардейцев и части дворянства и окружить себя преданными людьми.

Кстати, вернувшись в Германию, Иоганна-Елизавета вскоре уехала в Париж, сошлась там с одним французом и жила в свое удовольствие, наделав много долгов и ведя жизнь, «не делающую чести ее дочери». Она умерла в 1760 году, и Екатерине пришлось приложить немало усилий, чтобы уговорить императрицу Елизавету заплатить долги матери – полмиллиона рублей! Кстати, если императрица называла своего племянника Петра Федоровича дураком, то Екатерина ей сразу понравилась. Она была живой и жизнерадостной, любознательной, настойчивой и не любила скуки. Государыня к ней благоволила и ждала, когда у молодой четы появится ребенок. Желала этого и Екатерина, и еще как желала, но родить никак не могла. Целых девять лет Екатерина оставалась бездетной! Почему? Посмотрим, кто был ее муж.

Оставшись сиротой, Петр был отдан на воспитание своим дальним родственникам. Современник писал: «Будущий российский император в детстве был несчастен. Матери он не помнил, а отец его скончался, когда Петру исполнилось одиннадцать лет. Чтобы пристроить сироту хоть куда-нибудь, его отправили к родственнику, занимавшему епископскую кафедру в Любеке. Епископ дал в наставники мальчику двух учителей – фон Брюммера и Берггольца. Оба они были невежды, пьяницы и грубияны. Они часто били мальчика, держали его на хлебе и воде, а то и просто морили голодом, ставя на колени в угол столовой, откуда он наблюдал, как проходит обед». О том, как били будущего императора, есть рассказ другого современника: «Я вас

так велю сечь – заходился в крике Брюмер, – что собаки кровь лизать станут».

Цитируем дальше: «Если же Петр крал из кухни кусок хлеба, то к экзекуции добавлялось и нечто новое: поставив принца на колени, в руки ему давали пучок розог, а на шею вешали рисунок, на коем был изображен осел. Петр рос худым, болезненным, запуганным и начисто лишенным чувства собственного достоинства. Ко всему прочему он стал лжив и патологически хвастлив. Учителя, любившие попойки, приучили своего воспитанника к спиртному, и он стал предпочитать всему прочему общество кучеров, лакеев, слуг и служанок… Он не хотел учиться и все время посвящал забавам и потехам. Любимым его занятием были игры с оловянными солдатиками…» Он просто обожал все военное. Хотя Петра и много учили, он получил полное отвращение к наукам. Из искусств более всего он предпочитал скрипку и выучился неплохо играть на ней. В России его стали снова учить. Но частые болезни, а затем женитьба помешали ему получить систематическое образование.

Итак, Петр вырос закомплексованным человеком с искалеченной психикой. Не доиграв в детстве в солдатики, он всю жизнь оставался ребенком и мечтал о том, как станет всемирно известным императором. Историк В. О. Ключевский нарисовал такой его портрет: «Его образ мыслей и действий производил впечатление чего-то удивительного недодуманного и недоделанного. На серьезные вещи он смотрел детским взглядом, а к детским затеям относился с серьезностью зрелого мужа. Он походил на ребенка, вообразившего себя взрослым; на самом деле это был взрослый человек, навсегда оставшийся ребенком». Н. Костомаров писал: «…Великий князь, наследник русского престола, капризный до наивности человек ума чрезвычайно мелкого…» По словам другого историка, С. Соловьева, «Петр Федорович обнаруживал все признаки остановившегося духовного развития, он являлся взрослым ребенком».

Итак, жизнерадостная Екатерина и инфантильный Петр… Они не смогли не только полюбить друг друга, но даже понять. Общение Петра и Екатерины показало полное несходство их интересов. Да и внешне они разительно отличались – долговязый, узкоплечий и хилый жених проигрывал на фоне необыкновенно привлекательной невесты. Когда Петр Федорович перенес оспу и его лицо обезобразили свежие шрамы, Екатерина ужаснулась. И правда, на портретах Петр III не выглядит красавцем-мужчиной. Но главное заключалось в другом – полной замкнутости Петра противостояла деятельная, целеустремленная и честолюбивая натура знающей себе цену женщины. Если верить дневникам

самой Екатерины II: «Мой возлюбленный муж мною вовсе не занимается, а проводит свое время с лакеями, то занимаясь с ними шагистикой и фрунтом в своей комнате, то играя с солдатиками или же меняя в день по двадцать разных мундиров. Я зеваю и не знаю, куда деться от скуки».

Мы не зря выразились именно так: «если верить». Дело в том, что мемуары Екатерины существуют в нескольких редакциях – до 1762 года, когда был убит Петр III, и после. Поздние редакции подчищены и исправлены самой Екатериной, чтобы показать, каким ничтожеством был ее муж; такого кретина не грех было свергнуть с престола и убить. А в ранних «Записках» она отзывается о Петре так: «Тогда я впервые увидела великого князя, который был действительно красив, любезен и хорошо воспитан. Про одиннадцатилетнего мальчика рассказывали прямо таки чудеса». (Речь идет о первой их встрече в Гамбурге.) Спустя десятилетия Екатерина выбрасывает это предложение и пишет другое: «Тут я услыхала, как собравшиеся родственники толковали между собою, что молодой герцог наклонен к пьянству, что приближенные не дают ему напиваться за столом». Чувствуете разницу? То был хорошо воспитан, а то вдруг стал пьяницей! Дело в том, что сохранились оба варианта этих мемуаров – Екатерина II, не думая о своей скорой смерти, просто не успела уничтожить их ранний вариант. Позже мы еще вернемся к этому варианту записок. Еще в 1797 году Карамзин решительно заявил по этому поводу: «Обманутая Европа все это время судила об этом государе со слов его смертельных врагов или их подлых сторонников…» За «подлыми врагами» последовали знаменитые историки, которых мы цитировали выше, пользовавшиеся все теми же мемуарами Екатерины II. Ныне проявляется другая тенденция: обелять Петра III и создавать ему ореол мученика… Мы не знаем, каким на самом деле был Петр Федорович, и будем судить о нем по дошедшим до нас воспоминаниям современников, в том числе и Екатерины II. В конце концов, нас интересует не политика Петра III, а его интимные отношения с супругой. Скажем только одно – он был глубоко несчастным человеком…

Итак, 21 августа 1745 года состоялась свадьба Петра Федоровича и Екатерины. Как мы уже писали, молодых об их согласии никто не спрашивал. Если Екатерина мечтала войти в царскую семью, то у Петра было другое мнение. Дело в том, что он был давно и безнадежно влюблен в княжну Лопухину. Да-да, в дочь той самой Лопухиной, о которой мы уже писали. Как мы помним, Наталье Федоровне Лопухиной за болтовню отрезали язык и сослали в Сибирь. Молва напрямую связывала казнь

Лопухиной с желанием Петра жениться на ее дочери. Однако расправа с Лопухиной состоялась в 1743 году, а Петр женился в 1745 году. А правда состоит в том, что при первом же свидании с невестой, Екатериной, Петр признался ей, что любит Лопухину и хотел бы жениться только на ней. Императрица Елизавета, разумеется, и слышать ничего не хотела, и Петр вынужден был покориться воле тетки.

Однако и у Екатерины были свои амурные тайны. Мы уже писали, что она училась русским обычаям, в том числе и наблюдая жизнь императорского двора. Нравы при дворе Елизаветы были известные, а флиртовать она научилась рано, беря пример со своей распутной мамочки. Один из германских историков сообщал о первых опытах Екатерины на любовном поприще еще до приезда ее в Россию. Еще в Штеттине у нее якобы был любовник, некий граф Б., который имел на счет Фике (как Софию называли в юности) серьезные намерения, но своего слова не сдержал и привел к алтарю ее подругу. Скорее всего, это фантазии автора. Дворы маленьких германских княжеств не были, разумеется, храмами добродетели, но их принцессы не предавались разврату в 14 лет. Истина была в другом.

Еще до замужества, в свои 15 лет она влюбилась в придворного ловеласа Андрея Чернышева. Неизвестно, была ли между ними близость, правда лишь то, что Чернышев с Екатериной вел себя дерзко и вызывающе. Наверное, была, раз он позволял себе такие выходки в отношении невесты наследника, – раз Екатерина ему отдалась, то он уже считал ее своей. Петр Федорович заметил амуры Чернышева с Екатериной и страшно оскорбился – даже стал называть Екатерину «невестой» Чернышева. Друзья Екатерины, которых она уже успела заиметь, посоветовали ей бросить Чернышева во избежание разрыва с наследником. К счастью, до этого дело не дошло – Елизавета, узнав о романе Чернышева с Екатериной, отправила любвеобильного придворного в Данию. Вернулся он оттуда только после свадьбы Екатерины с Петром. Так что не только взаимная неприязнь была препятствием к нормальной супружеской жизни молодых, но и разные любовные устремления.

Итак, свадьба состоялась. После бала императрица отвела молодых в предназначенные для них покои, где сама нарядила Екатерину в нарядную ночную рубашку и халат. Жених в это время со своими друзьями тоже удалился для переодевания. Когда все было готово, новобрачные стали перед Елизаветой на колени, она поцеловала их и благословила. Потом придворные проводили их в постель и удалились. Поутру по всему дворцу

разнесся слух, что Екатерина встала с брачного ложа девственницей, как и легла. (Девственницей она, судя по всему, уже не была, но не в этом дело.)

Что произошло? Предоставим слово самой новобрачной: «плотно поужинавший в тот вечер супруг, улегшись подле меня, задремал и благополучно проспал до самого утра». По уверениям Екатерины, так продолжалось из дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Как-то она поделилась своими печалями с канцлером А. Бестужевым-Рюминым. Якобы по ночам они с Петром занимались экзерциями с ружьем и попеременно стояли на часах у дверей. Она жаловалась канцлеру, что это занятие ей «весьма наскучило» и от ружья у нее болят руки и плечи. Она просила Бестужева «сделать ей благодеяние, уговорить великого князя, супруга ее, чтобы он оставил ее в покое, не заставлял по ночам обучаться ружейной экзерциции, что она не смеет доложить об этом императрице, страшась тем прогневить ее величество…». Представляете такую картину – Екатерина по требованию мужа изучает приемы обращения с оружием, как какой-то новобранец! Так и слышатся его команды: «На плечо!», «Оружие, за спину!», «Оружие, положить!», «Оружие, на грудь!». А потом стоять попеременно на часах! Во все это верится с трудом – вместо того чтобы интересоваться прелестями молодой жены, муж занимается с ней ружейными приемами! А хоть бы и так: знаете, есть ролевые сексуальные игры. Например, врач – пациентка, русская разведчица – гестаповец, учитель – школьница. «Врач» принимает «пациентку», осматривает ее, медленно раздевая и нежно прикасаясь к ее телу, чем доводит до нужной кондиции, а затем овладевает ею. И так далее. Раз уж все было так, как описывает Екатерина, то можно предположить, что Петр играл с ней в сексуальную игру «новобранец – командир». При команде «Оружие, положить!» (здесь нужно наклоняться) Петр мог задрать ей подол… и так далее. Но это так, наши фантазии. А правда состоит в том, что это вранье, нагроможденное позже, чтобы очернить убитого Петра.

С логикой у Екатерины было неважно – то она упрекает Петра, что он не может выполнять свой супружеский долг, то уверяет, что он волочится за фрейлинами. Опять дадим слово ей: «Если бы великий князь желал быть любимым, то относительно меня это вовсе не трудно, я от природы была склонна и привычна к исполнению своих обязанностей». Интересно знать – где это она в свои 15–16 лет обрела эту привычку? Вопрос, что называется, риторический – со своими любовниками, конечно. Сразу после свадьбы Петр Федорович стал ухаживать за фрейлиной Карр, потом – за девицей Шафировой и другими придворными дамами,

которые проявляли к нему хоть малейший интерес. Среди них была некая Теплова, Седрапарре, а также певичка-немка. Значит, Петр сексом все же интересовался, но Екатерина просто отказывала ему! В 1746 году она писала: «Я очень хорошо видела, что великий князь совсем меня не любит. Через две недели после свадьбы он мне сказал, что влюблен в девицу Карр, фрейлину императрицы… Он сказал графу де Виейере (Девиеру), своему камергеру, что не было сравнения между этой девицей и мной». Выходит, Петру было что сравнивать, и, значит, он все же был близок с Екатериной? Или нет?

Дадим слово и другой стороне. Вот что писал сам Петр Федорович в декабре 1746 года, всего через полтора года после свадьбы: «К Великой Княгине. Милостивая Государыня. Прошу вас не беспокоиться нынешнюю ночь спать со мной, потому что поздно уже меня обманывать, постель стала слишком узка после двухнедельной разлуки. Ваш несчастный муж, которого вы никогда не удостаиваете этого имени, Петр». Это значит, что Екатерина действительно отказывала Петру, но с удовольствием занималась сексом со своими любовниками. Он был ей противен, и она зря лгала, что «готова к исполнению своих обязанностей» с Петром. Она была «готова» с другими, но только не с ним.

Вся эта неправда нужна была ей потому, что императрица Елизавета требовала от нее рождения внука, а та никак не могла забеременеть. Государыня упрекала в этом Екатерину, но дело было не только в ней. В конце концов Елизавета по подсказке доверенных лиц устроила врачебный осмотр супружеской четы. О его результатах мы знаем из сообщений иностранных дипломатов: «Великий князь был не способен иметь детей от препятствия, устраняемого у восточных народов обрезанием, но которое он считал неизлечимым. Великая княгиня, не любившая его и не проникнутая еще сознанием необходимости иметь наследников, не была этим опечалена». Это известие повергло Елизавету в шок: «Пораженная сею вестью, как громовым ударом, Елизавета казалась онемевшею, долго не могла вымолвить и слова, наконец, зарыдала». То есть Петр Федорович страдал фимозом – сращением крайней плоти, не позволявшим ему совершать нормальные сексуальные контакты.

Эти «известия» иностранных дипломатов по меньшей мере странны. Неужели врачи Елизаветы никогда не устраивали осмотра наследнику русского престола? В добрые старые времена это было бы немыслимым упущением; лекарям полагалась казнь «за не сбережение государского здоровья». Однако при всеобщем разгильдяйстве, царившем во время правления Елизаветы, это вполне могло иметь место. Потребовалось женить Петра,

напрасно ждать от него внука и только потом узнать, что ему необходимо обрезание! А где же был хваленый личный врач Елизаветы Жано Лесток? Лесток занимался политикой, ему не до врачевания было. Уму непостижимо! Теперь другое – раз Петр сам считал свою болезнь неизлечимой, то он знал о ней! И не обратился к докторам! Мальчик, конечно, мог и ошибаться, и стесняться, но куда смотрела его супруга Екатерина? Об этом красноречиво свидетельствует донесение еще одного иностранца: «Он так стыдился несчастья, поразившего его, что у него даже не хватало решимости признаться в нем, и великая княгиня, принимавшая его ласки с отвращением и бывшая в то время такой же неопытной, как и он, не подумала утешать его, ни побудить искать средства, чтобы вернуть его в ее объятия».

Это Екатерина-то была «неопытной»? Она что, не видела у Петра этого «препятствия»? Вероятнее всего то, что Екатерина сама не хотела от Петра ребенка, и болезнь наследника здесь не при чем. Так что она зря сваливала всю вину на Петра. Но как же она хотела стать русской царицей, не обзаведясь наследником? Парадокс! Или у нее были иные планы?

Как бы то ни было, но Елизавета дала согласие на операцию, однако это к успеху не привело – детей у супругов так и не было. Еще один иностранный дипломат сообщал о следующей выходке Петра: «Уязвленный словами императрицы, он решил удовлетворить любознательность насчет подробностей, которые она желала знать… он послал императрице в запечатанной собственноручно шкатулке то доказательство… которое она желала иметь…» То есть, говоря простым языком, он отослал Елизавете то, что осталось от операции, – свою крайнюю плоть. Даже после обрезания Петр Федорович, по-видимому, оставался импотентом. Во всяком случае, детей от Воронцовой или других пассий у него не было.

Молодые окончательно отдалились друг от друга. Екатерина нашла утешение в чтении самых разнообразных серьезных книг, в верховой езде (бывало, что она проводила на лошади по 13 часов в сутки) и многочисленных амурах. Так, она завела кратковременный роман со шведским посланником графом Поленбергом, но тут из-за границы явился Андрей Чернышев. Его наглое поведение изумляло весь двор. Екатерина сначала не хотела его принимать, но он однажды силой ворвался к ней в спальню, переодевшись лакеем… И она не устояла. Связь Екатерины с Андреем Чернышевым и двумя его братьями, особенно с Захаром Чернышевым, стала известна Елизавете. Чернышевых арестовали и посадили в тюрьму, но Екатерина писала Андрею нежные письма и заботилась о своем

возлюбленном. Письма передавал камер-юнкер Тимофей Евреинов. Как-то Елизавета перехватила эти письма, Евреинова сослали в Казань, где он стал полицмейстером, а потом дослужился до полковника. (Кстати, братья Чернышевы – Андрей, Иван и Захар – были сыновьями той самой Евдокии Ржевской, любовницы Петра I, которая наградила его сифилисом и которой он так восхищался. Возможно, они были сыновьями Петра Великого.) Самого же Андрея Чернышева сослали в Сибирь. Уже взойдя на престол, Екатерина II не забыла своего давнего увлечения и дала следующее повеление управляющему собственной канцелярией графу Олсуфьеву: «Я тебе поручаю выбрать место, или, одним словом сказать, хлеба дать Андрею Чернышову, генерал-адъютанту бывшего императора, да отставному полковнику Тимофею Евреинову…»

Петр Федорович тоже не скучал. Как раз в это время ему разрешили выписать полк голштинских солдат, и он целыми днями занимался с ними воинскими упражнениями и маневрами, публично вешал крыс, мучил собак (по словам все той же Екатерины), пьянствовал и играл в оловянных солдатиков. А еще он влюбился! Избранницей Петра Федоровича стала Елизавета Воронцова, племянница канцлера. Жена наследника называла ее фаворит-султаншей. Современники сходились в едином мнении, что все любовницы Петра отличались тем, что были некрасивы, невоспитанны и глупы. Но что-то Петр Федорович в них все же находил. Особенно уродливой была Воронцова – маленькая, толстая, с лицом, обезображенным оспой, недалекая и злая. Французский посланник Бретейль сравнивал ее с «трактирной служанкой самой низкой пробы». Писатель А. Болотов, впервые увидев Воронцову, еще не зная, что за дама продефилировала перед ним, спросил: «Кто б такова была толстая и такая дурная, с обрюзглою рожей боярыня?» Услышав в ответ, что это фаворитка Петра Федоровича, Болотов впал в прострацию: «Ах, Боже мой! Да как это может статься? Уж этакую толстую, нескладную, широкорожую, дурную и обрюзглую совсем любить, и любить еще так сильно государю…» Потом добавил: «В самом деле была она такова, что всякому даже смотреть на нее было отвратительно и гнусно». Заметим, что Болотов был недоброжелателем Петра Федоровича и всячески пытался очернить как самого наследника, так и его фаворитку. Сама же Екатерина в своих «Записках» называла Воронцову «очень некрасивым, крайне нечистоплотным ребенком с оливковым цветом кожи», «толстой и нескладной», «с обрюзглым лицом», «широкорожей». В свою очередь, Елизавета Воронцова называла Екатерину «дурной женщиной». Ясно, что Екатерина была не в восторге от любовницы мужа и могла

обзывать ее как угодно. С портретов же на нас смотрит вполне приятная дама, правда, с двойным подбородком и чуть одутловатым лицом. Как тут не вспомнить фаворитку последней императрицы Александры Федоровны, жены Николая II, Анастасию Вырубову! Та тоже была низенькой, толстой, широколицей – губки бантиком, а нос гузкой. Видимо, в этих женщинах таилось нечто такое, что заставляло монархов любить их, несмотря на внешнее уродство. Преданность и честность, неподкупность и твердость характера – вот эти качества. Наверное, за это их и любили. А Петру Федоровичу, наверное, импонировало еще и то, что Воронцова, как и он сам, переболела оспой – как известно, общие страдания сближают людей.

Воронцова имела на Петра огромное влияние. Под горячую руку она могла побить наследника, особенно когда он спьяну начинал приставать к какой-нибудь фрейлине или даме. Это случалось почти каждый раз перед тем, как он напивался до бесчувствия (а что ему еще оставалось делать!) и лакеи выносили его из-за стола, взяв под мышки и за ноги. Иногда, будучи в подпитии, Петр кричал, что заточит Екатерину в монастырь и женится на Воронцовой.

Считается, что с 1746 года, после первых попыток Петра Федоровича переспать с женой, они до начала 50-х годов жили порознь. Екатерина по-прежнему много читала, причем перешла на амурные романы, которые были тогда в моде, например «Пастушеская любовь Дафниса и Хлои». Там было такое место: «Дафнис лег, а Хлоя скользнула под него…». Такие книги были своеобразными учебниками любви, и Екатерине они очень нравились. Сама же Екатерина позже сознавалась, что ее очень интересовала личность королевы Иоанны Неаполитанской, развращенной и непостоянной женщины, которая умела наслаждаться любовью сразу с несколькими мужчинами. (Иоанна Неаполитанская (1328–1382) была известна тем, что по ее приказу был задушен муж – король Андрей Венгерский.) Какая судьба! А ведь Екатерина тоже прикажет умертвить своего мужа! Впрочем, до этого было еще далеко – Екатерине в ту пору было лишь 18 лет.

В это время за ней стал ухаживать Кирилл Разумовский, украинский гетман, родной брат фаворита императрицы Елизаветы, Алексея Разумовского. Было ли у них что-нибудь, сказать трудно, но ухаживал он за ней достаточно упорно. Екатерина в это время отчаянно скучала. Как-то летом 1749 года она гостила в имении Чоглоковых Раево. Соседом по имению был Кирилл, он приезжал обедать и ужинать, и она каждый день виделась с ним. Затем он уезжал обратно в свое Покровское,

проделывая, таким образом, до 60 верст в день! Двадцать лет спустя Екатерина спросила его, что побуждало его приезжать каждый день и делить скуку великокняжеского двора, тогда как он мог проводить время в лучшем московском обществе. «Любовь», – скромно ответил Кирилл, не задумываясь. «Любовь? Но кого же вы могли любить в Раеве?» – «Вас!» Екатерина якобы расхохоталась; ей это и в голову не приходило. Она, конечно, знала, что Разумовский в нее был влюблен, но и через 20 лет кокетничала с ним.

Откуда же появились эти Чоглоковы? А вот откуда – для контроля над Екатериной Елизавета приставила к ней статс-даму Марию Симоновну Чоглокову, а ее мужа сделала камергером великой княгини. Несмотря на то что Чоглоковы любили друг друга, Екатерина увлекла своего камергера, кокетничая с ним; он совершенно охладел к жене и влюбился в негодницу. Правда, Екатерина потом писала, что Чоглоков стал «волочится» за нею, но такого амурного приключения она «вовсе не желала». Об этом скоро узнала жена, и Чоглокову здорово влетело.

Между тем детей у Екатерины все не было, что очень беспокоило императрицу Елизавету. Что произошло в дальнейшем, версии разнятся – но, главное, в жизнь Екатерины вошел камергер Сергей Салтыков. Он был старше ее на два года и ко времени их встречи был уже женат. В своих «Записках» Екатерина писала, что инициатором их близости был он: «Сергей Салтыков дал мне понять, какая была причина его частых посещений (официально он приходил к Чоглоковым)… Я продолжала его слушать; он был прекрасен, как день, и, конечно, никто не мог с ним сравняться ни при большом дворе, ни тем более при нашем. У него не было недостатка ни в уме, ни в том складе познаний, манер и приемов, какие дают большой свет и особенно двор. Ему было 25 лет; вообще и по рождению, и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся… Я не поддавалась всю весну и часть лета». Да, Петр Федорович, несомненно, проигрывал в сравнении с Салтыковым! «Прекрасен, как день», – несомненно, Екатерина без памяти влюбилась в этого красавца! О том, как развивался их роман дальше, пишет современник: «Как-то во время охоты на зайцев, оставшись наедине с Екатериной, Салтыков признался ей в страстной любви. “А ваша жена?” – спросила Екатерина. Сергей ответил, что это было юношеское увлечение, ошибка. Ответному чувству Екатерины способствовало то, что Петр Федорович тогда волочился за девицей Марфой Исаевной Шафировой…» И понеслось…

Императрица Елизавета, обеспокоенная таким

«неправильным» поведением Екатерины, услала Сергея на один месяц «отдохнуть» к родным в деревню, но уже в феврале 1753 года он вернулся в Петербург и снова принялся охмурять великую княгиню. А та и не возражала… Дальше существует несколько версий. Якобы Екатерина обратилась к канцлеру Бестужеву (с которым была дружна) с просьбой назначить Салтыкова своим камергером. По другой версии, сама Елизавета спросила у Бестужева совета, кого Екатерине дать в любовники, чтобы тот вместо импотента Петра смог зачать ребенка. Бестужев предложил Салтыкова. Возможно, сама Екатерина инспирировала всю эту кутерьму с Салтыковым. Очевидно, для надежности императрица дала такое же задание и Марии Чоглоковой. Та, однажды отведя Екатерину в сторону, заявила, что замужество – это, конечно, хорошо, но существуют «положения высшего порядка, которые вынуждают делать исключения из правил». Таким «исключением из правил» является продолжение династии. Чоглокова от имени императрицы предложила на выбор Екатерине двух любовников – Сергея Салтыкова и Льва Нарышкина. Та, естественно, выбрала Сергея, поскольку их любовь была в самом разгаре.

Так Сергей Салтыков стал любовником Екатерины. Опять дадим слово современнику: «Когда у Екатерины появились первые признаки беременности, Елизавета Петровна запретила ей ездить верхом. Четырнадцатого декабря 1752 года двор выехал из Петербурга в Москву, и по дороге у Екатерины произошел выкидыш. Петр Федорович заподозрил Екатерину в неверности, поскольку ее беременность для него была неожиданностью». Поговаривали, будто у Екатерины был еще выкидыш и в следующем, 1753 году. Наконец, в 1754 году Екатерина снова забеременела и 20 сентября 1754 года (через 9 лет после замужества!) родила здорового мальчика, которого назвали Павлом (будущий император Павел I). Перед этим она, для отвода глаз, снова сблизилась с Петром. Елизавета сразу же забрала долгожданного ребенка к себе. Как протекали роды Екатерины, мы уже писали – после них ей некому было даже воды подать.

Петр Федорович сразу же засомневался в своем отцовстве: «Бог знает, откуда моя жена берет свою беременность, я не слишком-то знаю, мой ли это ребенок и должен ли я принять его на свой счет?» Все тот же Болотов писал относительно Елизаветы Воронцовой и «сына» Петра: «Петр Федорович стал обходиться с ней (женой) с величайшей холодностью и слюбился напротив того с дочерью графа Воронцова и племянницей тогдашнего великого канцлера Елизаветой Романовною, прилепясь к ней так,

что не скрывал даже ни перед кем непомерной любви своей, которая даже до того его ослепила, что не всхотел от всех скрыть ненависть к супруге и к сыну своему и при самом еще вступлении на престол сделал ту непростительную погрешность и с благоразумием совсем несогласную неосторожность, что в изданном первом от себя манифесте не только не назначил сына своего по себе наследником, но не упомянул о нем ни единого слова. Не могу изобразить, как удивил и поразил тогда еще сей его шаг всех россиян и сколь ко многим негодованиям и разным догадкам и суждениям подал он повод».

Переведем на современный язык писания Болотова: Петр III, взойдя на престол, в своем манифесте не упомянул своего сына и не назвал его своим наследником. Этим якобы были возмущены многие «негодующие россияне». А с чего бы это Петр III стал назначать не своего сына преемником? Тем более что Болотов отлично знал: Павел – от Салтыкова. Не мог он не знать, ведь об этом говорили все! При дворе открыто говорили, что новорожденного Павла Петровича следовало именовать Сергеевичем. Да и сам Сергей Салтыков открыто хвастался, что он отец Павла. Косвенным доказательством этому может послужить то, что императрица Елизавета выдала Екатерине «за труды» по деторождению 100 тысяч рублей, а Петр как «отец» не получил ничего! Узнав об этом, он пришел в ярость – ведь он имел равные права на щедрость императрицы! Он закатил грандиозный скандал, и только после этого, спустя шесть недель, Елизавета распорядилась наградить Петра такой же суммой.

Помните, мы говорили о двух вариантах мемуаров Екатерины? Так вот, в первом из них, написанном на французском языке и предназначенном только для членов императорской фамилии, Екатерина пишет, что родила своего сына Павла не от мужа, а от Сергея Салтыкова. И сделала она это по приказу императрицы Елизаветы, которая служила в качестве сводни. Этот вариант мемуаров, написанный рукой самой Екатерины, был опубликован только в начале XX века по специальному разрешению Николая II академиком А. Пыпиным. Позже, когда Павел подрос, обнаружилось его заметное сходство с Сергеем Салтыковым, а особенно с его братом Петром. От них Павел унаследовал приметные черты лица – вздернутый нос и большие глаза. Эти признаки не были присущи ни династии Романовых, ни линии Голштейн-Готторпских князей.

Кстати, о братьях Салтыковых. Они принадлежали к очень знатному роду. Их мать, урожденная княжна Голицына, в свое время прославилась своим чудовищным развратом. Она ходила со своей служанкой по солдатским казармам, пьянствовала со

служивыми и предавалась с ними грубому сладострастию. Современник сообщает, что у Салтыковой было около 300 любовников из среды гренадеров. Сама Екатерина писала о ней: «Она была красива, но вела себя так странно, что лучше было бы, если бы ее поведение не стало известно потомству».

Какова же дальнейшая судьба Сергея Салтыкова? Он хотя и любил Екатерину, но еще больше любил свою карьеру, и в сложившихся обстоятельствах сильно за нее опасался. Сергей то появлялся в окружении Екатерины, то исчезал, объясняя это нежеланием скомпрометировать великую княгиню. Иной раз он назначал ей свидание, но сам не приходил, а Екатерина напрасно ждала его до трех часов ночи. После рождения Павла, и особенно после того, как Салтыков похвастался, что это его сын, императрица Елизавета посчитала его задачу выполненной и, чтобы не разносить слухов, отправила его с дипломатическим поручением в Стокгольм, а потом и дальше за границу. Он был дипломатическим представителем русского двора то в Гамбурге, то в Париже, то в Дрездене, чему был, по-видимому, несказанно рад – легко отделался.

В рождении Павла от любовника Екатерины не было ничего необычного – подобная практика была давно известна различным европейским дворам. Естественно, такие вещи хранились в секрете. Несомненно, Павлу была известна тайна его рождения, так же, как и его матери. Она называла его сыном Петра III, а Павел, чтобы развеять любые сомнения в своем праве на трон, по любому поводу стремился подчеркнуть, что он является законным наследником династии. Так, он приказал высечь на пьедестале памятника Петру I, установленного перед Михайловским замком, надпись: «Прадеду от правнука».

Итак, долгожданное событие свершилось – Екатерина родила наследника. Интерес к ней со стороны императрицы Елизаветы сразу же пропал. Стоит ли говорить, что Петр Федорович не проявлял интереса к сыну, а тем более к жене. Да и сама Екатерина не питала к младенцу материнских чувств. Так мальчик при живых родителях стал сиротой, что позже наложило отпечаток на его психику. По существу, он повторил судьбу Петра III.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна отныне была предоставлена самой себе. Она устроила свой малый двор и стала жить в свое удовольствие. После отъезда Сергея Салтыкова за границу она долго не скучала и сошлась со вторым претендентом, которого Чоглокова предлагала ей в отцы будущего ребенка, – Львом Нарышкиным, обаятельным и остроумным кавалером. Лев Нарышкин по призванию был шутом, а по состоянию души –

сводником. Он и сам пользовался прелестями Екатерины, и поставлял ей других любовников.

Екатерина с Нарышкиным прожила менее года, пока на ее горизонте не появился Станислав Август Понятовский, потомок династии древних польских королей – Пястов. Он родился в 1732 году, а благодаря своему аристократическому положению уже в 1752 году (то есть в 20 лет) был избран депутатом польского сейма. Он был обаятелен, имел успех у женщин; его остроумные речи в сейме имели большой успех. Правда, как он позже писал в своих мемуарах: «В остальном же я был крайне маленького роста, коренаст, неуклюж, слабого здоровья и, во многих отношениях, напоминал нелюдимого скомороха». Но это было в 16 лет, а с возрастом он расцвел и превратился в красавца и дамского угодника. Вступив на дипломатическую службу, в 1753 году он уехал в Париж, где целиком отдался веселой и распутной жизни высшего французского общества.

Небольшое отступление. Королем Польши тогда был Август III, который одновременно являлся и курфюрстом Саксонии. В течение нескольких лет при саксонском дворе английским послом являлся сэр Чарльз Вильямс, где и сошелся с парвеню Станиславом Понятовским. На какой почве они сошлись – полнейшая загадка, известно только, что Вильямс занялся его политическим образованием. В 1755 году Англия, заполучившая себе в союзники Россию в случае ее войны с Францией, заменила своего посла Диккенса на Вильямса. Диккенс сам признавался в своей неспособности решить эту задачу, так как императрица Елизавета все дела решала между бесконечными балами, танцами и маскарадами. Британцы стали активно искать замену Диккенсу и остановилось на кандидатуре Вильямса. Выбор был удачный. Зная страсть императрицы Елизаветы Петровны к танцам, английское правительство прислало в Россию паркетного шаркуна и прекрасного танцора Чарльза Генбюри Вильямса. Он работал усердно – не пропустил ни одного бала, ни одного маскарада, но все тщетно! Императрица была вечно занята развлечениями, а если Вильямс настаивал на переговорах, она от них уклонялась. Через несколько месяцев он пришел к выводу, что с Елизаветой каши не сваришь; но приказ есть приказ, и Вильямс начал оглядываться, кого бы из русских склонить на свою сторону. Прежде всего он обратил внимание на наследника престола Петра Федоровича. Однако здесь его ждала неудача – Петр оказался поклонником прусского короля Фридриха, злейшего врага Англии. Тогда Вильямс переключился на супругу Петра – Екатерину Алексеевну. Но не прямо: зная о ее любовных приключениях с Салтыковым и Чернышевым, он решил пустить в

ход секретное оружие – Станислава Понятовского, которого привез с собой.

Понятовский очень тепло отзывается в своих мемуарах о Вильямсе, который ввел его в курс русских дел и сориентировал в нужном направлении. Понятовский, которому местные сплетники тоже во всех подробностях описали взаимоотношения между Петром Федоровичем, его фавориткой Елизаветой Воронцовой и Екатериной, быстро оценил обстановку и сделал ставку именно на нее. Он решил соблазнить ее!

Дальше события развивались так. Впервые Станислав и Екатерина увиделись на Троицу 1755 года. Он вместе с неким графом Ламсдорфом был представлен ей. Придворные начали расхваливать перед ней графа, однако Екатерина заметила, что поляк ей нравится больше. Эта единственная фраза, сказанная, впрочем, без всякого умысла, была подхвачена Львом Нарышкиным, который чувствовал, что Екатерина к нему охладела, и постарался завести с Понятовским знакомство. Он передал Станиславу слова, сказанные Екатериной, «и не переставал сообщать все, что, по его мнению, должно было поддерживать во мне надежду». Правда, Станислава останавливала политика – он был уверен, что Екатерина является представителем пропрусской партии при царском дворе (а поляки пруссаков терпеть не могли), и целых три месяца не показывался ей на глаза. Лев Нарышкин старался разубедить, хотя у него был свой план – вовлекая Понятовского в амурную связь с Екатериной, он старался заслужить награду, но осторожный поляк считал все эти речи Нарышкина ловушкой и не шел у него на поводу. В конце концов он решил рискнуть – однажды он высказал по поводу одной придворной дамы «острое словцо» Нарышкину. Вскоре, проходя мимо Екатерины, он услышал от нее ту же фразу, которую великая княгиня произнесла со смехом. Потом она, обращаясь к Понятовскому, вымолвила: «Да вы живописец, как я погляжу…» И только после этого он решился передать ей записку через Нарышкина, который на следующий же день принес ответ.

Через несколько дней Нарышкин провел Станислава к Екатерине, причем предупредил ее только тогда, когда Понятовский уже находился у дверей ее комнаты. Был обычный час приема, мимо в любой момент мог пройти Петр Федорович, и ей ничего не оставалась делать, как впустить поляка к себе. Станислав на всю жизнь запомнил, как она была одета в тот день: «в скромное платье белого атласа; легкий кружевной воротник с пропущенной сквозь кружева розовой лентой был единственным украшением».

Так начались их встречи. Позже Понятовский писал: «Она никак не могла постичь… каким образом я совершенно реально оказывался в ее комнате, да и я впоследствии неоднократно спрашивал себя, как удавалось мне, проходя в дни приемов мимо стольких часовых и разного рода распорядителей, беспрепятственного проникать в места, на которые я, находясь в толпе, и взглянуть… не смел – словно вуаль меня окутывала». Осведомленный современник отмечал, что Понятовский «стал все более определенно проявлять свои симпатии Екатерине, которая, в свою очередь, нуждалась в поддержке. Она заметила, что все ее фрейлины – либо любовницы, либо наперсницы ее мужа, не оказывают ей должного почтения… Все это еще больше сблизило Екатерину с Понятовским, который несколько раз недвусмысленно говорил ей о нежных чувствах, которые питает к ней…».

Станиславу Понятовскому было 23 года, а Екатерине – немногим больше. Оправившись от первых родов, она расцвела как женщина. Екатерина умела нравиться мужчинам, хотя и не была красавицей. Она говорила: «Я умела нравиться, хотя и не считала себя особенно красивой». Хотя Понятовский был другого мнения о ее наружности – он считал Екатерину неотразимой: «Черные волосы, восхитительная белизна кожи, большие синие глаза навыкате, много говорившие, очень длинные черные ресницы, острый носик, рот, зовущий к поцелую, руки и плечи совершенной формы; средний рост – скорее высокий, чем низкий, походка на редкость легкая и в то же время исполненная величайшего благородства, приятный тембр голоса, смех, столь же веселый, сколь и нрав ее…» Конечно, это описание облика Екатерины дано влюбленным человеком, однако стоит заметить, что в молодости Екатерина была хороша.

Станислав Август был остроумным и блестящим кавалером; Екатерина очень недурно проводила с ним время. Он рассказывал ей о Париже, умел вести искусный разговор на отвлеченные темы и незаметно подходить к самым щекотливым темам. Он умел мастерски писать интимные записки и умел ловко ввернуть мадригал в банальный разговор. Понятно, что все это делалось втайне от Петра Федоровича. Канцлеру Бестужеву было известно об их любовной связи, но он благосклонно на это смотрел, имея в виду сделать Понятовского польским королем.

Летом 1755 года Понятовский жил в Петергофе, а Екатерина – рядом, в Ораниенбауме. Он часто ездил туда для тайных свиданий со своей возлюбленной, на всякий случай переодеваясь. И однажды он чуть не пропал. Дело было так: как-то раз, не согласовав свой визит с Екатериной, он поехал к ней на свидание

наобум. Станислав, как обычно, нанял частную коляску, на запятки которой сел его лакей, и отправился в путь. Все это происходило ночью. На свою беду, Понятовский невдалеке от Ораниенбаума столкнулся с пьяным Петром Федоровичем, скакавшим на лошадях со своей свитой; в числе сопровождающих великого князя была и Елизавета Воронцова. Повозку Понятовского остановили и поинтересовались у кучера, кого он везет. Тот ответил, что понятия не имеет. Тогда лакей Станислава ответил, что едет портной. Их пропустили, но Воронцова узнала Понятовского и стала зубоскалить по поводу «портного», путешествующего по ночам, и «делала при этом предположения, приведшие князя в мрачное настроение». После того как Понятовский провел несколько часов в павильоне Екатерины и вышел оттуда, три неизвестных кавалериста напали на него, схватили за шиворот и доставили к Петру Федоровичу, который ждал на темной лесной дороге. Узнав Понятовского, Петр велел всадникам со своим пленником следовать за ним. Дорога вела к морю. У Понятовского, понятное дело, душа ушла в пятки – он решил, что его хотят утопить, как нашкодившего котяру (до этого он наслушался об ужасах, творившихся при императрице Анне Ивановне). К счастью, Петр не был кровожадным человеком и привез его в другой павильон, где напрямую спросил, спал ли он с его женой. Гордый поляк и джентльмен (честь дамы!), конечно же, ответил: «Нет!» Петр Федорович начал угрожать: «Скажите мне лучше правду. Скажите – все еще можно будет уладить. Станете запираться – неважно проведете время». После очередного отказа отвечать Петр вышел в соседнюю комнату, оставив порядком струхнувшего Понятовского под охраной часового. В томительном ожидании прошло два часа. Станислав не знал, что с ним сделают – повесят, колесуют, четвертуют, посадят в тюрьму или станут на дыбе пытать? Вихрь самых мрачных мыслей крутился у него в голове. Внезапно в комнату с искаженным лицом вошел Александр Шувалов, брат фаворита императрицы Елизаветы и начальник Тайной канцелярии! При виде него Понятовский чуть не лишился чувств: дело было в том, что когда Шувалов был взволнован, его лицо искажал судорожный тик, уродовавший его и так некрасивое лицо. Вдобавок ко всему он был еще и заикой. Понятовский, понятное дело, всего этого не знал и при виде «великого инквизитора» чуть в штаны не наложил. Со страху Станислав выпалил, что для чести русского двора будет лучше, если вся эта история останется без шума. Шувалов пробормотал: «Вы правы, я этим займусь», – и вышел. Через полчаса он вернулся и отвез Станислава в Петергоф, где все рассказал Екатерине. Та, не будь дурой, пошла

к разгневанному мужу и во всем честно призналась – да, она спала с поляком. Но если он не хочет прогреметь на всю Европу рогоносцем, то лучше было бы, чтобы об этом никто не знал. Следующий аргумент был более весомым – Екатерина заявила мужу, что ее связь с Понятовским возникла только в отместку за его амуры с Воронцовой. Если уж так случилось, то она обещала не только переменить свое отношение к Воронцовой, но и выплачивать ей солидное вознаграждение, избавив, таким образом, Петра от непосильных расходов на ее содержание. Петр Федорович согласился и обещал молчать. «Случай, долженствовавший погубить великую княгиню, доставил ей большую безопасность и способ держать на своем жалованье… любовницу своего мужа», – писал современник.

А что же Станислав Понятовский? Он рано утром возвращался в выделенной ему маленькой карете, «похожей на застекленный фонарь», в Петергоф. Не доезжая до места, он приказал кучеру остановиться и оставшуюся часть пути проделал пешком, чтобы сохранить инкогнито, да пониже надвинул шапку на уши. Добравшись до своего пристанища, он решил не пользоваться дверью, а влезть в окно. От пережитых в эту ночь треволнений Станислав перепутал окна и влез в комнату своего соседа генерала Роникера, которого как раз брили. Увидев, что кто-то лезет к нему в окно, генерал подумал, что перед ним призрак. В свою очередь, Понятовский был удивлен, что в его комнате находится брадобрей со своим клиентом. Несколько минут они пялились друг на друга круглыми от изумления глазами, а потом расхохотались.

Два дня Понятовский провел в мучительной неизвестности. По выражению лиц придворных он видел, что им все известно, но никто ему ничего не говорил. Затем Екатерина сумела передать ему записку, из которой он узнал, что она предприняла кое-какие шаги, чтобы наладить добрые отношения с пассией своего мужа. 29 июня 1755 года в Петергофе давали бал в честь именин его основателя – Петра I, а заодно и Петра Федоровича. Танцуя менуэт с Воронцовой, Понятовский получил от нее приглашение ночью прийти в павильон Монплезир, где остановился Петр Федорович со своей супругой. Опасаясь ловушки, Станислав Август попросил будущего гетмана Браницкого сопровождать его. Тот охотно согласился, но все обошлось благополучно. Елизавета Воронцова уже ждала Понятовского в двадцати шагах от Монплезира и отвела его к Петру.

Дальше начинается фантасмагория. В своих мемуарах Понятовский описывает совершенно невероятные, с точки зрения здравого смысла, вещи. Петр был один. Якобы, увидев его,

великий князь высказался в том смысле, что если бы он сразу признался в том, что спал с его женой, «никакой бы чепухи не было» (?). Затем он предложил поляку стать добрыми друзьями и посетовал, что в комнате «явно еще кого-то не хватает». После этого он направился в спальню Екатерины, вытащил ее из постели и в одной ночной рубашке (!) привел к Понятовскому с Воронцовой. Они стали оживленно болтать и хохотать, «устраивать тысячи маленьких шалостей, используя находившийся в этой комнате фонтан», и разошлись только к четырем часам утра. «Каким бы бредом все описанное ни казалось, я утверждаю, что все здесь безусловно верно», – с пафосом восклицал Станислав Август. А скажите мне – где здесь бред? То, что Петр предложил стать поляку друзьями? Но мы и так знаем, что Петр Федорович был добродушным человеком. То, что они шалили, плескаясь водой из фонтана, – так это были молодые люди, которым не грех и пошалить: Петру было 29 лет, Екатерине – 28, а Понятовскому – 23 года. Воронцова была и того моложе – ей в ту пору едва исполнилось 18. Так что никакого бреда здесь нет: Станислав неправильно расставил акценты. Настоящий бред в его писаниях начинается далее.

По его словам, после той ночи в Монплезире Петр Федорович еще четыре раза приглашал его в Ораниенбаумский дворец; поляк поднимался по потайной лестнице в комнату Екатерины, где уже находился Петр с Воронцовой, они вместе ужинали, а потом князь уводил свою даму со словами: «Ну, дети мои, я вам больше не нужен, я полагаю…» Понятовский хвастает, что после этих слов он оставался у Екатерины сколько хотел. Вот это настоящий бред! Мы уже говорили ранее в этюде о Петре I, что каждый мужчина – собственник. Даже если он упек свою супругу в монастырь, все равно она должна оставаться ему верна. Даже если Петр Федорович к Екатерине не питал нежных чувств, все равно он не стал бы сводничать. Для этого надо совсем себя не уважать! Так что врет Понятовский. Скорее всего, они встречались с Екатериной тайком, а на мертвого Петра можно и напраслину нагородить (поляк писал свои мемории уже после убийства императора). Как говорится, мертвые сраму не имут.

Как бы то ни было, в марте 1758 года Екатерина забеременела и 9 декабря родила дочь, названную Анной. Императрица Елизавета, как обычно, после родов отнесла младенца к себе, а мать оставила одну. Правда, не совсем одну – из-за ширмы тихо вышли три подруги Екатерины, а вместе с ними и Станислав Август Понятовский. То, что Понятовский оказался единственным мужчиной у постели роженицы, выглядит безусловным доказательством его отцовства. Таким же

доказательством можно считать и слова самой Екатерины, когда она пишет об эпизоде, имевшем место в сентябре 1758 года: «Так как я становилась тяжелой от своей беременности, то я больше не появлялась в обществе, считая, что я ближе к родам, нежели была на самом деле. Это было скучно для великого князя (Петра)… А потому его императорское высочество сердился на мою беременность…» При этом он якобы повторил почти те же слова, что и после рождения сына Павла, – мол, я не знаю, откуда жена берет свои беременности.

Как бы то ни было, Петр Федорович был рад рождению дочери. Во-первых, ребенка назвали Анной в честь его матери, а во-вторых, он получил от императрицы как «отец» 60 тысяч рублей, которых ему очень не хватало. (Напомним, что после рождения Павла он сначала ничего не получил.) К сожалению, девочка прожила очень недолго – она умерла 8 марта 1759 года. Характерно, что ее похоронили не в Петропавловском соборе, где обычно погребали лиц императорской крови, а в Александро-Невской лавре. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания современников, которые были твердо уверены, что Анна Петровна не являлась дочерью великого князя.

Но тут запахло жареным – французский король Людовик XV потребовал удалить из России английского посла Вильямса, а заодно и Понятовского. Английского посла сковырнуть было нетрудно, а вот с Понятовским было сложнее, так как его статус никак не был определен. На каком основании он, не будучи ни англичанином, ни дипломатом, входил в состав британской дипломатической миссии?

Считалось, что Вильямс с Понятовским вредили Парижу и Вене при русском дворе (шла Семилетняя война). Императрица Елизавета с жалостью рассталась с Вильямсом, но внезапно на защиту любовника встала Екатерина. Она убедила императрицу, что поддаваться давлению других стран негоже и, поддавшись шантажу, Россия потеряет свое влияние на европейскую политику. Таким образом Екатерина впервые влезла в политику… из-за любви! И все же Понятовскому пришлось уехать на родину, откуда он вернулся уже в статусе польского посла. Их роман продолжался, Станислав Август продолжал но ночам ходить к великой княгине, и Петр стал испытывать к нему жгучую неприязнь. Любовная связь Екатерины с поляком продолжалась до 1761 года, пока Елизавета сама не потребовала, чтобы Станислав покинул Россию во избежание скандала в семействе наследника.

При расставании с Екатериной Станислав получил у нее некое, как сам пишет, «дозволение». Надо понимать так, что

Екатерина давала Понятовскому разрешение на амурные связи с другими женщинами: видно, она и впрямь полюбила гордого поляка-джентльмена. В свою очередь, и Екатерина поступила благородно – раз уж расстались, так нечего заставлять своего любовника томиться воздержанием. «Целых два с половиной года я не пользовался полученным разрешением», – врал Станислав, дамский угодник и блестящий кавалер. Что, все это время он не спал с женщинами? «Когда же я нарушил, наконец, суровое воздержание, то движимый искренностью, несомненно, излишней, поспешил об этом уведомить (Екатерину)», – писал он. Но почтальон, который вез письмо в Петербург, к счастью или к сожалению, утонул, переправляясь через бурную реку. Ему бы промолчать, узнав о гибели гонца, а «я из дурацкого прямодушия повторил свою исповедь». На этот раз письмо Екатерина получила; ответом было то, что она, мол, давно ожидала такой беды, и перенесет ее, «ничего не меняя». «Такого великодушия хватило, однако, ненадолго, меня вскоре заменил Орлов; несколько месяцев от меня это скрывали, однако, письма делались все холоднее». Екатерина обманывала Станислава: Григорий Орлов уже давно грелся в ее постели. Сердечная переписка между бывшими любовниками становилась все холоднее и холоднее, пока не превратилась в чисто деловую. Екатерина, впрочем, до конца своей жизни не забывала своего бывшего фаворита и помогала ему как могла. Несомненно, он был ее первой искренней любовью.

Как сложилась дальнейшая судьба нашего героя-любовника Станислава Понятовского? О, его судьба стала поистине звездной, ибо он неожиданно для себя стал королем Польши! В 1763 году умер король Август III, а в 1764 году при помощи Екатерины II (она к тому времени уже свергла мужа) на польский трон взошел ее бывший любовник под именем Станислава II Августа. Сначала его правление поляки приняли на «ура», но потом восторги сменились разочарованием. Нынешние историки пишут о нем так: «Эти надежды омрачились крайним развратом, которому предавались король и его двор. Жены первых сановников добивались чести обратить на себя внимание Станислава Августа; стать королевской метрессой считалось высшим счастьем». Королем он был никудышным – допустил три раздела Польши между Австрией, Пруссией и Россией, еще и похвалялся, что лично ему нужно столько земли, сколько уместится под его треугольной шляпой. Он проводил свои годы в веселье и удовольствиях светской жизни, не думая о будущем. Третий раздел Польши произошел в 1795 году, и эта страна более чем на сто лет исчезла с политической карты мира. Станислав Август

прибыл в Гродно, где 25 ноября 1795 года отрекся от престола, после чего по приглашению Екатерины II перебрался в Петербург и продолжал вести роскошную жизнь. Он умер в 1798 году, оставив после себя огромные долги.

Между тем в перерыве между Понятовским и Орловым Екатерина снова сошлась с Львом Нарышкиным и как будто даже родила от него сына. Хотя она и продолжала любить Понятовского, ее необузданный характер не позволял ей жить монахиней. Она уже не могла обходиться без мужчин. Якобы за это Петр избил Нарышкина. Был ли у Екатерины ребенок от Нарышкина или это сплетни – тайна, покрытая мраком. Во всяком случае, Екатерина сама давала повод к таким слухам.

Так кто же такой был этот Орлов, который занял главное место в сердце Екатерины? О, история его взлета фантастична, а падение было оглушительным. Это в его честь императрица ставила триумфальные арки и выбивала золотые медали, а кончил он свою жизнь в полном помешательстве. Но все по порядку.

Григорий Григорьевич Орлов был внуком того самого стрельца, который, оттолкнув Петра I от плахи, на которой рубили головы бунтовщикам, сказал: «Здесь мое место!» За проявленное бесстрашие Петр I помиловал его, а его сын дослужился до звания генерал-майора. Этот генерал и был отцом Григория, родившегося в 1734 году, а также еще четверых сыновей. Изначально Орловы жили в Москве; в 1749 году Григория отдали учиться в Сухопутный шляхетский корпус, где он неплохо овладел языками – французским и немецким. Проучился Гриша всего год и в 15 лет поступил на службу рядовым в лейб-гвардии Семеновский полк, как и его братья. В 1757 году он был переведен капитаном в армию и принял участие в Семилетней войне. В бою под Цорндорфом в 1758 году он проявил личную храбрость и, будучи трижды раненным, остался в строю. Солдаты и офицеры в нем души не чаяли. Это был весельчак, балагур, картежник, смельчак, пьяница и дамский сердцеед. Многие женщины валялись у него в ногах, завороженные его красотой и силой, а больше всего тем, что он был неутомим в постели. Благодаря отличному знанию языков он был приставлен к взятому в плен прусскому генералу графу Шверину и отправлен на зимние квартиры в Кенигсберг. На следующий год императрица Елизавета приказала привезти высокопоставленного пленника в Петербург. Здесь Григорий Орлов встретился со своими братьями, Алексеем и Федором, служившими в гвардейских полках. Он поселился рядом с Зимним дворцом в доме придворного банкира Кнутцена. В

столице молодой герой не мог не обратить на себя внимания высшего общества, и генерал-фельдцехмейстер (то есть командующий артиллерией) Петр Шувалов, брат фаворита императрицы Ивана Шувалова, взял его к себе в адъютанты.

После этого произошел случай, который напрямую повлиял на дальнейшую судьбу Григория. Дело в том, что у Петра Шувалова была любовница – княгиня Елена Куракина. Орлов, склонный к рискованным похождениям донжуан, «отблагодарил» своего благодетеля тем, что соблазнил пассию Шувалова! Петр Шувалов, конечно, взбеленился, выгнал его из своих адъютантов и перевел на службу в Фузилерный гренадерский полк. Впрочем, эта история ничуть не повлияла на репутацию Орлова и даже прибавила ему популярности.

Как раз в это время к себе на родину уехал «сердечный друг» Екатерины Станислав Понятовский, и она заскучала. Лев Нарышкин был не тем человеком, в которого можно было влюбиться; она жила с ним по требованию плоти, а не по зову любви. Слухи о «подвигах» Григория Орлова дошли до Екатерины, и она пожелала познакомиться с ним. Екатерина остро нуждалась в ту пору в мужчине, который бы самозабвенно любил ее. (Кстати, Любовь Орлова, звезда советского кино 30-х годов XX в., была прямым потомком тех самых братьев Орловых, которых называли «екатерининскими орлами».)

Они встретились, и Екатерина влюбилась с первого взгляда в 27-летнего силача и кутилу Григория Орлова, статного и красивого гиганта с головой херувима. Его биограф приводил такие слова Екатерины: «Это было изумительное существо, у которого все хорошо: наружность, ум, сердце и душа… он был самым красивым человеком своего времени». Природа щедро одарила Орлова – помимо внешней красоты он был добрым, мягким и отзывчивым человеком. Он был готов помочь любому, оказать покровительство, был щедрым до расточительности и незлобивым. Вместе с тем Григорий обладал несамостоятельным умом – большинство вопросов за него решали братья. Орлов был часто вспыльчивым, обладал необузданным характером, был веселого и ветреного нрава и ко всему прочему отчаянно храбр – в бою с пруссаками он проявил чудеса героизма, в одиночку ходил на медведя с рогатиной. Английский посланник лорд Каткарт так отзывался о нем: «Орлов – джентльмен, чистосердечный, правдивый, исполненный высоких чувств и обладающий замечательным природным умом».

Великая княгиня тайно навещала Орлова в его жилище – благо, дом Кнутцена стоял невдалеке. В августе 1761 года она почувствовала, что беременна от Орлова. Но из-за того, что Петр

давно уже пренебрегал своими супружескими обязанностями, ей пришлось скрывать свою беременность от всех, кроме самых преданных ей людей. Екатерина во что бы то ни стало решила рожать, чем бы это ей ни грозило. Григорий Орлов был ее второй после Понятовского, настоящей любовью, если даже не первой по значимости.

Итак, она решила родить ребенка от любимого человека. Первые месяцы, до конца 1761 года, скрывать свое положение Екатерине было нетрудно, так как она не находилась в центре внимания – императрица Елизавета часто болела, и никому до нее дела не было. Мысли придворных были заняты не амурами Екатерины, а вопросами престолонаследия – кому после Елизаветы достанется трон. Мнения разделились – одни считали, что престол должен наследовать Петр Федорович; другие хотели, чтобы императором был объявлен малолетний Павел Петрович, а соправителями при нем были объявлены оба родителя; третьи считали, что регентшей при Павле должна быть одна Екатерина, а Петра Федоровича следует отправить обратно в Голштинию; были и такие, которые считали, что наследовать русский престол должна одна Екатерина, потому что Петр был неспособен к управлению государством.

Пока «пикейные жилеты» судили и рядили, роды приближались. Екатерина очень опасалась, что муж узнает о ее беременности, но пока все шло нормально. В начале апреля 1762 года Екатерина почувствовала, что срок совсем близок, и сказала об этом своим приближенным. Что делать? Тогда ее верный слуга Василий Шкурин придумал выход – он поджег свой дом, и завзятый пироман Петр Федорович удалился из дворца, чтобы полюбоваться на пожар. Екатерина тем временем родила мальчика, которого назвали Алексеем. Его тут же спрятали, и секрет был сохранен вполне. Сначала он воспитывался в семье того самого Шкурина как его племянник. Отец и мать часто навещали сына, «отправляясь в сумерки в простой карете, сопровождаемые только одним лакеем». Петр Федорович до самой смерти так и не узнал, что у него есть еще один «сын».

История его жизни довольно занятна. Алексею Григорьевичу дали фамилию Бобринский – по названию имения Бобрики в Тульской губернии, купленного Екатериной II специально для содержания сына. В 1764 году, когда Екатерина чуть было не решила обвенчаться с Григорием Орловым (об этом будет рассказано впереди), она даже хотела назначить Алексея наследником престола вместо Павла. Слава Богу, этого не произошло, потому что, по отзыву одного из современников, Алексей Бобринский «был порядочный негодяй». За свои

проделки он был отослан матерью от двора в Лифляндию, чтобы там «искупать свои многочисленные грехи». Придя к власти в 1796 году, Павел I, как известно, всех обиженных своей матерью принялся возвращать из ссылки, всячески награждать и привечать. Уже через пять дней после своего восшествия на престол Павел приказал доставить к нему Бобринского, принял его с распростертыми объятиями и оставил обедать за своим столом. В тот же день Павел возвел его в графское достоинство Российской империи, пожаловал ему многочисленные дома с поместьями и присвоил ему чин генерал-майора, приложив к этому орден Святой Анны. По словам одного историка, «во время одного из приемов при дворе он при всех отнесся к нему как к брату. Правда, месяц спустя он о нем забыл, и Алексей, женившейся незадолго перед этим на дочери ревельского коменданта Анне Унгерн-Штенберг, отправился прозябать в провинцию». Внебрачный сын Екатерины II ничем не прославился и умер в 1813 году, оставив после себя дочь и трех сыновей.

Значительно позже Григорию Орлову приписывали отцовство в отношениие некой Натальи Алексеевой, тоже рожденной якобы императрицей, или даже двух девочек. Первая камер-фрейлина Протасова, доверенное лицо Екатерины, воспитывала их как своих племянниц. Так это было или нет – не знаем: большей частью мы черпаем эти сведения из перлюстрированной переписки заграничных послов, собиравших разные сплетни. Но дальнейшая судьба Натальи Алексеевой (1759–1808) сложилась счастливо – она удачно вышла замуж за графа Федора Буксгевдена, во время русско-шведской войны 1808–1809 годов командовавшего русской армией.

Между тем императрица Елизавета скончалась 25 декабря 1761 года, и к власти пришел Петр Федорович под именем Петра III. Он совсем распоясался в отношениях с женой: в присутствии слуг называл ее «дурой», заставлял ее вставать при своем появлении и так далее. Петр III ни от кого не скрывал, что хочет постричь Екатерину в монахини, заключить Павла в тюрьму, и жениться на Елизавете Воронцовой. Он решил, по примеру своих предков, жениться на русской девушке, чтобы Россия имела природную царицу. Над Екатериной нависла серьезная угроза.

В это время Григорий, Алексей и Федор Орловы начали призывать Екатерину совершить дворцовый переворот. Она долго не соглашалась, но из опасения, что Петр III действительно женится на Воронцовой, все же дала добро. И братья деятельно приступили к осуществлению заговора. Штаб-квартирой «путчистов» стал дом банкира Кнутцена, где проживал Григорий.

Его братья – Алексей и Федор, служившие в гвардии, исподволь подговаривали своих солдат к совершению переворота в пользу Екатерины. Эта пропаганда подкреплялась небольшими денежными суммами, которыми ссужали Екатерину иностранные банкиры, заинтересованные в том, чтобы именно Екатерина пришла в России к власти.

Наконец, настали решающие дни. 12 июня 1762 года Петр III уехал в Ораниенбаум, а 17 июня Екатерина прибыла в Петергоф. Петр Федорович, видно, о чем-то догадывался, так как приставил к Григорию Орлову соглядатая, офицера Перфильева. Он-то и раскрыл заговор. Капитан Пассек, деятельный участник переворота, был арестован. Медлить было нельзя ни минуты. В пять часов утра Алексей Орлов увез Екатерину в Петербург. На полпути они встретили Григория Орлова и князя Барятинского. Все вместе они направились в казармы Измайловского полка. Здесь под бой барабанов построили солдат в каре, и Григорий Орлов выкрикнул: «Да здравствует императрица Екатерина, самодержица всероссийская!» Появился священник и привел воинство к присяге новой императрице. Присягая Екатерине, солдаты целовали ей руки, ноги и подол платья. Затем, сопровождаемая присягнувшими ей измайловцами, Екатерина направилась в Семеновский полк, где произошла та же церемония. После присяги семеновцев она прибыла в сопровождении толпы в Казанский собор, где и была провозглашена императрицей. Впоследствии ей присягнули Сенат и Синод. Победа была полная! Историк В. Ключевский так писал об этих событиях: «Все делалось как-то само собой, точно чья-то незримая рука заранее все пригладила, всех согласила и вовремя оповестила». Нет, не само собой все делалось. Княгиня Дашкова, кстати сказать, родная сестра Елизаветы Воронцовой, говорила: «Мы хорошо приняли свои меры!»

28 июня Петр III, узнав, что Екатерина объявила себя императрицей, отплыл в Кронштадт, надеясь на помощь местного гарнизона. Однако его не пустили в крепость, заявив, что в России больше нет императора. Фельдмаршал Миних предлагал Петру III отправиться в Пруссию, где стояла 80-тысячная русская армия, но тот отказался. И Петр Федорович сломался… Он заперся у себя в каюте вместе с Воронцовой и приказал плыть обратно в Ораниенбаум. На следующий день, 29 июня 1762 года, Петр III отрекся от престола в пользу своей жены и просил отпустить его в Голштинию со своей любовницей Воронцовой. Но на родину его не отпустили и перевезли на мызу Ропша. Екатерина намеревалась заключить свергнутого мужа в Шлиссельбургскую крепость, но, пока она пребывала в раздумьях,

из Ропши пришло сообщение, что Петр III убит. Алексей Орлов специально затеял с ним ссору, произошла пьяная драка, в результате которой Петр Федорович погиб. Цареубийца затем оправдывался: «Матушка милосердная государыня! Как мне изъяснить всю правду… Не знаю, как эта беда случилась… Погибли мы, если ты нас не помилуешь… Никто и не думал, как поднять руку на государя, но он заспорил за столом с князем Барятинским. Не успели мы разнять, а его уже не стало». Екатерине смерть Петра III была только на руку; официально же объявили, что император умер от банального… геморроя! В манифесте так было и написано: «Бывший император волею Божией внезапно скончался от геморроидального припадка и прежестокой боли в кишках»! За его убийство никто наказания не понес.

Петра III похоронили в Александро-Невской лавре. Он процарствовал всего 186 дней. В гробу лежал человек с черным от побоев лицом. По Петербургу сразу же пошли слухи, что император спасся, а хоронят царского арапа-камердинера, убитого вместо него. Это дало повод к невиданному в истории самозванничеству – «Петров III» насчитывалось в России около двух десятков (это не считая Пугачева), двое объявилось даже на Балканах! Один из них – некий в доску пропившийся капитан Оренбургского гарнизона заявил прямо: «Хочу сказаться государем Петром Федоровичем, может, какой дурак и поверит». А Емельян Пугачев начал настоящую крестьянскую войну!

Прусский король Фридрих II высказался так: «Он позволил свергнуть себя с престола, как ребенок, которого посылают спать». Так закончился жизненный путь Петра III, по сути, несчастного человека, не знавшего ни радостей жизни, ни настоящей любви. Ему было всего 34 года. Ключевский писал: «Так закончилась эта… самая веселая и самая деликатная из всех нам известных, не стоившая ни одной капли крови, настоящая дамская революция». Тут маститый историк был неправ: кровь одного человека – императора – все же пролилась. И, конечно, веселого тут было мало. На русском престоле оказалась чистейшая немка!

30 июля для снятия накала страстей среди военных были открыты все питейные заведения Петербурга. «Войскам были открыты все питейные заведения, солдаты и солдатки в бешенном восторге тащили и сливали в ушаты, бочонки, во что попало водку, пиво, мед и шампанское», – свидетельствовал Гаврила Державин. Но и этого оказалось мало: «Они взяли штурмом не только все кабаки, но также и винные погреба иностранцев, да и своих; а те бутылки, что не могли опустошить, – разбили, забрали

себе все, что понравилось, и только подошедшие сильные патрули с трудом смогли их разогнать… Солдатами и всякого звания людьми безденежно роспито питий и растащено посуды» на круглую сумму 22 697 рублей! В общем, вся эта «революция» закончилась грандиозной пьянкой.

Так в России произошел государственный переворот 1762 года. Екатерина отобрала трон не только у своего мужа Петра III, но и у сына Павла, который должен был наследовать его после отца! Екатерина, убив Петра III чужими руками, в точности повторила злодеяние Иоанны Неаполитанской, которая была ее кумиром. Круг замкнулся, и теперь она могла поступать так, как ей заблагорассудится, в том числе и в любви.

Закончим эту историю рассказом о дальнейшей судьбе фаворитки Петра III Елизаветы Воронцовой. После ареста и убийства Петра Федоровича она была сослана в подмосковное имение своего отца, лишена ордена Св. Екатерины (который вручил ей Петр III) и звания камер-фрейлины. Впоследствии Екатерина II купила ей дом в Москве, «чтоб она уже ни с кем дела не имела и жила в тишине, не подавая людям много причины о себе говорить». В 1765 году Елизавета вышла замуж за полковника Полянского и родила ему дочь Анну и сына Александра. Предположение о том, что Петр III был импотентом, подтверждается: детей у них с Воронцовой не было, а стоило ей выйти замуж, как детки сразу же появились. Скорее всего, Петр III любил Воронцову чисто платонически, за то, что она была самым близким ему человеком и разделяла все его взгляды. И они оба были обижены людьми: Петр Федорович страдал из-за своего морального уродства, а Елизавета – из-за физической неполноценности. По-видимому, это их и сближало. Умерла Воронцова в 1792 году и была похоронена рядом с Петром III в Александро-Невской лавре.

Итак, Екатерина стала императрицей. Григорий Орлов, фактически возведший ее на трон, стал самым близким ей человеком. Он участвовал в перевороте не только из-за любви к приключениям, но и из-за любви к женщине – Екатерине. Если до этого они встречались тайно, то теперь скрываться стало не от кого. В этом отношении характерен такой эпизод: в день переворота Екатерина Дашкова вошла в комнату Екатерины, и каким же было ее удивление, когда она увидела Григория Орлова, лежащим на канапе и вскрывавшим пакеты, предназначенные для Петра III. Ее удивление еще больше возросло, когда она, вернувшись, увидела перед канапе, где лежал Орлов, столик, сервированный на три персоны. Вошедшая Екатерина пригласила их с Орловым к столу. Только тогда Дашкова сообразила, что

перед ней сидят любовники! Он называл царицу на ты, обнимал и целовал ее при посторонних, позволяя при этом такие вольности, что все краснели, а у Екатерины выступали слезы на глазах.

Французский посланник Беранже писал из Петербурга: «Чем более я присматриваюсь к господину Орлову, тем более убеждаюсь, что ему только недостает титула императора… Он держит себя с императрицей так непринужденно, что поражает всех, говорят, что никто не помнит ничего подобного ни в одном государстве со времени учреждения монархии. Не признавая никакого этикета, он позволял себе в присутствии всех такие вольности с императрицей, каких в приличном обществе уважающая себя куртизанка не позволит своему любовнику». Наблюдательный француз отмечал: «Он обращается иногда со своей государыней, как со служанкой». Иногда он закатывал ей грандиозные скандалы, в сердцах на много дней уезжая охотиться, пока от Екатерины не приходило письмо с просьбой о примирении.

Но она не смела остановить Орлова, потому что любила его и боялась. Еще больше боялась императрица гвардии, стоявшей за спиной Григория, которая в любой момент могла сбросить ее с трона, так что приходилось терпеть. Да и сам Орлов открыто заявлял Екатерине, что если он с братьями захочет, то так же легко свергнет ее, как возвел. Однажды он сделал такое заявление в компании, допустив, что достаточно месяца, чтобы скинуть Екатерину с престола. На что гетман Кирилл Разумовский ему ответил: «Может быть, мой друг. Но зато и недели не прошло бы, как мы бы тебя вздернули». Да, немало было людей, готовых самого Орлова скинуть в грязь или даже убить, ибо он явно зарвался. Но об этом потом, пока же Екатерине следовало поторопиться с ее коронацией.

За дело взялся неизменный Григорий и справился с порученным ему делом «очень хорошо». Прямо в день коронации капитан Орлов был произведен в генерал-поручики, назначен генерал-адъютантом, возведен в графское достоинство, награжден орденами Андрея Первозванного и Александра Невского, назначен шефом Кавалергардского полка и подполковником Конного полка. Карьерный взлет 28-летнего Григория Орлова был стремительным! Кроме этого он получил от Екатерины II крупную сумму денег; ему были отписаны мызы Ропша и Гатчина с несколькими селами и деревнями, населенными тысячами крепостных крестьян. Екатерина также попросила австрийского императора Франца I пожаловать Орлову титул князя Священной Римской империи. Наконец, ему был пожалован медальон в форме сердца, усыпанного бриллиантами,

с портретом императрицы, с правом носить его в петлице. Не были обойдены щедрыми наградами и другие участники заговора – братья Алексей и Федор Орловы, Екатерина Дашкова, вахмистр Григорий Потемкин и другие лица, составлявшие партию Екатерины. Одних денег было роздано гвардейцам и солдатам 800 тысяч рублей.

Став русской царицей, Екатерина II отчетливо осознавала, что она, немка, заняла российский трон незаконно. Как же выйти из этого положения? Как ей породниться с русскими? То ли ей кто-то подсказал, то ли она сама вспомнила, что в Шлиссельбургской крепости вот уже 20 лет томится Иван Антонович, законный русский император, которого свергла Елизавета. Он был внуком царя Ивана V. И Екатерина II в 1762 году решила выйти за него замуж! «Я заглажу причиненную ему несправедливость, и русский народ, жалеющий бедного заключенного царя, будет меня боготворить», – самонадеянно заявила она. Но она сначала пожелала взглянуть на своего «жениха». Посетив его в крепости, она ужаснулась – в свои годы он мог произнести лишь несколько связных фраз, его не выпускали на воздух, и все занятие взрослого мужчины с мозгами ребенка заключалось в игре с материнскими драгоценностями. Вопрос о женитьбе отпал сам собой. Потрясенная императрица промолвила: «Нет, я не могу выйти за него… Это ужасно. Несчастный принц. Он ни в чем не был виноват». Бедный Иван Антонович так и остался в заточении, пока в 1764 году его не убили охранники, когда поручик Мирович попытался освободить «принца», чтобы сместить Екатерину II с трона. И таких заговоров против Екатерины было немало на ее веку.

Что ей в этой ситуации оставалось делать? Григорий Орлов, отец ее ребенка – вот выход! Если они поженятся, то она станет ближе к русскому народу! Сам же Гришка тоже был не против – наоборот, он даже настаивал на этом. И тут возник новый заговор, направленный, правда, не против Екатерины, а против Орлова. Конечно, не все были довольны тем, что Григорий Орлов собирался жениться на императрице. Да и сама Екатерина опасалась, что Орлов может занять трон, а она станет просто его женой. В качестве главного заговорщика против Екатерины с Орловым выступил секунд-ротмистр Федор Хитрово, который поделился своими соображениями со своим двоюродным братом поручиком Ржевским. Он рассказал ему, что привлек к заговору еще двух офицеров – Ласунского и Рославлева. План был таков – просить государыню не выходить замуж за Григория, а в случае ее несогласия перебить всех братьев Орловых. Перепуганный Ржевский рассказал об услышанном «Алехану» (Алексею Орлову),

и Федора Хитрово арестовали. В Москве и Петербурге начались волнения, срывали портреты Екатерины с триумфальных арок, воздвигнутых в честь ее коронации; неспокойно было и в гвардейских полках.

В мае 1763 года Екатерина II поручила В. Суворову (отцу знаменитого полководца) произвести негласное следствие по этому делу, рекомендовав при этом «поступать весьма осторожно, не тревожа ни город и сколь можно никого…» Следствием было установлено, что Федор Хитрово с небольшим числом заговорщиков винил во всем происходящем Алексея Орлова, так как «Григорий глуп, а больше все делает Алексей, и он великий плут и всему оному делу причиною». Было также установлено, что на жизнь Екатерины заговорщики покушаться не намеревались, их целью были только братья Орловы. Поэтому Екатерина ограничилась тем, что сослала Федора Хитрово в его имение в Орловской губернии, где он и умер в 1774 году, а двух его сподвижников – премьер-майоров Ласунского и Рославлева – уволила с военной службы в чине генерал-поручиков. (То есть Екатерина даже повысила их в звании за то, что они деятельно участвовали в перевороте.) Существует и другая версия заговора Хитрово – их просто обошли наградами, вот вам и мотив. Завистники, короче, а не «революционеры».

Тем не менее Екатерина пребывала в раздумье – выходить ей замуж за Орлова или нет? С одной стороны, нарушать данное слово было бы нехорошо – все-таки она обещала ему, что выйдет за него замуж в случае удачного переворота. Заговор удался, и Григорий сделал все, чтобы Екатерина взошла на трон. Да, и с русскими породниться ей было необходимо. Возможно, Екатерину останавливало и чисто женское соображение: при своей любвеобильности она не была уверена, что сохранит верность Григорию.

Так, пребывая в сомнениях, она передала это дело на рассмотрение Сената. На этом историческом заседании встал граф Панин и сказал: «Императрица может делать все, что угодно, но госпожа Орлова не будет нашей императрицей…» В этом графа Панина немедленно поддержал украинский гетман Кирилл Разумовский. Зачем он это сделал, было и так понятно – ведь он тоже ухлестывал за Екатериной. А что касается заявления Панина, то поговаривали, что оно было инспирировано самой Екатериной, не желавшей этого бракосочетания. Осознавая опасность такого поворота событий, Екатерина заявила Орлову: «Друг мой, я люблю тебя, но если я обвенчаюсь с тобою, нам грозит участь Петра III». Таким образом, она защищала его от убийства, а себя – от мятежа с непредсказуемыми последствиями.

Но Орлов не отставал – раз уж официально жениться на Екатерине было нельзя, то он требовал уже тайного венчания, ссылаясь на пример императрицы Елизаветы и Разумовского. Далее была уже описанная нами поездка канцлера Воронцова к Алексею Разумовскому, морганатическому супругу императрицы Елизаветы. Тот показал канцлеру документы о венчании, а потом сжег их в камине. Таким образом, прецедент был уничтожен, за что Екатерина II была безмерно благодарна Разумовскому.

Итак, Екатерина нарушила данное слово и отказалась выходить замуж, хотя по-прежнему была влюблена в красавца-гвардейца. Женская логика в данном случае ни при чем – один трезвый расчет, одна политика. Но то, что императрица все еще продолжала любить Орлова и спать с ним, вселяло в него надежду. А вдруг она еще передумает? Екатерина тоже думала, и пришла к выводу, что вступать в брак с русским совсем не обязательно – лучше проводить русскую политику и содержать в любовниках русских мужчин. Кстати, среди всех многочисленных любовников императрицы не было ни одного иностранца.

А потом был эпизод с избранием королем Польши Станислава Понятовского. Вообразив, что, сделав своего бывшего фаворита польским королем, Екатерина выйдет за него замуж, Орлов кричал: «Я вам не позволю сделать королем вашего бывшего любовника!» – и стучал кулаком по столу. Императрица еле утихомирила его, и Понятовский был избран королем Польши. Но такая коллизия имело право на существование – выйди Екатерина за Понятовского, мы бы до сих пор были с Польшей единым государством. Другое дело, что Екатерина сама этого не хотела из чисто политических соображений.

А пока Екатерина II деятельно продвигала Григория Орлова по службе: в 1764 году он стал генерал-аншефом, то есть полным генералом, в 1765 году – командующим артиллерией и инженерными войсками. По примеру Екатерины он завел переписку с Жан-Жаком Руссо, Дидро, стал много читать, благоволил к Ломоносову, Фонвизину и Кулибину, стал президентом Вольного экономического общества. В 1766 году был опубликован указ об избрании депутатов в Уложенную комиссию для составления нового свода законов. Всех пятерых братьев Орловых избрали депутатами от тех уездов страны, где у них были имения. В 1767 году Григорий Орлов был избран маршалом этой Уложенной комиссии, но отказался от этой чести «за множеством дел, возложенных на него ее императорским величеством». Другое дело, что работа этой Комиссии прекратилась в связи с начавшейся в 1769 году русско-турецкой войной, но тут уж Орлов не виноват.

Тем не менее Григорий Орлов прославился своей противоэпидемической деятельностью. Когда в 1771 году в Москве вспыхнула чума, то именно его Екатерина II отправила для борьбы с ней (по другой версии, он отправился туда добровольно). Чума – страшная болезнь, и этого «морового поветрия» на Руси боялись больше всего. В сентябре того года смертность от чумы в старой столице достигала более тысячи человек в день. Служилое дворянство разбежалось по своим подмосковным имениям. В сентябре столицу оставил и московский главнокомандующий фельдмаршал Петр Салтыков (брат любовника Екатерины). В Москве воцарилась анархия. На следующий день в городе начался бунт. Поводом к нему послужил запрет архиепископа целовать икону чудотворной Боголюбской богоматери, что у Варварских ворот – люди сотнями прикладывались к ней с надеждой на избавление от чумы, но тем самым еще больше разносили заразу. 15 сентября ударили в набат, и тысячи людей ворвались в Кремль, разыскивая там архиепископа Амвросия, наложившего этот запрет. Тот уже успел укрыться в Донском монастыре, но монастырь взяли штурмом и Амвросия зверски убили. После этого бунтовщики снова вернулись к Кремлю, но на этот раз были разогнаны пушечными залпами. В это время на помощь Москве уже двигались четыре гвардейских полка под командой Григория Орлова. Он въехал в столицу и остановился в Лефортовском дворце, причем злоумышленники сразу подожгли его. В Москве Орлов действовал не репрессиями, а умиротворением – увеличил число больниц, а крепостным, работавшим в них, обещал вольную, выздоровевших же приказал снабжать бесплатной едой и одеждой. Был открыт приют для детей, оставшихся сиротами, сожжено более трех тысяч домов, в которых ютились больные, а шесть тысяч домов подвергнуты дезинфекции. Смертной казни предали лишь четверых убийц архиепископа Амвросия, а более 170 смутьянов и бунтовщиков высекли розгами, а затем отправили на галеры. Больше никого не трогали, хотя в беспорядках принимали участие тысячи человек. Пробыв в Москве три недели, Григорий Орлов вернулся в Петербург как победитель чумы, которая грозила перекинуться и на другие города России. Екатерина II приказала отчеканить в честь своего фаворита золотую медаль с надписью: «И Россия таковых сынов имеет». В память деяний Григория Орлова в Царском Селе была воздвигнута триумфальная арка, на фронтоне которой были выбиты слова: «Орловым от беды избавлена Москва». За этот подвиг императрица щедро наградила Григория; помимо этого он получал большие суммы на свои именины и в день рождения.

Но Григорий Орлов уже успел надоесть императрице, и пока он был в зачумленной Москве, она на несколько дней приблизила к себе красивого поляка Высоцкого. Вернувшись из Москвы, Орлов снова занял место фаворита, но его дни как любовника были уже сочтены.

Каким же было десятилетнее правление Россией фаворита Орлова? Историк той поры князь Щербатов так охарактеризовал это время: «Во время “случая” Орлова дела шли довольно порядочно, и государыня, подражая простоте своего любимца, снисходила к своим подданным. Люди обходами не были обижены, и самолюбие государево истинами любимца укрощаемо часто было… Орлов никогда не входил в управление не принадлежавшего ему места, никогда не льстил своей государыне, к которой неложное усердие имел, и говорил ей с некоторой грубостью все истины, но всегда на милосердие подвигал ее сердце; старался и любил выискивать людей достойных… Ближних своих любимцев не любил инако производить, как по мере их заслуг, и первый знак его благоволения был заставлять с усердием служить Отечеству и в опаснейшие места употреблять». Вот каким государственным деятелем был Григорий Орлов! Сам верой и правдой служил Отечеству и других к этому сподвигал собственным примером.

Казалось, Григорий Орлов, более десяти лет являвшийся фаворитом Екатерины II, находился на вершине богатства и славы. Но вдруг в 1772 году Екатерина II решила дать ему дипломатическое поручение – быть главным уполномоченным при подписании мира с Турцией в Фокшанах. «Орлову перед отправлением на переговоры было подарено несколько парадных кафтанов, один из которых, усыпанный брильянтами, стоил миллион рублей. Его свита напоминала царский двор и насчитывала вместе со слугами и лакеями более трехсот человек», – писал историк. Переговоры, как назло, не заладились – турки оказались изрядными упрямцами. Не проявив никаких дипломатических талантов, Григорий Орлов прервал переговоры и уехал в ставку фельдмаршала Румянцева в Яссы. Он требовал от Екатерины, чтобы она назначила его главнокомандующим русской армией вместо Румянцева и отправила на завоевание Византии. Григорий Орлов решил завоевать новую славу и вел себя как император. Здесь-то, в Яссах, один из братьев и получил из Петербурга известие о том, что Екатерина II завела себе нового любовника – 26-летнего поручика Васильчикова. Григорий Орлов бросил все и помчался в Северную столицу, но было уже поздно. Вот что писал прусский посланник граф Сольмс своему королю Фридриху II: «Не могу больше воздержаться и не сообщить

Вашему Величеству об интересном событии, которое только что случилось при этом дворе. Отсутствие графа Орлова обнаружило весьма естественное, но тем не менее неожиданное обстоятельство: Ее величество нашла возможным обойтись без него, изменить свои чувства к нему и перенести свое расположение на другой предмет. Конногвардейский поручик Васильчиков, случайно отправленный с небольшим отрядом в Царское Село для несения караулов, привлек внимание своей государыни… Некоторая холодность Орлова к императрице за последние годы, поспешность, с которой он в последний раз уехал от нее, оскорбившая ее лично, наконец, обнаружение многих измен – все это вместе взятое привело императрицу к тому, чтобы смотреть на Орлова как недостойного ее милости».

Вот оно что – оказывается, Гришенька изменял своей повелительнице! То, что он таскал чужих жен и любовниц в постель до того, как сошелся с Екатериной, ни для кого не было секретом – одна история с пассией Шувалова чего стоит! Но чтобы будучи официальным любовником Екатерины II еще и налево бегать? В общем, это было в его духе, но здесь же сама императрица! Наверное, он много возомнил о себе: что Екатерина, чувствуя себя обязанной за то, что он возвел ее на престол, будет любить его вечно. Потому что еще в 1765 году, за семь лет (!) до разрыва с Екатериной, французский посланник в России Беранже докладывал в Версаль о Григории Орлове: «Этот русский открыто нарушает законы любви по отношению к императрице; у него в городе есть любовницы, которые не только не навлекают на себя гнев императрицы за свою угодливость Орлову, но, по-видимому, пользуются ее расположением. Сенатор Муравьев, накрывший с ним свою жену, едва не сделал скандала, прося развода. Царица умиротворила его, подарив земли в Ливонии».

То есть Екатерина II целых семь лет терпела неверность Орлова, покрывала его амуры и даже одаривала землями мужей-рогоносцев! О том, что любовницы Григория «пользуются расположением» императрицы, и речи быть не могло, здесь француз ошибся – она просто терпела его выходки в воздаяние заслуг Орлова, возведшего ее на трон. А то, что женщины сами на него вешались, в этом нет никакого сомнения.

Так или иначе, а Екатерине надоели все эти похождения, и она решилась на разрыв с Орловым. Тем более что объявился такой приятный молодой человек, Васильчиков. Свою роль сыграло и то, что Екатерина за эти десять лет уже укрепилась на троне и больше не боялась ни Орлова, ни гвардии, стоявшей за ним. Теперь гвардия была на ее стороне. Кроме того, вскрылись и

факты казнокрадства – Григорий Орлов, получив два миллиона рублей на усовершенствование русской артиллерии, один миллион прокутил с дамами легкого поведения.

А Григорий тем временем мчался в Петербург – он боялся потерять свое положение при императрице. В гневе он кричал, что убьет и Екатерину, и ее нового любовника. Однако Екатерина II запретила ему въезжать в столицу и велела удалиться в подаренную ею Гатчину. Потом она стала засылать к Орлову гонцов с различными предложениями, как-то: выйти в отставку со 150-тысячной ежегодной пенсией, при условии, что не станет жить в Петербурге. Она все еще боялась Орлова – какой-нибудь его дикой выходки, а пуще всего того, что на содержании у Григория состояло более тысячи гвардейцев. И она предпочла уладить дело миром. Когда она попросила его вернуть ей бриллиантовый медальон, то он вынул из него камни и отослал ей, заявив, что отдаст его только тому, кто вручал. Что думал обо всей этой истории Григорий? Клял ли он себя за неверность императрице или корил ее? Мы не знаем, но что это было для него ударом – это точно. Екатерина тоже в этом отношении была не подарок.

Переговоры шли долго и нудно, посредничал в них брат Григория Орлова – Иван. Сошлись на том, что кроме ежегодной пенсии Орлов получает единовременно 100 тысяч рублей на покупку дома и разрешение проживать в любом из подмосковных дворцов Екатерины II. Кроме того, ему были подарены 10 тысяч крепостных, огромный серебряный французский сервиз и недостроенный Мраморный дворец в Петербурге. Наконец, государыня вручила ему рескрипт об утверждении его в графском достоинстве Священной Римской империи. Мы уже писали выше, что еще в 1763 году Екатерина II просила австрийского императора присвоить Орлову титул графа; тот пожелание русской царицы выполнил, но она придержала документ на время. И вот подходящий случай настал – дальновидная была женщина, что и говорить!

Тем не менее Григорий Орлов не сдавался. Он уже привык к тому, что Екатерина принадлежит ему; вернее, еще не отвык от мысли, что она – его. Он продолжал засыпать ее письмами, посылал к ней своих братьев и из Гатчины уезжать не собирался. После долгих раздумий в конце 1772 года Григорий неожиданно, несмотря на запрет царицы, появился в столице. Он остановился у своего брата Ивана и на следующий же день был принят императрицей. О чем они говорили, неизвестно, ясно только одно – Екатерина от своего не отступилась. «Вечером (того же дня) посетил притоны разврата и открыто кутил с публичными

женщинами», – докладывали Екатерине доброхоты. Нет, он был неисправим!

Иностранный дипломат Сабатье писал: «Его неудержимая страсть к удовольствиям, безумное увлечение женщинами, отсутствие какого-либо сдерживающего начала, моментальное исполнение малейших желаний – все это уничтожало задатки, которые могли бы развиться при ином воспитании…» Экс-фаворит Григорий Орлов по-прежнему стал ежедневно появляться при дворе, шутил и натянуто улыбался, делая вид, что ничего не случилось, и даже стал благоволить своему сопернику – Васильчикову, но и это результата не имело.

В начале 1773 года Орлов уехал в Ревель, где намеревался провести всю зиму, но уже через два месяца вернулся в Петербург. Его мучила неопределенность собственного положения. Наконец Екатерине надоела вся эта маета, и она издала указ, в котором говорилось: «Наше желание есть, чтоб вы ныне вступили паки в отправление дел наших вам порученных». То есть, с одной стороны, она пожалела Григория, видя, как он страдает, с другой – не могла поступиться своей женской гордостью – раз уж прогнала его, значит, прогнала. Наверное, здесь были еще и практические соображения – Орлов был готов к свершениям на государственной службе, что ранее доказал, а Васильчиков оказался полным ничтожеством. Екатерине II в этот момент просто не на кого было положиться…

После этого Екатерина, в нарушение всех правил, в Гатчине, где проживал Орлов, в его присутствии встречается с принцессой гессен-дармштадской и двумя ее дочерьми, одна из которых должна стать женой наследника Павла Петровича. Она звалась Августой-Вильгеминой-Луизой, ставшей в православии Натальей Алексеевной. И неукротимый в своих пристрастиях Григорий Орлов начинает ухаживать за ней! Прусский посланник Сольмс со срочным курьером отправляет в Берлин письмо: «…Граф Панин, всегда зорко наблюдающий за всем, что делает семья Орловых, по-видимому, имеет причины подозревать, что князь Орлов простирает свои честолюбивые виды до намерения жениться на принцессе дармштадской…» Слава богу, страхи немцев оказались напрасными – Григорию все это ухаживание скоро надоело, и он бросил принцессу ради первой же подвернувшейся фрейлины. За ней-то ухаживать было нечего – сама в постель запрыгнет: какие уж там реверансы с поклонами! Так Орлов чуть не отбил невесту у Павла Петровича – лень помешала…

Итак, бывший фаворит возвратился ко всем своим прежним обязанностям, кроме одной – любовника императрицы. Казалось, фортуна опять повернулась к нему, но это было не так. С 1773

года его влияние при дворе начало стремительно падать. Екатерина II писала: «Я многим обязана семье Орловых; я их осыпала богатствами и почестями; я всегда буду им покровительствовать, и они могут быть мне полезны; но мое решение неизменно: я терпела одиннадцать лет; теперь я хочу жить, как мне вздумается и вполне независимо. Что касается князя – то он может делать вполне, что ему угодно: он волен путешествовать или оставаться в империи, пить, охотится, заводить себе любовниц… Поведет он себя хорошо – честь ему и слава; поведет плохо – ему же и стыд».

Осознав, наконец, что прошлого не вернешь, Григорий Орлов в 1775 году подал в отставку. Наступила эпоха нового фаворита Екатерины II, князя Потемкина. Орлов уехал за границу, долго путешествовал по Европе, поражая чужеземные столицы своим роскошным образом жизни и пугая карточных игроков огромными ставками. Он повстречался в Париже со своим давнишним корреспондентом – Дени Дидро, который сравнил Орлова с «котлом, который вечно кипит, но ничего не варит». Вернувшись через год в Петербург, он занял положение, напоминающее положение Разумовского в царствование императрицы Елизаветы при ее новом фаворите Шувалове. При дворе его называли просто «князь». С Екатериной II у него установились если не дружеские, то вполне приемлемые отношения. В ответ на подаренный ему Мраморный дворец Орлов преподнес царице на день именин алмаз «Надир-Шах», за который он уплатил 460 тысяч рублей. (Ныне этот знаменитый алмаз «Орлов», вделанный в скипетр русских царей, хранится в Алмазном фонде России.)

Императрица, несмотря на то, что у нее был новый фаворит, с теплотой вспоминала об Орлове. Вот что она писала в 1776 году: «Я всегда чувствовала большую склонность подчиняться влиянию лиц, знающих больше меня, лишь бы они не давали чувствовать, что они ищут этого влияния, иначе я убегала со всех ног прочь. Я не знаю никого, кто был бы так способен помочь проявиться этой склонности во мне, как князь Орлов. У него природный ум, идущий своим путем, и мой ум за ним следует».

В 1777 году князь женился на своей кузине, фрейлине императрицы Зиновьевой. Ему было в ту пору 43 года – мужчина в полном расцвете сил, а Зиновьевой 18 лет. Она к тому времени уже имела множество женихов, но кто сравнится с Орловым? Их любовь была взаимной. Молодая женщина писала своему брату Василию: «Я люблю его, как никого не любила и… очень счастлива». Екатерина II, окончательно избавившись от матримониальных притязаний Орлова, на радостях зачислила

Зиновьеву в статс-дамы и подарила молодым на свадьбу массивный золотой сервиз. Медовый месяц они провели в Швейцарии, а потом вернулись в Петербург и вели тихую, ничем не примечательную жизнь. Князь Орлов редко появлялся при дворе; он смирил свою гордыню и буйный нрав.

В 1780 году князь и княгиня снова выехали за границу, так как молодая женщина недомогала и ей был показан теплый климат. У нее была какая-то легочная болезнь, и заграничные светила медицины, к которым обращался Орлов, не смогли спасти его жену. Княгиня Орлова умерла в Лозанне в 1782 году. Смерть жены сильно подействовала на Григория; кажется, он любил ее по-настоящему. Князь затосковал, заболел и стал проявлять признаки умственного расстройства. Спустя год он скончался на 49-м году жизни. Екатерина II писала по этому поводу: «Хотя я и была подготовлена к этому ужасному событию, но, не скрою… оно глубоко опечалило меня… я ужасно страдаю».

«Так проходит мирская слава», – говорили древние. Был неслыханный взлет Орлова, было и невиданное падение. На его смерть в столь молодом возрасте повлияли не только кончина жены, но и переживания, связанные с романом императрицы и внезапным разрывом с ней.

Порвав с Орловым, императрица решила поставить «производство» любовников-фаворитов на поток. Во дворце у нее и раньше была комната, перегороженная зеркалами, чтобы приближенные лица находились в ней незаметно для окружающих и всегда были рядом. В ней поочередно, а то и вместе сидели Понятовский, Нарышкин и тот же Орлов. Начиная с Александра Васильчикова последовали нововведения и усовершенствования. Механизм поиска любовников был прекрасно отлажен и отрегулирован. Например, Екатерина обращала внимание на какого-нибудь стройного красавца поручика. На следующий день она присваивала ему чин флигель-адъютанта и вызывала во дворец. Здесь обомлевшего поручика осматривал лейб-медик императрицы венеролог доктор Роджерсон. Если молодой человек оказывался здоровым, то он попадал в спальню фрейлины Брюс или Протасовой, которую все называли Анькой-прелюбодейкой. В функции этой искушенной в плотских утехах дамы, которой Екатерина II полностью доверяла, входила проверка молодца на выносливость в сексе. Его ждало совсем не простое «трехнощное испытание». Только после успешной сдачи этого «экзамена» и подробного инструктажа, как нужно вести себя с императрицей, он встречался с любвеобильной Екатериной. Он поселялся в покоях, соседних с императорскими: апартаменты уже были готовы к прибытию

очередного фаворита. Толпы слуг и лакеев должны были выполнять малейшие прихоти и пожелания очередного екатерининского куртизана. Он был лишен лишь одного – права общаться с кем-либо, кроме узкого круга доверенных лиц императрицы. Таким образом, молодой человек оказывался в «золотой клетке». Он не мог никого посещать и ни от кого принимать приглашений.

Однажды один из фаворитов, Дмитриев-Мамонов (о нем позже), получил приглашение на обед к графу Сегюру. Выйдя из-за стола, граф увидел, что под его окном стоит карета… императрицы! Екатерина боялась даже на минуту расстаться с возлюбленным. Похожий случай произошел и с другим ее фаворитом – Корсаковым. Однажды его пригласила к себе вторая жена Павла, великая княгиня Мария Федоровна. Екатерина сильно рассердилась и послала сказать ей, чтобы та никогда больше так не поступала. Царица решила, что Корсаков понравился великой княгине и та хочет отбить его у нее. У Марии Федоровны и в мыслях ничего такого не было: это была женщина строгого пуританского воспитания. Да, екатерининские фавориты находились на положении одалисок в гареме турецкого султана.

Екатерина II расставалась со своими любовниками по разным причинам (смерть, недостойное поведение), но ни один из них не был подвергнут опале, даже если государыня уличала его в измене. Всех их она щедро одаривала чинами, титулами и деньгами. Они в первый же день получали звание флигель-адъютанта, мундир с бриллиантовым аграфом и сто тысяч рублей (!) на первое время. Если же любовник устраивал императрицу по всем статьям и задерживался надолго, то за этими милостями следовали многочисленные подарки, множество крепостных и даже особое благословение митрополита.

Немного о сексуальности Екатерины II, а вернее, ее гиперсексуальности, или нимфомании. Ее всю жизнь одолевали плотские страсти. И дело здесь не только в дурной наследственности (о матери Екатерины мы уже писали), дело в ней самой. Екатерина не была привлекательна от природы. Для привлечения мужчин она использовала свое «служебное положение», возвышая своих любовников. Она признавала только красивых мужчин и предъявляла к ним «геркулесовы» требования. Став императрицей, она проводила строгое разграничение между «любовниками», которым, как ни странно, оставалась морально верна долгие годы, и «игроками на один сезон», которые лишь ублажали ее в постели. Современники отмечали ее женскую привлекательность и сладострастие.

Так вот, гиперсексуальность – это патологическое половое

влечение; причины его возникновения различны. Одна из них – нарушение функций головного мозга, имеющих непосредственное отношение к половой функции. В этом случае половое влечение носит приступообразный характер. Его могут провоцировать объекты, имеющие даже весьма отдаленное отношение к половой жизни. Половое возбуждение у такой женщины вызывают не только присутствие мужчины и разговоры на эротические темы, но даже вид маленьких мальчиков. Поскольку Екатерина II в увлечении маленькими мальчиками замечена не была, то есть все основания предположить, что она была нимфоманкой.

Нимфомания – это пониженная способность к переживанию оргазма. Оргазм при этом синдроме принимает затяжной волнообразный характер, не давая чувства полного удовлетворения и принося лишь кратковременное ослабление полового влечения. Нимфоманка по-настоящему не может полюбить ни одного мужчину, поэтому она и меняет их, как перчатки, – ищет того, кто удовлетворил бы ее полностью. И Екатерина часто меняла партнеров – от польского короля до простого истопника, но все без толку. Ходили слухи, что Екатерина II умерла из-за контакта с жеребцом – так хотелось ей удовлетворения. Но все это выдумки – вы видели когда-нибудь половой член жеребца? То-то и оно… Полное удовлетворение при нимфомании невозможно – это неизлечимая болезнь, пусть и безобидная. Известно, например, что иногда она по шесть часов занималась сексом с мужчинами и не могла полностью достичь оргазма! Когда же ей изредка это наконец удавалась, то она называла секс лучшим снотворным. Так что, зная интимную жизнь Екатерины Великой, можно сказать, что она – стопроцентная нимфоманка. Психически это, наверное, очень тяжело. И морально, надо полагать, тоже. Хорошо, что у царицы была возможность менять партнеров, а если бы она была простой крестьянкой? Тогда и до самоубийства недалеко!

Екатерина II страдала от этой болезни, и, чтобы оправдаться перед окружающими, которые полагали, что царица просто развратом занимается, говорила, что фавориты услаждают ее досуг, «давая силу для новых трудов». Или: «Я оказываю услуги государству, воспитывая молодых даровитых людей». Отчасти это было так. Занятие сексом было для нее естественным отправлением организма, наделенного необыкновенной силой и пылким темпераментом. Однако основную черту характера Екатерины II составляла все же не патологическая потребность в удовлетворении основного инстинкта, а любовь к славе, стремление к власти и желание остаться в истории в ряду великих правителей; но наша книга не об этом. Екатерина II

хотела любить и быть любимой. Почему иностранцы называли ее русской Мессалиной?

Факт. Мессалина (I век нашей эры), жена римского императора Клавдия

Валерия Мессалина родилась в 25 году нашей эры в семье богатых римских аристократов. Ее отцом был сенатор, который выше всего ценил добродетель, однако его жена как раз добродетелью-то и не отличалась. Детство Мессалины прошло в обстановке общей вседозволенности и распущенности. Она читала философские труды Сенеки, но более ее привлекали «Наука любви» Овидия и эротические стихи Катулла. Уже в юном возрасте угадывалась ее чувственная натура: пышная грудь, волнующие очертания бедер, яркие влажные губы и блестящие глаза. В 15-летнем возрасте она стала женой 50-летнего знатного римлянина Клавдия (она была уже третьей по счету его женой: ради нее он развелся со своей второй женой Плавтией).

Этот брак устроил его племянник император Калигула, решив женить дядю с тем, чтобы полученное приданое забрать в казну. У Клавдия на тот момент не было ни сестерция, а отец Мессалины был богат. К тому же она была молода, красива и тщеславна.

Вскоре преторианцы (императорская гвардия) убивают Калигулу и провозглашают императором Клавдия. Так Валерия Мессалина стала императрицей. Клавдий доверял ей и поручил следить за назначением военачальников, судей и наместников провинций, а также за списками по предоставлению римского гражданства. Сам же император был занят не менее важным делом – помимо управления Римской империей он написал 20 книг по истории этрусков, 8 книг о Карфагене, драму на греческом языке и 8 томов автобиографии!

В начале своей супружеской жизни Валерия была почти образцовой женой и родила ему двух детей – девочку Октавию и мальчика Британика. Многие считали юную супругу императора образцом добродетели. Но со временем ей наскучил трясущийся, вечно занятый делами и науками, да к тому же любивший выпить старик, и Мессалина пустилась во все тяжкие, принявшись искать любовные приключения на стороне.

Одним из первых ее любовников был актер Мнестр.

Она влюбилась в него и потребовала, чтобы он ради нее оставил сцену и посвящал все свое время только ей. Когда же он отказался выполнить ее требование, то Валерия тут же донесла императору, что какой-то жалкий актеришка отказывается исполнять ее волю. Клавдий приказал Мнестеру во всем слушаться императрицу. Ослушаться богоподобного он не мог, а потому поступил в полное распоряжение своей госпожи. Любила Мессалина актера неистово и через три года в его честь даже воздвигла бронзовую статую, якобы за актерские заслуги.

В 45 году нашей эры Клавдий отправился на завоевание Британии, а Мессалина осталась «на хозяйстве». Уж тут-то она развернулась! Валерия побуждала знатных римлян воспользоваться своей благосклонностью. Одних мужчин она привлекала своими женскими прелестями, других – своим высоким положением, третьих просто покупала. Тот, кто отказывался ублажать Мессалину, обвинялся в государственном преступлении со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Со временем простой секс ее уже не устраивал. Как свидетельствует историк Тацит: «Мессалине уже надоела легкость прелюбодеяния. Ее влекло к ненасытному сладострастию…» В своих желаниях она все сметала на своем пути. Однажды она возжелала наместника Рима в Испании Аппия Силана. Он сначала долго сторонился ее, но она все же приблизила его к себе, женив на своей матери, которая к тому времени уже овдовела. Дальше Мессалина при содействии матери принуждает Силана разделить с ней постель. Силан отказывается, и в отместку она приказывает убить несчастного.

Мессалина безумствует все больше и больше – ее чувственность выходит из берегов, ее ненасытность становится болезнью. Чтобы получить длительные наслаждения, она, надев парик, яркие юбки, наложив на лицо белила и румяна, тайком покидала дворец и шла в обычный лупанарий (бордель), где все ее знали под именем Лициски (Волчицы). Там в маленькой каморке на соломенной подстилке она за гроши отдавалась первому встречному. Острота ощущений для императрицы, обладающей несметными богатствами, была полной! Но дело было не в деньгах – дело было в нимфомании, болезни, которой она страдала. Но и

домов терпимости Мессалине было мало – она ночью рыскала по городу в облике Лициски в поисках мужчин и действовала неутомимо, как хорошо налаженная секс-машина. Однажды она напилась до такой степени, что голой танцевала на деревянных подмостках Форума. В другой раз она приказала переделать дворцовую спальню в публичный дом. Написав на дверях имя самой знаменитой римской проститутки, она разделась, позолотила соски своих маленьких грудей и стала приглашать мужчин. Торговля телом пошла столь успешно, что она предложила той же проститутке состязание: кто сможет за сутки обслужить большее количество мужчин? Плиний-старший поведал, что Валерия превзошла конкурентку, так как «на протяжении двадцати четырех часов она совокупилась двадцать пять раз».

Вернувшись из похода, император Клавдий ничего не узнал о проделках своей жены. Целых три года она обманывала его.

Однако погубила ее не похоть, а… любовь, неожиданно вспыхнувшая в ее сердце. В 48 году она безумно влюбилась в римского красавца Гая Силия и начала добиваться его. Сначала она вывела из игры его жену Юнию. Потом осыпала его всевозможными милостями и даже воздвигла в его честь статую. Затем купила огромный дворец и там открыто жила со своим возлюбленным. У римских патрициев семейная неверность строго каралась, и такое поведение жены императора не могло не вызвать кривотолков. Тогда она придумала хитрый ход – убедила суеверного Клавдия, будто ей приснился вещий сон о том, что если Гая Силия не будет с ней рядом, то императора ждет смерть. Иначе говоря, шантаж супруга – или любовник, или жизнь. Клавдий легко клюнул на эту уловку, тем паче что в Древнем Риме в вещие сны верили все поголовно. Добившись своего, она тайно сочеталась браком с Гаем Силием.

Уже готовилась официальная церемония, чтобы узаконить их брак в отсутствие Клавдия в городе, но это встревожило многих приближенных императора, ведь могла последовать резня. Сделать Гая новым императором Мессалине было проще простого, например, отравив Клавдия, но при этом пострадало бы все окружение действующего императора. К заговору

против Клавдия примкнула часть аристократии.

Чашу терпения граждан Рима переполнила Вакханалия (праздник сбора винограда) 48 года. Мессалина вела в танце обнаженных девиц, а Гай Силий, увенчанный венком из плюща, наблюдал за этим зрелищем с ложа. Когда эротический танец завершился, Гай и Мессалина совершили на этом ложе акт любви.

Против Мессалины выступил один из ближних советников Клавдия, вольноотпущенник Нарцисс. Император, как всегда, ничего не знал; он в тот момент находился в Остии. Советник рассказал императору другой вещий сон, доказывающий, что Мессалина строит против него козни. Аргумент был прост – если Клавдий не избавится от Мессалины, то Мессалина избавится от него. И останется править империей со своим фаворитом Гаем Силием. Клавдий наконец прозрел и приказал Нарциссу арестовать зачинщиков мятежа. Нарцисс перестарался и схватил всех высокопоставленных любовников Мессалины – 160 человек! «Заговорщиков» умерщвляли без суда и следствия.

Преторианцы в это время убили Гая Силия и Мнестера. Силий даже и не пытался оправдываться. Затем наступила очередь Мессалины. От нее все отвернулись, никто из римской аристократии не пришел к ней на помощь. Клавдий, отяжелев от вина, решил расправиться с ней завтра. Нарцисс, однако, почувствовал, что за это время коварная Мессалина сможет что-нибудь придумать, и приказал страже казнить ее немедленно.

Ее нашли в саду. Мать дала ей острый кинжал для самоубийства. Но Мессалина отказывается, ей хочется жить. Она рыдает. Преторианцы, обступив ее, бесстрастно смотрят ей в глаза, в этих взглядах нет ни капли милосердия. В отчаянье она хочет перерезать себе горло, но рука дрожит, и кинжал лишь скользит по коже. И тогда один из военных, некий трибун, лишает ее жизни одним коротким ударом меча. Душа великой блудницы отлетела на небеса; ей было всего лишь 23 года! Шел 48 год нашей эры. Об исполнении смертной казни доложили императору Клавдию. Он встретил это известие равнодушно, попросил еще вина, и пир продолжался до утра. Дальше убили обоих детей Мессалины. Они пали жертвой любовных игр своей матери. Что осталось от Мессалины? Стихи Децима

Ювенала, в которых он описывал похождения Мессалины, сочинения Тацита, Светония, Плиния и Сенеки да мраморный бюст, хранящийся в Лувре. Пухленькое личико, почти ребенок. А какие вокруг нее разыгрывались страсти!

Имя Мессалины стало нарицательным для обозначения женщин, занимающих высокое положение и отличающихся развратным поведением.

А теперь обратимся к еще одному нашему герою, Васильчикову – читатель может подумать, что мы забыли о нем. С ним приключилась такая история.

Александр Васильчиков был корнетом лейб-гвардии Конного полка. Весной и летом 1772 года он часто бывал в караулах Царского Села, где на одном из дворцовых разводов обратил на себя внимание Екатерины II. В ту пору ему было 26 лет (а Екатерине – 43). Васильчиков был стройным, высоким, красивым молодым человеком, как раз таким, каких любила Екатерина. На следующий день он получил золотую табакерку «за содержание караулов». Затем последовал еще ряд подарков и повышений. В августе 1772 года он был пожалован в камер-юнкеры, а в сентябре стал камергером. Потом последовала процедура медосмотра врачом Роджерсоном и «трехнощное испытание» мадам Протасовой. Результаты оказались превосходными, и Васильчиков занял апартаменты, в которых раньше проживал Григорий Орлов. На случай внезапного возвращения бывшего фаворита, отличавшегося буйным нравом, к его дверям был поставлен караул. Так Васильчиков оказался в «золотой клетке». Подобное происшествие не осталось незамеченными в высших кругах, а также в среде иностранных дипломатов. «Лакеи и горничные императрицы были озабочены и недовольны, ибо любили Орлова и он им покровительствовал», – писал прусский посол своему королю, на что Фридрих II рекомендовал ему «заискивать дружбу у нового любимца».

Васильчиков сравнительно мало использовал свое положение фаворита. Он прославился именно своими бескорыстностью, любезностью и скромностью. Звезд с неба, как Орлов, не хватал. Уже с первых дней, как Васильчиков поселился в бывших покоях Орлова, Екатерина начала тяготиться этой связью, о чем чистосердечно поведала Потемкину, сменившему Васильчикова: «…И даже до нынешнего месяца я более грустила, нежели сказать могу, и никогда более, как тогда, когда другие люди бывают довольные и всякие приласканья во мне слезы принуждала, так что я думаю, что от рождения своего я столько не плакала, как

сии полтора года; сначала я думала, что привыкну, но что далее – то хуже, ибо с другой стороны (то есть со стороны Васильчикова) месяцы по три дуться стали, и признаваться надобно, что никогда довольнее не была, как когда сердиться и в покое оставит, а ласка его мне плакать принуждала». То есть ласки Васильчикова в ней вызывали слезы, и ей было лучше, когда он сердился (дулся) и совсем не ласкал. Однако ж она терпела его целых полтора года!

Надо сказать, что и Васильчиков не испытывал удовольствия от близких отношений с Екатериной. По словам одного современника, «воспитание и добрая воля лишь в слабой степени и на короткое время возмещают недостаток природных талантов. С трудом удержал Васильчиков милость императрицы неполные два года…».

Так что разрыв отношений между ними был лишь делом времени, и произошел он внезапно. «Когда Васильчиков был в последний раз у императрицы, – писал все тот же современник, – он вовсе не мог даже предчувствовать того, что ожидало его через несколько минут. Екатерина расточала ему самые льстивые доказательства милости, не давая решительно ничего заметить, но едва только простодушный избранник возвратился в свои комнаты, как получил высочайшее повеление отправиться в Москву. Он повиновался без малейшего противоречия… Если бы Васильчиков при его красивой наружности обладал большим умом и смелостью, то Потемкин не занял бы его место так легко». То есть так надоел Екатерине своими «приласканьями», что она без объяснений решила прогнать его, а он был только этому и рад. Однажды он высказался так: «Я был только проституткой, и со мной так и обращались». Расстались они, по-видимому, к взаимному удовольствию.

За время пребывания фаворитом Васильчиков получил деньгами и подарками миллион рублей, 7 тысяч крепостных, приносивших ему 35 тысяч рублей годового дохода, на 60 тысяч рублей бриллиантов, серебряный сервиз стоимостью 50 тысяч рублей, пожизненную пенсию в 20 тысяч рублей и великолепный дом в Петербурге на Дворцовой площади (позже он был выкуплен Екатериной за 100 тысяч рублей для своего очередного фаворита Римского-Корсакова). Вдобавок Васильчикову был присвоен титул графа и звание кавалера ордена Александра Невского. При всем этом он так и остался корнетом! Ранее полученное придворное звание камергера номинально осталось за ним, но при этом ему запрещалось посещать двор. Екатерина вообще не любила встречаться со своими бывшими любовниками. Он получил из казны 50 тысяч рублей на покупку дома в Москве, где и прожил в холостяках до самой своей смерти в 1813 году, разделив между

братьями огромное состояние, полученное «за постельные заслуги».

В марте 1774 года фаворитом Екатерины стал Григорий Потемкин. «Васильчиков, способности которого были слишком ограниченны для приобретения влияния в делах и доверия государыни, теперь заменен человеком, обладающим всеми задатками, чтобы овладеть и тем и другим», – писал один англичанин, посвященный в тайны русского двора. Так взошла звезда Потемкина, нового фаворита Екатерины и выдающегося государственного деятеля. Как это произошло?

Некоторые источники сообщают, что Екатерина II жила еще и с Никитой Паниным, с которым она сошлась еще до связи с Орловым. Панин был воспитателем цесаревича Павла Петровича, а впоследствии стал канцлером Российской империи. Он был умен, нетребователен и не ревнив: наоборот, он сам поставлял Екатерине любовников, чтобы через них влиять на государыню. У него был огромный гарем крепостных наложниц, и больше одного раза в неделю он с Екатериной не спал – некогда было. Надоевших одалисок он раздаривал друзьям или продавал, а гарем постоянно обновлялся. По долгу службы (канцлер представлял собой тогда нечто среднее между министром иностранных дел и премьер-министром) он занимался политикой, и послы иностранных держав были в курсе его увлечений. Они привозили ему в подарок новых сексуальных рабынь. Особенно он был благодарен итальянскому послу, однажды подарившему для его гарема трех красивых итальянок. Кроме этого Панин имел любовниц среди дам высшего света и артисток, большей частью иностранок.

Не успела Екатерина распрощаться с занудным Васильчиковым, как Панин предложил ей кандидатуру нового фаворита – Григория Потемкина, которого посчитал вначале совершенно безвредной и даже полезной фигурой, так как через него он намеревался проводить свою политическую линию. Однако он жестоко ошибся – Потемкин сам мог повлиять на кого угодно.

Итак, Григорий Александрович Потемкин родился в 1739 году. Он был сыном смоленского полковника в отставке и сразу же после рождения, по существовавшему тогда правилу, был записан рядовым в конную гвардию. Первоначально образованием Гриши занимался дьячок из местного храма, и Григорий с детства мечтал стать священником. Однако его отец и слышать не хотел о такой карьере для родовитого, пусть и бедного дворянина. Поэтому в пятилетнем возрасте крестный отвез его в Москву и отдал на воспитание в пансион Литке. Сам же Литке преподавал немецкий язык в гимназии при Московском университете, где Потемкин продолжил свое образование. Учеба давалась ему легко, и в 1756 году он даже получил медаль «За успехи в науках». На следующий год основатель Московского университета Иван Шувалов вызвал в Петербург для представления императрице Елизавете наиболее отличившихся воспитанников. Среди этих 12 отличников был и Потемкин. «Его богатырское телосложение, его обаяние в сочетании с мужественной силой привлекли внимание. Императрица Елизавета Петровна заметила и выделила его среди других

воспитанников, но особенное впечатление произвел Потемкин на Шувалова, поразив его обширными знаниями, особенно вопросов богословия и греческого языка», – писал один исследователь. За это ни дня не служивший Потемкин был произведен Шуваловым сразу из рядовых в капралы лейб-гвардии Конного полка. Это был самый беспрецедентный случай за всю историю кавалергардов. Несмотря на это через три года Григорий Потемкин был исключен из Московского университета «за леность и нехождение в классы», а точнее, за пренебрежение науками, пьянство и разгульную жизнь.

Сразу же отметим эту особенность Григория Александровича – периоды бурной деятельности у него перемежались периодами жесточайшей хандры, лени и меланхолии. И так всю жизнь. Вероятно, это была своеобразная защитная реакция организма: в периоды лени у него накапливались силы для новых свершений. Он мог неделями валяться в постели, не бриться и не мыться, ходить в халате, грызть репу и лукошками поедать клюкву, посылать всех к черту и никого не принимать. Зато потом был бодр, весел и деятелен, как никогда.

В царствование Петра III Потемкин решил окончательно перейти на воинскую службу и в звании вахмистра поступил в ординарцы к принцу Георгу-Людвигу Шлезвиг-Голштейн-Готторпскому, двоюродному дяде Екатерины II. К этому периоду относится и загадочная деятельность Потемкина в подготовке переворота 1762 года. Дело в том, что были явные зачинщики переворота, такие, как братья Орловы или княгиня Дашкова, которые в открытую агитировали за Екатерину, подкупали солдат и вели тому подобную деятельность, а были и такие, чья деятельность находилась «в полном секрете». К ним-то и относился Григорий Потемкин. В чем именно заключалась его деятельность, сказать трудно, но сам зачинщик переворота Григорий Орлов оценил его «чертовский ум» и посвятил в свои планы.

Сама же Екатерина потом вспоминала, что «впервые услышала о Потемкине из уст Григория Орлова, очень высоко оценившего мужество, решительность, живой ум молодого вахмистра Конной гвардии». Потом Потемкин оказал еще одну услугу императрице – во время коронации, когда ей потребовался темляк к шпаге, он отдал ей свой. Вот тогда-то Екатерина впервые обратила внимание на молодого унтер-офицера, заговорила с ним, и «он ей понравился своею наружностью, осанкою, ловкостью и ответами…» За участие в перевороте она наградила его придворным чином камер-юнкера, деньгами и крепостными душами. Надо сказать, что в ту пору 23-летний Гриша ни о чем

таком не думал и не мечтал: он был предан Екатерине II как своей императрице, и не более того. Да и она ничем не выделяла его тогда из толпы своих сторонников.

В 1763 году Екатерина назначила Потемкина на должность помощника обер-прокурора Синода, так как ей стало известно о его увлечении духовными науками. Однако служить в Синоде ему долго не пришлось, так как он ослеп на один глаз. Некоторые борзописцы, охочие до сенсаций, типа В. Пикуля, относят этот эпизод к драке между Потемкиным и Григорием Орловым. Якобы они подрались из-за Екатерины, и Орлов подбил ему глаз. Все это чушь – Орлов был любовником Екатерины еще с 1761 года и имел от нее ребенка, а у Потемкина тогда и в мыслях не было, чтобы занять его место.

Есть прямые свидетельства того, что Потемкин ослеп не из-за драки, «а от неумелого лечения знахарем». Племянник Потемкина, граф Самойлов, вспоминал, как, вернувшись из Москвы в 1763 году после коронации, Григорий простудился и заболел. Не доверяя докторам, Потемкин воспользовался услугами некого знахаря Ерофеича (изобретателя известного спиртного напитка под названием «Ерофеич»). Самозваный лекарь на ночь обвязал ему голову повязкой со специально изготовленной мазью. Вскоре Потемкин почувствовал сильный жар и боль. Сорвав с головы повязку, он обнаружил на глазу нечто вроде чирья, который, не долго думая, тут же проткнул булавкой! Глаз после этого варварской операции, правда, не вытек, но Потемкин перестал им видеть. (Эта история, правда, не научила Потемкина доверять медицине, отчего он и умрет в расцвете лет.)

Случившееся потрясло Григория Александровича. Он замкнулся, долгое время не выезжал из дому, не принимал гостей, полностью посвятив себя чтению книг по науке, искусству, военному делу и истории, а также “изучая дома богослужебные обряды по чину архиерейскому.” Опять появились мысли о духовной стезе… Однако заточение нарушил Григорий Орлов, приехавший к Потемкину по поручению государыни. Он чуть ли не силой сорвал повязку с незрячего глаза и заявил: «Ну, тезка, а мне сказывали, что ты проказничаешь. Одевайся, государыня приказала привезти тебя к себе», – писал граф Самойлов. Но Потемкин отказался выполнить приказ Екатерины II, и, вместо того чтобы поехать в Зимний дворец, отправился в Александро-Невскую лавру. Там надел подрясник, отпустил бороду и стал готовиться к пострижению в монахи. Об этом стало известно Екатерине II, и она сама прибыла в монастырь. Встретившись с ним, она якобы сказала: «Тебе, Григорий, не архиереем быть. Их у

меня довольно, а ты у меня один таков, и ждет тебя иная стезя». После этого Потемкин послушно сбрил бороду, снял рясу, надел офицерский мундир и, забыв о меланхолии, появился как ни в чем не бывало во дворце.

В 1767 году Потемкин был членом духовно-гражданской комиссии, но на этом посту ничем себя не проявил. Через год Григорий получил звание камергера, однако деятельная натура Потемкина не терпела застоя. С началом русско-турецкой войны 1768–1774 годов он ушел волонтером в армию графа Румянцева, воевавшую на юге России. Там он проявил себя храбрым кавалерийским военачальником; участвовала в сражениях при Хотине, Фокшанах, Браилове, Ларге, Рябой Могиле и Кагуле, а также в других походах и боях, за что был награжден орденами Св. Анны и Георгиевским крестом 3-й степени. В свои 33 года Потемкин стал генерал-поручиком. Фельдмаршал Румянцев высоко оценивал заслуги Потемкина в своих донесениях императрице.

Отметим немаловажное обстоятельство, отличавшее Григория Потемкина от других фаворитов Екатерины II, – свои ордена он получил в бою, а не за «постельные заслуги», как некоторые. К тому же он был образованным человеком – опять же, в отличие от некоторых «товарищей», которые только болтать по-французски научились у своих гувернеров, но образования никакого не имели. «Ах, какая славная голова у этого человека!.. И эта славная голова забавна, как дьявол», – позже писала Екатерина.

С 1771 года он уже активно переписывается с императрицей, которая следила за лихим генералом-рубакой и беспокоилась в своих письмах о его здоровье. В январе 1774 года он был вызван Екатериной в Петербург. Полыхало пугачевское восстание, и Потемкин фактически возглавил борьбу с ним. В сражениях с бунтовщиками он не участвовал, но штабную работу выполнял блестяще. Кстати, именно он рекомендовал отправить на войну с Пугачевым полководца Александра Суворова, и тот успешно справился со своей задачей. Об этом сегодня мало кто знает, но Суворов принимал участие в гражданской войне, чем на самом деле являлся пугачевский бунт. Екатерина надеялась найти в Потемкине надежную опору и не ошиблась. Наконец Пугачев был разбит.

В 1774 году Потемкин при содействии Панина получил звание генерал-адъютанта. Так в покоях по соседству с императрицей появился новый фаворит. Он прошел всю процедуру приближения к Екатерине – сначала Потемкина осмотрел доктор Роджерсон, потом на три ночи его забрала к себе

графиня Брюс, которая дала ему отличную аттестацию. Она уверила императрицу, что «циклоп» до безумия влюблен в свою государыню, сгорает по ней тайной страстью, но не смеет ни на что надеяться. Екатерина давно уже засматривалась на атлета Потемкина, но ни в чем уверена не была. Графиня Брюс перед ночью любви проводила Григория в спальню Екатерины, посоветовав ему быть как можно более дерзким с императрицей. Очевидно, он так блестяще справился со своей ролью, что уже на следующее утро Екатерина присвоила ему чин генерал-лейтенанта, подарила миллион рублей и пышно обставленный дворец на Миллионной улице!

Сама Екатерина II о появлении возле нее Потемкина писала следующее: «Потом приехал некто Богатырь. Сей Богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласке прелестнее был так, что, услыша о его приезде, уже говорить стали, что ему тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его, однако ж с таким внутренним намерением, чтоб не вовсе слепо по приезде его поступать, но разбирать, есть ли в нем склонность, о которой мне Брюсша сказывала, что давно многие подозревали, то есть та, которую я желаю, чтобы он имел». Имел «склонность», и еще как имел!

При дворе появился сильный и дерзкий, могучий душой и телом, умный и волевой вельможа, генерал и администратор, который сразу же вник во все дела империи. Екатерина II нуждалась именно в таком человеке – ни Васильчиков-зануда, ни Орлов-забияка для этой роли не годились. Ей нужна была твердая мужская рука в управлении 1/6 частью земной суши. Потемкин блестяще справился с этой задачей, и с задачей любовника тоже.

По меркам своего времени любовники были далеко не молоды – Потемкину 34, Екатерина на десять лет старше. О царице мы уже писали, а каким был Потемкин? Его странная внешность поражала, в одинаковой мере отталкивая и притягивая. Огромный рост, подвижные черты лица, длинные каштановые волосы. Голова несколько грушеобразной формы, лицо удлиненное, бледное и неожиданно чувствительное для такого гиганта. Рот был одной из красивейших черт его лица – полные красные губы, ровные белые зубы; на подбородке ямочка. Правый глаз – голубой с зеленоватым отливом, левый – незрячий. Хотя этот дефект и не был слишком заметен, Потемкин до конца жизни стеснялся его и щурился, что придавало ему пиратский вид. Такой изъян делал этого великана похожим на какое-то мифическое существо. По примеру братьев Орловых все стали за глаза называть его Циклопом.

«Его фигура огромна и непропорциональна, а внешность

далеко не притягательна», – так отзывался о Потемкине один дипломат. Его манеры напоминали то обитателя Версаля, то кого-то из его друзей-казаков. Вот почему Екатерина II в письмах называла его то казаком, то татарином, а то именем какого-нибудь животного. Современники сходились во мнении, что в этом диковатом человеке, одновременно уродливом и красивом, смешивались первобытная энергия, почти животная сексуальность, неподражаемая оригинальность и острейший ум. Он умел писать стихи и сатиры, понимал искусство и литературу, собирал картины и статуи. Его или любили, или ненавидели, третьего не было дано.

С 1774 года Екатерина II и Потемкин стали неразлучны. Разделенные всего несколькими комнатами, они писали друг другу письма! До нас дошло более тысячи этих посланий – вся история их многолетнего любовного и делового партнерства. Екатерина обращалась к своему возлюбленному так: то «голубчик», то «душенька», то «сокровище». Потом перешла на уменьшительное от Григория – Гриша, Гришенька, Гришенок или даже Гришефишенька. Иногда она называла его «батюшка», «батенька» или просто «батя». В разгар их любви интимные имена становятся более колоритными – «гяур», «казак», «тигр», «лев» или «фазан», передающие сочетание силы и нежности. Давая ему новый титул, она непременно использовала его в обращении: «мой гневный и превозходительный господин генерал-аншеф и разных орденов кавалер». (Об орденах Потемкина мы поговорим позже.)

Сам же Григорий Александрович писал «матушка» или «Всемилостивейшая государыня» (он никогда не забывал своего места). Посланцев, вручавших ему письма от Екатерины, он заставлял вставать на колени. Императрица знала об этой его причуде и писала ему: «Напиши пожалуй, твой церемонимейстер каким порядком к тебе привел сегодня моего посла и стоял ли он по твоему обыкновению на коленях?» Письма Екатерины Потемкин хранил как величайшую драгоценность – они всегда были у него или на груди, или в кармане.

9 апреля 1774 года двор вернулся из Царского Села в Зимний дворец. Апартаменты для Потемкина в нем были уже готовы, и он немедленно заселился туда. Комнаты Потемкина располагались под покоями императрицы, и он всегда мог попасть в них, поднявшись по винтовой лестнице. Они редко оставались вместе на всю ночь, так как Потемкин любил играть в карты до поздней ночи, а потом все утро валялся в постели, тогда как Екатерина была ранней пташкой и вставала с рассветом. На первом этаже Зимнего дворца под часовней Екатерины II находилась баня, где и

происходила значительная часть их интимных встреч с Потемкиным. Это было вполне в духе древнерусских традиций – помните царскую «мыленку»? С самых первых дней их любовной связи Потемкин поставил себя в исключительное положение – мог не являться на зов любимой или мог ворваться без приглашения в ее комнаты в одном халате на голое тело, плохо прикрывающем его волосатую грудь, да еще с розовым платком на голове!

Вкусы у него были самые простецкие: поднимаясь наверх, к императрице, он мог по дороге грызть яблоко, репу, редиску или чеснок – в общем, был сама непосредственность. Столь необычное поведение Потемкина шокировало иностранных дипломатов, но когда было нужно, Григорий Александрович являлся в военном мундире и вел себя чопорно. Задумавшись, что с ним случалось часто, он имел дурную привычку грызть ногти. За это Екатерина называла его «первый ногтегрыз в Российской империи».

Отношения Екатерины II и Потемкина строились не только на сексе, но и на восхищении умом друг друга, на обоюдном властолюбии и амбициозности. Екатерина всегда скучала без него. Писала: «Я скучаю безмерно. Когда я снова увижу Вас?» Она ревновала его: «Не удивлюсь, что весь город безсчетное число женщин на твой щет ставил. Никто на свете не горазд с ними возится, я чаю, как Вы…» Но она беспокоилась напрасно – Потемкин, будучи любовником Екатерины, ни разу ей не изменил. Потом такое бывало, но во время их близости – никогда.

В свою очередь, и Потемкин ревновал Екатерину, главным образом за прошлое: сначала к Васильчикову, потом и к другим фаворитам. Однажды он потребовал от нее полного отчета о своих бывших любовниках, заявив, что у нее их было пятнадцать человек, то есть обвинив ее в полной распущенности. Чтобы его успокоить, Екатерина написала «Чистосердечную исповедь» – удивительный документ для любой эпохи. Других примеров, когда государыня подобным образом давала бы объяснения по поводу своей интимной жизни, мы не знаем. Она описывает лишь четырех (из пятнадцати) своих любовников (какая скромница!) – Салтыкова, Понятовского, Орлова и Васильчикова. Об отношениях с первым и с последним она сожалеет. Это «чистосердечное признание» заканчивается словами: «Ну, Господин Богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих. Изволишь видеть, что не пятнадцать, но третья доля из сих: первого поневоле, а четвертого из дешперации, я думала на счет легкомыслия поставить никак не можно, о трех прочих, если точно разберешь, Бог видит, что не из распутства, к которому никакой склонности не имею, и если бы я в участь получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы

вечно к нему не переменилась…» И так далее. Потом она признается, что считает неотъемлемым качеством своей натуры: «Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви». Короче – никакого распутства, но каждый час хочется любви. Поверил ли ей Потемкин? Как знать…

Екатерина искренне любила своего Гришеньку, в чем часто признавалась ему: «Я тебя люблю чрезвычайно…» или «….Я не нахожу слов тебе изъяснить, сколько тебя люблю». Она буквально не могла обходиться без него: однажды вечером, когда он не пришел, она встала, оделась и пошла в библиотеку к дверям, дожидаясь его; на сквозняке простояла два часа и «в печали вернулась в постель». Когда он был занят делами, она не решалась ему мешать и тайком подходила к двери его кабинета, при этом опасаясь столкнуться с кем-то из слуг или секретарей. Вот это любовь! Самодержица Всероссийская боится помешать своему подданному заниматься делами! Или вот такое письмо: «Нет уж, и в девять часов тебя можно не застать спящего, я приходила, а у тебя сударушка, люди ходят и кашляют и чистят, а приходила я затем, чтоб тебе сказать, что тебя люблю чрезвычайно».

Ходили слухи о необычайной величине мужского достоинства Потемкина, и даже о том, что Екатерина приказала сделать с него слепок. Все это чушь. В мужской среде бытует, конечно, поверье, что чем больше пенис, тем больше удовольствия он может доставить женщине. Однако любой сексолог скажет вам, что это не так – размер не имеет значения. Тем не менее рассказы о «славном оружии Потемкина» прочно вошли в петербургскую мифологию. Один из бытописателей Северной столицы рассказывает, как в конце XIX века художник Константин Сомов, сын хранителя Эрмитажа, принимал у себя своих друзей – М. Кузмина, С. Дягилева, А. Ахматову и других представителей богемы. Сомов рассказал, что его отец обнаружил в коллекции екатерининских времен великолепный слепок члена Потемкина. Гости не поверили ему, и тогда он пригласил их в другую комнату и показал фарфоровый слепок. Все были поражены. Позже эта «драгоценность» была возвращена в Эрмитаж, где, к слову сказать, ее больше никто не видел. Далее тот же автор в поисках потемкинской коллекции опрашивал многих хранителей Эрмитажа, однако никто из них ничего не знал о таком экспонате, и неудивительно. Сомов явно устроил розыгрыш, в связи с чем на память приходит другая история – с членом Григория Распутина. Однажды, еще в советские времена, журналист-международник Мэлор Стуруа посетил в Сан-Франциско дочь Григория Ефимовича. Они долго беседовали об ее отце, и в конце разговора

Матрена Распутина, сильно смущаясь, показала ему в знак доверия шкатулку красного дерева, которую хранила как величайшую драгоценность. В этой шкатулке на бархатной подушечке лежал… член Распутина! Из объяснений Матрены следовало, что после убийства ее отца в 1916 году пенис был отрезан, забальзамирован и вывезен эмигрантами за рубеж. Спустя некоторое время он попал к ней. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что «пенис Распутина» – неправдоподобно большого размера – есть не что иное, как… высушенный морской огурец! Совсем недавно в одном из медицинских центров Петербурга демонстрировался очередной «пенис Распутина». Уверяли, что настоящий. По-моему, он и сейчас там лежит в качестве наглядного пособия. В то же время известно, что революционные солдаты Временного правительства в 1917 году сожгли труп Распутина вместе со всеми его потрохами, и пенисом, в частности. Так что рассуждать о «славном оружии Потемкина» по меньшей мере глупо.

Потемкин с первых дней своего фавора стал помогать Екатерине в государственных делах. С одной стороны, ей была просто необходима надежная мужская рука, а с другой – она не хотела расставаться со своим возлюбленным. Однако Потемкин сразу же показал императрице, что его нельзя третировать, как какого-нибудь Васильчикова. В 1774 году он потребовал, чтобы Екатерина сделала его членом Государственного совета. Та ужаснулась – это очень не понравится канцлеру Панину. «Прекрасно. Тогда я ухожу в монастырь, – заявил Потемкин. – Я не хочу быть вашей содержанкой. Я хочу работать для славы России и своей собственной, и смею надеяться, что способен к этому не хуже других». Екатерина уговаривала его подождать, пока к его положению не привыкнут окружающие, но Потемкин и слушать ничего не хотел. Императрица проплакала всю ночь, а наутро Потемкин стал членом Совета и сенатором.

Постепенно в его руках сконцентрировалась огромная власть. Пугачевское восстание способствовало возвышению Потемкина и падению других авторитетов. За неудачу в покорении Пугачева он отправил Чернышева в отставку, а Алексея Орлова упек послом в Италию. В мае 1774 года Потемкин становится полным генералом (генерал-аншефом) и вице-президентом Военной коллегии. Еще в марте этого же года он назначается генерал-губернатором Новороссийского края, а также главнокомандующим иррегулярных (не имеющих правильной организации) войск – казаков, калмыков, черкесов и т. п. Потемкин становится немыслимо богат, и состояние его все увеличивается.

А теперь об орденах. Екатерина II следила за тем, чтобы

Потемкин получал все возможные российские и иностранные награды, которые тогда лучше всего демонстрировали положение человека и его статус. Он получил русский орден Александра Невского и польский Белого Орла, присланный Понятовским по просьбе Екатерины, – и это помимо его боевых орденов. Надо сказать, что Потемкин испытывал детской восторг по поводу орденов, почти такой же, как Леонид Ильич Брежнев. Скоро в его коллекции будет и русский орден Андрея Первозванного, прусские Белого Орла и Черного Орла, датский Белого Слона и шведский Св. Серафима. Однако Франция и Австрия откажут ему в орденах Св. Духа и Золотого Руна, а английский король Георг III будет шокирован, узнав что Потемкин желает получить орден Подвязки.

Итак, Григорий Потемкин был на вершине славы и фавора. Но чего-то ему все же не хватало. «Чего?» – спросите вы. Несмотря на то что у них с Екатериной было много общего и они любили друг друга, ему было нелегко поддерживать отношения с женщиной, обладающей не только большей властью, чем он, но и независимой от него. Григорий находился в очень двусмысленном положении как в политическом, так и в личном плане. Хотя он и достиг таких вершин власти, которых никто до него не достигал, он прекрасно понимал, что это лишь прихоть Екатерины и с окончанием ее расположения к нему все это может в одночасье рухнуть. Он не мог смириться с тем, что императрица может расстаться с ним, как со старой обувью. А потому, будучи честным человеком, напрямую просил ее об этом. «Нет, Гришенька, статься не может, чтоб я переменилась к тебе. Отдавай сам себе справедливость: после тебя можно ли кого любить. Я думаю, что тебе подобного нету… Как бы то ни было, но сердце мое постоянно. И еще тебе более скажу: я перемену всякую не люблю». Думается, на тот момент она говорила искренне.

Екатерина так полюбила Потемкина, что согласилась выйти за него замуж! Мы уже писали в «случае» с Орловым, что для Екатерины был возможен только тайный брак. И если замуж за Орлова она идти не хотела, то за Григория Потемкина согласилась выйти с радостью. Новобрачным следовало соблюдать строгую конспирацию. Мы не знаем, как проходила церемония венчания (да и была ли она?); можем лишь предложить реконструкцию событий.

8 июля 1774 года Екатерина II и Потемкин присутствовали на торжественном обеде с офицерами Измайловского полка. Гуляли до вечера – провозглашали тосты, пускали салюты. Затем императрица отправилась пешком по набережной Фонтанки к

дому Сиверса, при котором имелась пристань. В полночь Екатерина II отправилась на прогулку на лодке по Фонтанке. В этом ничего удивительного не было, так как она часто навещала своих придворных подобным образом. С нею не было никого, кроме верной наперсницы Марии Перекусихиной. Другая лодка, с Потемкиным, отчалила от пристани чуть раньше и скрылась во мраке ночи. Лодка Екатерины прошла по Фонтанке, пересекла Неву напротив Выборгской стороны и ткнулась носом в песок. Здесь дамы пересели в карету с занавешенными шторами, которая доставила их к церкви Св. Сампсония. (Этот храм стоит и по сей день!) Потемкин уже ждал императрицу в церкви. На церемонии присутствовали только трое мужчин: священник и два свидетеля. Свидетелем со стороны Екатерины был камергер Евграф Чертков, со стороны Потемкина – его племянник Александр Самойлов. Священник начал читать Евангелие. Дойдя до слов «Жена да убоится мужа своего», он запнулся и взглянул на императрицу. Та кивнула, и батюшка продолжил обряд. Самойлов и Чертков держали венцы. После окончания церемонии были сделаны выписки из церковной книги и вручены свидетелям, которые поклялись хранить тайну.

Такова легенда о венчании Екатерины II с Потемкиным. Есть еще версия, что они обвенчались в 1775 году в Москве в храме Большого Вознесения у Никитских ворот, где позже венчался А. С. Пушкин. Неопровержимых доказательств этого события не существует, но, скорее всего, оно действительно имело место. Местонахождение брачных записей до сих пор неизвестно. Граф Орлов-Давыдов вспоминал о том, как однажды Александр Самойлов показал ему пряжку с драгоценным камнем и сказал, что получил от императрицы на память о венчании с его покойным дядей. Экземпляр брачной записи, принадлежащий Самойлову, якобы был похоронен вместе с ним. Об экземпляре Черткова вообще ничего не известно.

Исчезновение брачных записей и строго соблюдавшаяся секретность не должны вызывать удивления. Никто не осмелился бы открыть эту тайну: Романовы стыдились частной жизни Екатерины II. Но если прямых свидетельств венчания Потемкина с Екатериной нет, то косвенных – полно. Это прежде всего ее письма, в которых она называет Григория своим мужем. Их ровно 22. В одних она называет Потемкина «дорогим мужем», а себя «верной женой», в других звучат такие выражения, как «нежный муж», «дорогой супруг». Племянника Потемкина она называет «наш племянник», а племянниц назначила своими фрейлинами. Матери Потемкина Дарье Васильевне она подарила в Москве дом на Пречистенке. Встретившись с ней, как и полагается невестке,

она проявила наблюдательность: «Я приметила, что Матушка Ваша очень нарядна сегодня, а часов нету. Отдайте от меня сии», – писала она Григорию.

Однако самое верное доказательство их венчания запечатлено в письме Екатерины от 1776 года: «…Для чего более дать волю воображению живому, нежели доказательствам, глаголющим в пользу твоей жены? Два года назад была ли она к тебе привязана Святейшими узами? … Люблю тебя и привязана к тебе всеми узами». От 1776 года отнять два – получается все тот же 1774 год, а Святейшие узы – это венчание. Так что с их браком, пусть и тайным, по-моему, все ясно. И еще – иностранные послы, аккредитованные в Петербурге, сразу же прознали о тайном венчании и доложили своим монархам. Итог: в письме к своему министру иностранных дел графу Вержену король Людовик XVI называет Екатерину II «мадам Потемкиной». Других доказательств не надо…

Потемкин сам намекал, что он почти император. Да он и на самом деле был царем, только без титула и короны. Во время русско-турецкой войны принц де Линь как-то заметил ему, что он мог бы стать князем Молдавии и Валахии. «Это для меня пустяк, – отвечал Потемкин. – Если бы я захотел, я мог бы стать королем польским, я отказался от герцогства Курляндского. Я стою гораздо выше». Скажем больше – Екатерина II хотела отобрать у турок древние земли Византийской империи, сделать Потемкина византийским императором и теперь уже официально выйти за него замуж! Дальновидная была женщина; жаль, что этого не случилось. После смерти Потемкина она с таким же упорством продвигала на пост императора еще не завоеванной Византии своего внука Константина.

Брак сблизил их еще больше, главное – он успокоил Потемкина, до этого осознававшего непрочность своего положения. Развенчаться по церковным правилам уже было нельзя. Даже если не принимать всерьез имеющиеся свидетельства венчания, достаточно того, что Екатерина до конца жизни относилась к Потемкину как к своему мужу. Чтобы он ни делал, он никогда не терял своей власти; получил полный доступ к казне и право на самостоятельные решения.

В январе 1775 года императрица в сопровождении Потемкина выехала в Москву на празднование победы над турками. Царствующим особам не полагается медового месяца, но все же они хотели провести его вместе. Для этого она купила имение Черная Грязь и приказала построить дворец, который назвала Царицыно. Они подолгу жили там, в покое и уюте, и предавались любви. Победу над турками справляли пышно; на награды

Екатерина II не скупилась. Фельдмаршал Румянцев был пожалован почетной приставкой к фамилии Задунайский, Князь Долгорукий за взятие Крыма получил приставку Крымского, но самые значительные почести обрушились на Потемкина. Ему был вручен миниатюрный портрет императрицы, усыпанный брильянтами, для ношения на груди (такой же, как был у Орлова), грамота на пожалование ему титула графа Российской империи и церемониальная шпага с алмазами.

Праздники должны были продолжаться две недели, но 12 июля они прекратились из-за болезни Екатерины. Ее «болезнь» была вызвана рождением дочери от Потемкина – Елизаветы Григорьевны Темкиной. И если в былые времена Екатерине приходилось скрывать свою беременность, то теперь ей ничего не грозило – она почти всегда появлялась на людях в широком русском платье, скрывавшем ее полноту. Рождение дочери от Потемкина – опять же легенда. Она якобы воспитывалась в семье Самойловых. В России действительно существовала традиция давать внебрачным детям фамилию отца, отбросив первый слог. Так, Иван Бецкой был бастардом князя Ивана Трубецкого (мы уже о нем писали), а Иван Ронцов был незаконнорожденным сыном графа Романа Воронцова. Правда, есть одно «но»: Потемкин всегда заботился о своих родственниках, но нет никаких свидетельств о том, что он уделял внимание девице Темкиной. Не заботилась о ней и Екатерина II. А старинный род Темкиных на Руси существовал издревле и к Потемкиным никакого отношения не имел. Кроме того, Екатерина и бывший ее фаворит Орлов ни от кого не скрывали, что Алексей Бобринский – их сын. Если бы Елизавета Темкина была дочерью Потемкина, он тоже не стал бы этого скрывать. Происхождение Елизаветы Темкиной остается загадкой, но судьба у нее сложилась счастливо – в 1794 году она вышла замуж за Ивана Калагеорги, херсонского, а затем екатеринославского губернатора (два портрета Елизаветы кисти Боровиковского ныне хранятся в Третьяковской галерее).

Кстати, во время «случая» Потемкина в 1775 году произошла одна необычная дипломатическая история. К нему обратились англичане, поскольку в их североамериканских колониях началось восстание. Британия тогда располагала лучшим в мире флотом, но весьма посредственной армией. Для сухопутных операций традиционно использовались наемники. Вот Георг III и обратился к России с просьбой помочь войсками в борьбе с мятежниками. Он просил «20 тысяч пехоты, приученной к дисциплине, вполне вооруженной и готовой, как только весной откроется плавание по Балтике, к отплытию на транспортных судах, которые будут высланы отсюда». Потемкину дело

показалось очень интересным. Однако Екатерина II отвергла предложение англичан, направив Георгу III письмо с пожеланием удачи. И слава Богу. Вот бы отцы-основатели США удивились, увидев русских солдат в американских прериях! Почему Екатерина отклонила предложение англичан? Дело в том, что Россия предложила Лондону создать англо-русскую коалицию в войне с турками, но Георг III от этого отказался. Вот и Екатерина отказала Георгу в помощи, а с турками мы справились сами. В результате англичане наняли солдат из немецкого княжества Гессен – целых 30 тысяч человек. Все они погибли в боях с колонистами. Отголоски этих событий показаны в голливудском фильме ужасов «Сонная лощина», где один из этих гессенцев ищет свою отрубленную голову. Ужасы ужасами, но что было бы, если бы вместо гессенцев плохо организованные колонисты сошлись в бою с закаленными русскими ветеранами русско-турецкой войны? Тогда история Соединенных Штатов пошла бы по другому пути, а может, и Штатов сейчас никаких не было бы? Спекуляции на эту тему были популярны во время холодной войны; не дает покоя некоторым горячим головам эта история и сейчас. Хорошо, что история не любит сослагательного наклонения.

Но вернемся к нашим героям. Как мы уже сказали, Екатерина и Потемкин были людьми одинакового склада – оба амбициозные, властолюбивые и честолюбивые. Как два заряженных магнита, которые отталкиваются при приближении. Так получилось и с ними: бурные отношения начали утомлять обоих. «Естьли б друг друга меньше любили, умнее бы были», – вздыхала Екатерина. Накал страсти за полтора года остыл. Потемкин начал тяготиться ролью официального фаворита, при его талантах и властности трудно было ограничиваться установленными рамками начальника и подчиненного. Брак не изменил их отношений – Потемкин всецело зависел от императрицы. Екатерина всеми силами пыталась вернуть прежние дни: «И ведомо пора жить душа в душу. Не мучь меня несносным обхождением. Я хочу ласки, да и ласки нежной, самой лучшей…» Ей было грустно и досадно, что Потемкин ее разлюбил. Однако Григорий все больше отдалялся от императрицы. Иногда он притворялся больным, чтобы избежать ее объятий, часто гневался на нее. Поведение Потемкина становилось невыносимым, но в этом была и ее вина. Она не понимала, в каком щекотливом положении находится ее фаворит. Екатерина хотела любви не менее жадно, чем Потемкин. Но они были слишком похожи, чтобы быть вместе.

В мае 1775 года, перед московскими торжествами по случаю

победы над турками, он опять выкинул коленце – оставил двор и провел несколько дней в монашеской келье. Постоянная смена настроений Потемкина утомляла всех. Помните, как у Высоцкого: «Он то плакал, то смеялся, то куражился, как бес». Екатерина однажды сказала, что хотела бы любить его меньше – это чувство отнимало у них слишком много сил. Они продолжали быть вместе весь 1775 год, но напряжение росло. Потемкину нужна была власть, а Екатерине – любовь. Она нашла в нем опору для государственной деятельности, но в любовники Григорий уже не годился. Надо, чтобы государственными делами занимался Потемкин, а в любовниках у нее ходил другой – нашла выход Екатерина.

В это время у нее было два секретаря: Петр Завадовский и Александр Безбородко. Безбородко отличался выдающимся умом, но при этом был неряшлив и обладал крайне непривлекательной внешностью. А вот Завадовский, протеже фельдмаршала Румянцева-Задунайского, был не только образован и опрятен, но и замечательно хорош собой. И Екатерина положила на него глаз.

Вскоре Екатерина, Завадовский и Потемкин образовали странный союз. В январе 1776 года Петр Завадовский неожиданно получил звание генерал-адъютанта. Это означало лишь одно – путь в спальню царицы. Двор был озадачен. Английские дипломаты решили, что звезда Потемкина закатилась. Однако их французские коллеги думали иначе – Завадовский не та фигура, которая может сместить Потемкина. Шевалье де Коберон писал в своем дневнике: «Лицом он лучше Потемкина, но о фаворе говорить пока рано. Его “таланты” подверглись испытанию в Москве. Но Потемкин, похоже, пользуется прежним влиянием… так что Завадовский взят, возможно, лишь для развлечения». Забегая вперед, скажем, что так оно и было – шевалье оказался прав.

В январе – марте 1776 года Екатерина пыталась наладить свои отношения с Потемкиным, но без особого успеха. Тогда же в Россию вернулся из-за границы Григорий Орлов, что еще больше осложнило ситуацию – теперь при дворе было целых три фаворита императрицы. Орлов был уже не тот красавец-мужчина, которого любила Екатерина, – он сильно располнел и страдал приступами паралича. Ходили слухи о том, что Потемкин отравил его медленно действующим ядом, но это все бред – паралич Орлова был больше похож на симптомы застарелого сифилиса (Орлов, как известно, был неразборчив в связях). К тому же он был влюблен в 15-летнюю фрейлину Екатерину Зиновьеву, так что опасности он не представлял.

Екатерина обедала лишь в узком кругу. Часто на этих обедах

присутствовал Завадовский, Потемкин реже. Должно быть, Завадовский чувствовал себя неуютно, сидя между мужем и женой. Потемкин по-прежнему оставался любовником Екатерины, но она уже приняла решение. Мы не можем указать точную дату, когда она заменила первого вторым, вероятно, это произошло зимой 1776 года. Но и после этого она не отказывалась от близости с Потемкиным. Пыталась ли она применить обычные женские штучки, чтобы вызвать в Потемкине ревность? Несомненно! В то же время она сама сознавалась, что не может прожить ни дня без любви, и естественно, в ответ на холодность Потемкина она обратила внимание на своего секретаря.

Так они мучились целых полгода. Они любили друг друга, считали себя мужем и женой, но чувствовали, что взаимно отдаляются. Случалось даже, что Потемкин плакал на груди своей возлюбленной. Он со щемящим чувством ревности наблюдал за развитием отношений между Завадовским и Екатериной, причем до некоторой степени он одобрял ее выбор, не считая молодого человека соперником.

Они обдумывали, как будут жить дальше. Потемкин хотел сохранить власть, но для этого нужно было сохранить свои апартаменты в Зимнем дворце. Она предлагала то, что предложила бы всякая любящая женщина: «Нетрудно решиться: останься со мною». А он хотел вырваться из той «золотой клетки», в которую его посадила Екатерина. В конце концов душевное равновесие потеряла Екатерина; она и заключила: «Мы ссоримся не из-за любви, а из-за власти». Отчасти это было правдой – страсть исчерпала себя, и Потемкин остро нуждался в свободе для своей государственной деятельности. Екатерина же делала все, чтобы оставить Потемкина при себе. В 1776 году она попросила австрийского императора Иосифа II присвоить Потемкину титул князя Священной Римской империи. Отныне Потемкин становится светлейшим князем, или попросту – Светлейшим. Вдобавок ко всему императрица жалует ему еще 16 тысяч крепостных, приносящих ежегодный доход по 5 рублей с души. Иностранные дипломаты сразу же сделали вывод, что это прощальный подарок Потемкину.

Вот тут-то Потемкин и спохватился. Он понимал, что Екатерина не вечна и может умереть – тогда он останется на растерзание наследника престола Павла, который его ненавидел. Раньше он бахвалился, что отказался от титула герцога Курляндского, а теперь страстно захотел его заполучить, чтобы обезопасить себя от Павла. Ему требовались владения за пределами России. В то время Курляндией управлял сын Бирона Петр. Напомним, что Курляндия формально принадлежала

Польше, но фактически подчинялась России. В мае 1776 года Екатерина выполняет просьбу Потемкина и пишет письмо в Варшаву: «Желая отблагодарить князя Потемкина за его службу Отечеству, я намерена дать ему герцогство Курляндское». Свою помощь в этом деле пообещал Потемкину и прусский король Фридрих II. Однако Екатерина ничего не делала без оглядки и старалась удержать энергичного Потемкина в пределах России. Желание иметь независимый трон станет лейтмотивом всей дальнейшей карьеры Потемкина.

В то время как, по мнению иностранцев, Потемкин полностью потерял свое влияние, непредсказуемая пара переживала кульминационный период своей любви. Вероятно, они снова на какое-то время соединились, но болезненные разговоры не прекращались – они чувствовали, что им уже не спасти свой союз. Тогда-то Потемкин впервые изменил Екатерине. Несомненно, у него было много поклонниц, настойчиво добивавшихся его внимания. Современник писал, что Светлейший «погряз в разврате» – действительно, такое бывало в тяжелые периоды его жизни. Не исключено, что таким образом он возбуждал чувство ревности в Екатерине. Неожиданно он потребовал удаления Завадовского. «Просишь ты отдаления Завадовского, – отвечала ему Екатерина. – Не требуй несправедливости…» То есть она отказала ему.

20 мая 1776 года Завадовский сделался официальным фаворитом императрицы. Он получил в подарок 3 тысячи душ, чин генерал-майора и 20 тысяч рублей. Потемкин уже не возражал. Буря миновала, супруги наконец уняли свои страсти, и Потемкин позволил Екатерине утешаться с Завадовским. Но он еще не привык к тому, что Екатерина уже не его, и иногда приезжает в Царское Село. Завадовский на время их встреч деликатно исчезает. Иностранные дипломаты не знают, что и думать по этому поводу, – со дня на день они ждут окончательного падения Потемкина. Их предположения как будто оправдываются, когда Екатерина жалует Потемкину огромный Аничков дворец, принадлежавший ранее фавориту Елизаветы Алексею Разумовскому. На ремонт Аничкова дворца она выделяет ему 100 тысяч рублей. За этим могло последовать только освобождение Потемкина со всех постов, удаление его из Зимнего дворца и путешествие на «заграничные курорты». Потемкин понимает, что если он потеряет свои апартаменты в Зимнем, то потеряет все. Екатерина успокаивала его: «Батинька, видит Бог, я не намерена тебя выживать из дворца. Пожалуй, живи в нем и будь спокоен. По той причине я не давала тебе ни дома, ни ложки, ни плошки». Позже Потемкин, конечно, освободит

комнаты фаворита, но никогда не потеряет доступа ни в Зимний дворец, ни в будуар Екатерины. До конца жизни его резиденцией станет Шепелевский дворец (в Аничковом он никогда не жил) – здание, стоящее на Миллионной улице и связанное с Зимним дворцом галереей, перекинутой через Зимнюю канавку. Таким образом, императрица и Светлейший могли навещать друг друга запросто, по старой дружбе. Трудно сказать, сколько Екатерина потратила на Потемкина. Считается, что князь получил 37 тысяч душ, многочисленные поместья вокруг Москвы и Петербурга, а также в Белоруссии, множество драгоценностей и 9 миллионов рублей.

Екатерина и Потемкин наконец обрели свободу, сохранив взаимную поддержку в политике, в повседневных делах и любви. И они по-прежнему доверяли друг другу, что было непросто для таких эмоциональных натур. Из фаворита-любовника Потемкин превратился в министра-фаворита. Но Петр Завадовский ему все равно не нравился. И дело было не в ревности (может, лишь отчасти), но главное, это была не его кандидатура. Мы уже знаем много примеров того, как знатные царедворцы (каким и был Потемкин) пытались подсунуть царице своих любовников, чтобы через них влиять на нее. Это была старая уловка, и многие ею пользовались. Мол, лучше пусть у нее будет любовник, которому я доверяю, чем кто-то чужой; неизвестно еще, как дело обернется. Потемкин хотел сохранить свое влияние на Екатерину хотя бы таким способом.

Довольно быстро он нашел подходящего претендента на эту роль – георгиевского кавалера, отчаянного кавалериста-рубаку и притом красавца, серба Семена Зорича. Он взял его к себе в адъютанты и 26 мая 1777 года представил Екатерине II. Зорич ей понравился, и Потемкин сразу же понял, что дело сделано, – уже на следующий день Завадовский отправился в длительный отпуск. Однако Зорич оказался непроходимым тупицей – возомнив о себе невесть что, он решил потягаться со своим благодетелем! «Зорич стал одним из богатейших вельмож и землевладельцев, однако ни земли, ни чины, ни ордена, ни богатство не прибавили Зоричу ума, которого ему не доставало. Еще не отметив годовщину своего “случая”, Семен Гаврилович решился учинить афронт своему несокрушимому сопернику и благодетелю Григорию Александровичу Потемкину. Пребывая вместе с ним и Екатериной в Царском Селе, он затеял ссору и даже вызвал Потемкина на дуэль, но вместо поединка отправился за границу, куда его быстро спровадила Екатерина. А по его возвращении осенью 1778 года ему было велено отправиться в Шклов», – писал современник.

К тому времени, то есть начиная с 1776 года, Потемкин наконец вырвался из «золотой клетки» и взял в управление огромную область в Причерноморье, став генерал-губернатором Новороссийского края. Тогда это была огромная территория, простирающаяся от Дуная до Волги, включая Крым (который был присоединен к России в 1783 году) – малозаселенная и неразвитая. Он ликвидировал остатки Запорожской Сечи, укреплял оборону южных рубежей России, занимался строительством новых городов и поселков, колонизацией пустующих земель, созданием Черноморского флота и еще множеством самых разных больших и малых дел. Административный талант Потемкина здесь раскрылся полностью. Он получил свободу действий, теперь руки у него были развязаны. В этом смысле он был счастлив. Что же касается личных отношений Екатерины с Потемкиным, то он всегда занимал в ее сердце особое положение, даже после того, как поселился на юге, а Екатерина с калейдоскопической скоростью начала менять фаворитов одного за другим. Адмирал А. Чичагов высказал такой взгляд: «Никогда, ни одного из своих фаворитов она (Екатерина) не удерживала возможно кратчайшего срока, едва лишь замечала в нем неимение способности, необходимой для содействия ей в благородных и бесчисленных трудах. Мамонов, Васильчиков, Зорич, Корсаков, Ермолов – несмотря на их красивые лица, были скоро отпущены вследствие посредственности их дарований, тогда как Орлов и Потемкин сохранили за собой свободу доступа к ней: первый в течение многих лет; второй – во все продолжение своей жизни».

Считается, что супружеские отношения между императрицей и Потемкиным прекратились в 1776 году и дальше каждый из этих великих людей пошел своим путем, но до самой смерти Потемкин всячески поддерживал начинания своей повелительницы и самоотверженно проводил их в жизнь. Это касалось и Екатерины – она тоже всячески поддерживала деятельность Потемкина, а кроме того, предоставила ему полную свободу действий (на вверенных ему территориях).

В 1787 году состоялась знаменитая поездка Екатерины II в Крым, во время которой Потемкин показывал ей то, что успел сделать, – новые города и селения, заводы и верфи, Черноморский флот и многое другое. Есть легенда о том, что Потемкин просто втирал ей очки – никаких селений на самом деле не было, а были лишь декорации, так называемые «потемкинские деревни». Якобы он вместо освоения отпущенных из казны денег их просто разворовал. На самом деле ничего подобного не было, а показуха существовала во все времена.

Потемкину было чем гордится. Еще есть версия, что Екатерина сама приказала строить «потемкинские деревни». Дело в том, что она путешествовала не одна, а с австрийским императором Иосифом II, польским королем Станиславом Августом Понятовским и целым сонмом иностранных дипломатов. Ей нужно было продемонстрировать, что Россия крепко стоит на Черном море, на юге растут города, развивается промышленность и торговля.

Император Иосиф II писал: «Императрица в восторге от такого приращения сил России. Князь Потемкин в настоящее время всемогущ, и нельзя вообразить себе, как все за ним ухаживают». За эту созидательную деятельность Екатерина присвоила ему почетный титул «Таврический». Надо сказать, что императрица путешествовала не одна, а в сопровождении своего очередного любовника Дмитриева-Мамонова. Каждый раз в шатре, который разбивали для Екатерины, у него было свое отделение. Существует легенда, что во время своей поездки в Крым она включила в число своих любовников и последнего крымского хана Шагин-Гирея, чем крымские татары очень обижены. Правда же состоит в том, что хан к тому времени уже три года как отрекся от трона и его в Крыму не было, а до того он часто бывал в Петербурге. Екатерина могла приметить его еще там, однако ж не приметила! Так что крымские татары могут быть на его счет спокойны.

Турция была в ярости от потери Крыма, и началась вторая русско-турецкая война 1787–1791 годов, названная «Потемкинской». Она закончилась победой русского оружия и подписанием мирного договора в Яссах. Но Потемкин не проявил себя в этой войне как выдающийся полководец. «В ту войну духовные его силы были явно на ущербе (чувствовал, что влияние его в Петербурге уменьшается с каждым днем), физические силы начали сдавать… Душой Потемкин был не столько в армии, сколько в Петербурге – частые его поездки туда достаточно показывают… Трагизм Потемкина заключался в том, что в силу своего положения в стране и при дворе он не допускал того, чтобы кто-либо, кроме него, мог командовать армией… Сам он, гениальный политик и организатор, совершенно был лишен каких-либо полководческих дарований и сознавал это…» – писал один исследователь деятельности Светлейшего. Это правда – не каждому дано быть великим полководцем, но положение обязывало.

Со времени разрыва с Екатериной прошло уже много лет. Какой же была личная жизнь Потемкина все это время? Во время второй русско-турецкой войны он подолгу жил в Яссах,

окруженный азиатской роскошью и толпой прислужников, но не переставал переписываться с Петербургом. Ненадолго его увлек роман с женой двоюродного брата 26-летней красавицей Прасковьей Потемкиной, урожденной Закревской. Сохранились письма Потемкина к ней, например, такое: «Жизнь моя, душа общая со мною! Как мне изъяснить словами мою к тебе любовь, когда меня влечет непонятная сила к тебе… Нет ни минуты, чтобы ты, моя небесная красота, выходила у меня из мысли; сердце мое чувствует, как ты в нем присутствуешь… Целую от души ручки и ножки твои прекрасные, моя радость!..» Однако эта красавица быстро надоела Потемкину, и он бросил ее.

«Весь 1789 год был переполнен амурными утехами и беспрерывными победами князя Таврического над прелестнейшими дамами России, Польши, Молдавии, актрисами из разных европейских стран, приезжавшими в ставку Светлейшего в Яссы часто не без определенного умысла. Потемкин занимал в Яссах самый большой и роскошный дворец князей Кантакузинов – знатнейшего рода в Молдавии и Валахии. Здесь трижды в неделю происходили роскошнейшие балы и празднества», – писал биограф Потемкина. Но тут биограф не прав – какие «победы» могли быть у князя, если он сам говорит, что барышни «приезжали не без умысла»?

По случаю победы под Бендерами в Петербург с донесением помчался брат последнего фаворита Екатерины Платона Зубова, Валериан. Когда он в середине апреля 1790 года вернулся в Яссы, то застал привычную картину: «И дворец был тот же, и люди те же, только “предмет” страсти Григория Александровича в очередной раз переменился. Теперь это была двадцатитрехлетняя гречанка (напомним, что Потемкину был уже 51 год) совершенно сказочной красоты, смотреть на которую собирались толпы народа и в Варшаве, и в Париже. Это была знаменитая София Витт, жена польского генерала Иосифа Витта, впоследствии графиня Потоцкая-Щенсны. София, в девичестве Клявона, родилась в Константинополе, была не то прачкой, не то невольницей. Ее купил польский посол в Турции Боскап Ляскоронский и перепродал Витту, бывшему тогда майором».

А. Тургенев писал о мадам Витт следующее: «Потемкин куртизанил с племянницами своими и урожденной гречанкой, бывшею прачкой в Константинополе, потом польской службы генерала Витта женою, потом купленною у Витта в жены себе графом Потоцким и, наконец, видевшею у ног своих обожателями своими: императора Иосифа, короля прусского, наследника Фредерика II, Вержена – первого министра во Франции в царствование короля-кузнеца Людовика XVI, шведского короля

Густава; будучи в преклонных летах, графиня София Потоцкая была предметом даже Александра Павловича». Наверное, хороша была чертовка, раз в нее влюбился не только Потемкин, но и Александр I. Один историк утверждал, что в начале 90-х годов у нее от Потемкина родилась дочь, но эта «дочь» из области тех же фантазий, что и Елизавета Темкина.

После мадам Витт настала очередь не менее очаровательной и еще более молодой (любил Потемкин молоденьких, впрочем, Екатерина тоже предпочитала юношей) княжны Долгоруковой. Рассказывали, что в день ее именин Потемкин, устроив праздник, посадил княжну рядом с собой и велел подать к десерту хрустальные чаши, наполненные бриллиантами. Из этих чаш каждая дама могла зачерпнуть для себя ложку драгоценных камней. Когда же именинница удивилась такой роскоши, Потемкин сказал: «Ведь я праздную ваши именины, чему же вы удивляетесь?» Вот это размах – так кутить мог только Потемкин! Когда же выяснилось, что у княжны Долгоруковой нет подходящих бальных туфелек, которые она обычно выписывала из Парижа, Потемкин послал нарочного во Францию, и тот, загоняя лошадей, мчался дни и ночи напролет, чтобы доставить модные башмачки в срок. В те же вечера, когда балов и вечеров не намечалось, в интимных покоях Светлейшего появлялись все новые и новые соискательницы брильянтов. Пресыщенный любовью, пирами, лестью и доступными женщинами, Потемкин стал раздражительным, пребывал в беспрерывной меланхолии, ни в чем не находил покоя и наконец уехал в Петербург. Была еще одна причина, погнавшая его в Северную Венецию, – у Екатерины появился новый любовник, амбициозный и властный Платон Зубов, который мог бы составить ему конкуренцию. С намерением «вырвать этот зуб» он и помчался в столицу.

Потемкин приехал в Петербург в феврале 1791 года и по привычке обосновался в Зимнем дворце. Принят он был с прежними почестями – Екатерина II подарила ему фельдмаршальский мундир, украшенный алмазами, стоимостью 200 тысяч рублей, и Таврический дворец. Мешая хандру и меланхолию с деятельным участием в отделке дворца, Потемкин задумал устроить праздник, которого еще свет не видывал. К маю все было готово, и Таврический дворец принял три тысячи гостей. Этот грандиозный праздник прекрасно описан в книге М. Пыляева «Старый Петербург», так что повторяться нет смысла. Скажем лишь, что Светлейшему он обошелся в полмиллиона рублей.

Когда Екатерина II покидала после праздника Таврический дворец, Потемкин упал перед ней на колени и зарыдал. Потом

говорили, что Потемкин плакал, чувствуя приближение своей смерти… После торжества князь пробыл в столице еще два с лишним месяца. Удалить Платона Зубова ему так и не удалось, личные отношения с императрицей ухудшились. Она фактически выставила Потемкина из города. За время своего пребывания в Петербурге после праздника в Таврическом князь истратил 850 тысяч рублей на попойки и пирушки, расходы на которые были покрыты казной. Гулял Потемкин напоследок по-крупному, как действительно перед смертью.

Летом 1791 года, простившись с Екатериной II, князь отправился в город Галац, к армии. Он пребывал в жестокой меланхолии, вызванной разрывом с царицей. В августе произошло событие, еще более опечалившее его, – умер герцог Карл Вюртембергский, самый любимый его генерал. При отпевании покойного Потемкин стоял возле гроба до конца. «Потемкин был столь сильно удручен и задумчив, что, сойдя с паперти, вместо кареты подошел к погребальному катафалку. Он тут же в страхе отступил, но твердо уверовал, что это не простая случайность, а предзнаменование», – вспоминал очевидец. Так оно и случилось. В тот же вечер он почувствовал озноб, потом у него поднялась температура. Потемкин слег в постель, но докторов к себе не допускал. Повторилась та же ситуация, что и с потерей глаза, только сейчас на карту была поставлена жизнь Циклопа. Когда же ему стало совсем худо, он приказал везти себя в Яссы, где были лучшие военные врачи. Там его болезнь немного отпустила, а потом накинулась опять. За три дня до своего 52-летия Потемкин причастился Святых Тайн, ожидая скорую смерть, однако Бог подарил ему еще несколько дней жизни, во время которых Светлейший подолгу молился, по-прежнему отказываясь от каких-либо лекарств. Наконец, увидев, что ему не делается ни хуже, ни лучше, он приказал везти себя в город Николаев. Его сопровождала любимая племянница, графиня Браницкая. В пути ему стало совсем плохо. В ночь на 6 октября 1791 года больного вынесли из кареты и положили на ковер, расстеленный прямо в степи. Он умер так тихо, что казаки конвоя сразу не поверили, что всемогущий Григорий Потемкин мертв. Только Браницкая, вскричав, бросилась ему на грудь, стараясь своим дыханием согреть его похолодевшие губы.

Екатерина II была потрясена известием о скоропостижной кончине человека, которого она совсем недавно горячо любила. Она впала в такое состояние, что ей даже пришлось пустить кровь. Она писала в одном частном письме: «Страшный удар разразился над моею головою. После обеда, часов в шесть, курьер привез горестное известие, что мой ученик, мой друг, можно

сказать, мой идол, князь Потемкин-Таврический умер в Молдавии от болезни, продолжавшейся целый месяц. Вы не можете себе представить, как я огорчена…» Она искренне сожалела о смерти Григория.

Врачи, проводившие вскрытие, обнаружили необычайно сильное разлитие желчи, которая обволокла многие органы, успев в некоторых местах даже затвердеть. Патологи сделали вывод – это произошло потому, что князь отказывался от лечения, не принимал никаких лекарств и поступал вопреки рекомендациям докторов: ел во время болезни жирную пищу, обливался холодной водой и вместо того, чтобы спокойно лежать в постели, «переезжал из одного места в другое по тряским дорогам на жаре и при сквозняках».

Почему у Потемкина разлилась желчь, осталось неизвестным. Однако А. Тургенев привел такие слухи: «Банкир Зюдерланд, обедавший с князем Потемкиным в день его отъезда (из Петербурга), умер в тот же день и тот же час, чувствуя такую же тоску, как князь Потемкин чувствовал, умирая среди степи, ехавши из Ясс в Николаев… как все утверждают, ему был дан Зубовым медленно умерщвляющий яд». Вот оно что! Потемкин честно старался сокрушить Платона, а тот взял да и отравил его подло, исподтишка! Такое злодейство вполне могло иметь место, вот только доказательств у современников никаких не было. Нет их и у нас. Яд – он и есть яд, чтобы убивать без следов.

А забальзамированное тело Потемкина похоронили в Херсоне в склепе церкви Св. Екатерины, не предавая земле, а оставив на пьедестале. Павел I приказал зарыть тело Потемкина в этом же склепе, а вход в него замуровать.

Так закончил свой жизненный путь великий государственный деятель, фаворит Екатерины II Григорий Александрович Потемкин. Он принес славу России и завоевал любовь императрицы. Наверное, она любила его так, как никого другого. Можно сказать, что все остальные ее куртизаны проходили под знаком Потемкина, но главным был все же он.

У Екатерины было так много неофициальных любовников, что не сохранилось имен многих из них. Это могли быть рослые гвардейские солдаты, стоявшие в дворцовом карауле, а то и придворные слуги. Звание, образование и воспитание понравившегося ей мужчины не имели никакого значения. Такие авантюры императрицы длились не более одной ночи, а иногда и менее часа. Так, известна история с истопником Чернозубовым. Однажды Екатерина проснулась от холода и хотела сама разжечь огонь в камине. В этот момент вошел истопник с вязанкой дров. Он так понравился императрице, что она попросила ее «согреть».

Здоровенный истопник охотно выполнил ее просьбу, и Чернозубов в тот же день получил фамилию Теплова за то, что согрел императрицу, звание полковника, потомственное дворянство и 10 тысяч крестьян в Черниговской губернии. И конечно, ему было предписано немедленно покинуть Петербург. Как-то она приблизила к себе офицера Казаринова, и за одну ночь любви он получил имение стоимостью в несколько десятков тысяч рублей и тот же приказ – удалиться из столицы. Ох и щедра была матушка императрица!

Екатерине в ту пору было уже за шестьдесят, но она, терзаемая болезнью, искала себе все новых и новых партнеров, надеясь получить удовлетворение. Историк князь Щербатов, современник императрицы, писал: «Хоть при поздних летах ея возрасту, хотя седины покрыли, время нерушимыми чертами означало старость на челе ея, но еще не уменьшается в ней любострастие. И тех приятностей, каковыя младость имеет, любовники в ней находить не могут, и что ни награждения, ни имения не может заменить в них того действия». Среди ее кратковременных любовников промелькнули Страхов, офицер Хвостов, Милорадович, канцлер Безбородко, Миклашевский, Казаринов, которому она за одну ночь любви подарила имение, стоившее 400 тысяч рублей, майор Левашов (причем Свейковский заколол себя шпагой в отчаянии, что ему предпочли этого майора). Многие мужчины желали быть фаворитами императрицы, однако выбор все же оставался за нею. Однажды молодой князь Кантемир, беспутный и обремененный долгами юноша, решил сделаться фаворитом и в течение нескольких недель кружил вокруг Екатерины. Он два раза притворялся, что ошибся дверью, а в третий раз все-таки решился и упал перед ней на колени, объясняясь в любви. Но императрицу на мякине не проведешь – она приказала схватить нахала, посадить в экипаж и отвезти домой.

Несть им числа, от некоторых даже биографий не осталось. В 1789 году, когда Екатерине II исполнилась 60 лет, она завела сразу двух братьев-любовников: 22-летнего Платона Зубова и 19-летнего Валериана. Мы уже упоминали об официальных фаворитах императрицы Завадовском, Зориче, Корсакове, Ланском, Ермолове и Мамонове. Расскажем же о них по порядку.

Итак – Петр Завадовский. Он родился в 1739 году, то есть был, как и Потемкин, на десять лет моложе Екатерины. Петр был сыном небогатого помещика Черниговской волости на Украине. Учился в иезуитском колледже в Орше, а затем в Киевской духовной академии. Отсюда – хорошее знание польского языка и латыни. Однако Петр не пошел по духовной стезе, а с 1766 года

служил в Малороссийской коллегии (администрации Украины по-нынешнему), главой которой был граф Румянцев. Вместе со своим патроном участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774 годов; отличился в боях, получил звание полковника и был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Когда в 1775 году в Москве чествовали героев этой войны, Румянцев взял 37-летнего полковника Завадовского с собой «для ведения записей». Екатерина II сердечно встретила фельдмаршала Румянцева и, обняв его, расцеловала. В этот миг она заметила Завадовского – могучего, стройного, статного и красивого мужчину, который, окаменев, глядел на императрицу. Заметив взгляд Екатерины, брошенный на Завадовского, Румянцев представил его государыне, отрекомендовав с самой лучшей стороны. Екатерина тут же пожаловала ему бриллиантовый перстень со своим именем и взяла Петра себе в секретари. С Потемкиным у нее тогда уже наметился разлад. Пышные празднества в Москве по случаю победы над турками закончились раздачей наград, не был обойден вниманием и Завадовский – он получил сразу два чина: армейский генерал-майора и придворный генерал-адъютанта. В Москве Екатерина II ежедневно встречалась со своим новым секретарем, который ведал ее походной канцелярией и всеми доходами и расходами. Поэтому он стал самым приближенным к царице человеком, посвященным во многие ее личные дела и тайны. После возвращения в Петербург Завадовский стал почти такой же влиятельной персоной, как и Потемкин. Царедворцы начали заискивать перед ним, набиваться в друзья и искать у него протекции. Так часто бывает – когда человек «на коне», тут же обрастает «друзьями», которые используют его, а когда он свалится наземь, они ему и руки не подадут.

Так или иначе, а зимой 1776 года Завадовский стал фаворитом Екатерины II и был им около полутора лет. К тому времени Потемкин нашел своего серба, и Завадовскому пришлось отправиться в продолжительный отпуск, который оказался бессрочным. За то время, пока Петр был в фаворе, он получил обширные поместья в Черниговской и Могилевской губерниях, а после своей отставки – 80 тысяч наличными, 2 тысячи душ из польских крестьян и 5 тысяч рублей годовой пенсии. Немного позже в воздаяние его «альковных заслуг» ему было пожаловано еще 18 тысяч крепостных, а также подарен роскошный серебряный сервиз за 80 тысяч рублей. В результате всех этих пожалований Завадовский превратился в богатейшего человека в России. Его ежегодный доход составлял более 100 тысяч рублей.

Интересно, что Екатерина не забывала своего бывшего фаворита. С января 1780 он стал сенатором, управлял

Петербургским заемным банком и рядом других учреждений. Также в 1780 году он был посвящен в графское достоинство Священной Римской империи. Когда в 1797 году к власти пришел Павел I, он присвоил Завадовскому титул графа Российской империи, но через два года уволил в отставку, причем сослал его под надзор полиции в свое имение. С восшествием на престол Александра I Завадовский был снова призван в столицу и в 1801 году встал во главе Комиссии по составлению законов. С учреждением министерств он стал первым министром народного просвещения. На этом поприще он развил бурную деятельность – основал ряд университетов, Педагогический институт в Петербурге (сейчас РГПУ им. А. И. Герцена), множество гимназий, уездных училищ, сельских школ и так далее. В 1810 году он оставил пост министра и был назначен председателем департамента законов Госсовета. Умер Петр Васильевич Завадовский в 1812 году в почтенном 73-летнем возрасте и был похоронен в Александро-Невской лавре. Современники считали Завадовского более хитрым, чем умным, – только благодаря «случаю» он стал тем, кем стал. И, представьте себе, вопреки негласному правилу, по которому бывшие фавориты Екатерины не женились, Петр Завадовский в 1787 году обвенчался с графиней В. Апраксиной, от которой имел дочь Татьяну. Вот такая биография была у бывшего, не самого выдающегося «момента» Екатерины II.

Очередным фаворитом Екатерины стал Семен Гаврилович Зорич. Он родился в 1743 году, то есть был на 14 лет моложе императрицы (отметим, что чем старше становилась царица, тем моложе были ее любовники). По национальности Зорич был обрусевшим сербом. С 11 лет он был зачислен в гусарский полк, а в пятнадцать уже храбро воевал с пруссаками в Семилетнюю войну, был трижды ранен, попал в плен, но сумел оттуда бежать. В 1764 году Зорич воевал уже в Польше, а в 1769–1770 годах – с турками, где прославился на всю армию бесшабашной удалью, воинской удачей и большим командирским талантом. Летом 1770 года трижды раненный Зорич опять попал в плен. На сей раз совершить побег ему не удалось, и Семен четыре года провел в страшной турецкой тюрьме – Семибашенном замке. Потом он еще год провел в Стамбуле, дожидаясь заключения мирного договора. После подписания мира Семен Гаврилович вернулся на родину, где его заслуги были отмечены Георгиевским крестом 4-й степени. (Это давняя традиция – и в первую мировую войну солдаты награждались Георгием 4-й степени «за мученичество в плену».) Смелого георгиевского кавалера взял себе в адъютанты князь Потемкин-Таврический. Как мы уже знаем, Потемкин начал

плести интригу, чтобы избавиться от Завадовского, и предложил Екатерине кандидатуру Семена Зорича. Причем поступил он хитро. Для начала он назначил Зорича командиром лейб-гусарского эскадрона и присвоил ему звание полковника. Так как лейб-гусары были личной охраной императрицы, то их командир обязательно должен быть представлен государыне. В мае 1777 года Потемкин устроил для него аудиенцию у Екатерины. Ей приглянулся смуглый и кареглазый изящный молодой человек, одетый в голубой гусарский мундир с Георгием на груди. Потемкин сразу же понял, что попал в точку, – Завадовскому неожиданно предложено было съездить в шестимесячный отпуск, откуда он уже не вернулся. Пока Завадовский отсутствовал, Зорич стал флигель-адъютантом и поселился в апартаментах фаворитов. До этого он прошел обязательную «медкомиссию» у доктора Роджерсона, апробацию у графини Брюс и еще у двух фрейлин. Все эти «экзамены» Семен сдал на отлично.

О знакомстве Зорича с императрицей существует и другая версия. Якобы он, рассорившись со своим командиром полка, поехал в Военную коллегию в Петербург просить о переводе в другое подразделение. В первый же день пребывания в столице он проигрался в карты, да так, что у него совсем не осталось денег, даже на обед в трактире. На свое счастье, он встретил давнего приятеля, который ехал в Царское Село к своему приятелю, гоффурьеру. Встречу, как и положено по русскому обычаю, обмыли. В Царском подвыпивший Зорич пошел проветриться в дворцовый сад, сел на скамью под липой и благополучно уснул. В этот момент мимо проходила Екатерина II. Зорич приглянулся ей своей статью и ростом; императрица велела своему камердинеру сесть рядом на скамью и дождаться, пока он проснется, а потом пригласить кавалериста к ней на ужин. С этого якобы все и началось.

Имеет хождение и другая байка о встрече Зорича с Екатериной. Семен Зорич будто бы являлся племянником акушерки Екатерины Зорич, которая готовила к родам жену Павла Петровича – Наталью Алексеевну. Эта акушерка занималась также выкидышами и детоубийством в случае незаконного рождения. Поскольку Павел со своей женой находились в оппозиции к императрице и даже хотели устроить бунт и постричь ее в монастырь, Екатерина приказала повивальной бабке под видом оказания помощи роженице отравить ее. Что та и сделала – погибли и Наталья, и ребенок. (Правда, при вскрытии тела доктора нашли, что из-за неправильного строения таза она и не могла родить, а кесарево сечение делать тогда не умели.) Якобы после этого Екатерина

приблизила акушерку по фамилии Зорич к себе; от нее она и узнала о существовании племянника Семена. А рекомендация Потемкина здесь совсем ни при чем.

Как вам нравятся эти версии? Я лично склоняюсь ко второй – только с гусарским офицером-пьяницей могла случиться такая история. Это более правдоподобно, чем «отравление», которого не было, да и, зная характер Екатерины, трудно поверить, чтобы она пошла на это. Все-таки нрав у нее был незлобивый.

Как бы там ни было, в сентябре 1777 года Зорич стал уже генерал-майором и кавалером шведского ордена Меча и Св. Серафима, а также польских – Белого Орла и Станислава. Он стал обладателем ряда богатых поместий в Лифляндии и целого города Шклов на Витебщине, купленного Екатериной за 450 тысяч рублей.

Потом произошла знаменитая ссора с Потемкиным, о которой мы уже писали, и последовал приказ императрицы отправиться за границу. Слишком много о себе возомнил Семен Гаврилович. По возвращении из-за рубежа в 1778 году Зоричу было предложено отправляться в город Шклов. Он поселился в великолепном старом замке графов Ходкевичей и устроил в нем беспрерывный праздник. Балы сменялись маскарадами, маскарады – спектаклями, пиры – охотой и так далее. Екатерина II дважды навещала Зорича и была встречена с необычайной пышностью.

Семен Зорич был азартным карточным игроком, при этом имел репутацию шулера. Впрочем, оставил он по себе и добрую память – в день именин Екатерины II в 1778 году на свои средства учредил Шкловское благородное училище для мальчиков-дворян, готовящихся стать офицерами; нечто вроде кадетского корпуса. С питомцами училища у него сложились самые теплые отношения. Многие из них, уже будучи офицерами, специально заезжали к Зоричу, чтобы поблагодарить его.

Дальнейшая жизнь славного кавалериста-рубаки сложилась не так удачно. Пользуясь его доверчивостью, тщеславием и расточительностью, некие графы Зановичи организовали под носом у Зорича фабрику по производству фальшивых ассигнаций. И в 1784 году возникло уголовное дело, которое легло несмываемым пятном на репутацию Зорича. Екатерина II приказа расследовать это дело… Потемкину, хотя знала, что они находятся на ножах. Потемкин арестовал обоих фальшивомонетчиков и уволил Зорича со всех постов. В результате бедняга разорился. Лишь после смерти Екатерины Павел I учредил опеку над имениями Зорича, вызвал его в Петербург и в 1797 году дал чин генерал-лейтенанта. Однако уже через девять месяцев он был уволен за растрату казенных денег,

на сей раз окончательно. В мае 1799 года здание созданного им училища сгорело. Это так подействовало на Семена Гавриловича, что он заболел и умер в ноябре того же года. Ему было 56 лет.

На многотрудном поприще екатерининского фаворита Зорича сменил Иван Николаевич Римский-Корсаков. Интересна история его возвышения. Корсаков был опаснейшим донжуаном в Петербурге, «мужем всех жен», неустрашимым дуэлянтом, который с женщинами обходился грубо и презрительно. Мужья боялись его, а женщины вздыхали об этом «злодее» и «негодяе». Впрочем, все признавали в нем никчемного человека.

Корсаков победил в «отборочном» конкурсе сразу двух претендентов: немца Бермана и внебрачного сына графа Воронцова – Ронцова. Дело было так: Екатерина вышла в приемную, где в ожидании аудиенции томились трое претендентов на сердце 48-летней государыни; в руках они держали букеты. Дело было в декабре 1777 года, и цветы тогда было достать очень трудно. Не знаю, какие уж там были букеты, но Екатерина обратила внимание не на цветы, а на внешний облик «конкурсантов». Необыкновенная красота и изящество Римского-Корсакова (или попросту Корсакова) сразу же покорили ее, и она отправила Ивана к Потемкину, который утвердил выбор царицы. К тому же Екатерине понравилась дерзость, которую Корсаков проявлял к женщинам. Она отзывалась о Корсакове так: «Он ослепителен, как Солнце… Одним словом, это – Пирр, царь Эдипский. Все в нем гармонично, нет ничего выделяющегося. Это – совокупность всего, что ни есть драгоценного и прекрасного в природе…» В своем описании Екатерина, конечно, переборщила, но что ни простишь женщине, которая коллекционировала таких красавцев! Однако Корсакову, чтобы попасть в будуар императрицы, нужно было пройти обязательное испытание на мужскую выносливость, а также посетить доктора Роджерсона. Экзамены прошли успешно, и уже на следующий день Корсаков получил звание камергера и чин генерал-адъютанта.

Вернемся немного назад. Иван Николаевич Римский-Корсаков, сын смоленского дворянина, родился в 1754 году, то есть ко времени знакомства с Екатериной ему было 23 года. У него был прекрасный голос, а кроме того, он неплохо играл на скрипке. У царицы в придворной капелле были музыканты и певцы получше; она же искала в своих фаворитах прежде всего людей умных и деятельных, таланты которых можно было бы использовать на пользу государства. Но на этот раз Екатерине не повезло – в ее спальне оказалась всего лишь красивая кукла. «Что же касается ума и образованности Корсакова, то лучше всего об этом свидетельствует такой случай: когда Екатерина подарила

ему особняк на Дворцовой набережной, купленный ею у Васильчикова, то новый хозяин решил завести у себя хорошую библиотеку, подражая просвещенным аристократам и императрице. Выбрав для библиотеки большой зал, Корсаков пригласил известного книготорговца и велел ему привезти книги. “Извольте дать мне список тех книг, кои вы желаете, чтобы я привез вам”, – сказал книготорговец. На что фаворит ответил: “Об этом я не забочусь – это ваше дело. Скажу только, что внизу должны стоять большие книги, а чем выше, тем они должны быть меньше, точно так, как у государыни”», – сообщал один историк.

Зная требования, которые предъявляла к своим фаворитам Екатерина II, как в мужском, так и в интеллектуальном плане, стоит только удивляться, как Корсаков продержался в фаворитах целых два года – до октября 1779 года. Видно, она терпела этого тупицу только из-за того, что он удовлетворял ее в постели. Неизвестно, сколько бы все это продолжалось, если бы недалекий Корсаков не стал интриговать против всесильного Потемкина. Тот погнал его из фаворитов, причем сделал это очень тонко. Дело было в том, что давним врагом Потемкина был полководец Румянцев, а графиня Брюс, самая близкая наперсница Екатерины, являлась его сестрой. Как только неосторожный Корсаков начал волочиться за графиней (о чем сразу же донесли Циклопу), тот сразу же создал ситуацию, пагубную для обоих. Екатерина II тут же узнала об этой связи и немедленно отослала неверную графиню в Москву. Корсаков же, испугавшись и притворившись больным, остался в Петербурге. Но урок не пошел ему впрок. Как раз в это время из-за границы в столицу вернулся граф Строганов со своей юной женой Екатериной. Корсаков тут же влюбился в юную женщину и вскоре уехал из Петербурга в Москву, отлично понимая, что терпение императрицы не безгранично. К всеобщему удивлению, вслед за ним поехала и графиня (в Москве у нее был роскошный особняк, подаренный мужем после ее бегства). Кроме того, благородный граф предоставил ей богатую подмосковную усадьбу Братцево и пожизненное денежное содержание. Почему так поступил 46-летний граф по отношению к своей молодой жене? Только ли из благородства? Непонятно, известно лишь, что «Екатерина Петровна была женщина характера высокого…», короче, высокомерная. Еще бы – она была урожденной княжной Трубецкой, тогда как Строгановы происходили из купцов. Отсюда и высокомерие. Пожалуй, граф Строганов был только рад, что избавился от такой жены. Но все же развода он ей так и не дал… Когда же через двадцать лет Павел I сослал Римского-Корсакова в Саратов, графиня последовала за ним и туда. Надо думать, что ни Корсаков, ни

Строганова не сожалели о произошедшем. Она была богата, да и Иван не беден – Екатерина II оставила своему бывшему фавориту дом на Дворцовой набережной и множество драгоценностей, оценивавшихся в 400 тысяч рублей. Некоторые исследователи даже считают, что ему перепало во много раз больше – 720 тысяч. Иван Корсаков с Екатериной Петровной жили вне брака. Она умерла в 1815 году, оставив ему сына и двух дочерей. Сам же Иван Николаевич Римский-Корсаков скончался в 1831 году почтенным старцем 77 лет. Знаменитый композитор Римский-Корсаков приходился ему родственником. Интересно отметить, что Екатерина II, даже если фавориты ей изменяли, как это было в случае с Корсаковым, ни своих подарков, ни титулов, ни наград у них не отнимала.

А потом случилась трагедия с Александром Ланским, заменившим собой в 1780 году неверного Корсакова. Он был выходцем из небогатой и незнатной семьи, имевшей поместья в Тульской губернии. Его отец смолоду отличался необузданным характером, из-за чего в 1748 году его разжаловали из кирасирских поручиков и уволили из армии. Дело было в том, что отец Ланского из-за чего-то судился с неким дворянином Степановым и, не добившись правды, захватил в заложницы нескольких женщин из степановского семейства и принялся их истязать. За что и поплатился. Во время Семилетней войны ему удалось восстановиться в армии. Неукротимый нрав на сей раз способствовал его карьере. Он храбро воевал с пруссаками, и в 1772 году стал комендантом города Полоцка в чине бригадира. У него было шестеро детей, старший из которых, Александр, родившийся в 1758 году, и стал очередным фаворитом императрицы.

Двадцатидвухлетнего конногвардейца Екатерине II подыскал обер-полицмейстер Петербурга граф П. Толстой. Новый постельный претендент сразу понравился императрице, однако обжегшись на Корсакове, она не спешила и для начала лишь оказала ему несколько знаков внимания: Ланской стал флигель-адъютантом и получил 10 тысяч рублей на расходы. Потом государыня присвоила ему придворный чин камергера. Все шло к тому, чтобы он вскоре поселился в покоях, смежных с екатерининскими, и английский посланник докладывал своему правительству: «Ланской красив, молод и, кажется, уживчив». Когда придворные поняли, что новый кандидат в фавориты не амбициозен и абсолютно безвреден, они посоветовали ему обратиться за поддержкой к Потемкину. Ланской внял совету ушлых царедворцев и не прогадал – он нашел в лице Светлейшего заступника и верного друга. Потемкин назначил его своим

адъютантом и около полугода обучал разным придворным премудростям, а заодно изучал его. Поняв, что в Ланском скрыта масса прекрасных качеств, Потемкин со спокойной душой рекомендовал его Екатерине II как нового сердечного друга. На Пасху 1780 года Александр вновь предстал перед императрицей, был обласкан ею, получил звание полковника и в тот же вечер занял пустовавшие апартаменты фаворитов.

По своей наружности Ланской был похож на херувима – мечтательные голубые глаза, полные грусти, юное безбородое лицо ослепительной белизны с румянцем во все щеку, коралловый рот, белокурые волосы останавливали на нем взгляд каждого. При всем этом он был высокого роста, широкоплечий и широкобедрый. Екатерина полюбила его, кажется, больше всех остальных своих фаворитов. Ланской относился к ней, как к матери, а Екатерина проявляла о нем материнскую заботу. К тому же Александр до встречи с Екатериной познал мало женщин, а может быть, вообще не познал. Он был нежен с императрицей, как сын, и это ее трогало.

Александр Ланской обладал мягким характером, не лез ни в какие интриги и старался никому не навредить. С самого начала своей фортуны он решил не заниматься государственными делами, обоснованно считая, что таким образом наживет себе врагов. Даже когда в Петербург приезжали коронованные особы, как, например, австрийский кронпринц Иосиф, прусский кронпринц Фридрих-Вильгельм или шведский король Густав III, Ланской вел себя очень сдержанно, не позволяя никому из них надеяться на его протекцию. Он вообще считал, что политика – дело грязное. Единственной страстью для него была женщина – Екатерина II, и он делал все, чтобы полностью завладеть ее сердцем. Он не только хотел нравиться ей, но и желал, чтобы она тоже влюбилась в него и даже помыслить не могла о замене его другим любовником. Ланской не пытался вырваться из золотой клетки – ему в ней нравилось.

У него были ровные отношения с наследником Павлом Петровичем и его женой Марией Федоровной; он играл с внуками императрицы Александром и Константином, в общем, для всех был милейшим человеком. Ланской много читал, чтобы еще больше понравиться Екатерине, и ему это удалось.

Так бы и продолжалась эта безмятежная любовь стареющей императрицы и молодого кавалергарда, если бы в 1784 году Ланской серьезно и опасно не заболел. Говорили, что он подорвал свое здоровье тем, что для поднятия потенции принимал возбуждающие средства. Эта версия заслуживает самого пристального внимания. Стать фаворитами императрицы желали

многие мужчины. Зная ее ненасытный любовный характер, они часто пользовались возбуждающими средствами. В то время отличным средством для повышения потенции считалась шпанская мушка (аналог современной «Виагры»). Пик потребления шпанской мушки пришелся на «галантный» XVIII век. Все французские короли (мы уже писали об этом) просто обойтись не могли в своих любовных утехах без этого снадобья. Шпанская мушка одинаково действует на представителей обоих полов, и самой горячей поклонницей этого средства была Екатерина II. Естественно, чтобы понравиться своей любовнице еще больше, это средство принимал и Ланской. Возможно, он переусердствовал в приеме этого зелья. Научное название шпанской мушки – «стимулятор кантаридес», источником активного вещества в котором являются истолченные в порошок жучки особого вида. Однако чрезмерное увлечение шпанской мушкой чревато болезнями мочеполовой и нервной системы, нарушением функции почек. Шпанскую мушку рекомендуется принимать не более 4–6 раз в месяц, а Ланской, надо полагать, делал это чаще. По некоторым сведениям, он два года «просидел» на этом препарате, за что и поплатился жизнью.

Екатерина ни на час не покидала больного, почти перестала есть, забросила все дела и ухаживала ним, как мать, боявшаяся потерять единственного сына. В те дни она писала: «Злокачественная горячка в соединении с жабой (грудная жаба – астма) свела его в могилу в пять суток». Когда 25 июня 1784 года Ланской умер, императрица окончательно потеряла самообладание, рыдала и причитала, как деревенская баба, а затем впала в жестокую депрессию. Она уединилась в своих комнатах и никого не хотела принимать, кроме сестры Ланского Елизаветы, очень похожей на своего брата. В результате нервного потрясения Екатерина сама заболела и не могла ни часу провести без рыданий. Ее горе было безмерно. После похорон она писала барону Гримму: «Когда я начинала это письмо, я была счастлива, и мне было весело, и дни мои проходили так быстро, что я не знала, куда они деваются. Теперь уже не то: я погружена в глубокую скорбь, моего счастья не стало. Я думала, что сама не переживу невознаградимой потери моего лучшего друга, постигшей меня неделю назад. Я надеялась, что он будет опорой моей старости: он усердно трудился над своим образованием, делал успехи, усвоил мои вкусы. Это был юноша, которого я воспитывала, признательный, с мягкой душой, честный, разделяющий мои огорчения, когда они случались, и радовавшийся моим радостям. Словом, я имею несчастье писать вам, рыдая… Не знаю, что будет со мной; знаю только, что

никогда в жизни я не была так несчастна, как с тех пор, как мой лучший и дорогой друг покинул меня…»

Видя состояние Екатерины, перепуганный канцлер Безбородко срочно вызвал в Петербург Федора Орлова (Григорий Орлов к тому времени уже умер) и Потемкина. Они утешали императрицу как могли. В письме к тому же Гримму Екатерина писала: «Через неделю после того, как я написала мое июльское письмо, ко мне приехал граф Федор Орлов и князь Потемкин. До этой минуты я не могла выносить человеческого лица. Оба они взялись за дело умеючи. Они начали с того, что принялись выть заодно со мною; тогда я почувствовала, что мне с ними по себе, но до конца еще слишком далеко…» Императрица тяжело переживала кончину Ланского и еще долго не могла оправиться от постигшего ее несчастья. Она ежедневно ходила на могилу Сашеньки и просиживала там долгие часы, вспоминая о радостях, которые ей дарил покойный.

Со смертью Ланского связана одна гнусная история. Умирая, он попросил похоронить себя в одном из романтических уголков Царскосельского парка, чтобы быть поближе к своей возлюбленной. Его просьба была выполнена. Но вскоре потрясенные служители парка обнаружили могилу разрытой, а вынутое из земли тело изуродованным! Кроме того, на мраморной урне обнаружились оскорбительные надписи в адрес Ланского, порочившие его память. Кто это сделал, дознаться так и не удалось, ведь он за всю свою короткую жизнь никому никогда не сделал ничего дурного! На момент смерти ему было всего 26 лет. После этого происшествия его похоронили уже не на открытом месте, а в близлежащей церкви Св. Софии, а потом устроили и специальную усыпальницу-мавзолей. Больше его прах никто не тревожил.

Екатерина II всю жизнь заботилась о братьях и сестрах Ланского – дала им приличное образование и удачно женила. Александр Ланской был фаворитом Екатерины в течение четырех лет, не вмешивался в политику, отказывался от чинов и орденов, вел скромный образ жизни, хотя императрица и вынудила его принять графский титул и огромные поместья с десятками тысяч крепостных крестьян. Екатерина II якобы даже хотела выйти за Ланского замуж и объявила об этом Панину с Потемкиным. По легенде, именно из-за этого он по приказу Светлейшего был отравлен. Однако это всего лишь легенда – Потемкин в таких мерзостях замечен не был; он предпочитал или открытую войну, или интриги, но никак не убийство. Да и зачем ему было убивать безвредного юношу, который политики боялся как огня? Так что все это выдумки досужих царедворцев. А мальчика жаль, нет

сомнения в том, что Екатерина на старости лет в него действительно влюбилась. Поздняя любовь – это не шутка…

«Дрожи Кавказ – идет Ермолов!» – кажется, так сказал великий поэт. Нет, не о нем в нашем повествовании пойдет речь, а о его однофамильце – Александре Петровиче Ермолове, ходившем в екатерининских фаворитах с 1785 по 1786 год. И никто от его вида не дрожал, потому что не боялся. Впрочем, все по порядку.

Потрясенная до глубины души гибелью Ланского, а еще больше тем, что случилось с его телом, Екатерина II почти год пребывала в апатии, предавшись несвойственной ей меланхолии и тоске. Но постепенно натура взяла свое, и благодаря стараниям друзей, а более всего Потемкина, царица успокоилась. Незаменимый Потемкин знал, что требовалось Екатерине, – новый друг «для телесной нужды», как любил говорить Иван Грозный. Он специально устроил праздник, чтобы представить ей блестящего молодого офицера Александра Ермолова, который был сыном надворного советника. Праздник удался вполне – Ермолов вскоре переехал в давно пустовавшие комнаты фаворитов и получил чин императорского флигель-адъютанта. Екатерина строго охраняла нравственность своих фаворитов – заметив как-то раз, что фрейлина Эльмит кокетничает с Ермоловым и явно оказывает ему знаки внимания, она приказала выпороть нахалку в присутствии других «фройляйн» и с позором отправила домой.

У Еромолова была странная наружность – светлые, почти белые курчавые волосы, широкие скулы, толстые, чувственные губы и белые, как сахар, зубы. При дворе его звали белым арапом. Александр Петрович был хорошим человеком – помогал всем, кому мог. Государыня прислушивалась к его рекомендациям, ибо Ермолов хорошо разбирался в людях и никогда не ходатайствовал за недостойных. Кроме того, он был необычайно правдив и искренен – это его и погубило.

Дело было в следующем. После покорения Крыма последний татарский хан Шагин-Гирей должен был получать от Потемкина большие суммы денег, обусловленные договором. Однако Светлейший тянул с этими выплатами, так что в течение нескольких лет хан не получил ни гроша. Тогда Шагин-Гирей обратился за протекцией к Ермолову; тот об этих художествах Потемкина рассказал Екатерине II, а та попеняла князю за подрыв своего авторитета – договор-то подписывала она! Потемкин, не будь дурак, сразу понял, откуда ветер дует, и предпринял контрмеры, чтобы Ермолов не в свои дела нос не совал. Да, иногда ему со своими протеже не везло – зарываются ребята: то

на дуэль вызовут, то чужие деньги в кармане считают. Неизвестно, что Потемкин ответил на жалобу хана Екатерине, но Ермолов с поста фаворита тут же слетел. В июле 1786 года царица приказала ему на три года отправляться за границу. Александр Петрович послушно собрался и уехал в Европу. Там он вел себя необычайно скромно (по сравнению с Орловскими загулами), так же скромно он вел себя и по возвращении из путешествия: перебрался из Петербурга в Москву, где был радушно встречен местным высшим светом. Что не удивительно, ведь, будучи в фаворе, он никому не сделал зла, а некоторым даже помог.

За время своего пребывания в фаворитах, продолжавшегося год и четыре месяца, Ермолов получил 2 поместья стоимостью 400 тысяч рублей, а также 450 тысяч рублей наличными. Позже он уехал в Австрию, купил богатое имение Фросдорф неподалеку от Вены и зажил там припеваючи. Вернувшись ненадолго в Россию, Ермолов женился на княжне Елизавете Голицыной и впоследствии стал отцом трех сыновей, которые, впрочем, ничем в русской истории не прославились. Да и сам Ермолов старался в России не появляться, уехал в свой любимый Фросдорф, где и умер в 1836 году, пережив свою благодетельницу на целых тридцать лет. Вот и весь сказ.

А очередной фаворит Екатерины, Дмитриев-Мамонов, что называется, «наделал делов». Что и говорить! А говорить о нем придется. Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов, потомок древнего боярского рода, родился в 1758 году, как и Ланской. Он с детства был записан в Измайловский полк и пользовался покровительством славного князя Потемкина-Таврического. В 1784 тот взял Мамонова к себе в адъютанты и, беспокоясь о том, чтобы во время своих частых отлучек из Петербурга возле Екатерины находился доверенный человек, в 1786 году (после изгнания Ермолова) представил его государыне. Молодой человек приглянулся царице своей красивой внешностью и скромностью. В том же году он стал полковником и флигель-адъютантом, а вскоре был пожалован званием генерал-майора и чином камергера. В 28 лет стать генералом – это немало! Такое на войне только может быть. Мамонов занял в Зимнем дворце покои фаворитов, у него даже был отдельный кабинет.

Первое время Мамонов не играл никакой роли в политической жизни России, но в 1787 году императрица взяла его с собой в знаменитую поездку в Крым. Один иностранец, некто Цимцевич, рассказывал о посещении тех зданий, которые были построены для отдыха Екатерины II по пути ее следования в Крым: «Спальни императрицы везде были устроены по

одинаковому плану; возле ее кровати помещалось огромное зеркальное панно, двигающееся посредством пружины; когда оно поднималось, то за ним показывалась другая кровать – Мамонова…»

Во время этого путешествия Мамонову пришлось, пока Екатерина была занята, общаться с иностранными дипломатами и царственными особами – австрийским императором Иосифом II и польским королем Станиславом Августом Понятовским. С этих-то пор Мамонов и начал принимать участие в государственных делах, правда, ничего толкового совершить не мог ввиду полного отсутствия ума и таланта. Стареющая императрица, однако, этого не замечала; в 1788 году назначила его генерал-адъютантом, исхлопотала для него у австрийского цесаря графское достоинство Священной Римской империи, обеспечила материально и, наконец, ввела Мамонова в Государственный Совет. Как ни странно, но только Екатерина восхищалась талантами Александра Матвеевича, никто другой в нем «искры божией» не замечал. В письмах к Потемкину она хвалила Мамонова: «Он весьма милый человек», «он день ото дня мне любезнее становится» и так далее. И еще: «Крепок душою, силен и блестящ по внешности… У него ум за четверых, неисчерпаемый источник веселья и много оригинальности в понимании вещей и в суждениях. Кроме того, безграничная искренность». Однако Мамонов в какой-то момент забыл, кто он, и встал в оппозицию к своему благодетелю Потемкину, а перед Екатериной оправдывался ревностью. Ах, ревнует – значит, любит! Какой же даме не понравится, что ее ревнуют?

В письме к барону Мельхиору Гримму она по-прежнему рассыпалась в похвалах Мамонову – он-де и музицирует хорошо, и гравер неплохой, да и классику иногда почитывает. За его привычку носить красные камзолы она называла его Красный Кафтан. В письмах она говорила о нем в первом лице: «Мы мастерски рассказываем и обладаем редкой веселостью; мы – сама привлекательность, честность, любезность и ум; словом, мы себя лицом в грязь не ударим». Екатерина влюбилась в Мамонова, как девочка. Она шутливо называла его «дитею».

А этот «дитя» взял, да и ударил в грязь лицом, да не своим, а императрицыным! Время от времени между ними возникали разные недоразумения, и вскоре Мамонов начал тяготиться ролью фаворита. Как честный офицер, он дал Екатерине слово не покидать пределов Зимнего дворца. Не покидать? И не надо. В 1788 году, не покидая дворца, он завел амуры с фрейлиной императрицы 17-летней княжной Елизаветой Щербатовой, и она отдалась ему. Прошло несколько месяцев, прежде чем Екатерина

узнала об измене любовника. Затронутая за живое, царица, чтобы заставить своего любимчика самого признаться в прелюбодеянии, пошла на хитрость. Однажды она, жалуясь на свою старость, сказала, что хотела бы устроить судьбу Мамонова, и предложила ему в жены богатую графиню Брюс. Тогда дурак Мамонов бросился перед Екатериной на колени и заявил, что не может принять от нее этой милости, так как любит княжну Щербатову и уже даже помолвлен с нею! В общем, сам сознался! Екатерина, все еще не верившая словам царедворцев, была глубоко потрясена признанием Мамонова. Беседуя со своим секретарем Храповницким, она жаловалась ему: «Зачем не сказал откровенно? Год как влюблен (в Щербатову)… Нельзя вообразить, что я терпела. Бог с ними! Пусть будут счастливы. Я простила их и дозволяю жениться… Мне князь (Потемкин) зимой еще говорил: Матушка, плюнь на него, и намекал на княжну Щербатову, но я виновата; я сама перед князем его оправдать старалась». От себя добавим, что когда Екатерина пожаловалась Безбородко на невнимательность и «рассеянность» Мамонова, на его «неаккуратность», то канцлер тоже намекал ей на связь фаворита с фрейлиной. Однако царица была влюблена тогда, как кошка, и намеков не поняла.

По правде говоря, Мамонов повел себя подло. Понятно, Екатерина старая, но не лучше ли было честно признаться, что влюблен в другую, чем целый год прятаться, да еще и тайно обручиться! И в то же время врать Екатерине, что любит ее! На что он надеялся? Что все само собой как-то устроится? Это по крайней мере глупо. Хотя Мамонов, судя по всему, и был непроходимым глупцом.

Женское самолюбие императрицы было жестоко уязвлено. Тот, которого она еще недавно ласково называла ангелом, оказался предателем и подлым изменником. Тем не менее Екатерина, скрепя сердце, приказала Храповницкому готовить указ о пожаловании Мамонову деревень с 2250 душами крепостных и 100 тысяч рублей. Да его со двора нужно было гнать, оставить голым и босым, а Екатерина, добрая душа, его лично женила на Щербатовой! Невесте она дала 10 тысяч рублей золотом в качестве приданого и обеспечила молодых брильянтовыми обручальными кольцами. Правда, они, стоя на коленях, просили у нее прощения, но что Екатерине было из этого! Чете Мамоновых был дан приказ немедленно покинуть столицу и выехать в Москву.

Никто не мог объяснить великодушия императрицы к Мамонову. В своем письме к Гримму Екатерина объяснилась: «Воспитанница госпожи Кардель (которая в детстве воспитывала

будущую императрицу) нашла, что Красный Кафтан достоин более сожаления, чем гнева; он наказан на всю жизнь за глупейшую страсть; его считают неблагодарным; воспитанница госпожи Кардель сочла нужным, в интересе всех участвующих, чем скорее, тем лучше кончить эту комедию». Таким образом, Екатерина II в очередной раз показала свое благородство. Она не могла себе позволить опуститься до мелкой мести, потому и вошла в историю под названием Великой.

Поселившись в Москве, Мамонов сначала был доволен своей судьбой, но со временем стал тосковать по Петербургу и тому блестящему обществу, в котором он вращался, будучи фаворитом. Менее чем через год он уже горько сожалел о случившемся и стал писать императрице жалостливые письма, прося ее все забыть и разрешить ему вернуться в столицу. Но Екатерина отвергла эти просьбы, и Мамонову ничего не оставалось делать, как предаваться воспоминаниям о своем былом величии, которое он сам же и разрушил.

Император Павел I, к которому Мамонов в свое время относился благосклонно, в 1797 году пожаловал ему титул графа Российской империи, однако ко двору не позвал. Так Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов и прозябал в Москве, находясь в полном забвении, пока не умер в 1803 году. От брака с княжной Щербатовой у него остался сын Матвей. Вот такая история приключилась с фаворитом Мамоновым… Его постельная карьера продолжалась всего три года – с 1786-й по 1789-й.

И наконец, о последнем фаворите Екатерины II – Платоне Александровиче Зубове, хитром и коварном человеке. Платон Зубов родился в 1767 году, то есть был на целых 38 лет моложе императрицы! Он был третьим сыном графа Зубова, получил какое-никакое домашнее образование (то есть никакого), однако хорошо выучил французский язык и занимался музыкой. С восьмилетнего возраста Платоша был записан, по тогдашнему обычаю, в сержанты Семеновского полка. Потом был Конный полк – сначала корнет, а потом и поручик. Только в 1788 году началась настоящая военная карьера – он находился в армии, воевавшей в Финляндии со шведами, и в 1789 году получил чин секунд-ротмистра. Быстрое продвижение по службе 22-летнего Платона Зубова объясняется благорасположением к его семье фельдмаршала Салтыкова.

Хорошо осведомленный о перипетиях придворной жизни, Платон решил воспользоваться моментом, а именно – потерей Екатериной II фаворита Мамонова. Зубов решил сам стать ее фаворитом! Для обычного человека это задача недостижимая, но только не для такого отчаянного пройдохи, как Платон. Он был

достаточно хорош собой – среднего роста, гибок, мускулист и строен, высокий лоб, красивые глаза; обладал живой речью и вполне мог рассчитывать на то, что его заметят при дворе. Но как туда пробраться – ведь Платон в Финляндии, а императрица в Царском Селе? И хитрый Платоша нашел выход – он попросил фельдмаршала Салтыкова назначить его командиром отряда Конной гвардии, отправлявшегося для несения караулов в… Царское Село! Салтыков не мог отказать сыну своего старинного друга, и Зубов получил это назначение. Так Платон попался на глаза Екатерине II. Расчет был верен – состарившаяся и удрученная изменой Мамонова императрица обратила внимание на красивого ротмистра.

До этого все фавориты Екатерины были ставленниками Потемкина, а Зубов прорвался к ней сам, воспользовавшись тем, что князь находился на Дунае. Однако за его спиной стояла целая коалиция сил, противостоявших Светлейшему, связанных между собой родственными и дружескими узами, – Вяземский, Анна Нарышкина, тот же фельдмаршал Салтыков и другие. В тот же вечер, когда Екатерина II распрощалась с Мамоновым, Зубов навестил фрейлину Анну Нарышкину, к которой на огонек заглянула и императрица. Здесь-то она и сделала окончательный выбор в пользу Платона, впрочем, отослав его прежде к доктору Роджерсону, а затем к «пробир-даме» Протасовой. Вечером 20 июня 1789 года, после того как она получила заверения от доктора и Протасовой об отличном здоровье и мужской силе Зубова, она как бы случайно встретила Платона в Царскосельском парке, отвела в мавританскую баню, где и убедилась в справедливости данного ей заключения. Так Зубов стал любовником Екатерины II и занял традиционные покои фаворитов в Зимнем дворце.

Придворные – приверженцы Потемкина удивились появлению Зубова при дворе и считали, что он ненадолго – так, любовник на час. Однако они ошибались. Существует такая легенда. В тот момент, когда Мамонов, нанеся прощальный визит Екатерине, спускался по ступенькам Зимнего дворца, навстречу ему поднимался Зубов. «Что нового?» – спросил Платон, поклонившись. «Да ничего, кроме того, что вы поднимаетесь, а я спускаюсь», – ответил бывший фаворит. Так оно и оказалось – Зубов поднялся на недосягаемую высоту.

На следующий день Платон стал гвардейским полковником и флигель-адъютантом, а вскоре нашел в ящике своего письменного стола 100 тысяч рублей золотом и 25 тысяч ассигнациями. Вечером Екатерина пригласила его играть в карты – так он был введен царицей в круг ее самых близких друзей. После игры она

на глазах у всех взяла его под руку и направилась к дверям своей спальни. На ней было белое свободное платье с греческими рукавами; поверх платья – лиловая бархатная мантилья вроде доломана.

Все – представление Зубова придворным состоялось, а на следующее утро в его приемной уже толпилась масса посетителей – князья, графы, генералы, искавшие протекции у нового фаворита. Хитрец Зубов, набивая себе цену, заставил их ждать целый час, а потом вышел с надменной улыбкой на губах.

Платон Зубов не обладал выдающимся умом – за него все решала партия, противостоящая Потемкину. Екатерина пыталась привлечь Зубова к государственной деятельности, но вскоре поняла, что к этому он не способен. Потемкин старался вырвать этот «больной зуб», но у него ничего не получилось – Екатерина не дала тронуть свое новое приобретение, свое «золотце». Когда Потемкин узнал, что Зубову присвоено княжеское достоинство, с ним случился припадок бешенства. Он перебил всю посуду, все дорогие вазы, поломал мебель, избил своих слуг и даже приказал выпороть свою любимую наложницу. Как же так – Екатерина поставила его, завоевателя Крыма, обустроителя Новороссии, полководца и участника трех боевых кампаний, вровень с мальчишкой, который для России вообще ничего не сделал! Но исправить он уже ничего не мог – его время ушло.

Наконец Светлейший умер, и тщеславный Зубов стал беспардонно вмешиваться в дела империи, нанося непоправимый вред России. Он стал буквально хозяином России, первым лицом в государстве. Сидя перед зеркалом, в то время как куафер пудрил его парик, а камердинер надевал на его ноги шелковые чулки и туфли с бриллиантовыми пряжками, он принимал чиновников, протягивая им руку для поцелуя, как мафиозный «крестный отец». Он откровенно по-хамски разговаривал как с лакеями, так и с заслуженными людьми, например с полководцем Суворовым или дипломатом Воронцовым. Острый на язык Суворов обозвал фаворита-выскочку болваном, негодяем и вообще лукавым человеком. Биограф Платона Зубова писал: «Став полновластным господином удрученного годами сердца Екатерины, Зубов явился во всем своем нравственном безобразии – дерзким до наглости, спесивым до чванства, властолюбивым и надменным, человеком вполне бесчестным». И это было еще мягко сказано! От себя добавим, что Зубов был наглым, честолюбивым, высокомерным, заносчивым, жадным и надменным человеком.

Тем не менее Екатерина все возвышала и возвышала Платона. В 1790 году ему были пожалованы ордена Св. Анны и Александра

Невского, в 1791 году он стал шефом Кавалергардского корпуса, в 1792 году – генерал-поручиком и генерал-адъютантом, а в 1793 году был награжден миниатюрным портретом императрицы для ношения в петлице и высшим орденом Российской империи – орденом Андрея Первозванного. Целый дождь наград и пожалований! Но и это еще не все. В том же 1793 году Зубов был назначен Екатеринославским и Таврическим губернатором (вместо умершего Потемкина) и генералом-фельдцехмейстером (начальником артиллерии, хотя в ней он ни бельмеса не понимал), в 1795 году пожалован орденом Св. Владимира 1-й степени и Шавельской экономией, населенной более чем 13 тысячами душ крепостных и приносившей 100 тысяч рублей годового дохода; вскоре после этого он получил в потомственное владение замок Руенталь в Курляндии. А в 1796 году произошло вообще немыслимое – Зубов был назначен командующим Черноморским флотом! Плюс ко всему Екатериной ему выхлопотан титул князя Священной Римской империи и присвоено звание графа Российской империи, не считая более мелких пожалований. Так Екатерина не награждала ни одного из своих фаворитов! Создается впечатление, что она на старости лет совсем из ума выжила, но о ее здоровье мы поговорим отдельно. К концу царствования Екатерины II Зубов стал самым настоящим олигархом.

Платон Зубов должен был следить за множеством дел, но «вместо ока государева» на самом деле он оказался бельмом. Но преисполненный тщеславием и чванством и ни в чем не разбиравшийся, все заслуги приписывал себе, а неудачи сваливал на подчиненных. Это еще полбеды – Зубов приблизил к себе целую шайку темных дельцов, таких как де Рибас, Овечкин, и других. Он без зазрения совести пользовался «шкатулкой» императрицы и «портфелем» придворного банкира. Зубов потворствовал неправедным делам своего отца и так далее – много чего натворил Платон! Кстати сказать, что с Овечкина, бесцеремонно обращавшегося с казной артиллерийского ведомства, потом пришлось взыскать 100 тысяч рублей. Казнокрадство при Зубове достигло огромных масштабов, и главным вором и коррупционером был именно он. К тому же императрице очень не нравились «ночные прогулки» Зубова. Он стал волочиться за великой княгиней Елизаветой Алексеевной, женой внука Екатерины II Александра Павловича (будущего императора Александра I), но Екатерина быстро прекратила это безобразие.

В 1796 году Екатерина умирает. После смерти своей любовницы Платон Зубов потерял всякое влияние. С приходом к

власти Павла I, который, как известно, не любил свою мать, а тем более ее фаворитов, Зубов был смещен со всех постов, уволен сначала в бессрочный отпуск, а затем оправлен на 2 года за границу «поправить здоровье». А чего ему было поправлять, молодому, здоровому 29-летнему человеку? Павел помнил, как издевался над ним Зубов, считая, что тот никогда не будет править. Однажды, когда наследник приехал к нему с визитом по настоянию императрицы, Зубов промариновал его в приемной целый час, а потом выслал сказать, что принять Павла не сможет. Зубов на коленях валялся перед новым императором, оправдываясь желаниями покойной Екатерины. Однако Павел был не такой дурак, чтобы поверить нахалу. В 1799 году над Платоном учинили особый надзор, на его имущество был наложен арест, а вскоре арестовали и самого Зубова.

Однако в 1800 году Зубов снова оказался в Петербурге; он получил чин генерала от инфантерии (то есть пехоты) и был назначен шефом 1-го Кадетского корпуса. Немного позже ему были возвращены все его арестованные имения. Казалось, Зубов должен был в ноги поклониться Павлу, а он, подлец, вступил в ряды заговорщиков и активно участвовал в убийстве своего благодетеля. В самом начале царствования Александра I Зубов вроде бы опять начал набирать вес – в 1801 году стал членом Совета и всячески пытался приспособиться к новой либеральной политике царя – составлял разные проекты. Но поскольку он был туп, ничего у него не получилось – одно только бумагомарание. Александр I помнил, как Зубов волочился за его женой, и не доверял ему – даже установил тайный полицейский надзор.

Наступило время Наполеоновских войн. Ему бы, молодому 35-летнему мужчине, до недавних пор увенчанному многочисленными воинским званиями, пойти Родину защищать – но где там, Платон об этом даже не думал! Зачем своей жизнью рисковать? Пусть погибают другие. Правда, он побывал за рубежом в 1813 году, но не в армии во время ее заграничного похода, а частным порядком.

В 1814 году Зубов женился на польской девушке по фамилии Валентинович, поселился в своей Шавельской экономии и азартно принялся за умножение своего богатства: занимался посредническими операциями с поставкой провианта в войска, промышлял контрабандой, барышничал и занимался другими темными делами. Таким образом он сколотил огромный капитал, но был скуп и отличался бесчеловечным отношением к крепостным, за что даже получил выговор от императора. Не всякий помещик такой «чести» в России удостаивался!

Скончался последний фаворит Екатерины II Платон Зубов в

1822 году в своем замке Руенталь. Ему было 55 лет – не старый еще человек. От госпожи Валентинович он имел дочь, которая умерла двух лет от роду. У Зубова было еще и несколько побочных детей, каждому из которых он положил в банк по миллиону рублей (хорошо хоть детям что-то оставил, а то от такого скряги всего можно было ожидать).

Вот и все о любовниках-фаворитах Екатерины II. Интересная все же была женщина! И по-своему несчастная… А теперь о том, как она умерла. Старость к Екатерине подступила незаметно. Стройная молодая девушка, некогда с легкостью запрыгивавшая в седло, превратилась в грузную, страдающую одышкой старуху, с трудом взбирающуюся на несколько ступенек. Хотя у нее было много фаворитов, но счастья не было. Самых преданных ей людей она потеряла – Григорий Орлов сошел с ума, нежно любимый Ланской скончался совсем юным, а бурный роман с Потемкиным продолжался всего два года. Сын Павел был для нее чужим человеком. Оставались еще внуки – Александр и Константин, но первый с детских лет был лицемером, а второй, пошедший характером в деда и отца, приводил ее в ужас своими безумными выходками. Власть передать некому. Старость наваливалась на нее все сильнее и сильнее – все-таки в 1796 году ей было уже 67 лет, одолевали болезни. Но так же, как и Потемкин, Екатерина мало верила докторам и привлекала для своего лечения в основном знахарей. И все же лейб-медики смогли поставить диагноз: «…Прекращение месячных очищений или переутомление ослабевшего органа». Я думаю, вы догадались, о каком органе идет речь.

28 сентября 1796 года произошло событие, которое стало концом «золотого века» Екатерины. За две недели до этого расстроилась свадьба ее любимой внучки Александры Павловны со шведским королем Густавом IV. Дело было так. Внучке исполнилось 13 лет, а жениху – семнадцать. Он приехал в Петербург познакомиться с невестой, и они понравились друг другу. «Нужно быть дураком, чтобы не влюбиться в нее», – заявил король. Общественность России и Швеции была удовлетворена этим выбором. Однако, как всегда, встал вопрос о вере. Александра Павловна – православная, а Густав – протестант. Русские дипломаты настаивали на сохранении невестой своей веры, а шведы хотели, чтобы она перешла в лютеранство. Особенно ратовал за это регент при несовершеннолетнем короле, его дядя герцог Зюдерманландский. В спор дипломатов неожиданно вмешался набитый дурак Платон Зубов. Он доложил императрице, что переговоры завершились благополучно и препятствий к браку нет. Соврал, конечно, надеясь поставить

шведов перед фактом. В день обручения на подпись королю и регенту поднесли грамоту, по которой за невестой оставалась свобода выбора вероисповедания. Шведская сторона возмутилась от такой наглости, и король отказался подписывать этот документ. Обручение было сорвано. Это так подействовало на Екатерину II, что ее хватил удар (инсульт).

Правда, после него она быстро оправилась, но за первым инсультом последовал второй – 5 ноября 1796 года, когда Екатерина после утреннего кофе вошла в гардеробную. На следующий день ее не стало. Ее похоронили в усыпальнице русских императоров – Петропавловском соборе.

Следует заметить, что по поводу места, где скончалась императрица, существует множество инсинуаций. Строго говоря, она умерла в туалете, что дало повод некоторым писакам от истории утверждать, что она якобы отдала Богу душу чуть ли не на ночном горшке. Есть еще более фантастическая версия: якобы Екатерина, чтобы унизить поляков, соорудила себе унитаз из трона легендарных польских королей Пястов. Поляки, конечно, вынести такого надругательства не могли. И вот они подослали карлика, который проник в выгребную яму и, улучив момент, поразил копьем императрицу в мягкое место. От этого она будто бы и скончалась, а карлик благополучно ускользнул из Зимнего дворца. Более абсурдного предположения и придумать нельзя.

А правда состоит в том, что туалетом или уборной тогда назывались совсем другие помещения, чем сейчас. Туалет – слово французское и обозначает столик с зеркалом и ящиками для косметики. Еще слово «туалет» обозначает предметы женской одежды. Уборная же – это комната, в которой убирали, то есть наряжали, женщин. И сегодня в театрах у артистов существуют уборные – в них они гримируются и одеваются.

Именно таким и был туалет Екатерины II – комната с зеркалами, принадлежностями для макияжа и одеждой. В этом случае с полным правом можно назвать туалет гардеробной, что мы и сделали. Это уже потом, по неизвестно каким причинам в туалет, или уборную, переименовали отхожее место: обычная подмена понятий, и ничего более, а сколько шума!

В заключение можем сказать, что Екатерина II была поистине Великой женщиной – и в делах, и в любви. Россия росла и расширялась, ее могущество стало непобедимым, а некоторые из ее фаворитов принесли честь и славу Отечеству.

Заключение

Вот и закончилось наше историко-романтическое повествование о любви десяти царственных особ Дома Романовых. В нем много личных драм, измен, грязи и зависти со стороны окружающих, но много и светлой чистой, настоящей Любви. Любви не из-за титулов и наград, не из-за поместий и всевозможных благ, а просто потому, что человек влюблен и не мыслит своей жизни без другого. Влюбленного трудно остановить: ему кажется, что он готов горы свернуть ради предмета своей любви, ибо любовь – великая движущая сила. Были в нашей истории и такие, кто любил, но при этом просто плыл по воле волн – они не боролись за свою любовь и потерпели поражение, и оно было тем горше, чем возможнее было упущенное счастье.

Предательство в любви – это особая тема. Многих из семейства Романовых любимые ими женщины или мужчины предавали, меняли их на других, изменяли, даже убивали. Да, как говорится, в любви каждый сам за себя – он любит лишь тот образ, который возник в его воображении, не замечая недостатков любимого. Отчасти это так, но любовь как раз и есть готовность к самопожертвованию ради любимого. Не все были готовы к этой жертве, и из-за этого произошло столько трагедий.

Так уж получилась, что эта книга в основном о женской любви. Не зря говорят, что любовь женщины и любовь мужчины различны, как небо и земля. Если мужчина любит со всей неистовостью, то любовь женщины зависит от тысячи причин и прихотей. Романы представительниц Дома Романовых были такими же, как и у простых смертных. Нередко они были глубоко привязаны к любимым, иногда даже выходили за них замуж и рожали от них детей. Но в основном их любовь была ненастоящей, ветреной, властной. Что мог, например, поделать отставной фаворит, к которому охладела его повелительница?

И все же не будем о грустном: наш рассказ о настоящей любви, даже если она ушла, даже когда ослабла вера в нее и потеряна надежда. Многие наши герои не сдавались перед превратностями любви и побеждали! Будем же достойны их примера!